РАННЕСЛАВЯНСКИЙ МИР • 5

А. М. Обломский

ДНЕПРОВСКОЕ ЛЕСОСТЕПНОЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ В ПОЗДНЕРИМСКОЕ И ГУННСКОЕ ВРЕМЯ

«НАУКА»

РАННЕСЛАВЯНСКИЙ МИР

АРХЕОЛОГИЯ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

СЕРИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Выпуск 5

Серия основана в 1990 г.
С. А. ПЛЕТНЕВОЙ и И. П. РУСАНОВОЙ

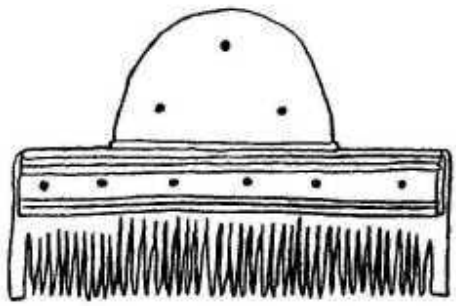
Редакционная коллегия серии:
И. О. ГАВРИТУХИН, Н. В. ЛОПАТИН, А. М. ОБЛОМСКИЙ

МОСКВА
«НАУКА»
2002

А. М. Обломский

ДНЕПРОВСКОЕ ЛЕСОСТЕПНОЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ В ПОЗДНЕРИМСКОЕ И ГУННСКОЕ ВРЕМЯ

(середина III – первая половина V в. н. э.)

МОСКВА
«НАУКА»
2002

УДК 902/904
ББК 63.4
О 18

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 02-01-16022д

Рецензенты:
доктор исторических наук Г.Ф. НИКИТИНА,
кандидат исторических наук Н.В. ЛОПАТИН

На 1-й стороне обложки
ландшафт Деснинского Полесья (поселение Мена-5)

На 4-й стороне обложки
ландшафт верховьев Северского Донца
(долина р. Липовый Донец
в месте расположения поселения Терновка-2)

Обломский А.М.

Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III – первая половина V в. н.э.) / А.М. Обломский; Ин-т археологии. – М.: Наука. 2002. 255 с.: ил. – ("Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей").

ISBN 5-02-008834-X

В монографии по археологическим данным представлена реконструкция этнических процессов на Днепровском лесостепном Левобережье, в бассейне Северского Донца и в Деснинско-Сеймином Полесье в ключевое для истории позднеантичной Европы время, когда происходили массовые передвижения народов, приведшие к гибели Западной Римской империи и появлению на исторической арене славян. Дан краткий очерк археологии региона, подробно анализируются материалы киевской и черняховской культур. Специально рассмотрена проблема формирования раннесредневековых археологических общностей региона (колочинской и пеньковской, а также так называемой культуры ингумаций). Приведены сведения обо всех надежно документированных памятниках Днепровского Левобережья, дана общая картина передвижения народов, создания и распада этнических группировок.

Для археологов, этнографов, историков.

ТП-2002-II-№ 224

ISBN 5-02-008834-X

© Российская академия наук
и издательство "Наука",
серия "Раннеславянский мир.
Археология славян и их соседей"
(оформление), 1990 (год основания), 2002

БІБЛІОТЕКА
Інв.№ 83493

Посвящается моим друзьям –
сотрудникам Левобережной раннеславянской экспедиции

ВВЕДЕНИЕ

Географически Днепровское лесостепное Левобережье охватывает обширную область, лежащую между Днепром в средней части его долины и Северским Донцом вплоть до истоков рек, впадающих в Днепр с востока (Сулы, Псла и Ворсклы). Южная граница лесостепи проходит приблизительно по линии от устья Псла и низовьев Ворсклы до верховьев Северского Донца несколько южнее г. Змиева Харьковской обл. и среднего течения Оскола близ г. Валуйки Белгородской обл. На севере лесостепная зона включает в свой состав Поречье Трубежа, Удая, Среднее и Верхнее Посеймье к востоку от г. Путивля Сумской обл. (рис. 1).

Исторические границы Днепровского лесостепного Левобережья в середине III – первой половине V в. тем не менее не полностью совпадают с очерченными выше. Эта область оказывается значительно большей. На востоке она охватывает бассейн Северского Донца и долину Оскола, потому что ареалы некоторых культурных групп, чьи памятники известны в Поднепровье, распространяются и далее на восток (черняховская, пеньковская и сейминско-донецкий вариант киевской культуры). Как стало известно сравнительно недавно, археологические общности, тесно связанные с Днепровским Левобережьем, в позднеримское и гуннское время, существуют и в лесостепном Подонье (древности круга Каширки–Седелок и типа Чертовицкого Третьего–Замятино), причем формируются они при непосредственном участии переселенцев с запада – из ареала киевской и черняховской культур. Несмотря на это, Подонье в середине III – первой половине V в., по-видимому, представляло собой особую историко-культурную область. Даже при сравнительно небольшом количестве стационарно исследованных здесь к настоящему времени памятников совершенно очевидно, что ритмы развития этого региона своеобразны. Так, например, периоды нестабильности и многочисленных миграций, которые идут в разных направлениях, на территории Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца приходятся на середину – вторую половину III и конец IV–V вв. Памятников этих эпох сравнительно немного, их очень трудно найти даже при планомерных обследованиях. Большинство же поселений и могильников этого региона датируются в диапазоне от конца III до второй половины IV в. В Подонье – все наоборот. По хронологическим индикаторам и общему облику культуры большинство памятников типа Каширки–Седелок относятся ко второй половине III в., не исключая начало – первую половину IV в., а круга Чертовицкого Третьего–Замятино – уже к гуннской эпохе. Древности, однозначно датируемые временем расцвета черняховской культуры на Левобережье, в Подонье пока неизвестны.

К лесостепному поясу Днепровского Левобережья "тяготеет" и юг лесной зоны, а точнее – Деснинско-Среднесейминское Полесье. В позднеримское время наблюдается некоторая изоляция населения этого региона от племен, обитавших в лесостепных пространствах к югу от него, но позже она нарушается. Весьма значительной была роль лесного населения в формировании лесостепных культур раннего средневековья (колочинской и пеньковской), в конце IV в. прослеживается, кроме того, проникновение на север отдельных группировок из лесостепной зоны, служивших как бы проводниками черняховского влияния на местные племена.

Своеобразием отличаются также этнокультурные процессы в Поднепровье, т.е. в долине Днепра и на прилегающей к ней части Днепровского Правобережья. На севере этой территории в III–IV вв. распространены, например, памятники особого среднеднепровского варианта киевской культуры, которые не встречены в более восточных областях. Черняховские поселения и могильники расположены не только в лесостепной части днепровской долины, но и южнее – вплоть до Черного моря. На Днепровском Левобережье, за исключением небольшого участка в среднем течении р. Орель, они не заходят в степную зону. В V в., кроме пеньковских и колочинских, в Среднем Поднепровье известны памятники культуры Корчак.

Под Днепровским Левобережьем в предлагаемой вниманию читателя работе понимается, таким образом, территория, на западе ограниченная краем долины Днепра, на востоке – долиной Оскола. На севере, кроме лесостепных пространств, в ее состав входят Нижнее и Среднее Подесенье и все Посеймье, на юго-востоке граница этой области проходит по линии, соединяющей среднее течение Орели и верховья Северского Донца около впадения в него р. Мжи (рис. 1).

Теперь несколько слов о времени, в течение которого происходят события, рассматривающиеся в монографии. Для I-го тысячелетия н.э. рубежами хронологических этапов принято считать моменты резкого изменения этнокультурной ситуации в тех или иных регионах, обычно совпадающие с началом распространения нового "стиля эпохи". Последнее понятие довольно аморфно и с трудом поддается четкому определению, но в каждом случае инновации ощущаются во вполне конкретном наборе признаков. Они, как правило, охватывают достаточно широкий круг явлений – от хозяйственной деятельности и демографии до художественных стилей, набора вооружения, конского снаряжения и т.п. В Центральной Европе рубежом, отделяющим раннеримский период от позднеримского, является время завершения Маркоманских войн (около 180 г. н.э.) и наступления некоторой стабилизации, равновесия сил Рима и народов, обитавших на территориях, лежащих к северу от Подунавья. Население Днепровского Левобережья непосредственного участия в этой серии нападений варваров на Империю не принимало. Для этого региона гораздо более важным оказывается период Готских войн, причем не только потому, что в это время военные действия ведутся как на Балканах, так и в непосредственной близости от Днепровского Левобережья, т.е. в Восточном Причерноморье на Боспоре. В течение именно Готских войн возникла черняховская культура, которая представляла собой своеобразную попытку использования позднеантичного опыта варварской средой. Население черняховской культуры, как известно, активно перенимало античные ремесла, установило тесные торговые связи с городами Северного Причерноморья и дунайских провинций Рима; под воздействием более продуктивной дунайско-причерноморской техники земледелия в лесостепной зоне изменился способ обработки земли; набор украшений формировался под непосредственным влиянием провинциально-римской моды и т.д. Образование черняховской культуры, кроме того, сопровождалось массовыми перемещениями населения. Для юга Восточной Европы время около середины III – середины V в. можно было бы с полным правом назвать "черняховским". Названия "позднеримский период" и "гуннский период" в монографии сохраняются как дань историографической традиции. Хронологический отрезок, который в ней рассматривается, охватывает, таким образом, эпоху, начавшуюся с появлением памятников черняховской культуры на территории Днепровского Левобережья и закончившуюся уходом населения этой археологической общности на Балканы, в Подунавье и, как выяснилось в последнее время, частично в Подонье. Тематически к этому периоду примыкает и время "дележа черняховского наследства", т.е. раздела территории лесостепной зоны между соседями черняховских племен, в результате чего сложилась система культур раннего средневековья, просуществовавшая до конца VII в.

Задачей исследования, таким образом, является реконструкция этнических процессов на Днепровском Левобережье (не в географических, а в культурно-исторических его границах) в период формирования, расцвета и финала черняховской культуры и последовавшего затем образования системы археологических общностей V–VII вв. Монография представляет собой продолжение серии моих предыдущих работ по этнической истории Днепровского Левобережья I-го тысячелетия н.э. [Обломский, Терпиловский, 1991; Обломский, 1991а; 1994, 1996, 1996б; Гавритухин, Обломский, 1996], что, естественно, не могло не сказаться на ее структуре.

В первой главе монографии дается краткий очерк археологии Днепровского Левобережья в первые века н.э. Главная цель его – показать, каким образом складываются основные группы киевской культуры, которые продолжали существовать в регионе и в черняховский период. Поскольку после выхода книги И.И. Ляпушкина [Ляпушкин, 1961] новые работы, обобщающие исследования черняховской культуры Днепровского Левобережья, не публиковались, то во второй главе монографии, посвященной анализу материалов середины III – второй половины IV в., основное внимание уделяется собственно черняховской проблематике, а древности киевского типа водораздела Днепра и Дона рассматриваются лишь в тех аспектах, которые тематически примыкают к ней (имеются в виду вопросы разграничения территорий этих двух культур и характера контактов черняховского и киевского населения). Состав археологического комплекса киевской культуры востока Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца, ее периодизация, проблема типологической преемственности древностей раннего и позднего ее этапов и многие другие специальные вопросы рассматривались в моей книге "Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв.", вышедшей из печати в 1991 г. [Обломский, 1991а]. Исследований, посвященных комплексному обобщению всех известных материалов Днепровского Левобережья гуннского времени, не было. В статье М.М. Казанского, опубликованной в 1997 г., рассматривается лишь один аспект этой проблематики – поиск археологических соот-

ветствий поздним остроготским королевствам [Казанский, 1997]. Проблемам реконструкции этнических процессов гуннского периода посвящены третья и частично четвертая главы монографии.

Этническая история Днепровского Левобережья в период раннего средневековья – тема особого исследования, выходящего за рамки настоящей работы. По этой причине в третьей и четвертой главах рассматриваются лишь вопросы формирования раннесредневековых культур региона.

Методика исследований, используемая в монографии, традиционна для работ автора. Основные принципы ее следующие. Крупные археологические общности, в первую очередь культуры, расчленяются на серию групп памятников. В рамках такой группы, которая называется "культурно-хронологической" и получает обозначение по наиболее характерным поселениям или могильникам, памятники по большинству признаков археологического комплекса должны быть в наибольшей степени близки между собой (для того чтобы избежать тавтологий, иногда используется термин "древности типа", являющийся синонимом основному). На следующем этапе предметом изучения становятся именно эти группы – их территория, хронология, степень близости друг к другу и т.д. Все это исследуется отдельно для каждого из основных хронологических этапов. В результате получается динамичная картина изменений археологической ситуации, на основе которой затем, с той или иной степенью правдоподобия, создается реконструкция этнических процессов. Подробное описание этой методики приводится в моей упоминавшейся выше монографии 1991 г. [Обломский, 1991а]. Там же дается и классификация лепной керамики. Эта система без изменений применяется и в настоящей монографии, тем не менее для удобства читателя есть смысл дать ее краткое изложение.

В общей типологии лепной посуды используются четыре основные группы показателей: формы, пропорций, размеров и декора. При работе с керамикой прежде всего учитывался характер имеющегося в распоряжении автора материала. Он, как правило, фрагментирован. Коллекции лепной посуды происходят в основном с поселений, где сосуды, полный профиль которых удается восстановить, редки. По этой причине основной принцип описания заключается в делении целого на части. При характеристике формы сосуд расчленяется на условные участки по местам перегибов профиля, как это показано на рис. 2. Классификация, которая строится на этом основании, организована по иерархическому принципу. При этом классы выделяются по форме наибольшего расширения тулова сосуда, типы – по общей структуре его профиля, варианты – по форме венчика, разновидности – по соотношению диаметра венчика и диаметра наибольшего расширения тулова или диаметра венчика и наибольшей высоты. Варианты и разновидности выделяются лишь в том случае, если внутри одного типа сосуды имеют различную профилировку венчика или разные бросающиеся в глаза основные пропорциональные характеристики. Классы обозначены латинскими цифрами, типы – арабскими, варианты и разновидности – буквами кириллического алфавита. В итоговом виде классификация представлена на рис. 2, а описание таксонов приводится в табл. 1. В тексте обозначение конечных уровней типологии дается сокращенно по схеме: I,1,а,а – класс I, тип 1, вариант а, разновидность а или I,3-б – класс I, тип 3, вариант не выделен, разновидность б.

Для памятников, где имеется более-менее представительная коллекция керамики, и для всех культурно-хронологических групп древностей определяются, во-первых, общий типологический набор форм (по закрытым комплексам), во-вторых, структура керамического комплекса, т.е. процентное соотношение типов сосудов в наборе. При сравнении памятников и их культурно-хронологических групп между собой эти данные – принципиально важные показатели, демонстрирующие уровень сходства или различия, фигурально говоря, степень родства.

Если форма – это как бы тело сосуда, то пропорции можно сравнить со скелетом. При измерении последних используются соотношения диаметров и высот между собой. Расположение показателей на корпусе сосуда продемонстрировано на рис. 2. Основные соотношения следующие: для верхней части формы – Д1:Н2; Д2:Н2; Д3:Н2, для нижней – Д3:Н1 и Д4:Н1. Сопоставление пропорций сосудов с разных памятников производится в рамках одних и тех же таксонов формы. Это дает дополнительный материал для представления о характере сходства или различия аналогичных по форме горшков и мисок между собой на синхронных соседних или диахронных поселениях и могильниках.

Зачастую из-за сильной фрагментированности материала и общей немногочисленности коллекции форм, сохранившихся хотя бы ниже места наибольшего расширения тулова, пропорции рассчитать не удается. В этом случае используются два метода "грубой прикидки" общего сходства или различия сопоставляемых массивов. Согласно одному из них измеряется угол наклона венчика по отношению к тулову (так называемый "угол 1") и вычисляется процентное соотношение сильно- и слабопрофилированных сосудов в наборе. Первыми считаются те, "угол 1" которых меньше 150°, вторыми – те, у которых он соответственно больше. При сходстве соотношения сосудов этих двух категорий, например, двух разных памятников сопоставление керамики по пропорциональным признакам между ними можно продолжать, при резком различии оно не имеет дальнейшего смысла.

При применении второго метода можно получить общие сведения о степени "вытянутости" или "приземистости" сосудов тех или иных таксонов формы по их нижним частям, даже если они фрагментированы. В этом случае строится график, на котором по оси Y откладываются значения Д3, а по оси X – так называемого "угла 2", показывающего степень наклона стенки профиля нижней части горшка к диаметру его наибольшего расширения (рис. 2). Точки, соответствующие измерениям сосудов близких форм, но относящихся к разным хронологическим периодам, культурным группам и т.п., либо могут поместиться в разные места поля графика, т.е. в тенденции нижние части сосудов различаются, либо ареалы точек могут совпасть полностью или частично.

Для более-менее точной классификации сосудов по размерам требуются статистически представительные серии целых форм, чего на памятниках III–V вв. Левобережья нет. В моей монографии 1991 г. используется метод приблизительной классификации сосудов по фрагментам с учетом абсолютных значений Д3 и Н2, но он очень не точен, хотя некоторые выводы с его помощью и можно сделать.

Работа с декором сосудов может вестись лишь на описательном уровне. В III–V вв. орнаменты на лепной керамике крайне редки и весьма скупы. Тем не менее, как будет показано ниже, хронологические и этнокультурные выводы можно сделать по наблюдениям за общей комбинацией элементов орнамента и характера оформления поверхности горшков и мисок на памятниках тех или иных территорий в разное время.

Выделение культурно-типологических групп памятников невозможно без пристального внимания к вопросам археологического источниковедения и хронологии. В монографии рассматриваются опорные поселения и могильники всех археологических общностей Левобережья середины III – середины V в., анализируются степень достоверности состава комплексов, данные стратиграфии (где они имеются) и т.д. Публикуются, кроме того, ранее не издававшиеся материалы позднекиевского селища с черняховскими напластованиями 10-й Октябрь, приводится общая характеристика находок из черняховского горизонта поселения Головино-1 и находящегося рядом с ним могильника[1]. Конкретные сведения о памятниках даны как в тексте монографии, так и в справочных таблицах. Коллекции материалов всех поселений и могильников позднеримского и гуннского времени, исследованных раскопками и сохранившихся до настоящего времени (включая неопубликованные), просмотрены автором во время многолетней работы в архивах и фондах различных музеев и институтов Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Курска, Белгорода, Харькова, Сум, Полтавы и Чернигова. 13 памятников середины III – V в. были раскопаны экспедициями, работавшими под моим руководством. Кроме того, я присутствовал на раскопках не менее чем десяти памятников позднеримского времени Левобережья, которые производились другими исследователями.

Окончательная схема хронологии черняховской культуры, которая устраивала бы по крайней мере большинство специалистов, до сих пор не создана. Для той части черняховского ареала, которая находится на территории бывшего СССР, предложены три системы периодизации. Первой была схема М.Б. Щукина–Т.А. Щербаковой [Щукин, Щербакова, 1986]. Она достаточно дробная, но имеет локальный характер, так как разработана на материалах молдавского могильника Данчены. Более обширный круг источников был обобщен Е.Л. Гороховским, обработавшим подавляющее большинство черняховских комплексов обширного региона от бассейна Южного Буга на западе до Северского Донца на востоке и привлекавшим в качестве аналогий материалы Молдавии, Верхнего Поднестровья и Волыни. Его система периодизации изложена в кандидатской диссертации, которая была успешно защищена в Киеве в 1988 г. В том же году были опубликованы, правда, в довольно краткой форме, основные положения его исследования [Гороховский, 1988а; 1988б].

Достоинствами работы Е.Л. Гороховского являются скрупулезное следование информации о комплексах, ее проверки и перепроверки по всем доступным данным и на различных уровнях. Е.Л. Гороховский – внимательный исследователь вещи (в первую очередь ювелирного изделия) как источника исторических сведений. Основа периодизации Е.Л. Гороховского заключается не в механическом сопоставлении корреляционных таблиц между собой, а в выделении этапов эволюции основных категорий вещей, а также художественных стилей. В этом смысле Е.Л. Гороховский является продолжателем традиций А.К. Амброза, который свои классификации прогнутых подвязных, воинских и ряда других черняховских фибул построил на очень похожих принципах. Тем не менее типологические схемы, которые разработал Е.Л. Гороховский для фибул и деталей поясной гарнитуры из черняховских могильников, резко оригинальны и на уровне конечных разрядов классификации, как правило, не совпадают не только с амброзовскими сериями и вариантами, но и с таксонами других исследователей.

Набор черняховских украшений, по мнению Е.Л. Гороховского, своеобразен. Он имеет не только провинциально-римские и центральноевропейские, но и причерноморские корни. В основе его развития лежит своя особая логика. По этой причине автор хотя и привлекает аналогии из Средней Европы для определения абсолютных

[1] Полная публикация этого памятника передана в Молдавию, в журнал "Stratum+".

дат выделенных им периодов, что стало нормой после серии работ Ю.В. Кухаренко и М.Б. Щукина, но делает это осторожно, с корректировками.

Работа Е.Л. Гороховского, таким образом, представляется очень перспективной, и она вполне могла бы стать базой для разработки общей периодизации черняхова, если бы не один ее существенный недостаток. Она до сих пор не издана полностью – со всеми картами, таблицами, рисунками и каталогами.

Большое значение для изучения хронологии черняховских древностей имеет исследование О.В. Шарова, в первую очередь по скрупулезному анализу хронологических индикаторов и сводке комплексов с монетами [Шаров, 1992]. К сожалению, в его работе специально рассмотрены материалы только трех могильников – Данчен, Ружичанки и Косаново, а полученные результаты применяются лишь для датирования гончарной керамики.

Опубликованная сравнительно недавно схема относительной и абсолютной хронологии черняховской культуры О.А. Гей–И.А. Бажана [Гей, Бажан, 1997] построена в основном на материалах Правобережной Украины и Молдавии. Днепровское Левобережье (та его часть, которая находится за пределами долины Днепра) в этой монографии не рассматривается. Основной метод работы авторов – корреляция хронологических индикаторов (более или менее узко датируемых вещей) в закрытых комплексах – погребениях могильников: сначала – по каждому памятнику отдельно, потом – по основным регионам распространения черняховской культуры, затем – в целом, путем сопоставления региональных таблиц между собой. Кроме традиционных датирующих вещей (фибул, деталей ожерелья, поясной гарнитуры, импортов), в таблицах используется и керамика, что нельзя не оценить положительно, как определенное новаторство. Тем не менее авторы этого исследования совершенно не занимались проблемами типологии (по крайней мере в черняховской его части), и это – самая слабая сторона работы. Хронологические индикаторы, т.е. основные элементы корреляции, приводятся в качестве "априорной данности", при этом преимущество одной системы классификации перед другой никак не обосновывается. Не объясняются также типологические границы таксонов, а некоторые из них чересчур широки, например "римские амфоры" (ХИ-43), "лепные вельбарские миски" (ХИ-5), "воинские фибулы" (ХИ-25), "пряжки с овальной, утолщенной в передней части рамой" (ХИ-28), "двупластинчатые фибулы" (ХИ-73) и др. Эти группы вещей многими специалистами подразделены на целую серию более мелких типов и вариантов, причем не чисто формальных, а имеющих вполне определенное культурное и хронологическое значение. Таблицы взаимовстречаемости, где используются элементы с такими общими характеристиками, не могут считаться окончательными. При дроблении элементов они потребуют перегруппировки, а это, в свою очередь, сделает необходимым внесение корректив в систему периодизации. Поражает также краткость работы. Фактически черняховская часть монографии О.А. Гей и И.А. Бажана представляет собой набор корреляционных таблиц с иллюстрациями и небольшими текстовыми комментариями к ним. В качестве системы периодизации такого обильного массива материала, как могильники черняховской культуры, хотелось бы видеть нечто более развернутое. Надеюсь, что в дальнейшем авторы уделят больше внимания вопросам типологии вещей. Пока же хронологическая система Е.Л. Гороховского мне представляется составленной более последовательно.

Именно эта периодизация черняховской культуры и используется в настоящей монографии. Напомню, что Е.Л. Гороховский выделил пять основных фаз ее развития и одну промежуточную. Ниже для удобства читателя приводятся их абсолютные даты [Гороховский, 1988б].

Фаза 1 ("Ружичанская") – вторая треть – третья четверть III в. (около 230–270 гг.).

Фаза 2 ("Бережанская") – последняя треть III – первая треть IV в. (около 270–330 гг.)

Фаза 1/2 ("Промежуточная") – середина III – начало IV в., в основном вторая половина III в.

Фаза 3 ("Косановская") – вторая треть – третья четверть IV в. (около 330–380 гг.)

Фаза 4 ("Масловская") – вторая половина IV в. (между 350 и 400 гг.)

Фаза 5 ("Журавская") – последняя четверть IV – первая треть V в. (между 375/380–420/430 гг.).

В работе используются также результаты специального исследования И.О. Гавритухина, который предпринял попытку подразделить фазу 5 для Днепровского Левобережья на два периода.

Весьма интересны для моей работы некоторые хронологические наблюдения М.М. Казанского, в первую очередь те, которые относятся к гуннскому периоду [Kazanski, Legoux, 1988; Kazanski, 1993; 1995; Казанский, 1997, 1999; Казанский, Мастыкова, 1999]. Для любого исследователя древностей Восточной Европы важно мнение специалиста, досконально знающего археологию Центральной и Западной Европы.

Пользуясь случаем, хочу сердечно поблагодарить своих коллег А.Н. Некрасову, А.В. Кропоткина, Р.В. Терпиловского, А.И. Журко, О.А. Щеглову, Г.А. Романову, В.М. Горюнову, А.Г. Дьяченко, разрешивших мне воспользоваться при работе над монографией их не опубликованными до сих пор материалами, а также В.Ю. Малашева, И.О. Гавритухина, В.И. Кулакова и М.М. Казанского, дававших мне постоянные консультации по вопросам археологии понтийских степей, Крыма, Прибалтики и Кавказа в позднеримский период и по проблемам хронологии.

Глава первая

ДНЕПРОВСКОЕ ЛЕСОСТЕПНОЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ В I – НАЧАЛЕ III века

В этом разделе монографии приводится краткий очерк истории Днепровского лесостепного Левобережья в период, предшествовавший появлению черняховского населения в регионе. Подробно этнические процессы первых веков н.э. рассмотрены в серии моих работ, часть из которых опубликованы, а прочие находятся в печати. Здесь помещено своего рода резюме этих исследований, которое необходимо для дальнейшего изложения основной темы.

Позднезарубинецкие племена появляются на Левобережье в результате серии катастрофических событий середины – второй половины I в. н.э., которые получили название "кризиса" или "распада" зарубинецкой культуры [Шукин, 1986; Обломский, 1987; Обломский, Терпиловский, Петраускас, 1990; Обломский, Терпиловский, 1991б]. Основные признаки этого явления заключаются в следующем. В течение сравнительно небольшого промежутка времени (наиболее поздние комплексы датируются около середины I в.) наблюдается исчезновение зарубинецких памятников Припятского Полесья и прекращение функционирования могильников и ряда поселений Поднепровья, на которых имелись материалы позднелатенского (предримского) периода. В середине – второй половине I в. происходят массовые миграции населения с этих коренных зарубинецких территорий в различных направлениях, вплоть до Прикарпатья на западе и до верховьев Десны, Псла, Ворсклы, Северского Донца и Оскола, а также бассейна Хопра на востоке и северо-востоке. При этом не только появляются новые ареалы памятников потомков зарубинецкого населения, но и исчезают укрепленные поселения и изменяется топография селищ. Подавляющее большинство из них занимают всхолмления высокой поймы рек, останцы в поймах или находятся на первых надпойменных террасах, т.е. поселки расположены как можно ближе к водному источнику и влажным почвам речных долин. Селища на склонах и плато коренных берегов рек и на склонах оврагов единичны. Напомню, что в предшествующий период в Поднепровье преобладали поселения, находившиеся на высоких участках долин. По всей видимости, именно в первые века н.э. широкое распространение получил тот тип хозяйства, который впоследствии существовал вплоть до роменского периода и, очевидно, базировался на обработке влажных, расположенных низко над рекой почв и выпасе скота на пойменных лугах [Левченко, 1993; Приймак, 1994. С. 22–27]. Определенные изменения произошли и в социальной организации населения. Именно в позднезарубинецкий период появились первые поселки с усадебной планировкой [Обломский, Терпиловский, Петраускас. С. 14–19].

Памятники раннеримского времени локализуются в основном в трех регионах, причем различаются они не только географией распространения, но и своими культурно-типологическими особенностями (рис. 3). В Подесенье (в основном в Среднем и Верхнем, в меньшей степени в Нижнем) распространены древности типа Почепа, в верховьях Псла, Ворсклы и Сейма – типа Картамышево-2, в бассейне Северского Донца – типа Терновки-2. К памятникам типа Картамышево по набору лепной посуды близки поселения среднего течения р. Орель (Осиповка-Лиман и Пляж, Чернеччина) и в известной степени Солдатское-5 на р. Ворсклице и Бельск (ур. Озеро) в среднем течении Ворсклы [Терпиловский, 1989. С. 54; Обломский, Терпиловский, 1991б. С. 64–65; Юренко, 1974; Терпиловский, 1997; Супруненко, Терпиловський, 2000]. Судя по ареалу памятников, которые известны к настоящему времени, население, оставившее древности типа Картамышево, было господствующим в восточной части лесостепного Левобережья.

Комбинация черт древностей как круга Картамышево, так и круга Терновки характерна для изолированной наиболее восточной группы позднезарубинецких памятников (типа Шапкино–Инясево в бассейне Хопра) [Хреков, 1997].

Специальное исследование показало, что кроме зон "стабильного заселения", на Днепровском

Левобережье существовали территории, в пределах которых на протяжении I–III вв. население менялось несколько раз. Таким регионом, например, были поречье р. Ворсклицы и прилегающая к нему часть бассейна Ворсклы. В зафиксированной здесь области концентрации памятников I–III вв. раскопками исследованы позднезарубинецкие поселения как типа Лютежа, т.е. среднеднепровского круга (Березовка-2), так и типа Картамышево (Солдатское-5) и Гриней, т.е. верхнеднепровского происхождения (Рябовка-3; перечисление памятников дается в хронологическом порядке [Обломский, 1994а]).

Основой для деления позднезарубинецких материалов на культурно-хронологические группы служат в первую очередь особенности керамического комплекса и традиции домостроительства (могильники на территории Днепровского Левобережья пока неизвестны, на востоке они исследованы лишь в бассейне Хопра). Набор груболепной посуды всех трех распространенных на Левобережье групп памятников имеет ряд общих черт. Повсеместно встречаются сильнопрофилированные округлобокие закрытые горшки типа I,1,а,а (рис. 4: 2, 5, 9; 5: 2, 3; 6: 2, 3, 5–7; 7: 1,5) и ребристые типов II,1 (рис. 4: 4, 8; 5: 10,11,13,15; 6: 11–13; 7: 12–14) и II,2,а (рис. 4: 7; 5: 12, 14; 7: 10, 15), изредка – формы I,1,а,б (рис. 4: 6; 5: 4; 6: 4, 9; 7: 2) и I,1,в (рис. 4: 1; 5: 1; 6: 1; 7: 3). Этот набор сосудов, а также их орнаментация насечками и пальцевыми вдавлениями по краю венчика и, реже, поясом ямочек, нанесенных пальцами чуть ниже шейки, характерны для всех территориальных групп позднезарубинецких древностей лесостепной зоны. Во всех трех основных областях распространения позднезарубинецких памятников Левобережья изредка встречается керамика со штрихами и расчесами, нанесенными гребнем по поверхности (иногда – даже по краю венчика – Гочево-7, отпечатками гребня орнаментирован венчик одного из горшков поселения Жерновец под Курском).

Тем не менее комплекс груболепной посуды каждой из локальных групп имеет ряд особенностей. Так, на памятниках типа Почепа резко преобладают округлобокие формы и крайне редки ребристые (рис. 4). Только в Подесенье встречаются горшки, орнаментированные композициями из отпечатков палочки или шнура по шейке и пиктограммами в виде ромбов с отростками [Заверняев, 1969. Рис. 11: 17, 19; Обломский, Терпиловский, 1991б. Рис. 32: 5, 15]. Закрытые слабопрофилированные горшки (I,3-а) и тюльпановидные сосуды (I,3-б) встречены пока только на памятниках востока Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца (рис. 5: 6–9; 7: 6–9). Диски, которые хорошо известны на позднезарубинецких поселениях Среднего Поднепровья, обнаружены только в Березовке-2 (рис. 6: 15, 16) и на памятниках круга Терновки (рис. 7: 16–18). Ребристые сосуды несколько чаще встречаются на селищах востока Днепровского Левобережья, нежели в других регионах. Некоторые горшки на поселениях типа Картамышево и Терновки имеют проволочную (искусственно ошершавленную) поверхность (рис. 5: 2, 15; 7: 7). Подобная керамика совершенно отсутствует в Подесенье. На памятниках бассейна Северского Донца, в целом несколько меньше орнаментированной кухонной посуды, чем в Подесенье и на востоке Днепровского Левобережья [Обломский, 1991а. С. 35–40; Обломский, Терпиловский, 1991б. С. 85–89].

На поселениях всех групп позднезарубинецких древностей наряду с кухонной использовалась и столовая лощеная посуда. Ее доля составляет от 4–5 до 11% в Подесенье, 4–6% на памятниках востока Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца. Локальные особенности позднезарубинецких памятников наиболее отчетливо проявляются в наборе форм и в орнаментации лепной лощеной керамики.

Для селищ почепского круга характерны миски разнообразных форм и специфические небольшие горшки с раструбообразными венчиками, под которыми иногда валики имеются ("почепские вазы" по терминологии А.К. Амброза; рис. 4: 10, 11). Последние, впрочем, встречаются довольно редко. Весь набор мисок (рис. 4: 12–25) аналогичен известному на поселениях Среднего Поднепровья (Лютеж, Оболонь и др.), причем на почепских памятниках распространены не только ребристые миски с прямыми венчиками, являющиеся подражаниями античной краснолаковой посуде (рис. 4: 21–25), но и "унаследованные" от предшествующей классической зарубинецкой эпохи формы (чашеобразные, S-овидные округлобокие и ребристые – рис. 4: 12–20). Подавляющее большинство лощеных сосудов не орнаментировано, лишь у некоторых на поверхности выграфированы композиции из ромбов с отростками либо имеются каннелюры по ребру (рис. 4: 11, 20) [Обломский, Терпиловский, 1991б. Рис. 12: 7, 16].

Для памятников типа Картамышево специфичны высокие ребристые мискообразные сосуды типа III,3-б с зигзаговидным профилем, на поверхности которых зачастую нанесен орнамент в виде зигзагов, свастик и других пиктограмм (рис. 5: 16–19). На памятниках типа Терновки преобладают округлобокие и ребристые низкие миски с вертикальными или загнутыми внутрь венчиками (рис. 7: 19–22).

Общим типом построек для всех локальных групп позднезарубинецких памятников Левобережья являются прямоугольные полуземлянки, как правило, глубиной не более 1 м с плоскими полами и со стенами длиной 3–4 м (рис. 8: 1, 2, 5–8). Известны случаи, когда котлован имел ширину меньше 3 м или длину больше 4 м, но охарактеризованный выше стандарт – преобладающий. Стены

этих построек могут реконструироваться, судя по расположению ям от столбов или по их отсутствию, как каркасные с закладами из бревен, каркасные с основой из рамы и опорами на отдельные столбы и как срубные. Отчетливо выраженные следы стен из плетня зафиксированы только в Подесенье. Крыша зачастую имела дополнительные опоры в виде одного или нескольких столбов, расположенных в центре жилища или по середине боковых стен. В некоторых постройках имелись внутренние ямы – погреба. Отопительные сооружения прослежены далеко не везде. Они представляют собой остатки открытых очагов в виде пятна прокала пола, небольшой ямки с золой и углями или, гораздо реже, в виде круглой или овальной глинобитной площадки, имеющей субструкцию из черепков сосудов или камней. Какой-либо стандарт расположения очага внутри постройки, видимо, отсутствовал. Очаг мог находиться в центре помещения, у одной из стен или в углу. На территории Подесенья известны две полуземлянки круглой (Почеп, жилище 2 раскопа II) и округлой (Спартак, сооружение А) формы, а также одна многоугольная (Киселевка-3, жилище 1; рис. 8: 3, 4). Специфическим типом жилищ Подесенья были длинные наземные дома размером около 20 × 6 м, со стенами столбовой конструкции, с небольшой углубленной частью и овальным, как правило, очагом [Амброз, 1964. С. 65–67] (рис. 9). Наземная постройка размером 5,8 × 3,4–3,6 м, с округлым открытым очагом, отличающаяся по планировке и параметрам от почепских, исследована на поселении Картамышево-2, правда, во всем ареале древностей этого круга она была единственным сооружением такого рода [Обломский, Терпиловский, 1998. С. 64–65]. Особенностью поселений типа Терновки является наличие различных по площади, форме, планировке и, очевидно, назначению хозяйственных построек, углубленных в грунт (рис. 10: 2–6). На некоторых памятниках типа Картамышево исследованы специфические печи – усеченно-конические с узким дном, со стенами, обмазанными толстым слоем глины с субструкцией из черепков сосудов, находящиеся вне жилищ. Назначение их не понятно [Обломский, 1991. С. 42–47] (рис. 10:1).

В представлениях о хронологии позднезарубинецких памятников до сих пор имеются обширные пробелы, вызванные нехваткой материала. Тем не менее очевидно, что почепские памятники хронологически смыкаются с поздними комплексами классических зарубинецких поселений и могильников Среднего и Верхнего Поднепровья. В пользу этого свидетельствует серия фибул: воинских одночленных со сплошными приемниками, которые происходят с поселений Почеп и Синьково, а также одночленная прогнутая подвязная верхнеднепровского варианта по классификации А.К. Амброза из Почепа (рис. 11: 1–4, 12) [Обломский, Терпиловский, 1991б. С. 56. Рис. 13:1–5]. О существовании почепских памятников в период В1 центральноевропейской хронологии свидетельствуют глазчатая фибула типа VII серии А по Р. Ямке из Синьково и пряжка группы А типа 14 по Р. Мадьде-Легутко из Почепа (рис. 11: 14, 16) [Madyda, 1977. S. 362–363. Tabl. I: 5: Madyda-Legutko, 1986, 6, 7 s.; Liana, 1970. S. 459]. Группа более или менее узко датируемых античных импортов состоит из плакетки с фигуркой льва из египетского фаянса (тип 68 вариант б по Е.М. Алексеевой, дата – I–II вв. н.э. с пиком распространения в I – начале II в. [Алексеева, 1975. С. 44–45: Скрипкин, 1990. С. 115–116]), лучковой подвязной фибулы серии 1 варианта 2 по А.К. Амброзу (дата с уточнениями А.С. Скрипкина – вторая половина I–II в. н.э. [Скрипкин, 1977. С. 107]), серолощеного кувшина с цилиндрическим горлом и плоской желобчатой ручкой (рис. 11: 13, 15). Все вещи происходят с поселения Почеп. Кувшины, близкие по форме и стилю орнаментации к почепскому, известны на античных памятниках Северо-Западного Причерноморья, в частности на Козырском городище, где они происходят из очеретяховского горизонта (I – середина III в.) [Бураков, 1976. Табл. XI: 4,10, 12; Гудкова, 1991. С. 123]. Таким образом, почепские памятники достоверно существуют в I в. н.э., а верхняя их хронологическая граница неопределенна из-за сравнительно широких дат импортных античных изделий. По этой причине пока не ясно, занимает ли почепское население Подесенье вплоть до появления в этом регионе носителей киевской культуры или уходит отсюда раньше. Серия своеобразных воинских одночленных фибул с прямоугольными приемниками и резким прогибом в верхней части спинки из перекрученного дрота так называемого "почепского варианта", которые происходят из Почепа, Синьково и Железного [Обломский, Терпиловский, 1991б. Рис. 13: 7–13] (рис. 11: 5–11), уточнить дату памятников почепского типа не может. Эти застежки являются этнографической особенностью населения Подесенья первых веков н.э., за его пределами встречаются крайне редко, а на собственно почепских селищах найдены в комплексах в основном с лепной керамикой.

Представительная серия обломков светлоглиняных узкогорлых амфор типов B, C, D и красноглиняных раннеримского времени обнаружена на поселении Осиповка (Пляж). В последнее время даты светлоглиняных узкогорлых амфор по сравнению со ставшей классической статьей Д.Б. Шелова [Шелов, 1978] были существенно уточнены. По А.П. Абрамову, сосуды типа В существовали во второй трети I – середине II в., типа С – в конце I – начале II в., типа D – в конце II – первой половине III в. [Абрамов, 1993. С. 8, 46]. Последние, как будет показано в главе третьей настоящей работы, на территории Днепровского Левобережья ис-

пользовались и во второй половине III в. Таким образом, по амфорам поселение в ур. Пляж достоверно существовало во второй половине I – конце II в. На другом селище у с. Осиповка (ур. Лиман) были обнаружены остатки глинобитной печи, из завала которой происходит груболепная и лощеная позднезарубинецкая керамика. Археомагнитным способом печь продатирована серединой – второй половиной II в. [Телегін, Беляєва, 1975. С. 100]. С поселения Картамышево-2 происходят обломок двустворчатой ручки красноглиняной амфоры (I в. до н.э. – середина I в. н.э. [Абрамов, 1993. С. 44–45]), параллелепипедная бусина из глухого красного стекла (тип 104 по Е.М. Алексеевой, II–III вв. н.э.) [Алексеева, 1978. С. 69]) и глазчатая фибула типа А.60/61, которая относится к периоду В2а, т.е. к последней четверти I – началу II в. (рис. 12: 1,7) [Godłowski, 1985. S. 52]. Памятники типа Картамышево, следовательно, существовали приблизительно со второй половины I в. до второй половины – конца II в.

Коллекция датирующих вещей, которая происходит с памятников бассейна Северского Донца, более скудная. К ним относятся две красные стеклянные бусины из Терновки-2 (такие же, как в Картамышево: рис. 12: 5, 6), пронизь из глухого голубого стекла типа 125 по Е.М. Алексеевой II–III вв.) [Алексеева, 1978. С. 70] (рис. 12: 4), обломок глазчатой фибулы с поселения Раковка (того же типа, что и в Картамышево-2: сообщение В.В. Дидыка) и фрагмент бронзовой гривны с так называемым "грибовидным" окончанием с поселения Головино-1 (рис. 12: 2). Аналогии этому изделию известны в Восточной Прибалтике. В Литве М.М. Михельбертас датирует их периодами B2/C1 и C1a, т.е. второй половиной II – первыми десятилетиями III в. [Михельбертас, 1985. С. 147–162]. Памятники круга Терновки, таким образом, в основном синхронны древностям типа Картамышево, но время возникновения первых нуждается в уточнении.

На поселениях типа Картамышево и Терновки известны самые ранние на территории Днепровского Левобережья украшения с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля и сопутствующие изделия из листовой бронзы с чеканными орнаментами, которые впоследствии становятся весьма характерными для древностей киевской культуры. К их числу относятся на селищах типа Картамышево четыре лунницы, из них три – с гнездами красной эмали, у одной эмалевые окончания не сохранились (Бобрава-3 – 2 экз.; Картамышево-2, Жерновец – по 1 экз.), две пластинчатые лунницы с приклепанными сверху ушками из Осиповки (Пляж) и Картамышево-2 (подвески такого рода входили в состав нагрудных цепей, судя по знаменитому украшению из Вильнюса [Корзухина, 1978. Табл. 30]); на поселениях круга Терновки – Т-образная фибула из Головино-1 с гнездами красной и зеленой эмали, литая лунница с ажурными окончаниями из Колесников, пластинчатая подвеска-лунница из Родного Края-1 (того же типа, что из Картамышево и Осиповки) и обломок бронзовой обоймы с орнаментом из концентрических окружностей и рельефных валиков из Терновки-2 [Обломский, 1991б. С. 22–23; Славяне..., 1993. Вклейка; Дідик, Любічев, 1998. С. 50–51]. Три лунницы с красной эмалью и пластинчатая трапециевидная подвеска происходят с поселения Гочево-1, по набору лепной посуды близкого к Картамышево-2, но, очевидно, несколько более позднего. На поселении Раковка-1 обнаружены одна целая с зажимом и одна фрагментированная пластинчатые трапециевидные подвески с чеканным орнаментом (рис. 12: 8–23) [Дідик, Любічев, 1998. Рис. 1: 4, 5].

Е.Л. Гороховский – автор серии работ о хронологии памятников римского времени Поднепровья – предполагал, что наиболее ранние "варварские" изделия с эмалями и входящие в единые с ними гарнитуры чеканные бронзы появляются во второй половине – конце II в. Аргументами в эту пользу были находка обломка подковообразной фибулы на позднезарубинецком поселении Оболонь в Киеве, комплекс из Бабьенты в Мазурском поозерье и типологические соображения [Гороховский, 1988а. С. 114–116]. В последнее время в Мазурах и на территории вельбарской культуры стал известен ряд новых комплексов, которые вместе с опубликованными ранее подтвердили вывод о появлении эмалей во второй половине – конце II в., т.е. в период B2/C1 или C1a [Bitner-Wróblewska, 1989. S. 163–165; Bitner-Wróblewska, 1993. S. 123]. Приблизительно к тому же времени относятся новые комплексы с эмалями из Венгрии и Абхазии [Гей, Бажан, 1997. С. 19]. Украшения этого стиля, обнаруженные на памятниках типа Картамышево и Терновки, свидетельствуют о том, что и на территории лесостепи изделия круга "варварских" эмалей появляются, по крайней мере, не позднее, чем на северо-западе.

Наряду с позднезарубинецкими поселениями на территории Днепровского Левобережья известны позднескифские городища, которые в I в. н.э. еще были заселены (см. ниже), и сарматские погребения. Последние в основном относятся к раннеримскому периоду. Сарматские памятники сосредоточены преимущественно в нижнем и среднем течении Ворсклы (Малое Ладыжино, Орлик, Павловка, Новые Санжары-Фонтан, Макуховка[1]),

[1] Из двух последних происходят железная и бронзовая одночленные лучковые подвязные фибулы с расширенными ножками. В публикации обе застежки были интерпретированы как позднелатенские, что неверно [Кулатова, Супруненко, 1999. С. 147–151]. Они относятся к серии 1 варианту 3 А.К. Амброза, т.е. принадлежность их к раннеримскому времени не вызывает сомнений.

т.е. там же, где комплексы степного круга известны в позднеримское (Новые Санжары) и гуннское (Кантемировка, Лихачевка, Орлик) время, – на границе лесостепи и степи. Кроме того, отдельные захоронения сарматов обнаружены и в глубине лесостепи – в верховьях Ворсклы (Борисовка) и в бассейне Сулы (Круподеринцы). Наиболее богатыми комплексами были погребения в Павловке с набором импортных античных сосудов [Супруненко, 1994. С. 56–67; Терпиловский, 1998. С. 44–45] и в Борисовке с ожерельем, в состав которого входили бусы и подвески из египетского фаянса (рис. 13)[2].

Проблема происхождения позднезарубинецких памятников Левобережья в силу ряда объективных причин разработана недостаточно. Во II в. до н.э. – начале I в. н.э. на этой обширной территории известны три группы древностей, относящихся к зарубинецкому кругу (рис. 14). В Нижнем и Среднем Подесенье исследованы памятники верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры (типа Горошков–Чаплин: Деснянка, Еловщина, Гребля). В Среднем Посеймье локализуется своеобразная группа поселений типа Харьевки, в материальной культуре которых комбинируются признаки зарубинецких древностей Среднего Поднепровья и ясторфских Центральной Европы (кроме Харьевки, Литвиновичи-3, Красное-4, Чаплищи-3, Пересыпки-1 и др.). В нижнем течении Псла, Сулы, в Среднем Поднепровье и на Днепровских порогах известны курганы, в которых обнаружены погребения, в том числе и трупосожжения, с зарубинецким инвентарем (Верхняя Мануйловка, Дьяченки, Лубны, Лозивок, Кичкас) [Шекун, Терпиловский, 1993; Максимов, 1972. С. 54–59; Смиленко, 1969; Обломский, Терпиловский, 1994. С. 159–162; Кухарська, Бітковський, 1994; Кулатова, Супруненко, 1999. С. 134–141]. Параллельно с зарубинецкими на Левобережье существовали памятники и других культур: юхновской в Подесенье и позднескифской в верховьях Псла и Сейма. Наиболее поздние юхновские материалы, которые были отнесены А.К. Амброзом к "1–2 этапам почепской культуры" (верхний слой Полужского городища, несколько комплексов из Синьково), и близкий к ним комплекс из сооружения 1 Синьково-Дмитриево, судя по обломкам лощеных мисок, имеющих аналогии в Среднем Поднепровье, датируются временем около середины I в. н.э. [Амброз, 1964. С. 59–62; Обломский, Терпиловский, 19916. С. 58–59]. Позднескифская керамика известна на Битицком городище под Сумами и на Ратском – под Курском [Медведев, 2000. С. 243]. По находкам в Битице обломков светло- и красноглиняных амфор с двустворчатыми ручками, железной "воинской одноченной" фибулы со сплошным приемником, а на Ратском – фигурок льва и скарабея из египетского фаянса и фибулы типа "Алезия" (фонды Сумского краеведческого музея и Курского музея археологии) оба городища датируются временем около рубежа эр – I в. н.э., вероятно, по первую половину этого столетия (о датах светлоглиняных амфор с двустворчатыми ручками см.: [Внуков, 1988. С. 199–201].

Изучение памятников классического зарубинецкого периода на Левобережье, несмотря на то что первые из них были обнаружены еще в 20-е годы XX в., находится в начальной стадии. Обобщающие работы по древностям этого круга отсутствуют, не ясны пока ни их хронология, ни полный набор археологических характеристик. На карте Днепровского Левобережья предримского периода имеется множество белых пятен. Не исключено, что в будущем не только изменятся границы уже известных в этом регионе локальных групп, но и появятся новые культурно-хронологические типы памятников.

Несмотря на очевидные пробелы в наших знаниях, складывается впечатление, что ни одна из известных к настоящему времени групп памятников зарубинецкого круга Левобережья по набору лепной посуды непосредственно не связана с древностями раннеримского периода. Симптоматичным в этом отношении является полное отсутствие на памятниках II в. до н.э. – начала I в. н.э. региона ребристых и баночных горшков, т.е. по крайней мере двух форм, общих для всех позднезарубинецких культурно-хронологических группировок Левобережья. Лощеная посуда Деснянки и ей подобных поселений Нижнего и Среднего Подесенья чрезвычайно близка по набору форм к происходящей с селища Горошков, городища Чаплин и других памятников Верхнего Поднепровья, но совершенно чужда столовой керамике почепских поселений раннеримского времени Подесенья. Последняя, как уже было отмечено, наибольшее сходство обнаруживает с посудой Лютежа, Оболони, Крюковщины, т.е. позднезарубинецких памятников Среднего Поднепровья. На селищах типа Харьевки Среднего Посеймья отсутствуют высокие мискообразные сосуды с зигзаговидным профилем (лидирующая форма памятников круга Картамышево на востоке Днепровского Левобережья в I–II вв.), а миски с прямыми, загнутыми внутрь венчиками, которые господствуют на поселениях круга Терновки, единичны [Шекун, Терпиловский, 1993; Обломский, Терпиловский, 1994].

[2] Поскольку этот комплекс большинству исследователей известен не был, ниже приводится его описание из отчета А.Ф. Евминовой. "В восточной части песков возле домов ул. Куточек (пгт. Борисовка – райцентр Белгородской обл., левый берег р. Ворсклы) случайно обнаружено женское захоронение римского времени I–II вв. н.э. По рассказам рабочих, скелет лежал в деревянном сооружении. Возле скелета были два узкогорлых глиняных кувшинчика, две зеленые косметические баночки и египетские бусы фиставшкового цвета из непрозрачной пасты. Из находок сохранились только бусы, остальное было разбито и вывезено вместе с песком на строительство" [Евминова, 1960. С. 24].

Разумеется, до получения новой, более обширной информации о древностях Днепровского Левобережья классической зарубинецкой эпохи все эти наблюдения относительны. Тем не менее предположение, что на Левобережье прямой преемственности населения II в. до н.э. – начала I в. н.э., с одной стороны, и первых веков н.э. – с другой, не было, представляется весьма вероятным. Гораздо большее сходство, чем с местными, позднезарубинецкие материалы Левобережья обнаруживают с древностями более западных территорий.

Специальное исследование показало, что наборы кухонной посуды всех трех левобережных групп позднезарубинецких памятников представляют собой вариации одного и того же комплекса, который формируется на основе традиций зарубинецкого населения Среднего Поднепровья [Обломский, Терпиловский, 1991б. С. 85–88]. Как уже отмечалось, очень близок к лютежскому почепский набор лощеной посуды. Имеется также и непосредственное свидетельство проникновения позднезарубинецкого населения из Среднего Поднепровья на восток. Керамический комплекс поселения Березовка-2 на р.Ворсклице (бассейн верхнего течения Ворсклы) не имеет еще черт, присущих древностям круга Картамышево, зато он очень близок к материалам эталонного для раннеримского периода Киевщины селища Лютеж [Обломский, 1992б. С. 91–95].

Кроме среднеднепровского населения, в формировании позднезарубинецких древностей Левобережья участвовали и племена другого происхождения. Как убедительно показал А.К. Амброз, некоторые типы почепских глиняных изделий (например, сферо-конические предметы, которые, вероятно, были грузилами), детали орнаментации посуды, а также специфические по планировке наземные длинные дома связаны по происхождению с традициями юхновской культуры [Амброз, 1964, 1978]. Своеобразны и высокие мискообразные сосуды с зигзагообразным профилем и выгравированным по лощеной поверхности орнаментом, распространенные на памятниках круга Картамышево (рис. 5: 16–19). Зарубинецких прототипов они не имеют, зато находят чрезвычайно близкие аналогии на территории пшеворской культуры, где сосуды подобной формы и с очень похожей орнаментацией появляются в конце позднего латена, а максимальное распространение получают в раннеримское время [Обломский, Терпиловский, 1991б. С. 88–89; Обломский, Терпиловский, 1998. С 76–78].

Таким образом, по имеющимся в настоящее время данным, позднезарубинецкие культурные группы Левобережья формируются в результате расселения в этом регионе потомков зарубинецких племен, ранее обитавших на территории Среднего Поднепровья. В формировании древностей почепского типа, кроме последних, приняло участие и позднеюхновское население Подесенья, а типа Картамышево – какие-то пшеворские группировки, продвинувшиеся далеко на восток.

Приблизительно во второй половине II в. на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья появляются памятники нового, ранее неизвестного в этом регионе типа позднезарубинецких древностей – так называемого поселения круга Гриней–Вовков. К настоящему времени их известно всего семь (Грини-1 и -2, Решетки в Среднем Поднепровье, Змеевка в Нижнем Подесенье, Вовки, Рябовка-3 в лесостепной части Днепровского Левобережья, Октябрьское-2 в Среднем Посеймье). Как правило, все они обнаружены случайно и нигде не образуют локальных скоплений (рис. 3). Набор сосудов памятников типа Гриней своеобразен. Лощеная керамика встречается в виде исключения. Груболепные горшки представлены серией округлобоких и ребристых форм. По особенностям керамического комплекса, для которого характерно резкое преобладание тюльпановидных и ребристых сосудов с изогнутой линией в верхней части профиля и с очень высоким (в тенденции) местом расположения ребра в верхней трети высоты горшка, а также по широко распространенному обычаю орнаментировать кухонную керамику расчесами, нанесенными гребнем по поверхности (рис. 15), эти памятники по своему происхождению связаны с территорией Верхнего Поднепровья [Обломский, Терпиловский, 1991б. С. 94–102; Обломский, 1996а. С. 27–28]. Их прототипами являются специфические древности типа Кистени–Чечерск конца III – начала II в. до н.э. – середины и третьей четверти I в. н.э., которые распространены в восточной части Белоруссии (в основном на Соже и его притоках, хотя некоторые поселения, например Кистени и Рогачев, находятся на Днепре). Для них характерно сочетание традиций верхнеднепровских зарубинецких памятников типа Горошков–Чаплин и культуры штрихованной керамики [Обломский, Терпиловский, 1991б. С. 95–102; Дробушевский, 1995, 1998].

Новый этап истории Днепровского Левобережья связан с образованием киевской культуры (рис. 16).

Практически все специалисты, занимавшиеся источниковедением киевских древностей, единодушны во мнении о близости их к материалам позднезарубинецкого круга, которая проявляется в сходстве топографии поселений, традиций домостроительства, керамического комплекса, многих типов орудий труда (пряслиц, ножей, серпов и т.п.), набора украшений (в киевской культуре широко распространены изделия с выемчатой эмалью, которые появляются в лесостепи в позднезарубинецкий период) [Даниленко, 1976; Кравченко, Гороховский, 1979. С. 65–68; Третьяков, 1982. С. 60–82; Баран, 1990. С. 197–198; Терпиловский, Абашина, 1992. С. 93–95]. Разделяю эту точку зрения и я [Обломский, 1992. С. 34–37]. Элементы

пшеворской культуры на киевских памятниках Поднепровья (некоторые формы столовых сосудов и их орнаментация, центральноевропейские по происхождению фибулы и пряжки), а также отдельные горшки, по структуре профиля и пропорциям близкие к сарматским, происходящие с поселений водораздела Днепра и Дона, по сравнению с позднезарубинецкими второстепенны. В первом случае они свидетельствуют о включении каких-то, очевидно немногочисленных, групп пшеворского населения в состав киевских общин и о последующем растворении их в инокультурной среде, во втором – о контактах племен соседних территорий [Козак, Терпиловський, 1986; Обломский, Томашевич, 1993. С. 52–53; Обломский, Терпиловский, 1998. С. 76–80]. Отмечу, что связи населения Поднепровья с обитателями областей, лежащих к западу и востоку от него, на раннем этапе существования киевской культуры были, очевидно, взаимными. На территории Польши, в Подлясье, известен могильник Кутово, в объектах раннего горизонта которого обнаружена керамика с расчесами, чрезвычайно близкая к происходящей с киевских памятников Верхнего Поднепровья (типа Абидни)[3]. Некоторые формы груболепных горшков из погребений Верхнего Подонья первых веков н.э. имеют киевские параллели [Обломский, Томашевич, 1993. С. 49–50]. Из этого региона, кроме того, происходит целая серия изделий круга выемчатых эмалей[4].

Тем не менее по сравнению с древностями позднезарубинецкого круга киевская культура представляет собой качественно новое образование. Как известно, киевские памятники составляют четыре основных локальных варианта: среднеднепровский, деснинский, сейминско-донецкий и верхнеднепровский (типа Абидни) [Терпиловский, 1990; Обломский, 1991. С. 47–85; Терпиловский, Абашина, 1992а. С. 19–23]. К последним с севера примыкают поселения круга Заозерья, относящиеся, по всей видимости, к пятой группе [Лопатин, Фурасьев, 1995. С. 136–139].

Памятники раннеримского времени, заполняющие хронологическую лакуну между классическими зарубинецкими и киевскими древностями, на территории Верхнего Поднепровья только начинают изучаться, поэтому ответить на вопрос, в какой степени их материалы близки к происходящим из могильников и с поселений типа Абидни, пока невозможно. Проблема типологического и хронологического соотношения расположенных южнее киевских памятников с позднезарубинецкими, известными в тех же областях, ставилась в ряде работ Н.М. Кравченко, П.Н. Третьякова, Р.В. Терпиловского, Н.С. Абашиной и моих. Специальные исследования показали, что археологические характеристики сравнительно ранних киевских поселений Подесенья (т.е. прекративших свое существование до начала поступления в этот регион массового черняховского импорта) существенно отличаются от почепских [Обломский, 1986а. С. 41–47]. В основе керамического комплекса ранних киевских памятников Среднего Поднепровья лежат традиции местных позднезарубинецких древностей не только типа Лютежа, но и круга Гриней–Вовков. Показательно, что последние прослеживаются не на всех памятниках Среднего Поднепровья. Керамика с расчесами, причем иногда этот орнамент наносился на характерные для поселений круга Гриней тюльпановидные сосуды с очень высоким расположением плеча, встречена, например, в Казаровичах [Максимов, Орлов, 1974. Рис. 5], в Обухове-7 и 13 [Терпиловский, Абашина, 1992. Рис. 10: 9; Терпиловский, 1994а. Рис. 20], в Глевахе [Терпиловский, Абашина, 1992. Рис. 20–22]. С другой стороны, она отсутствует в Новых Безрадичах [Абашина, 1986. Рис. 29], в Сушках-2, Бортничах, Белгородке [Абашина, 1986. Рис. 38], в Вишенках [Пачкова, Терпиловський, 1988. Рис. 2, 4, 5], в киевском горизонте поселения Обухов-1 [Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999], на селищах Обухов-2 и -3 [Терпиловский, Абашина, 1992. Рис. 23–28] и на ряде других памятников, исследованных небольшими площадями. Нет подобной посуды и на так называемых черняховских поселениях киевской традиции[5], т.е.

[3] Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность *Я. Анжеёвскому*, показавшему мне неопубликованные материалы из фондов Археологического музея в Варшаве.

[4] В ставшем классическим своде Г.Ф. Корзухиной упоминается подвеска-лунница из сарматского кургана в Воронежской обл. [*Корзухина, 1978. С. 77, пункт 119*]. Несколько находок появилось в последнее время. К ним относятся: бронзовый браслет с выступающими вверх тремя треугольными гребнями (как в Мощинском и Шишинском кладах)с *древнерусского Семилукского городища* [Прянин, Цыбин, 1996. Рис. 8: 9], обломок серебряной массивной подковообразной фибулы с четырьмя гнездами для эмали на конце (эмаль выкрошилась) из культурного слоя поселения *Замятино-5 с напластованиями мезолита, неолита*, раннего железного века (в том числе и позднескифскими сарматского периода), гуннского времени (раскопки И.Е. Бирюкова, фонды Липецкой Госдирекции охраны памятников), *сюльгама с зеленой и красной эмалью* из Бобровского р-на Воронежской обл. [Амелькин, 1998]. Кроме того, серия украшений происходит из ареала позднезарубинецких и раннекиевских памятников бассейна Хопра: ажурная лунница, крестообразная подвеска с гнездами, заполненными красной эмалью, и треугольная пластинчатая подвеска с поселения Нижний Карачан [Мулкиджанян, 1998. С. 173. Рис. 6: 7–9], бронзовый пирамидальный колокольчик с поселения Шапкино-2 из постройки с позднезарубинецкой керамикой [Хрексов, 1995. Рис. 3: 1], две целых и три фрагментированные пластинчатые трапециевидные подвески с могильника Иняево [Хрексов, 1997. Рис. 2: 5–8, 14]. Г.Ф. Корзухина опубликовала, кроме того, подковообразную фибулу из Дуровки в верховьях Хопра [Корзухина, 1978. С. 77, пункт 117. Табл. 22: 5].

[5] Подробнее о смысле этого термина сказано в главе третьей настоящей работы.

на тех селищах, где проживали группы киевского населения, включенные в состав черняховских социальных структур (Ломоватое, Новолиповское, Максимовка, Радуцковка, Хлопков-1 и ряд других) [Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999]. Исключением является поселение Журавка Ольшанская, где два черепка с расчесами обнаружены в постройке 17 с лепной керамикой киевского круга [Обломский, 1998. Рис. 10: 6,10].

Киевские поселения с северными элементами в керамическом комплексе существуют чересполосно с теми памятниками, где керамики с расчесами нет. Примером может служить ситуация в районе г. Обухова, где наряду с селищами Обухов-7 и -13 с верхнеднепровскими чертами известны поселения Обухов-1, -2 и -3, на которых последние не прослеживаются. Северные элементы в формах и орнаментации сосудов известны в Среднем Поднепровье вплоть до начала черняховского периода. Достоверно второй половиной III – рубежом III–IV вв. датируется по серии фибул и гребней киевский горизонт поселения Глеваха [Терпиловский, 1988. С. 210]. На прочих киевских памятниках черняховского времени, кроме Обухова-7, где нет датирующих вещей, северные элементы неизвестны. Отсутствуют они и на подавляющем большинстве черняховских поселений киевской традиции. Логика развития киевской культуры Среднего Поднепровья демонстрирует, таким образом, постепенное растворение верхнеднепровского по происхождению населения в местной южной среде.

В наборе сосудов поселений и могильников сейминско-донецкого варианта киевской культуры (рис. 17), датирующихся началом – первой половиной III в., комбинируются элементы памятников как типа Картамышево предшествующей эпохи, т.е. расположенных западнее водораздела Днепра и Дона, так и круга Терновки, т.е. восточных, локализующихся в бассейне Северского Донца. Та же нивелировка черт западной и восточной областей наблюдается на востоке Днепровского Левобережья и в традициях домостроительства ранних киевских селищ [Обломский, 1992. С. 37–41]. Не исключено, что в процессе генезиса сейминско-донецкого варианта киевской культуры приняли участие (по всей видимости, второстепенное) и небольшие группы населения, оставившие памятники типа Гринёй–Вовков. В Шишино-5 на территории усадьбы, жилищем в которой служила постройка 5 раскопа I и где был найден клад украшений круга восточноевропейских эмалей, концентрировалась груболепная керамика с расчесами на поверхности, не встречавшаяся на других участках памятника [Обломский, 1991а. С. 199]. Не исключено, что в состав живших здесь семьи входили потомки выходцев из Верхнего Поднепровья.

В обобщающей работе Р.В. Терпиловского и Н.С. Абашиной [Терпиловский, Абашина, 1992] и в моей статье [Обломский, 1992] вопрос о происхождении деснинского варианта киевской культуры остался открытым. Материалы, позволяющие наметить направление поиска ответа на него, появились только в 1993 г., после раскопок поселения Попово-Лежачи-4 в Среднем Посеймье. По особенностям форм и орнаментации лощеной посуды и по центральноевропейской железной шпоре (рис. 23: 9) этот памятник датируется рубежом II/III – началом III в., т.е. он синхронен таким ранекиевским памятникам, как Казаровичи, Сушки-2, Обухов-13 и ранний горизонт Обухова-1 на территории Среднего Поднепровья, Шишино-5, Шмырево, и ряду других на водоразделе Днепра и Дона.

К позднеримскому времени в Попово-Лежачах относятся три жилища, две наземные постройки, одно сооружение хозяйственного назначения. Киевские материалы происходят также из культурного слоя и 18 ям-погребов. Жилища представляли собой прямоугольные полуземлянки длиной от 3,9 до 4,2 м, шириной 2,5–3,7 м и глубиной 5–40 см. В двух постройках ям от столбов по периметру котлована не было, т.е. стены были, по всей вероятности, срубными. В третьей остатки столбов были прослежены по углам сооружения и в его центре. Очаг зафиксирован лишь в одном жилище. Он представлял собой неглубокую яму, обложенную камнем по бортам. Из двух наземных построек полностью сохранилась лишь одна. Ее размеры составляли 5,6–5,8 × 4,4 м. Стены опирались на столбы. Ямы от столбов зафиксированы и внутри помещения (рис. 18). По размерам и планировке это сооружение представляет собой почти точную аналогию так называемому "жилищу 1" поселения Картамышево-2. Характер находок и расположение как в Картамышево, так и в Попово-Лежачах наземных построек на периферии жилых участков обоих поселений заставляет предположить, что эти дома не были жилищами, а имели какие-то другие функции, возможно такие же, как и описанные Б.А. Тимощуком "контины" славянских памятников VIII–IX вв. карпатского региона [Тимощук, 1990. С. 34–37].

В керамическом комплексе Попово-Лежачей резко преобладает груболепная керамика (рис. 19). Имеется и лепная лощеная посуда, которая составляет 5–7% общего количества (рис. 20). Среди кухонных горшков наиболее широко распространены слабопрофилированные округлобокие, близкие к баночным (тип I,3-а, рис. 19: 3, 6, 9, 10, 14, 15), на втором месте находятся тюльпановидные формы (тип I,3-б – рис. 19: 4, 5, 7), на третьем – ребристые биконические (тип II,2,а – рис. 19: 12, 16). Прочие сосуды (сильнопрофилированные округлобокие – тип I,1,а,а – рис. 19: 1; ребристые с изогнутой дугой в верхней части профиля – тип II,1 – рис. 19: 11, 17; ребристые без выраженного венчика – тип II 5 – рис. 19: 13; баночные

с загнутым внутрь краем – тип I,4 и др.) немногочисленны. В целом преобладают округлобокие формы. Они составляют около 2/3 от общего количества груболепных сосудов.

Керамика Попово-Лежачей имеет ряд архаичных черт, которые восходят к раннеримскому времени. К ним относится в первую очередь набор форм лощеной посуды, где довольно часты высокие миски типа III,3,б с зигзаговидным профилем, перегибы которого подчеркнуты резкими гранями (рис. 20: 4, 7). Подобные формы на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья встречаются только на самых ранних киевских памятниках, а пик их распространения приходится на позднезарубинецкий период. Сближает с этим этапом Попово-Лежачи и высокий процент лощеной лепной посуды, а также широко распространенный обычай орнаментировать венчики горшков насечками и вдавлениями. Подобным образом декорировано около половины кухонных сосудов из Попово-Лежачей. Зарубинецкие аналогии имеет и груболепной горшок с раздутым туловом, слабо отогнутым венчиком и налепным валиком (рис. 19: 18). Один из сосудов украшен налепами-подковками.

По пропорциям большинство горшков из Попово-Лежачей близки к происходящим с памятников круга Картамышево–Терновки.

С другой стороны, структура керамического комплекса Попово-Лежачей резко отличается от позднезарубинецкой. В наибольшей степени она близка к соотношению форм классических памятников киевской культуры деснинского варианта, таких, как Лавриков Лес, Форостовичи, Киреевка-1, Деснянка и др. [Обломский, Терпиловский, 1998а, С. 76–88].

Набор сосудов из Попово-Лежачей и их пропорции, а также соотношение форм между собой являются как бы переходными от керамического комплекса поздних памятников типа Картамышево-2 (в первую очередь Гочево-1) к поселениям деснинского варианта киевской культуры, по времени предшествовавшим поступлению в Подесенье черняховского импорта [Обломский, Терпиловский, 1998. С. 83–88]. Попово-Лежачи, таким образом, демонстрируют эволюционно-типологическую связь позднезарубинецкой культуры востока Днепровского Левобережья и киевской Подесенья. Киевские памятники в Подесенье появляются, по всей видимости, в результате продвижения в этот регион населения из ареала, где сосредоточено большинство поселений типа Картамышево, т.е. из верховьев Сейма и Псла. Разумеется, этот вывод не окончательный и требует проверки новыми материалами, поскольку имеющиеся довольно скудны. Пока, кроме Попово-Лежачей, к раннему периоду деснинского варианта киевской культуры могут быть по особенностям керамического комплекса отнесены лишь поселения Гребля (раскопки Т. Вальковой) и Хотылево-2 (раскопки К. Гаврилова).

На Днепровском Левобережье памятники киевской культуры составляют два локальных варианта: уже упоминавшийся десинский, территория которого, кроме Нижнего и Среднего Подесенья, охватывает также Среднее Посеймье, и сейминско-донецкий. Относящиеся к последнему поселения и могильники локализуются в верховьях Сейма, Псла, Ворсклы, Северского Донца и Оскола (рис. 16). Они исследованы гораздо лучше, чем ранние памятники деснинского варианта. По характерным особенностям керамического комплекса наиболее ранними из числа сейминско-донецких являются поселения Шишино-5, Шмырево, Приосколькое-2 (ранний горизонт), некоторые комплексы Шосейного (жилище 11) и Раковки (очажная яма 3), а также могильники Кулига, Шишино-5, Шмырево, Приосколькое-2 [Обломский, 1991а. С. 47; Любичев, 1993. С. 30. Рис. 2: 8–10].

Керамический комплекс этих памятников состоит из груболепных округлобоких горшков с отогнутыми наружу изогнутыми венчиками (как закрытых, так и открытых – типов I,1,а,д и I,1,а,б – рис. 17: 1–6, 13), с вертикальными венчиками (типов I,1,б – рис. 17: 7–9), близких к баночным (типов I,3-а, I,3-б – рис. 17: 10–12, 22, 23), баночных (типа I,4-а – рис. 17: 20, 21), ребристых как с выделенными разнообразными по форме венчиками (типов II,1; II,2,а; II,2,б – рис. 17: 14–18), так и без них (типа II,5 – рис. 17: 19). Встречаются также диски с невысокой закраиной и без нее (рис. 17: 24–27), высокие лощеные мискообразные сосуды с зигзаговидным профилем, имеющие как острые, резкие, так и более плавные перегибы (типов III,3,б и III,4). На поселении и могильнике Шишино-5 и на могильнике Кулига известна гончарная сероглиняная посуда, по характеру теста и обжигу близкая к черняховской.

Подобная керамика встречена на серии киевских памятников дочерняховского периода, причем не только на востоке Днепровского Левобережья. Фрагменты сероглиняных гончарных сосудов происходят также из Сушков-2 в Среднем Поднепровье и из Попово-Лежачей-4 в Посеймье [Обломский, Терпиловский, 1998а. С. 83]. К сожалению, ни в одном случае не удалось реконструировать формы сосудов, поэтому установить центр их производства не представляется возможным. По наблюдениям А.В. Гудковой в городах Северо-Западного Причерноморья, гончарная керамика, близкая стилистически к черняховской, уже в слоях II в. встречается достаточно часто [Гудкова, 1979. С. 100; Гудкова, 1991. С. 122–123]. Не исключено, что и на территорию киевской культуры эта посуда поступала из какого-то из античных городов.

В наборе лепных сосудов сейминско-донецких памятников повсеместно преобладают горшки ти-

па I,1,а,а и диски. Небольшими, но устойчивыми сериями представлены слабопрофилированные сосуды типов I,3-а и I,3-б, прочие немногочисленны. Ребристые сосуды при этом резко уступают по количеству округлобоким (доля первых составляет на эталонных поселениях Шмырево 7%, а в Шишино-5 – 11,4%). Фрагменты лепных лощеных и гончарных сероглиняных сосудов единичны [Обломский, 1991а. С. 48–49].

Все жилища, которых пока исследовано лишь семь, были полуземлянками подпрямоугольной или подквадратной формы, длиной от 3,4 до 6 м и шириной от 2,2 до 6 м. Глубины котлованов варьируют в пределах 0,11–0,85 м. Стены, по всей видимости, были срубными, столбовыми, а также каркасными с опорами на отдельные столбы (рис. 21: 1–4). Обмазка при возведении жилищ не применялась. В трех объектах зафиксированы ямы от центральных столбов – опор кровли. Отопительными сооружениями были очаги. В трех случаях они представляли собой кострища (рис. 21: 1,4), в одном – глинобитную площадку (рис. 21: 2). Как и для селищ круга Терновки-2, для поселений типа Шишино-5–Шмырево характерны разнообразные по планировке хозяйственные постройки (рис. 21: 5–12) [Обломский, 1991а. С. 51–52].

На востоке Днепровского Левобережья и в бассейне Северского Донца исследованы четыре ранних киевских могильника (Кулига, Приосколькое-2, Шишино-5, Шмырево), на которых раскопаны 24 погребения. Все они бескурганные. Два из них представляли собой трупоположения, прочие – трупосожжения. Все трупосожжения совершены на стороне. Два погребения урновые, остальные безурновые. В большинстве случаев остатки сожжений помещены в неглубокие ямы весьма разнообразные по форме (круглые, овальные, с неровными краями) и профилю (часть сужена ко дну, некоторые имели вертикальные стенки, на дне могут прослеживаться дополнительные углубления, в том числе и следы столбов). Кальцинированные кости (за редкими исключениями, их бывает очень мало, причем наряду с человеческими попадаются и кости животных) были расположены в ямах как в виде кучек, так и в разброс. Как правило, они перемещены с золой и углями от погребального костра. Инвентарь крайне беден. Его обычно составляли черепки различных сосудов, преднамеренно разбитых до совершения захоронения (ни один из горшков не склеился полностью) и иногда вторично обожженных. Кроме керамики, обнаружены несколько пряслиц, бронзовая булавка, железное зубило, стеклянные бусы. Во многих ямах наблюдается их послойная засыпка. При этом кости, черепки и угли могут относиться к разным прослойкам, а могут и залегать вместе.

В двух случаях (в Шишино-5 и Приосколь-ском-2) удалось проследить планировку могильников. Они оказались довольно сложными по структуре, состоящими из нескольких в определенном порядке расположенных элементов (рис. 22). Большинство трупосожжений было вытянуто полосой (в Приоскольском-2 состоящей из двух рядов захоронений) вдоль края холма, на котором расположен могильник. Полосы в обоих случаях оканчивались кострищами или пятнами прокала грунта. За пределы "основного массива" было вынесено несколько трупосожжений и по одному трупоположению. Вне основных полос захоронений находились также ямы без остатков сожжений, содержавшие в своем заполнении, правда, не всегда кости животных и керамику, и, кроме того, ямы от столбов [Обломский, 1991а. С. 59–61]. Сложность планировки некрополей свидетельствует о том, что они выполняли роль не только могильников, но и святилищ.

В публикации материалов могильника Кулига М.Б. Щукин предложил для подобного рода памятников название "поминальники", тем самым подчеркнув, что ямы с сожжениями имели в основном мемориальный характер, а не были собственно погребениями умерших с захоронением всех их останков в земле [Щукин, 1990. С. 119–120]. Мне этот термин представляется вполне удачным.

На начальном этапе существования киевской культуры продолжается использование населением Днепровского Левобережья изделий круга выемчатых эмалей. Находки украшений этого стиля известны по всей территории Левобережья, но из раскопанных памятников они найдены пока только на востоке. С поселения Шмырево, где имеются объекты позднезарубинецкого периода и киевской культуры, происходит лунница с красной эмалью, обнаруженная здесь еще Д.Я. Самоквасовым (рис. 12: 15). В Шишино-5 в слое селища обнаружен клад, состоящий из двух массивных треугольных фибул, трех браслетов, в том числе и одного с вертикальными, перпендикулярными корпусу ребрами (рис. 23: 1–5), и пряслица из мергеля. Клад связан с усадьбой раннего этапа киевской культуры. Крестопрорезная подвеска происходит из культурного слоя над погребением 3 могильника Приосколькое-2 (рис. 23: 8), а на поселении Заники найден держатель цепи питьевого рога [Обломский, 1991а. С. 23; Славяне..., 1993. Вклейка; Дьяченко, 1993. С. 22]. Кроме того, подвеска-лунница с красной эмалью и подковообразная фибула с полями красной эмали, в которые впущены светло-зеленые полосы, образующие крест и зигзаг, найдены на поверхности разрушенного выдувами могильника Рябовка-1 (ур. Мальцево) [Терпиловский, 1990а. Табл. VII: 1,2] (рис. 23: 6, 7).

Хронология ранних памятников сейминско-донецкого варианта киевской культуры из-за отсут-

ствия узко датируемых вещей устанавливается в основном по особенностям керамического комплекса. Как и в Попово-Лежачах-4, в Шишино-5, Шмырево, Приоскольском-2 и на им подобных поселениях и могильниках встречается керамика, во многом близкая к позднезарубинецкой. Эти ранние реликты заключаются в следующем:

1) поверхность некоторых груболепных горшков искусственно ошершавлена или покрыта расчесами, нанесенными гребнем;
2) на памятниках круга Шишино–Шмырево встречаются лощеные высокие миски с зигзаговидным профилем типа III, 3, б (такие же, как и в Попово-Лежачах и на некоторых памятниках Среднего Поднепровья, например в Сушках);
3) сравнительно широко, хотя и реже, чем в Подесенье и Среднем Посеймье, распространены сосуды с вдавлениями или насечками по краю венчика, т.е. орнаментированные в позднезарубинецкой манере (8–10%). Некоторые груболепные сосуды имеют пояс вдавлений по тулову (так называмый ложный валик), что также является позднезарубинецким реликтом;
4) прямая преемственность с позднезарубинецким периодом наблюдается в наборе орудий труда и типах построек [Обломский, 1991а. С. 47–79].
5) все формы сосудов и пропорции большинства из них либо имеют прямые аналогии, либо продолжают линии эволюции керамики памятников типа Картамышево–Терновки более раннего времени.

Тем не менее по структуре керамического комплекса и ряду других показателей памятники типа Шишино-5–Шмырево резко отличаются от позднезарубинецких и очень близки к более поздним типа Букреевки–Тазово, которые являются дальнейшим этапом их развития. Именно это и послужило причиной для объединения тех и других в общий сейминско-донецкий вариант киевской культуры. Памятники круга Шишино–Шмырево должны быть, таким образом, "хронологически зажаты" между верхним рубежом позднезарубинецкого периода и нижним – этапа Букреевки–Тазово, т.е. между концом II в. и серединой – второй половиной III в. (подробно об обосновании даты Букреевки-2 и ей подобных поселений см. в следующей главе). Этому выводу не противоречат датирующие вещи с поселения и могильника Шишино-5 (сердоликовая и стеклянная бусины, бронзовая пряжка с прямоугольной рамой, браслет со слабо расширенными концами [Обломский, 1991а. С. 18–20]; рис. 23: 10, 11), хотя все они и имеют более широкие диапазоны бытования.

Таким образом, в период, непосредственно предшествовавший появлению на территории Днепровского Левобережья носителей черняховской культуры, здесь доминировали киевские племена[6]. Памятники киевской культуры составляли два локальных варианта – деснинский и сейминско-донецкий. Подавляющее большинство поселений и могильников концентрируется на востоке Днепровского Левобережья и в бассейне Северского Донца. Известны они также в Подесенье и в Среднем Посеймье. Пока не понятно, действительно ли существовала "область археологической пустоты" для периода конца II – середины III в., которая намечается в центральной и западной частях исследуемого региона, или эти территории просто плохо изучены. При нынешнем состоянии источников оба предположения представляются в одинаковой степени справедливыми.

---

[6] М.Б. Щукин на основании погребения у с. Пересыпки на Сейме высказал предположение о проникновении вельбарских племен на восток Днепровского Левобережья еще в дочерняховский период [Щукин, 1994. С. 247]. По нашему с Р.В. Терпиловским мнению, этот комплекс скорее относится к кругу древностей типа Харьевки, чем к вельбарской культуре [Обломский, Терпиловский, 1991б. С. 93; 1994. С. 162].

Глава вторая

ДНЕПРОВСКОЕ ЛЕСОСТЕПНОЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ И БАССЕЙН СЕВЕРСКОГО ДОНЦА В ЧЕРНЯХОВСКИЙ ПЕРИОД

1. Памятники позднеримского времени на Днепровском Левобережье (основные проблемы изучения, историография)

В III – начале V в. черняховские памятники занимают всю лесостепную часть региона – от долины Днепра до бассейна Северского Донца (рис. 1), а отдельные группы населения проникали еще дальше на восток – вплоть до Подонья и, вероятно, до Самарской Луки. С появлением восточнее Днепра носителей черняховских древностей этнический состав населения этой территории претерпевает значительные изменения. Черняховский период, таким образом, является особым этапом истории Днепровского Левобережья. Без анализа событий, происходивших в это время, невозможно реконструировать процессы, приведшие к заселению этого обширного региона на рубеже римского времени и раннего средневековья славянскими племенами.

Обзор археологии позднеримского периода Днепровского Левобережья начнем с историографии, поскольку без хотя бы краткого описания истории исследований неясной остается степень информативности источников.

Полевые исследования памятников киевской культуры проводились в основном в двух регионах: в Деснинско-Сеймином Полесье и на востоке Днепровского Левобережья – в бассейне Северского Донца. Планомерное изучение киевских древностей началось с разведок экспедиции П.Н. Третьякова в Подесенье (50–60-е годы XX в.) В 1966–1970 гг. в этом районе П.Н. Третьяковым, Е.А. Горюновым и Э.А. Сымоновичем были раскопаны памятники, ставшие эталонными для средней стадии древностей киевского типа: Лавриков Лес, Форостовичи, Киреевка [Третьяков, 1974; Горюнов, 1981. С. 99–100]. В это же время обследованием Нижнего Подесенья занимались А.А. Попко, а Среднего Подесенья и устья Сейма – В.И. Неприна и О.Н. Мельниковская [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 5].

В середине 70-х годов и позднее разведки в Нижнем Подесенье продолжили археологи из Чернигова Н.В. Юркова, В.П. Коваленко, Г.А. Кузнецов.

В 1974–1978 гг. Е.В. Максимовым и Р.В. Терпиловским проводились стационарные раскопки поселений в Нижнем Подесенье, давшие богатый и разнообразный материал для характеристики в первую очередь поздней стадии киевской культуры (Роище, Ульяновка, Киселевка-2, Выбли) [Терпиловский, 1984].

80–90-е годы были пиком исследования киевских древностей в Черниговском Подесенье. Разведки в это время проводили А.В. Шекун, В.В. Простантинова, Г.В. Жаров, Е.М. Веремейчик, А.А. Мултанен, Ю.Н. Сытый, краевед из г. Корона Черниговской обл. Е.В. Куриленко. В 1981–1983 гг. поречье Мены, Убеди,прилегающий участок долины Десны, а также низовья Сейма обследовали археологи из Москвы А.В. Григорьев и А.М. Обломский. В этих работах участвовали также Н.В. Лопатин и Р.В. Терпиловский.

Раскопками в это время изучались селища Деснянка-Титова Речка (А.В. Шекун) [Шекун, Терпиловский, 1993], Верхнестриженское-2 и -3 (Г.А. Романова, О.А. Щеглова) [Терпиловский, Абашина, 1992], Мена-5 (А.М. Обломский и Е.Н. Кухарская) [Кухарська, Обломський, 1988], Киреевка-1 (Г.А. Романова), Киреевка-2 (Л.Е. Черненко), Гребля (Т.Н. Валькова). Некоторые материалы киевской культуры обнаружены сотрудниками Черниговского исторического музея при исследовании многослойных поселений Лесковое, Кези, Березанка [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 5–6].

Крупнейшим событием в археологии римского времени не только Подесенья, но и всей Украины стали новостроечные раскопки, которые проводил А.В. Шекун на поселении Александровка под Черниговом в 1993–1997 гг. На памятнике бы-

ло вскрыто более 18 тыс. кв. м, исследовано около 40 жилищ и 700 ям-погребов. Подавляющее большинство объектов относится к финальной фазе киевской культуры. Большая часть полученных материалов были монографически изданы А.В. Шекуном и Р.В. Терпиловским [Терпиловский, Шекун, 1996]. В последние годы Г.В. Жаров продолжал (после работ Р.В. Терпиловского) раскопки поселения Ульяновка. Интересный комплекс (воронковидная печь, в качестве субструкции для стен которой были использованы черепки корчаг) был исследован Г.В. Жаровым на селище Брусилов.

В Среднем Посеймье в 50–80-е годы разведки проводились Д.Т. Березовцом, О.В. Сухобоковым, Л.А. Белинской, В.В. Приймаком и другими исследователями. К сожалению, эти работы носили либо очаговый, либо тематический характер, причем памятники римского времени, как правило, внимания авторов обследований не привлекали. Исключением являются лишь работы Э.А. Сымоновича 1959–1962 гг. [Сымонович, 1964], тем не менее сведения о древностях киевской культуры в этом регионе были разрозненными и зачастую противоречивыми. В 1991–1994 гг. А.М. Обломский, Р.В. Терпиловский и В.В. Приймак предприняли комплексное обследование среднего течения Сейма с притоками от Конотопа (Сумская обл.) на западе до Рыльска (Курская обл.) на востоке. В результате проверена информация предыдущих лет, обнаружено множество новых памятников зарубинецкого круга, позднезарубинецкого этапа, киевской и черняховской культур. Из киевских поселений раскопками исследовались Пересыпки-1, Чаплищи-3 [Обломский, 1996б], 10-й Октябрь и Попово-Лежачи-4. Последнее из перечисленных селищ, материалы которого были опубликованы в Лодзи (Польша), стало эталоном начальной стадии деснинского варианта киевской культуры [Обломский, Терпиловский, 1998а].

Изучение киевских памятников на востоке Днепровского Левобережья началось с раскопок селища Авдеево Курской обл. (Верхнее Посеймье), производившихся А.Е. Алиховой в 1948–1950 гг. [Алихова, 1963], и поселения Беседовка Сумской обл. на р. Бишкинь, притоке Сулы (исследования Е.В. Махно, 1949 г.) [Махно, 1955], а в бассейне Северского Донца – с работ В.И. Митрофановой на поселении Новодоновка-2 в Харьковской обл. в 1960 г. [Митрофанова, 1965]. Некоторые селища в поречье Псла, в том числе и Курган-Азак Сумской обл., были открыты В.А. Ильинской в 60-е годы. Раскопки этого поселения проводились О.В. Сухобоковым в 1968 г. [Сухобоков, 1975].

Планомерное изучение древностей киевского круга в лесостепной зоне началось с работ Э.А. Сымоновича в бассейне Сейма и Е.А. Горюнова в верховьях Псла. Начиная с 1970 г. Э.А. Сымонович проводил раскопки памятников киевской культуры (которые он трактовал либо как черняховские, либо как колочинские), обнаруженных им в результате многочисленных разведок. С исследованных им поселений (Тазово, Букреевка-2, Каменево-2, Воробьевка-2 Курской обл. и др.) [Сымонович, 1974, 1983, 1986, 1990] происходит не менее трех четвертей всего имеющегося сейчас материала, который характеризует позднюю фазу этой археологической общности на водоразделе Днепра и Дона. Е.А. Горюнов, в течение многих лет занимавшийся изучением раннеславянских древностей долин Сулы, Псла и рек бассейна Ворсклы, в 1972 г. проводил небольшие раскопки на поселении Сенча Полтавской обл. [Горюнов, 1981], а в конце 70-х годов – в верховьях Псла, в том числе на селищах Шмырево и Песчаное [Горюнов, 1982]. Исследования Сенчи были продолжены в 1990–1992 гг. Ю.Ю. Моргуновым, Р.В. Терпиловским, Д.И. Левченко [Терпиловский, Левченко, 1994], а в верховьях Псла после смерти Е.А. Горюнова раскопки киевских памятников велись Р.В. Терпиловским и Н.А. Тихомировым (Гочево-1) [Тихомиров, Терпиловский, 1990], М.Б. Щукиным (Кулига) [Щукин, 1990], В.М. Горюновой, О.А. Щегловой и Г.А. Романовой (Гочево-3 и -4).

В конце 70-х – начале 80-х годов киевские комплексы были обнаружены на двух поселениях, где проводились охранные раскопки: в Шоссейном Белгородской обл. [Обломский, Смирнов, Сорокин, 1987] и в Родном Крае-3 Харьковской обл. [Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997].

В 80-е годы силами нескольких экспедиций предпринимается сплошное обследование рек в районе водораздела Днепра и Дона, которое позволило составить общую карту памятников киевской культуры и выделить основные зоны их концентрации. В результате ареал киевских древностей сильно расширился в восточном направлении. В верховьях Сейма, включая его притоки Тускарь и Реут, эту работу проделали А.В. Кашкин, А.А. Узянов, Н.А. Тихомиров, разведки в верховьях Псла проводили В.М Горюнова, О.А. Щеглова и А.М. Обломский, в верховьях Северского Донца с притоками Короча и Корень – А.М. Обломский, на Ворскле – А.М. Обломский и А.В. Кропоткин, в лесостепной части течения Оскола – А.Г. Николаенко. В 80-е годы в бассейне Северского Донца раскопками исследовались киевские поселения Шишино-1 и 5, Цепляево Второе, Приосколькое-2 (А.М. Обломский) и Дачное-2 (А.В. Кропоткин), могильники Шишино-5 и Приосколькое-2 (А.М. Обломский), давшие эталонный материал для ранней фазы сейминско-донецкого варианта киевской культуры и позволившие уточнить целый ряд деталей археологического комплекса ее поздней стадии [Обломский, 1991а].

В конце 80-х – начале 90-х годов основные работы по изучению памятников позднезарубинец-

ко-киевской традиции разворачиваются на территории Сумской обл. В 1989–1991 гг. А.Н. Некрасова совместно с Р.В. Терпиловским и А.В. Кроптоткиным исследует археологический комплекс у с. Боромля, где на селище Боромля-2 были получены достаточно яркие материалы позднего этапа сейминско-донецкого варианта киевской культуры [Некрасова, 1989, 1990а, 1991]. А.М. Обломский и В.В. Приймак в это же время обследуют сплошными разведками сумское течение Псла, Ворсклы и поречье Ворсклицы. В бассейне последней А.М. Обломским было раскопано поселение Пожня-1.

Как известно, первоначально мысль о необходимости выделения древностей особого культурно-хронологического этапа, занимающего промежуточное положение между зарубинецкими и раннесредневековыми славянскими памятниками, высказал В.Н. Даниленко. По итогам своих исследований в окрестностях Киева в 40–50-е годы он выделил так называемые позднезарубинецкие памятники киевского типа, которые, по его мнению, должны быть синхронны черняховской культуре. В 50-е годы эта гипотеза большинством археологов-славистов была встречена с недоверием во многом по причине того, что В.Н. Даниленко излагал свои взгляды в весьма краткой, тезисной форме. В полном виде его концепция была опубликована только в 1976 г. [Даниленко, 1976][1].

Известные в 50–60-е годы памятники Днепровского лесостепного Левобережья, позже включенные в состав киевских древностей, первооткрывателями интерпретировались по-разному. Так, "дороменские" материалы Авдеевского селища А.Е. Алихова относила к особому варианту черняховской культуры, который локализуется в области между Сеймом и Северским Донцом и ориентировочно датируется IV–VII вв. [Алихова, 1963. С. 84]. Е.В. Махно на поселении Беседовка выделяла горизонт позднеримского времени, но подчеркивала, что лепная керамика на нем преобладает, а гончарная единична [Махно, 1960. С. 45]. Э.А. Сымонович все памятники с находками гончарной сероглиняной посуды в Верхнем Посеймье считал либо черняховскими, либо переходными от черняховских к раннесредневековым колочинским. Лепной посуде поселения Курган-Азак О.В. Сухобоков находил аналогии на колочинских (или на тех, которые имели киевский и колочинский слои) памятниках Подесенья и Посеймья (Целиков Бугор, Кветунь, Большие Будки и др.). Само селище он датировал серединой I-го тысячелетия н.э. [Сухобоков, 1975. С. 30–40].

Фактически второе открытие киевской культуры[2] произошло в результате работ П.Н. Третьякова и Е.А. Горюнова в Подесенье. В аналитической части, сопровождавшей публикацию материалов, П.Н. Третьяков обосновал принадлежность ранних памятников выделенного им пласта древностей Подесенья III–VIII вв. ко второй четверти I-го тысячелетия н.э. Здесь же были очерчены основные характеристики материальной культуры (конструкция жилищ, облик лепной посуды, погребальный обряд), высказано мнение о типологической близости материалов второй и третьей четверти I-го тысячелетия н.э. деснинского региона [Третьяков, 1974. С. 40–74].

Идеи П.Н. Третьякова получили дальнейшее развитие в кандидатской диссертации Е.А. Горюнова и в опубликованной по ее материалам монографии [Горюнов, 1981]. Древности III–VII вв. Подесенья Е.А. Горюновым были разделены на две хронологические группы, из которых первая (ранняя) сопоставлялась с материалами киевской культуры Среднего Поднепровья, а вторая (более поздняя) – со средневековыми колочинскими. При описании массового материала использована оригинальная типология лепной посуды, во многом не утратившая актуальности и сегодня. По сравнению с работами П.Н. Третьякова археологические признаки деснинских древностей киевского типа детализированы. Идея о преемственности киевской и колочинской культур в Подесенье обоснована путем сравнения эталонных памятников между собой при использовании корреляционных таблиц. По поводу немногочисленных известных к тому времени лесостепных "печеряковских" селищ III–V вв. (Воробьевка-2, Курган-Азак, Беседовка и т.д.) была высказана гипотеза о генетическом родстве их археологического комплекса с киевской культурой и о принадлежности их населению, близкому тому, которое оставило памятники второй четверти I-го тысячелетия в Подесенье. Книга Е.А. Горюнова была первым исследованием, где делалась попытка комплексного описания древностей "позднезарубинецкой линии развития" Днепровского Левобережья и определения места киевских памятников в этнокультурной колонке региона.

Точку зрения Е.А. Горюнова на принадлежность некоторых лесостепных памятников Лево-

[1] В историографическом обзоре, помещенном ниже, рассматриваются только те научные работы, в которых непосредственно анализируются памятники Днепровского Левобережья.

[2] Термин "киевская культура" в научной литературе начинает употребляться с конца 70-х годов. Так, активно его использует Е.А. Горюнов *в своей итоговой монографии о* древностях Днепровского Левобережья [Горюнов, 1981]. Тем не менее еще в книге Р.В. Терпиловского, написанной по материалам Подесенья [Терпиловский, 1984], параллельно используются старый термин "памятники киевского типа" и новый – "киевская культура". Последний окончательно "побеждает" после опубликования статьи Р.В. Терпиловского в коллективной монографии "Этнокультурная карта территории Украинской ССР" [Терпиловский, 1985].

бережья разделял и М.Б. Щукин. В своей программной статье "К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций" он высказал идею о чересполосном существовании киевских и черняховских памятников на Левобережье. М.Б. Щукин первым поставил вопрос о необходимости разграничения ареалов двух культур, а также указал, что исследования этой проблемы в природно-ландшафтном аспекте представляются перспективными [Щукин, 1979. С. 70].

Изучение киевской культуры Подесенья продолжил Р.В. Терпиловский. В монографии и серии статей, изданных в 80-е годы, были собраны сведения обо всех известных к тому времени киевских памятниках региона, опубликованы эталонные комплексы поселений Мезин, Выбли, Киселевка-2, Ульяновка-1, Роище, переизданы некоторые материалы II–V вв. из раскопок П.Н. Третьякова, Е.А. Горюнова, Д.Я. Телегина и других авторов. Древности киевской культуры Подесенья были разделены на две хронологические фазы (III – первая половина IV в. и IV – первая половина V в.) по принципу наличия или отсутствия черняховского импорта. К первой (ранней) были отнесены все памятники, которые фигурировали в работах П.Н. Третьякова и Е.А. Горюнова, ко второй – исследованные Р.В. Терпиловским совместно с Е.В. Максимовым поселения Роище, Ульяновка, Киселевка-1 и -2, Выбли и, кроме того, Мезин. В книге Р.В. Терпиловского, опубликованной в 1984 г., приводятся сведения о хозяйстве киевских племен Подесенья (включая состав стада, набор злаков, ландшафтные характеристики селищ). Набор археологических признаков киевских памятников, ранее очерченных П.Н. Третьяковым и Е.А. Горюновым, был дополнен информацией об инструментарии (как сельскохозяйственном, так и ремесленном). Р.В. Терпиловский разделял концепцию П.Н. Третьякова о генетической связи почепских и киевских древностей, но тем не менее указывал на сложность процесса формирования киевской культуры, в котором определенную роль сыграли племена верхнеднепровского происхождения, оставившие на юге памятники типа Гринеи–Вовков. Традиции киевской культуры Подесенья стали основой колочинских древностей. Наиболее ранние деснинские колочинские памятники (Заярье, Целиков Бугор) сохраняют ряд киевских реликтов [Терпиловский, 1984].

Интенсивные полевые исследования, проводившиеся на востоке Левобережья в конце 70-х – 80-е годы, потребовали осмысления полученного материала. С этой целью была написана монография А.М. Обломского "Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в III–V вв." [Обломский, 1991а]. В этой работе на основании теории этнических процессов в первобытности, разработанной Ю.В. Бромлеем, делалась попытка реконструировать этническую историю региона в римское время. Основное внимание при этом уделялось различным группировкам киевской культуры. В этой книге впервые была применена в полном объеме методика анализа лепной посуды, основные положения которой приводятся во введении к настоящей монографии. Главным достижением книги А.М. Обломского является выделение особого сейминско-донецкого варианта киевской культуры, локализующегося на востоке Днепровского Левобережья и в бассейне Северского Донца. Развитие киевских древностей региона прошло две стадии – дочерняховскую (памятники типа Шишино–Шмырево: начало III в.) и периода черняховского влияния (памятники типа Букреевки–Тазово: середина–вторая половина III – конец IV в.). Сейминско-донецкий вариант киевской культуры сформировался на местной позднезарубинецкой подоснове, но его сложению предшествовала перегруппировка населения, обитавшего к востоку и западу от водораздела Днепра и Дона. В работе констатировалось, что судьбы сейминско-донецких киевских племен в "постчерняховское" время пока не ясны. Возможно, их традиции послужили одним из компонентов раннесредневековой пеньковской культуры. Тем не менее в конце IV – начале V в. в верховьях Сейма и Псла наблюдается смена населения. В этом регионе появляются памятники, родственные деснинскому варианту киевской культуры (Каменево-2, Песчаное, Комаровка-2), т.е. протоколочинские, а сейминско-донецкое население либо ушло отсюда, либо растворилось в среде пришельцев.

В приложении к монографии были опубликованы все материалы киевской культуры, полученные мною во время раскопок в бассейне Северского Донца (поселений и могильников Шишино-5 и Приосколькое-2, селищ Шишино-1, Цепляево Второе), переизданы некоторые коллекции А.Е. Алиховой, В.И. Митрофановой, Е.А. Горюнова и Э.А. Сымоновича, составлена карта памятников I–V вв. региона (позднезарубинецких и киевских) по данным разведок и раскопок.

Период "конституирования" киевской культуры завершился выходом в 1992 г. монографии Р.В. Терпиловского и Н.С. Абашиной, написанной в жанре свода археологических источников [Терпиловский, Абашина, 1992]. В этой книге приводились историография киевской культуры (первый относительно полный очерк), описание всех ее археологических характеристик (от ландшафтов, в которых расположены памятники, до конкретных вещей – с указанием типов и точного количества находок), подробные карты, рисунки опорных комплексов. Отмечено, что памятники киевской культуры концентрируются в четырех регионах – на территории лесостепного Поднепровья, в Верхнем Поднепровье, в Подесенье, на Днепровском Левобережье. В работе обозначены общие хронологические рамки киевской культуры (рубеж

II/III – начало V в.), сделана попытка разделить киевские древности не на две уже ставшие традиционными к этому времени фазы, а на три. Высказана также мысль о решающем вкладе населения киевской культуры (но разных регионов) в сложение не только колочинских, но и пеньковских древностей. Сформировалась киевская культура в основном на позднезарубинецкой подоснове, но, кроме южного населения круга Лютежа–Почепа–Картамышево–Терновки, в процессе ее сложения приняли участие какие-то пшеворские группировки и выходцы с территории Верхнего Поднепровья, о чем свидетельствует распространение в лесостепи поселений типа Гриней–Вовков. Локальные особенности памятников киевской культуры во многом объясняются различием позднезарубинецких субстратов [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 94–97].

Попытка показать механизм формирования различных группировок киевской культуры была предпринята мною в 1992 г. [Обломский, 1992]. Основные положения монографии Р.В. Терпиловского и Н.С. Абашиной впоследствии были включены в докторскую диссертацию Р.В. Терпиловского [Терпиловский, 1994].

На современном этапе исследования киевской культуры, который начался в 1993–1994 гг., актуальны четыре задачи.

Во-первых, требуется уточнение хронологии многих памятников. От этого зависит решение проблемы времени и характера присутствия киевского населения на тех или иных территориях (выделение первоначального ядра, зон колонизации и т.д.). Предложенное Р.В. Терпиловским и Н.С. Абашиной деление материалов киевской культуры на три хронологические фазы, по моему мнению, не является универсальным. Оно справедливо для Подесенья, в какой-то степени для водораздела Днепра и Дона (если считать третьей фазой памятники типа Каменево–Песчаное, т.е. деснинского, а не сейминско-донецкого круга), но пока не аргументировано для Среднего и Верхнего Поднепровья.

Во-вторых, насущной является задача выделения не только территориальных, но и культурно-хронологических групп киевских памятников. До выхода свода Р.В. Терпиловского–Н.С. Абашиной, где превалировал территориальный принцип, эта работа была проделана только для восточной части Днепровского Левобережья [Обломский, 1991а]. В настоящее время ведутся исследования в направлении выделения в рамках киевской культуры древностей различных традиций. Применительно к территории Днепровского Левобережья наметилось вычленение из общего числа поздних киевских поселений Роища и Александровки, которые по своим археологическим характеристикам значительно ближе к древностям лесостепной зоны, чем к более ранним деснинским (типа Лаврикова Леса, Киреевки, Форостовичей) [Обломский, 1996б; Терпиловський, Шекун, 1996]. На средней хронологической стадии киевских древностей Подесенья здесь известны поселения не только деснинского варианта киевской культуры, но и типа Абидни (Мена-5, Верхнестриженское-3) [Обломский, 1996а]. Аргументирована также принадлежность киевских селищ Среднего Посейма и некоторых лесостепных (Беседовки, Курган-Азака) к кругу древностей деснинского варианта киевской культуры (типа Ульяновки) [Обломский, 1994а, 1996а].

В-третьих, много непонятного осталось в отношении происхождения и дальнейших судеб киевского населения Левобережья. Раскопки поселений Попово-Лежачи-4 на Сейме и Гребля в Подесенье – наиболее ранних из тех, которые можно отнести к деснинскому варианту киевской культуры, – показали, что мнение об отсутствии прямой генетической связи почепских и киевских древностей Подесенья, высказанное А.М. Обломским еще в 1986 г., справедливо. Попово-Лежачи и Гребля связаны по происхождению с традициями не почепской, а картамышевской позднезарубинецкой группировки [Обломский, Терпиловский, 1998а].

Не ясны пока судьбы населения сейминско-донецкого варианта киевской культуры. Памятники этой традиции, которые относились бы к гуннскому времени, на Днепровском Левобережье пока не выявлены. Лишь совсем недавно, после раскопок в лесостепном Подонье в 1998–2000 гг., появилось предположение о переселении в этот регион части киевских племен водораздела Днепра и Дона [Обломский, 1999б].

Взаимосвязь населения киевской культуры (включая ту его часть, которая вошла в состав черняховской общности) и раннесредневекового пеньковского пока аргументирована лишь в общих чертах. Механизм взаимодействия различных киевских группировок в процессе формирования пеньковских древностей во многом не ясен.

В-четвертых, требует специальной разработки вопрос о характере взаимоотношений киевского и черняховского населения лесостепи. Подробно эта проблема рассматривалась лишь для водораздела Днепра и Дона и для Среднего Посейма [Обломский, 1991б, 1996б, 1997а]. Некоторые идеи в этом отношении высказаны применительно к Среднему Поднепровью, Подесенью и лесостепному Подонью [Обломский, Терпиловский, 1998б; Терпиловський, 1999]. Материалы киевской традиции в черняховской культуре специально выделялись лишь для Среднего Поднепровья [Обломский, 1998; Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999]. Для Днепровского Левобережья эта работа пока не проделана.

Все перечисленные выше задачи сводятся к одной общей проблеме реконструкции динамики

и направления этнических процессов в лесостепной зоне Восточной Европы. Применительно к территории Днепровского Левобережья эта цель не может быть достигнута путем изолированного анализа отдельных культурных групп. Необходимо комплексное рассмотрение всех памятников региона, не только киевских, но и черняховских, а также кочевнических. В целом киевские древности Днепровского Левобережья неплохо исследованы. Стационарные раскопки проводились на 51 памятнике, большинство материалов либо опубликованы, либо исчерпывающая информация о них содержится в полевых отчетах.

Подробный очерк истории исследований черняховских древностей на Днепровском Левобережье содержится в монографии М.В. Любичева [Любичев, 2000]. Ниже приводятся сведения лишь об общем состоянии полевых работ в те или иные периоды и данные о раскопках эталонных памятников, для того чтобы обозначить основные вопросы изучения черняховских материалов региона.

Раскопки памятников с черняховскими материалами, расположенных к востоку от долины Днепра, начались на рубеже XIX и XX вв., т.е. чуть позже, чем В.В. Хвойка исследовал могильник у с. Черняхов под Киевом. Первым таким памятником был курган у с. Воронцовка, находившийся на территории современного Купянского р-на Харьковской обл. (раскопки Е.И. Мельник) [Мельник, 1905. С. 690, 726].

В 20–30-е годы стационарно исследовался Кантемировский курганный некрополь под Полтавой [Рудинский, 1930], а также могильники и поселения у сел Новая Покровка (работы Т.И. Ивановской и И.Н. Луцкевича 1931–1933 гг.) и Пересечное в Харьковской обл. (раскопки И.Ф. Левицкого 1936–1937 гг., исследования были продолжены Ю.В. Кухаренко и И.П. Костюченко в 40-е годы). Тем не менее большинство археологов в это время ограничивались разведывательными работами (Н.Е. Макаренко, К. Антонович-Мельник и др.) и скрупулезно собирали сведения о случайных находках, что было вполне оправданно, если учесть, что в отношении археологии римского времени Левобережье представляло собой целину. Центрами сбора информации о черняховских древностях стали Полтава и Харьков. Уцелели только полтавские коллекции. Харьковские погибли или были депаспартизированы во время Отечественной войны. От большинства работ, которые проводились под Харьковом, сохранились лишь краткие сведения в своде И.Н. Луцкевича [Луцкевич, 1948].

В 40–50-е годы активно исследовались черняховские поселения и могильники днепровской долины. На территории Левобережья изыскания велись довольно вяло. Раскопки проводились на памятниках, которые были обнаружены случайно во время строительных работ (могильники у Переяслава-Хмельницкого и в Лохвице), но исследовались сравнительно небольшие площади. Е.В. Махно на поселении Коровинцы вскрыла 134 кв. м, на селище Кантемировка – 300 кв. м, а на бескурганном могильнике, расположенном у этого села, было обнаружено 10 погребений. Тем не менее именно в этот период на Левобережье начались первые систематические разведки. Так, Ф.Б. Копылов и Е.В. Махно обследовали Посулье, в 1945–1948 гг. активные поиски памятников позднеримского времени проводила Левобережная экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством И.И. Ляпушкина. Опираясь в основном на довоенные сведения и на информацию о случайных находках, поступивших в музеи, И.И. Ляпушкин выявил множество черняховских памятников и опубликовал их свод, в котором дается не только карта, но и комплексная характеристика древностей. Монография И.И. Ляпушкина [Ляпушкин, 1961] наглядно продемонстрировала необходимость планомерного изучения Днепровского Левобережья.

Тем не менее в 60-е годы работы велись прежними темпами. В этот период Е.В. Махно исследовала могильники в г. Сумы, у сел Писаревка и Новоселовка на Полтавщине, а В.В. Кропоткин – у с. Вовчик. Раскопки проводились очень небольшими площадями, на каждом из этих памятников исследовано по нескольку погребений (больше всего в Вовчике – шесть). В 1968 г. Е.В. Махно начала раскопки одного из эталонных для Левобережья памятников – могильника Успенка, которые были завершены в 1976 г. В 1963 г. Ю.А. Липкинг проводил работы на знаменитой Замощанской дюне под Суджей.

В 60-е годы довольно интенсивно проводились разведки. Правда, специально черняховские памятники искал лишь Э.А. Сымонович, который обследовал долины рек, впадающих в Сейм с юга, в пределах Курской и Сумской областей, т.е. вдоль северо-восточной границы ареала черняховских древностей. Результаты его изысканий были опубликованы в виде свода [Сымонович, 1964].

В 70-е годы масштабы полевых работ на черняховских памятниках Левобережья начинают постепенно увеличиваться. Э.А. Сымонович исследовал памятники Курской обл., правда, по иронии судьбы, большая часть из раскопанных им в этом регионе поселений оказалось принадлежащими поздней фазе киевской культуры, хотя на них и встречался черняховский импорт (Воробьевка, Букреевка, Тазово, Каменево – см. выше). Собственно черняховскими были лишь Снагость-2 и Колосовка. Центром изучения памятников бассейна Северского Донца вновь становится Харьков. В связи со строительством в его окрестностях оросительных систем возникла необходимость в спасательных работах. Харьковские археологи (Б.А. Шрамко, Ю.В. Буйнов, Е.Н. Петренко, А.Г. Дьяченко, А.К. Дегтярь) проводят раскопки

серии поселений и могильников около сел Муром и Родной Край. Следует отметить также разведки Е.А. Горюнова, М.М. Казанского и Г.А. Романовой, имевшие большое значение для уточнения карты черняховских памятников бассейна Сулы, Псла и Ворсклы, и работы Е.В. Махно в районе Переяслава Хмельницкого, которая в 1978 г. начала исследования могильника и поселения у с. Сосновка, продолжавшиеся до 1986 г. Тем не менее и в 70-е годы большинство специалистов по черняховской тематике особого интереса к восточным территориям не проявляли. После прочтения статей и монографий, выходивших в этот период, создается впечатление, что Днепровское Левобережье считалось глубокой периферией черняховской культуры.

Пик изучения черняховских древностей Днепровского Левобережья приходится на 80-е – начало 90-х годов. Издание серии работ по истории черняховского населения Правобережной Украины и Северо-Западного Причерноморья, исследований по этнокультурной ситуации в Юго-Восточной Европе в позднеримское время (В.Д. Барана, И.И. Винокура, М.Б. Щукина, А.Т. Смиленко, Э.А. Сымоновича, Б.В. Магомедова, О.А. Гей, А.В. Гудковой, П.Н. Третьякова, В.В. Седова и др.), несколько конференций по черняховской проблематике и конгрессов археологов-славистов, постепенное накопление информации по восточным черняховским древностям сделали свое дело. Интерес к левобережным черняховским материалам резко возрос. На Левобережье в этот период стационарно было исследовано 25 поселений и могильников, т.е. почти столько же, сколько с начала столетия до конца 70-х годов.

В 80-е годы проводились раскопки большинства эталонных памятников региона (поселений Хлопков-1, Боромля-2, Краснополье, Хохлово, Головино, селищ у сел Гочево и Косовщина, могильников Боромля-1 и Сумы-Сад) и сплошные разведки в бассейне Северского Донца и на востоке Днепровского лесостепного Левобережья, что позволило определить восточную и уточнить северную границу распространения черняховских памятников региона. Продолжались также разведки на Полтавщине. В исследованиях принимали участие археологи из Ленинграда – Г.А. Романова, О.А. Щеглова и Е.М. Горюнова, из Москвы – автор настоящей работы и А.В. Кропоткин, из Киева – Р.В. Терпиловский и А.Н. Некрасова, из Сум – А.И. Журко и В.В.Приймак, из Харькова – Е.Н. Петренко и А.Г. Дьяченко, из Чернигова – А.М. Мултанен, А.В. Шекун и др., из Полтавы – А.Б.Супруненко. Благодаря тому что на нескольких локальных конференциях, которые проходили в Белгороде, Сумах и Курске, удалось достичь координации планов работ, изыскания специалистов из разных научных центров дополняли друг друга, организовывались совместные экспедиции, что позволило значительно повысить эффективность исследований. В конце 80-х годов на Левобережье по проблематике позднеримского времени одновременно работали пять-шесть экспедиций, чего раньше никогда не бывало.

Экономический кризис рубежа 80–90-х годов и последовавший вскоре распад СССР привели к прекращению государственного финансирования. Полевые исследования черняховских памятников Левобережья Днепра и бассейна Северского Донца резко сократились в объеме и в 1992 г. были фактически прерваны. В 1994 г. автор настоящей работы проводил раскопки селища 10-й Октябрь, а М.В. Любичев из Харькова в 1995–1996 гг. – поселения Колесники, но на обоих памятниках были вскрыты лишь сравнительно небольшие площади (около 400 и 200 кв. м соответственно). Прежних масштабов работ достичь не удалось.

К настоящему времени на Днепровском Левобережье раскопками исследованы 54 памятника (табл. 2), из них 20 могильников. Из 34 поселений свыше 500 кв. м вскрыто лишь на 11, а более 1000 кв. м – на 6, т.е. исследованные площади, как правило, невелики. На всех могильниках в общей сложности насчитывается 257 погребений, тогда как в Среднем Поднепровье и на Правобережной Украине их больше 1000. И могильники, таким образом, изучены слабо.

Приведенный выше очерк демонстрирует, что подавляющее большинство черняховских материалов Левобережья получено за 10–15 лет до обвального сокращения работ в середине 90-х годов (табл. 2), т.е. совсем недавно. По этой причине из 54 раскопанных памятников не опубликованы 28, причем как раз те, которые могли бы стать эталонными. Полностью по комплексам изданы материалы 10-ти поселений и могильников, а еще 16-ти опубликованы частично, т.е. в сообщениях о них приводятся либо общая информация о памятнике, проиллюстрированная некоторыми наиболее яркими, как правило, находками, либо краткие сведения о раскопках.

Сохранность коллекций, состояние отчетной документации и качество публикаций далеко не одинаковы. Если состав погребальных комплексов в большинстве случаев поддается реконструкции, то из всех раскопанных поселений полноценная информация имеется лишь по Казачьей Локне, Колосовке, Снагости-2, Артюховке, Хлопкову, Боромле-2, Головино-1 и Белополью. Прочие материалы могут привлекаться лишь в качестве дополнительных.

Территория Днепровского Левобережья обследована неравномерно. Сплошные разведки проводились в основном на востоке региона (по лесостепному течению Псла, Ворсклы, в Верхнем и Среднем Посеймье) и в бассейне Северского Донца (по самому Донцу и его притокам, а также по Осколу). В этих районах расположено и боль-

шинство раскопанных памятников. Информации о Посулье и области, лежащей между Сулой и Днепром (за исключением поречья Трубежа и округи Переяслава-Хмельницкого), значительно меньше. Впрочем, это касается не только черняховской культуры, но и вообще древностей римского времени.

Как уже упоминалось, опубликованы три свода черняховских памятников Днепровского Левобережья (И.Н. Луцкевича, И.И. Ляпушкина и Э.А. Сымоновича). К сожалению, все они в значительной степени устарели. Самый поздний из них – свод Э.А. Сымоновича. Он издан в 1964 г. Материалы 70–90-х годов, естественно, в него не могли попасть. Актуальной, таким образом, является подготовка нового свода. В настоящее время этой работой занимаются совместно А.Н. Некрасова и А.В. Кропоткин, но она еще не завершена. В новом своде, очевидно, необходимо учесть, что многие памятники, на которых найдена черняховская гончарная керамика, включенные в "старые" своды, после нового исследования сохранившихся коллекций или после раскопок оказались принадлежащими киевской культуре (Авдеево, Беседовка, Лебяжье и др.).

Единственным исследователем, который сделал попытку дать общую характеристику черняховского археологического комплекса Левобережья, был И.И. Ляпушкин. С учетом новых материалов подобная работа пока еще не проделана. В какой-то степени восполнить этот недостаток пыталась А.Н.Некрасова, ей же принадлежит и первый очерк динамики заселения черняховскими племенами Днепровского Левобережья. К сожалению, за исключением публикаций материалов поселения Хлопков и могильника Сумы (Сад), ей удалось издать лишь несколько тезисов докладов.

История изучения черняховских древностей Левобережья и собранные в приложении сведения позволяют сделать следующие выводы. Черняховских памятников к востоку от долины Днепра, включая бассейн Северского Донца, пока исследовано сравнительно немного. Документация, позволяющая восстановить характер соотношения материала в слое и объектах, сохранилась далеко не всегда. Полностью или частично утрачены некоторые коллекции, например многие из материалов раскопок, проводившихся под Харьковом не только до войны, но и в 70–80-е годы, в археологических хранилищах города найти не удалось. По этой причине обобщения приходится делать, пользуясь не только прямой, но и косвенной информацией. При нынешнем состоянии источников можно предложить лишь общие очерки происходивших процессов. Для более углубленной разработки черняховской проблематики материалов недостаточно.

В настоящей работе не ставится задача общего описания черняховских материалов Левобережья. Оно, несомненно, необходимо, но выходит за рамки темы исследования. Ниже будет изложена точка зрения автора лишь на несколько аспектов черняховской проблематики. Среди них важнейшие – границы распространения черняховской культуры на север, восток и юг, хронологические рамки черняховских древностей Левобережья Днепра и бассейна Северского Донца, этнический состав черняховского населения региона, характер контактов племен черняховской и киевской культур.

2. Территории археологических культур

Вопрос о границах черняховской культуры на Днепровском Левобережье и на водоразделе Днепра и Дона, и в особенности о восточных пределах распространения черняховских памятников, является дискуссионным. Впервые он был поставлен Э.А. Сымоновичем. По его мнению, все памятники III–V вв., находящиеся на территории Курской обл., принадлежали черняховской культуре, хотя в формах лепной посуды и приемах домостроительства некоторых из них ощущается влияние традиций местного позднезарубинецкого населения. На наиболее ранних селищах (типа Снагости-2) преобладает черняховская гончарная и импортная керамика. На более поздних поселениях (Букреевка-2, Тазово) происходит уменьшение доли гончарной посуды до 20–30% и увеличение – лепной. На финальном для римского времени селище Каменево-2 доля гончарной посуды сокращается до 1–2%. Лепная посуда позднеримских поселений на северо-востоке Левобережья постепенно эволюционирует от набора форм, аналогичного черняховскому, в сторону "протоколочинского". Черняховские и средневековые колочинские древности региона, таким образом, генетически взаимосвязаны [Сымонович, 1983. С. 97–101; 1984. С. 75–80].

Противоположное мнение, как было указано выше, высказывали Е.А. Горюнов и М.Б. Щукин. С учетом современной источниковой базы эту идею развил Р.В. Терпиловский. По его мнению, Букреевка-2, Тазово, Воробьевка-2, Каменево-2 и ряд других памятников относятся к киевской культуре периода ее контактов с черняховской археологической общностью, т.е. составляют особый археологический массив [Терпиловский, 1984. С. 42–52; Терпиловский, Абашина, 1992. С. 152–174; Терпиловський, 1994б. С. 20].

Специально проблемы определения границ черняховской и киевской культур на востоке Днепровского Левобережья рассматривались в моей работе, написанной совместно с А.В. Кропоткиным, и в статье, опубликованной в посвященном памяти В.П. Петрова сборнике [Кропоткін, Об-

ломський, 1991; Обломський, 1997а]. Основная идея этих работ заключается в том, что на водоразделе Днепра и Дона в позднеримское время сосуществуют два типа памятников (черняховские и киевские). Черты сходства между ними, многие из которых были отмечены в работах Э.А. Сымоновича, обусловлены не только вполне закономерным воздействием более развитой культуры на относительно примитивную, но и частичным смешением населения в пограничной зоне.

После 1992 г. была исследована целая серия новых памятников на Днепровском Левобережье, открыт новый этнокультурный массив (древности типа Каширки и Седелок в Подонье), стали доступными многие коллекции, с которыми ранее (в силу разных причин) работать было достаточно трудно. Новые материалы не всегда укладывались в приведенную выше схему. Появилась, наконец, возможность рассмотреть (хотя бы в первом приближении) вопрос об этническом составе носителей черняховской культуры. Все это требует вновь обратиться к теме характера взаимоотношений черняховского и киевского населения на территории Днепровского Левобережья и определить восточные границы черняховской общности, тем более что в упомянутых выше статьях многие положения даны лишь в тезисной форме.

* * *

Какие памятники на Днепровском Левобережье можно считать черняховскими? Естественно, к ним относятся исследованные раскопками биритуальные могильники с захоронениями по обрядам ингумации и кремации с характерной гончарной керамикой и специфическими украшениями "фасеточного" стиля (по терминологии М.Б. Щукина и Т.А. Щербаковой) [Щербакова, Щукин, 1991. С. 49–51] (табл. 2). Сложнее обстоит дело с поселениями. Обычно черняховскими считаются те селища, на которых пребладает специфическая гончарная керамика. Такой подход достаточно примитивен, он не учитывает своеобразия прочих материалов. Кроме того, на стадии формирования культуры посуда, изготовленная на гончарном круге, не получила еще такого широкого распространения, как позже. Примером может служить поселение Журавка Ольшанская – эталонный черняховский памятник Среднего Поднепровья – в ранних постройках которого гончарная керамика не превышает 10%, да и в погребениях классического черняховского могильника Компанийцы лепных сосудов очень много [Махно, 1976; Обломский, 1997в; 1999в]. Тем не менее этим "арифметическим" принципом, учитывая его условность, приходится руководствоваться, по крайней мере, на стадии сопоставления наиболее общих ареалов археологических массивов, поскольку он делает возможным работу с многочисленными материалами разведок. Границы черняховской культуры, определенные таким путем, очерчивают ее территорию в период расцвета, т.е. тогда, когда гончарная керамика становится массовой ремесленной продукцией.

На Левобережье Днепра черняховские памятники распространены в бассейнах всех основных рек лесостепной зоны: Сулы (включая Удай), Псла и Ворсклы от верхнего течения до устья (рис. 1). Северная граница массива проходит по южному краю долин Десны и Сейма в его нижнем и среднем течении. Скопления черняховских памятников известны, например, на Остре, на южных притоках Сейма (в поречье р. Езуч и др.) и на левом берегу Сейма ниже устья р. Снагость.

Разведки 80–90-х годов позволили уточнить северо-восточную границу распространения памятников с преобладанием гончарной керамики на территории Курской и Белгородской областей. Основной массив черняховских поселений занимает бассейн р. Снагость, но отдельные селища известны несколько севернее (на Сейме – Рассыльная-1, на Рогозне – Поповка и Колосовка) и восточнее – на Реуте (Мальцево Второе-1 и -2 и Чапли-13), а также в истоках Сейма (Горбуновка). Кроме последнего, все памятники расположены западнее условной линии, соединяющей реки Рогозна (приток Сейма) и Туровец (приток Псла).

На Псле восточнее р. Туровец черняховские памятники неизвестны. Южнее восточная граница черняховского массива проходит по долине р. Пены, по верховьям Ворсклы до места слияния Северского и Липового Донца, где находится группа поселений у сел Хохлово и Шишино. Выше по течению Донца известно лишь одно селище – Стрельниково.

Далее к югу восточной границей области концентрации поселений с преобладанием гончарной керамики служит долина Северского Донца, хотя некоторые памятники встречаются и восточнее (в поречье р. Великий Бурлук – Голубовка-2).

Южная граница черняховского массива довольно размыта. Условно ее можно провести по линии, соединяющей реки Мжа (приток Северского Донца) и Орель. Эта линия в основном совпадает с современной границей степи и лесостепи (рис. 1). Южнее в степи известны захоронения кочевников-аланов.

Черняховские биритуальные могильники занимают ту же территорию, что и поселения, на которых встречена в основном гончарная керамика. Успенка, самый северный стационарно исследованный могильник, находится практически на водоразделе Сулы и Сейма, а Родной Край-1 (самый юго-восточный) – в пойме р. Уды (правого притока Северского Донца).

Известные к настоящему времени на территории лесостепи Левобережья поселения позднеримского периода с преобладанием лепной керамики над гончарной образуют несколько областей

концентрации. Первая из них расположена в Верхнем Посулье чуть выше г. Ромны; вторая – в среднем течении Псла около г. Сумы; третья – в бассейне Ворсклы при впадении в нее Ворсклицы, включая также низовья Пожни и Боромли; четвертая – в верховьях Псла при впадении в него р. Пены, приблизительно между городами Обоянь и Белая; пятая (самая обширная) занимает нижнее и среднее течение р. Тускарь, верховья Сейма между устьями впадающих в него рек Полная и Реут, а также среднее течение Реута; шестая охватывает верховья Северского Донца выше г. Белгорода и долину Липового Донца; седьмая занимает нижнее и среднее течение рек Короча и Корень (левых притоков Северского Донца); восьмая находится в среднем течении р. Уды; девятая и десятая – на Осколе (от устья р. Котел до г. Новый Оскол и в окрестностях г. Валуйки). Вне этих зон концентрации позднеримские памятники, в коллекциях находок которых господствует лепная керамика, встречаются, но они довольно редки. Множество поселений с находками лепной керамики (в основном) и отдельных фрагментов черняховских гончарных сосудов обнаружено в Среднем Посеймье ниже устья Снагости и в долинах рек Клевени и Эсмань, но эта территория в историко-культурном отношении принадлежит не к лесостепной днепровской левобережной, а к деснинской области (рис. 1).

Ареалы черняховских памятников и поселений с господством лепной посуды накладываются друг на друга, но не полностью, а только в области, лежащей к западу от Северского Донца, верховьев Псла и Среднего Посеймья. Массив черняховских селищ не распространяется на территорию Донецко-Оскольского междуречья и на верховья Сейма. Этот вывод вполне достоверен, поскольку подавляющее большинство речных долин очерченного региона обследовано сплошными разведками [Обломский, 1991а. С. 5–6. Рис. 1].

3. Ландшафты и размеры поселений

Различаются ли поселения с господством гончарной керамики и селища со сравнительно небольшим ее количеством по топографии? Для решения этой задачи наиболее продуктивным представляется метод, предложенный Р.Г. Шишкиным; этот исследователь рассматривает ландшафт как систему взаимосвязанных элементов рельефа: речных долин, балок, склонов, равнин и террас. Нанеся на крупномасштабные карты памятники черняховской и киевской культур, расположенные в пределах обследованного сплошь участка Среднего Поднепровья между реками Ирпень, Стугна и Красная, по наиболее характерному сочетанию элементов Р.Г. Шишкин выделил семь типов ландшафтов:

1) равнинно-балочный (склоны и края долин оврагов, как правило обводненных),

2) равнинно-склоновый (пологий склон равнины, спускающийся в долину реки или ручья),

3) равнинно-террасовый (верхние равнинные участки террас над поймами рек),

4) пойменно-террасовый (надпойменные террасы рек),

5) террасово-склоновый (склоны надпойменных террас),

6) пойменный (останцы в пойме),

7) террасовый [Шишкин, 1996. С. 60].

Выделение последнего типа, по моему мнению, вряд ли правомерно, так как "терраса" по условиям своего образования представляет собой элемент рельефа, возникший в результате водной эрозии. Он не может быть изолированным и постоянно выступает в сочетаниях с другими деталями ландшафта либо речных долин, либо оврагов или озер. Рассмотрим, какие из типов ландшафта (без учета седьмого) характерны для черняховских поселений.

Все основные данные о селищах позднеримского времени на территории Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца (для которых имеются сведения о ландшафте, размерах, высотах над уровнем водного источника, точные привязки к рекам, ручьям или балкам, а не просто информация о находках черняховской гончарной керамики) сведены в справочные таблицы (табл. 3–10). По имеющимся в литературе и отчетах описаниям тип ландшафта удалось определить для 440 черняховских памятников Курской и Белгородской областей России и Полтавской, Харьковской, Черниговской, Киевской и Сумской областей Украины. Из них на оврагах расположено 34% селищ (тип 1), на участках равнин на краях речных долин (как на вершинах, так и на склонах) – 14% (типы 2 и 3), на надпойменных речных террасах – 46% (типы 4 и 5). Меньше всего памятников, занимающих останцы в поймах, – 6% (тип 6). Это обобщенные данные, которые не всегда соответствуют статистике по отдельным областям. Так, в Курской обл. преобладают поселения, которые находятся на склонах равнин, в Черниговской – расположенные на овражистой сети, в Белгородской, Сумской и Харьковской областях доля поселений, занимающих участки балок, превышает среднее значение для региона в целом. Если учесть, что памятники типов 1–3 находятся на плато коренных берегов рек, включая пересекающие его овраги, то во всех областях, кроме Полтавской, их общее количество превышает число поселений, расположенных на надпойменных террасах и на останцах в поймах, т.е. ориентированных на речную долину (типы 4–6). Доля памятников первой группы

составляет от 50 до 60% (табл. 11). Наличие относительно большого (по сравнению с другими областями) количества "долинных" памятников на Полтавщине, вероятнее всего, обусловлено особенностями исследованности ее территории. Значительная часть учтенных в области черняховских поселений обнаружена в результате разведок Е.А. Горюнова, М.М. Казанского и С.П. Юренко (табл. 9), которые в силу своих "раннеславянских интересов" в основном обследовали террасы и поймы рек. Поисками памятников на оврагах на Полтавщине занимались гораздо меньше. Эти исследования вели преимущественно местные археологи, поэтому поселения, расположенные на участках балок, сосредоточены, как правило, в окрестностях городов или находятся на их территории (в первую очередь Полтавы, Хорола, Опошни и Кременчуга). Учитывая эти обстоятельства, следует признать, что вывод Р.Г. Шишкина о том, что для черняховских поселений наиболее характерны равнинно-балочные и равнинно-склоновые ландшафты, сделанный на материалах Среднего Поднепровья [Шишкин, 1996], в принципе справедлив и для Днепро-Донецкого региона, хотя "долинных" памятников здесь значительно больше.

Спектр ландшафтов лесостепных поселений с преобладанием лепной керамики резко отличается от черняховского и довольно близок к киевскому Подесенья–Среднего Посеймья, т.е. более северных областей. Из 69 селищ, топография которых более-менее ясна, 75% относятся к "долинной" группе (типы 4–6) (табл. 12, 13, рис. 24). Из них преобладают памятники, расположенные на краях первых надпойменных террас, а доля селищ на останцах в поймах составляет 16% (против 5–8% черняховских памятников, находящихся в сходных условиях). Различается и топография памятников "равнинной" группы. Среди них на краях и склонах балок расположено всего 5% селищ, на которых лепная керамика преобладает, тогда как среди черняховских памятников повсюду (за исключением Курской обл.) в этой группе господствуют поселения, занимающие края оврагов.

Информация о почвенных характеристиках культурного слоя в большинстве отчетов отсутствует. Как правило, при описании памятника о почвах просто забывают. По тем скудным сведениям, которые удалось собрать, видно, что черняховские памятники в подавляющем большинстве находятся на черноземах. Исключения составляют немногочисленные поселения на дюнах, которых в целом меньше 4%, так как в ландшафтный тип селищ, расположенных в поймах, включены памятники не только на песчаных всхолмлениях, но и на останцах черноземных террас.

Поселения с преобладанием лепной керамики также занимают в основном черноземные участки речных долин, но доля памятников, находящихся на песчаных или суглинистых почвах (т.е. нечерноземных), достаточно велика.

Сведения о размерах селищ имеются для 62 памятников с преобладанием лепной керамики и 337 черняховских. Они помещены в табл. 5–10, на основании которых построен график (рис. 25). Гистограммы для обоих типов поселений получились похожими: они практически совпадают до пятой позиции, а затем начинаются различия. В обоих случаях памятников площадью до 0,1 га очень мало (соответственно 2 и 1%). Наиболее многочисленны поселения площадью 0,1–1 га (36 и 28%), далее в порядке уменьшения доли следуют селища площадью 1–2 га (29 и 21%), 2–3 га (17 и 16%), 3–4 га (8 и 7%) и 4–5 га (по 5%). Более крупных поселений с преобладанием лепной керамики очень мало (4%), чего не скажешь о черняховских. Среди памятников этого типа селищ площадью более 5 га – 23%, причем среди них выделяется группа очень обширных – от 14 до 42 га и больше (7%).

* * *

Анализ макропризнаков поселений (без учета состава материалов, с них происходящих: форм сосудов, типов прочих предметов, конструкции и планировки жилищ, хозяйственных сооружений и т.д.) продемонстрировал, что селища с преобладанием лепной керамики и черняховские отличаются друг от друга по основным показателям, не совпадают полностью и области их распространения.

1. Поселения двух типов имеют разные спектры ландшафта.

2. Черняховские в отличие от тех, на которых лепная керамика преобладает, жестко "привязаны" к черноземным грунтам.

3. При совпадении размеров большинства поселений обоих типов, выделенных по составу керамики, черняховские могут быть как маленькими, так и очень обширными. Селища, на которых лепная керамика господствует, в основном относительно небольшие по площади.

4. Ареалы двух типов памятников совпадают лишь частично. Черняховские в масс своей не распространены в междуречье Северского Донца и Оскола и в верховьях Сейма.

5. Памятники с преобладанием лепной керамики образуют несколько локальных областей повышенной концентрации, которые особенно отчетливо различимы на тех территориях, где проводились сплошные разведки: в бассейне Северского Донца, включая долину Оскола, в лесостепном течении Сейма, Псла и Ворсклы. На большей части черняховского ареала каких-либо скоплений памятников, отделенных друг от друга пустующими землями, нет. "Белые пятна"

на карте их распространения возникли в результате неравномерного изучения территории. Примером может служить Полтавщина, где, несмотря на то что водоразделы обследованы слабо, черняховские памятники известны в долинах практически всех рек лесостепи (больших и малых).

Различия в ландшафтах, почвах и размерах селищ вполне объяснимы разными способами ведения хозяйства населением, оставившим памятники с преобладанием гончарной керамики над лепной, и наоборот. Черняховские поселения "ориентированы" на черноземные поля, тогда как селища, на которых господствует лепная посуда, – в основном на речные долины с пойменными лесами и лугами. Наличие среди черняховских селищ довольно высокого процента больших по площади позволяет сделать вывод о росте населения некоторых общин в результате возможности получать относительно стабильные высокие урожаи при обработке черноземных почв.

Сосуществование на одной территории населения двух разных культурно-хозяйственных типов хорошо известно по данным как этнографии, так и археологии. Ближайшим регионом, который в этом отношении может служить примером, является лесостепное Подонье в раннеримское время, где курганные сарматские погребения и позднескифские городища расположены чересполосно [Медведев, 1997. С. 29–32]. На Днепровском Левобережье и в бассейне Северского Донца картина иная. Ареалы черняховских памятников и поселений с преобладанием лепной посуды совпадают лишь частично. По всей видимости, при распространении черняховской культуры на восток местное население сохранило свою этнографическую специфику по крайней мере на землях, лежащих к востоку от Северского Донца.

В 1991 г. автором был сделан вывод, что поселения с преобладанием лепной керамики на территории Днепровского Левобережья принадлежат в основном сейминско-донецкому и десninскому вариантам киевской культуры, некоторые памятники относятся к начальной стадии пеньковской археологической общности [Обломский, 1991а. С. 90–99, 121–128]. Какова же была судьба той части киевского населения, которое оказалось в пределах черняховского ареала? Теоретически оно могло либо влиться в состав черняховской культуры, либо покинуть места своего первоначального обитания и уйти на север или восток, либо, наоборот, появиться на Левобережье после ухода оттуда "черняховцев". Справедливыми могут оказаться и все три высказанных предположения. Для того чтобы ответить на вопрос о характере соотношения киевских и черняховских памятников в лесостепи Днепровского Левобережья, требуется более детальный анализ позднеримских материалов этого региона.

4. Лепная керамика сейминско-донецкого варианта киевской культуры (памятников типа Букреевки–Тазово)

Основу для реконструкции археологического комплекса представляют собой поселения, исследованные раскопками (могильники пока неизвестны). К сейминско-донецкому варианту киевской культуры относятся Букреевка-2, Воробьевка-2 (очаг А), Гочево-1 (постройка 1, одна из ям и некоторые материалы из культурного слоя), Гочево-3 (постройки 1, 5, 6, 10, возможно, 9 и, кроме того, нижний горизонт постройки 7 – ни в одной из полуземлянок позднеримского времени этого памятника отопительные сооружения не прослежены, очаг 1, ямы 2–4, 6–9, 15, 19, 25, 48, 54, 60, 70, 86, 95, находки из слоя), Гочево-4 (постройки 2 и 3, яма 5, очаги 1, 2, развал корчаги из слоя), Шишино-1, Дачное-2 (горизонт позднеримского времени), Цепляево-2 (материалы из культурного слоя, построек 1, 2, 4, частично из постройки 3 и некоторых хозяйственных ям), Новодоновка-2 (культурный слой, заполнение хозяйственной ямы на раскопе), Родной Край-3 (жилище 1 и 2, яма 4), Тазово, Авдеево ("римский период" поселения, раскопанного А.Е. Алиховой), Боромля-2 (ранний горизонт), 10-й Октябрь (постройка 2), Богородичное (рис. 1). Все они представляют собой неукрепленные поселения. Если атрибуция большинства памятников не вызывает сомнений, то материалы некоторых из них все же требуют специального источниковедческого анализа.

ГОЧЕВО-1 (рис. 26). Авторы публикации материалов поселения Н.А.Тихомиров и Р.В. Терпиловский считают его "наиболее ранним памятником киевской культуры востока Днепровского Левобережья, сохранившим в силу этого обстоятельства ряд переживших позднезарубинецких черт" [Тихомиров, Терпиловский, 1990. С. 60]. По моему мнению, кроме этого горизонта, на памятнике есть еще один – позднекиевский.

Большая часть объектов поселения содержат однородный в культурно-хронологическом отношении керамический материал: обломки груболепных сосудов, действительно близких по формам и орнаментации к позднезарубинецким, и немногочисленные фрагменты лощеных лепных мисок. Исключением является постройка 1. Из заполнения этой полуземлянки происходят обломки сильнопрофилированного округлобокого и "тюльпановидного" лепных горшков вместе с несколькими фрагментами черняховских гончарных сосудов. Последние найдены только в этом объекте и еще в культурном слое, причем, судя по отчету Н.А. Тихомирова за 1986 г., они концентрировались в основном на двух участках – около по-

строек 1 и 4. Последняя перекрывается ямой, в которой находился скелет лошади. На краю ямы обнаружена бронзовая двучленная подвязная с пригнутой ножкой и коленчатой спинкой фибула варианта Б2 по Е.Л. Гороховскому (рис. 26: 18) – типичное украшение черняховского круга, которое никак не может быть синхронно ранней киевской керамике. Таким образом, к поздней стадии киевской культуры на памятнике относятся постройка 1 и яма, накладывающаяся на постройку 4.

ГОЧЕВО-3 (рис. 27). Исследования О.А. Щегловой и В.М. Горюновой 1987–1991 гг. Памятник многослойный. В отчетах о раскопках и по материалам коллекции находок выделяется девять периодов его заселения: эпохи неолита и бронзы, скифское время, позднезарубинецкий этап, поздняя фаза киевской культуры, черняховская и колочинская культуры, волынцевский и древнерусский горизонты. К позднезарубинецкому периоду относятся ямы 67, 68, 96, 101 и "коническая печь", глинобитные стенки которой имели субструкцию из черепков лепных сосудов. Все объекты концентрируются на юго-восточной оконечности раскопа. Керамика этого этапа существования памятника (как с шероховатой, так и с лощеной поверхностью) типична для поселений круга Картамышево-2. В первые века н.э. Гочево-3, таким образом, было позднезарубинецким поселком, входившим в хорошо известную по работам Е.А. Горюнова и В.М. Горюновой область концентрации селищ этого времени в верховьях Псла. В киевских объектах преобладает лепная керамика, которая встречена в них наряду с черняховской гончарной. В сооружениях, для которых имеются статистические данные, посуды, изготовленной на круге, – 12,5% (яма 60), 17% (постройка 10), 39% (постройка 6), 41% (постройка 5). Объекты киевского горизонта концентрируются в восточной и западной частях раскопа, а в центре его их сравнительно немного. В западной половине вскрытой в Гочево-3 площади сосредоточены и черняховские сооружения, среди материала которых резко преобладает гончарная керамика либо встречена только она. К черняховскому горизонту относятся постройки 8 и 13, яма 63, представляющая собой маленькую постройку, очевидно, хозяйственного назначения, ямы 53, 55, 1 и 4Б 1988 г., очаги 2, 3, 4. Все постройки черняховского этапа углублены в грунт. Интересно, что по периметру одной из них (8) с северной, западной и восточной стороны котлована, но выше его, в культурном слое прослежен завал глинобитной стены с отпечатками прутьев каркаса. Это подтверждает высказывавшееся ранее многими авторами предположение, что стены некоторых черняховских полуземлянок не были "опущены в котлованы", а проходили поверху. В углублении, оставшемся от заброшенной киевской полуземлянки 7, в черняховское время была устроена свалка мусора. Об этом свидетельствует статистика керамики. На полу сооружения обнаружены обломки исключительно лепной посуды. В нижней части заполнения (штык 3) гончарной керамики было 50%, в средней (штык 2) – 56%, в верхней (штык 1) – 74%. Постройку 7 перекрывает сверху очаг, в качестве субструкции которого были использованы исключительно гончарные черепки. Ситуация на западной оконечности раскопа в Гочево-3 напоминает Боромлю-2, где в черняховский период также использовались ямы мусорных свалок западины от более ранних киевских жилищ (см. ниже). Киевские сооружения, концентрирующиеся в восточной части раскопа (постройка 1, окружающие ее с запада восемь хозяйственных ям – № 2–9, выносной глинобитный очаг 1, на поверхности которого найден крупный фрагмент лепной лощеной миски, деформированной огнем, и ямы 15, 19), составляют, по всей видимости, усадьбу [Обломский, 1999а. Рис. 7]. Из заполнения котлована постройки 1 наряду с груболепной и гончарной черняховской керамикой происходит фибула группы VII О. Альмгрена (с высоким приемником и гладкими накладными кольцами), такая же, как из Родного Края-3, Букреевки-2 и Боромли-2 [Горюнова, 1987. С. 2–8]. Эта находка свидетельствует о том, что киевский горизонт Гочево-3 относится к начальному периоду влияния черняховской культуры на киевскую, т.е. ко второй половине – концу III в. (подробнее об этом см. в разделе о хронологии). Планиграфия киевских объектов западной части раскопа менее отчетлива. Здесь к этому периоду относятся постройки 5, 6, 9, 10, нижний горизонт постройки 7, ямы 25, 48, 54, 60, 70, 86, 95. Судя по размерам, форме котлованов, характеру пола, постройки 5, 6 и 9 вряд ли могли быть жилищами. Не исключено, что ими являлись постройки 7 и 10.

Из черняховской полуземлянки 8 происходит боковая обкладка трехслойного гребня с низкой полукруглой спинкой (тип 1/2 по классификации Г.Ф. Никитиной [Никитина, 1969. С. 149. Рис. 1]). Подобные гребни датируются широко (по Е.Л. Гороховскому – 1–4 фазами черняховской культуры), но чаще всего они встречаются до середины IV в. [Гороховский, 1988б. С. 42–44]. Из культурного слоя памятника происходит серия датирующих вещей позднеримского времени (две овальные пряжки с относительно тонкими рамами, еще один гребень с полуовальной спинкой, прогнутая подвязная фибула со стреловидно расширенной ножкой, уникальная для днепровской лесостепи одночленная прогнутая подвязная фибула с узкой спинкой, украшенной фасетками, обломок ручки инкерманской амфоры). Все эти изделия имеют широкие даты, но среди них нет диагностов позднечерняховского периода (С3 и D1 Я. Тейрала или 4–5 фаз Е.Л. Гороховского). Наиболее вероятная дата черняховского горизонта Гочево-3, таким образом, от конца III в. (позже относящейся к преды-

дущему периоду фибулы группы VII) и до середины IV в.

Несколько слов о лепной керамике Гочево-3. Посуда киевского горизонта, как правило, имеет рыхлое тесто с крупными зернами шамота. Обломки лепных горшков, которые можно было бы связать с черняховским периодом, по фактуре совершенно другие. Их тесто плотное, примеси либо неразличимы, либо сильно измельчены (в том числе и шамот). Поверхность зачастую имеет следы заглаживания щепкой, от чего остаются характерные мелкие насечки. Эта керамика происходит из культурного слоя и из верхних штыков заполнения постройки 7, где преобладает гончарная посуда. Формы лепных горшков черняховского горизонта довольно стандартны. За редким исключением, они имеют прямой раструбообразный венчик, иногда с бордюром по краю, и округлобокое тулово с хорошо выраженной выпуклой дугой в верхней части профиля (рис. 28: 1–12; как на черняховских поселениях Кантемировка, Снагость-2 и Хохлово-2). Набору киевской культуры горшки такой формы чужды. От киевского к черняховскому горизонту в Гочево-3, по всей видимости, происходит смена населения.

ГОЧЕВО-4 (рис. 28, 29). Раскопки Г.А. Романовой и В.М. Горюновой 1987–1989 гг. На поселении обнаружены погребение эпохи бронзы, объекты черняховской культуры и поздней фазы киевской. К черняховскому периоду относятся завалы обожженной глиняной обмазки, которые были интерпретированы авторами раскопок как остатки сгоревшей наземной постройки 1. По моему мнению, на плане раскопа видны следы не одной, а двух построек, из которых меньшая (1а) имела размеры около 3 × 3 м, а большая (1) – 14,5 × 5 м. В конструкцию постройки 1а входил погреб. Последний составлял с постройкой единое целое, так как в его заполнении прослеживалась часть рухнувшей туда стены дома. В погребе и завале обмазки от стен наземной постройки 1а обнаружены черняховская гончарная керамика, единичные фрагменты лепных сосудов, часть из которых явно относятся к эпохе бронзы, железная игла. В кротовине, в которую попали отдельные находки из заполнения погреба, найдена бронзовая двухпластинчатая фибула подгруппы 1 типа ББ по классификации А.К. Амброза (рис. 28: 18). Подобные украшения, по периодизации Е.Л. Гороховского, на черняховских памятниках получают распространение во второй половине IV в. [Гороховский, 1988б. С. 44], не исключается и раннегуннский период.

Объекты киевской культуры (углубленные постройки 2 и 3, яма 5) на поселении по стратиграфии являются более ранними. Полуземлянка 2 и яма 5 перекрываются наземной черняховской постройкой 1а, а полуземлянка 3 – постройкой 1. Из постройки 2 происходит лепная керамика, в том числе полностью восстановленный биконический горшок, фрагмент пряслица, проколка, зубец костяного гребня. В яме 5 лепная посуда составляла около 50% [Горюнова, 1988. С. 16–20]. В заполнении постройки 3 обнаружены лепная керамика киевской культуры, два пряслица (уплощенно-сферическое и биконическое), а на полу – фрагмент сложносоставного костяного гребня с железными гвоздиками [Горюнова, 1989. С. 22–23], спинка которого, судя по сохранившейся части, могла быть либо подтреугольной, либо полуовальной, либо трапециевидной. Гребни этих форм для древностей черняховского круга – относительно ранние и наибольшее распространение имели до середины IV в. (рис. 29). Киевским является также развал лепного округлобокого горшка с вдавлениями по венчику из культурного слоя. К этому же горизонту памятника относятся и очаги 1 и 2, в качестве субструкций глинобитных подов которых использовалась характерная лепная керамика.

Ситуация на поселении Гочево-4, таким образом, аналогична зафиксированной в Гочево-3: по стратиграфии черняховский горизонт селища по отношению к киевскому – более поздний. По соотношению дат обломка гребня из киевской постройки и фибулы из черняховской смена горизонтов приходится на время около середины IV в. Происходит ли в этом случае и смена населения? Выделить комплекс лепной керамики, который достоверно относился бы к черняховскому горизонту, на этом памятнике невозможно. Из завалов наземных домов происходят отдельные черепки лепных сосудов, но они найдены среди обмазки от стен, т.е. могли попасть в объекты во время разрушения построек и из культурного слоя, где достаточно много киевской керамики. Ни в одном из черняховских сооружений нет ни развалов сосудов, ни скоплений обломков лепных горшков и мисок. Тем не менее в культурном слое встречены фрагменты лепных сосудов, по фактуре аналогичных тем, которые в Гочево-3 относятся к черняховскому горизонту. Большинство из них принадлежат тем же округлобоким горшкам с раструбовидным горлом, но есть и обломок биконического сосуда. Вопрос о том, сменили ли в Гочево-4 "черняховцы" население существовавшей здесь ранее киевской общины, или пришельцы влились в ее состав, во многом изменив общий облик материальной культуры, до новых раскопок памятника остается открытым.

ТАЗОВО (рис. 30). Исследования Э.А. Сымоновича 1979 г. Датировка этого памятника, которую предлагает автор раскопок (IV–VI вв.), мне кажется завышенной. Аргументами, подтверждающими существование поселения в эпоху раннего средневековья, служат аналогии баночных слабопрофилированных сосудов горшкам колочинского типа, а также колечко со слабо расширенными концами, параллели которому Э.А. Сымонович

находит в материалах могильников Лебяжье и Княжий [Сымонович, 1986. С. 192].

Лепная керамика в культурном слое памятника на разных участках составляет 51–93%, т.е. гончарная керамика встречается повсеместно и в довольно значительном для позднекиевских поселений количестве. В постройке 1 обнаружено 3% гончарной черняховской посуды и 3% амфорного материала, в постройке 3 – 17% гончарной керамики, в постройке 4 – 25%. Лишь в постройке 2 гончарной керамики не было.

Весь набор находок поселения (грузила для ткацких станков, пряслица характерных форм, побойники, железные гвозди и т.д.) достаточно типичен для римского времени. Ничего специфически средневекового на поселении Тазово нет.

Горшки типа I,3-а по принятой в настоящей работе классификации (рис. 2) на территории Курского Посеймья не являются формой, характерной только для колочинской культуры, а начинают использоваться значительно раньше – в I–II вв. Что касается колечка, то оно, по описанию в отчете Э.А. Сымоновича, происходит из ямы 6, связанной с жилищем 4. Кроме колечка, в комплекс материалов из "заполнения жилища и его ближайшего окружения" входят бронзовый колокольчик, костяной гребень (рис. 30: 16), черняховская гончарная керамика и лепная посуда [Сымонович, 1986. С. 187–188], т.е. на селище Тазово колечко явно относится к позднеримскому времени. По моему мнению, оснований для того, чтобы считать какие-либо объекты или материалы из слоя поселения раннесредневековыми, нет.

АВДЕЕВО (рис. 31). На памятнике проводили исследования А.Е. Алихова и Э.А. Сымонович. Материалы позднеримского времени происходят только из раскопок А.Е. Алиховой 1948–1959 гг. На поселении А.Е. Алихова выделила несколько комплексов керамики: "городищенский" (юхновский), "черняховский", роменский и древнерусский. С "черняховским" периодом исследовательница связывала находки не только гончарной, но и многочисленной лепной посуды, по формам во многом "близкой к зарубинецкой керамике" [Алихова, 1963. С. 76–79, 84]. Лепная керамика численно преобладала, хотя точное ее количество нигде не указано. "Черняховский" горизонт датируется, по мнению А.Е. Алиховой, IV–VII вв. Очевидно, что эта дата не соответствует современным представлениям о черняховской хронологии. Нуждается также в конкретизации культурная принадлежность материалов позднеримского времени. Для разрешения этих спорных вопросов пришлось заново проанализировать отчетную документацию А.Е. Алиховой и обратиться к материалам раскопок, которые хранятся в Курском государственном музее археологии. В результате выяснилось, что достоверно к позднеримскому времени относятся лишь три объекта.

Яма на кв. Г3–Г4 раскопа Г. Ее глубина – 1,4 м, форма – колоколовидная. Верхний слой заполнения представлял собой серовато-желтый песок, залегавший до глубины 40 см от края ямы. Под ним находилось скопление закопченного мергеля. Ниже его до дна яма была заполнена гумусированным суглинком. Основная масса керамики происходит из нижней части песчанистой засыпки и заполнения под ней. Выше обнаружены лишь два черепка. Керамика из ямы представляет собой, таким образом, закрытый комплекс [Алихова, 1963. С. 76].

Из обломков удалось склеить две целые формы – груболепной горшок и подлощенную лепную миску. В публикации не упоминаются, но в отчете отмечены находки фрагментов черняховских гончарных сосудов из ямы [Алихова, 1948. С. 12] (рис. 31: 19,20).

Раскоп IX, печь 1. Представляла собой, по-видимому, открытый глинобитный очаг, типичный для поселений позднеримского времени лесостепи. Размеры пода 0,9 × 1 м. Из его субструкции происходят обломки верхней части сильнопрофилированного лепного сосуда, рядом обнаружен развал конической миски [Алихова, 1963. С. 75].

Раскоп IX, печь 2. Также атрибутирована ошибочно. Представляла собой яму циллиндрической формы, диаметром 1,3 м и глубиной 30–40 см, заполненную черным гумусом с "вкраплениями белого цвета" (золы?), включениями угля и обожженной глиняной обмазки. Из ямы происходит черняховский гончарный горшок.

На поселении обнаружено восемь различных по размерам скоплений глиняной обмазки. В одном случае такое скопление перекрывало упоминавшийся выше очажный под римского времени, в другом – под ним были найдены фрагменты черняховских гончарных сосудов. Обмазка, таким образом, относится к более позднему периоду заселения селища, чем "черняховский". Последнее наблюдение, кроме стратиграфии, подтверждается и тем, что в пятне обмазки на кв. XVII–XIX/53 раскопа IX обнаружен фрагмент роменского горшка.

Вызывает сомнение также принадлежность к горизонту римского времени корчаги, обнаруженной на раскопе В, хотя по форме она и близка к сосудам типа I,3-а киевской культуры (рис. 31: 18). Корчага происходит из скопления обожженной глины, которое перекрывало яму. В нижней части заполнения последней была встречена роменская и гончарная древнерусская керамика.

Как будет показано ниже, по набору форм и их процентному соотношению лепная посуда "черняховского горизонта" поселения Авдеево относится к поздней фазе сейминско-донецкого варианта киевской культуры.

БОРОМЛЯ-2 (рис. 32–34). Разведывательные раскопки В.В. Приймака 1986 г., стационарные исследования А.Н. Некрасовой и Р.В. Терпиловского 1987–1991 гг.

А.Н. Некрасова выделила на памятнике три культурно-хронологических горизонта (или этапа заселения), учитывая состав керамического комплекса и стратиграфию. Сооружения первого из них (нижнего) содержат 70–96% "местной" (киевской) лепной керамики, второго – от 70 до 35% лепной посуды "как киевского, так и вельбарско-пшеворского типа", третьего, наиболее позднего – до 100% черняховской гончарной керамики. Верхний горизонт поселения соответствует по времени функционирования черняховскому могильнику Боромля-1, расположенному рядом [Некрасова, 1990в. С. 68; 1991. С. 2]. Тезисное описание материалов памятника, которое приводит А.Н. Некрасова, можно дополнить сведениями из отчетов.

К первому этапу заселения Боромли-2 относятся пять полуземлянок и три выносных очага. В постройке 1 основная масса материала (лепная посуда – 71%, черняховская гончарная керамика – 15%, фрагменты светлоглиняных амфор типа D – 14%) происходит из среднего и верхнего слоев заполнения. В нижнем слое, насыщенном углями и кусками обожженной обмазки, найдены две бронзовые фибулы с высокими приемниками группы VII О. Альмгрена, составной гребень с полуовальной спинкой, фрагмент пластинки от другого гребня (рис. 32: 3–5), железные шило и нож, обломки пирамидальных глиняных грузил, каменный оселок, заготовка костяного шила.

Постройка 3 погибла от пожара. Нижний горизонт ее заполнения, из которого происходят 68% лепной керамики, 28% гончарной и 4% фрагментов светлоглиняных амфор типов D и F, а также "мотыльковая" фибула группы VII (рис. 33: 13–15), глиняные пряслица и обломки грузил, каменный оселок и костяной тупик, перекрывался слоем обожженной обмазки.

В нижнем слое заполнения постройки 6, который стратиграфически отделяется от более верхних, найдена в основном лепная керамика (77%), в гораздо меньшей степени – гончарная и обломки стенок светлоглиняных амфор (суммарно 23%).

Заполнение котлована постройки 8 было однородным, но характер материала, из него происходящего, различался в зависимости от глубины залегания. В верхнем горизонте преобладала гончарная посуда, в нижнем – лепная (60%), гончарной посуды было 26%, амфорный материал составлял 3%. Два обломка ручек принадлежали амфорам типа D. Отсюда же происходят три пряслица, железное зубило, девять обломков грузил.

Постройка 10 перекрывалась глинобитными очагами 3 и 4. Поды последних были вымощены лепной керамикой – обломками нескольких горшков, по формам и тесту характерных для киевской культуры, и конических мисок. В самой постройке находки концентрировались в верхней части заполнения. Лепная киевская керамика среди них составляла 63%, гончарная черняховская – 35%, амфорная – 2%. Среди последней достаточно выразительна ручка светлоглиняной амфоры типа D.

Комплекс сооружений раннего горизонта Боромли дополняет очаг 2, под которого вымощен лепной киевской керамикой.

Ко второму этапу заселения памятника относятся постройки 2, 5, 7 и "рабочая площадка" в верхней части заполнения постройки 6 (рис. 34).

Постройка 2 погибла в пожаре: над ее полом находился углистый слой с большим количеством кусков глиняной обмазки. В нем преобладала гончарная керамика, но встречены и выразительные обломки лепных сосудов, в том числе сильнопрофилированного округлобокого горшка. Отсюда же происходят железные ведерковидная подвеска и изделие в виде "кошки", обломки глиняных грузил и каменного жернова.

В заполнении постройки 5 прослежены три слоя. В нижних двух находок было очень мало (единичные гончарные и лепные черепки). Основная масса материала концентрируется в верхнем слое, причем характер находок меняется в зависимости от глубины залегания. В его основании гончарной и лепной посуды приблизительно поровну. Отсюда же происходят звено костяного гребня, пряслице, фрагмент черенка ножа, обломки грузил и бронзовая прогнутая подвязная двучленная фибула типа Б2 по классификации Е.Л. Гороховского (рис. 34: 13). Именно этот материал и относится ко второму этапу Боромли. Выше доля гончарной керамики увеличивается (до 92%).

В заполнении постройки 7 обнаружены обломки грузил, пряслице, костяное шило, собрана выразительная коллекция керамики, как лепной, так и гончарной. Доля последней в нижней части заполнения составляет 66%, а в верхней – 88%.

Постройка 5 перекрывала постройку 6, нижняя часть заполнения которой содержит материал первого этапа заселения памятника (см. выше). Котлован последней после того, как она была заброшена, очевидно, какое-то время не был заполнен грунтом. В верхней его части позже была сооружена "рабочая площадка", представлявшая собой плотную утоптанную поверхность с глинобитным очагом. С ней связан выразительный комплекс керамики (причем гончарная преобладает), а также два глиняных грузила и железный стержень. Отдельные фрагменты сосудов из верхней части заполнения постройки 6 и нижней – постройки 5 склеились между собой, что свидетельствует о синхронности материала второго этапа поселения из последней и "рабочей площадки". Стратиграфия, таким образом, подтверждает правильность выделения второго горизонта памятника.

Как совершенно справедливо отметила А.Н. Некрасова, на втором этапе существования поселения характер лепной керамики изменяется. Если в ранних сооружениях в относительно рыхлом тесте лепных сосудов содержатся включения

шамота, то в более поздних наряду с подобной керамикой встречается и другая – плотная, с примесью песка, известняка и характерными блестками на поверхности. Некоторые сосуды искусственно ошершавлены, на других наблюдаются мелкие расчесы от тщательного заглаживания чем-то вроде щепки. Встречается лощеная керамика, получают распространение новые формы (в основном вельбарского происхождения – см. ниже) (рис. 34: 1–11).

Как уже отмечалось, на третьем этапе жителями поселения использовалась в быту почти исключительно гончарная керамика. Обломки лепных сосудов в объектах и слоях этого периода малочисленны и невыразительны. К третьему горизонту относятся верхние слои заполнения более ранних построек 2, 3, 5, 8. Доля гончарной посуды в этих слоях составляет не менее 92%. В течение третьего периода существуют полуземлянки 4 и 9, наземная постройка 1991 г., ямы 1, 5–8, 9, 10, к нему относятся все три исследованных на поселении гончарных горна (NN1, 2а и 2б). Яма 8 перекрывает постройку 8 раннего этапа. Набор бытовых предметов из этих объектов обычен для памятников позднеримского времени (грузила, пряслица, обломки каменных жерновов и т.п.) [Некрасова, Терпиловский, 1987. С. 16; 1989. С. 18–27; 1990. С. 5–19; 1991. С. 10–16].

Объекты первого этапа датируются по нескольким группам вещей, которые в ряде случаев выступают в сочетании друг с другом. Этот набор составляют фибулы с высокими приемниками, гребень с полукруглой спинкой, обломки светлоглиняных амфор типов D и F. Максимально допустимые хронологические рамки второго этапа Боромли – от этого горизонта вещей до периода использования подвязных фибул типа Б2. Третий этап может быть датирован только по стратиграфии, так как датирующие вещи в его объектах отсутствуют.

Для характеристики керамического комплекса сейминско-донецкого варианта киевской культуры привлекаются лишь материалы первого этапа.

БОГОРОДИЧНОЕ. Раскопки поселения проводились в 1986 г. М.Л. Швецовым, а в 1989 г. – М.Л. Швецовым и О.М. Приходнюком. Исследованы 6 полуземлянок и 32 хозяйственные ямы. Все объекты были интерпретированы как пеньковские. По моему мнению, на памятнике, кроме пеньковского, есть и более ранний киевский горизонт. К нему относится жилище 4, о чем свидетельствуют его не типичная для пеньковских построек планировка и набор находок. Это сооружение представляет собой полуземлянку с печью-камином, которая врезана в материк в одном из углов и выступает за пределы котлована. Отопительные сооружения этой конструкции ни разу не встречены в пеньковских жилищах, зато весьма типичны для поздних киевских построек (как жилых, так и хозяйственных) водораздела Днепра и Дона. Целая серия объектов с аналогичными печами исследована, например, на поселении Букреевка-2 под Курском [Обломский 1991а. С. 100–104; Башкатов, 1996. С. 38–41]. Керамика из постройки 4 также имеет скорее киевский, чем пеньковский, облик. Поверхность тулова зерновиков из этого сооружения искусственно ошершавлена (судя по описанию в отчете), а верхней части – заглажена. Из жилища, кроме того, происходят фрагменты лепных подлощенных сосудов, обломки светлоглиняной амфоры. Одно из пряслиц относится к типу биконических средней высоты и имеет воронковидные основания [Приходнюк, Швецов, 1989. Рис. 4 N 1,7]. В 1986 г. в слое поселения найдена бронзовая двучленная подвязная фибула "черняховской" подгруппы типа Б2 по Е.Л. Гороховскому.

10-й ОКТЯБРЬ (рис. 35–42). Поселение примыкает с запада к восточной окраине хутора 10-й Октябрь, находится на мысу первой надпойменной террасы правого берега р. Мужица высотой 1–3 м от уровня поймы. Размеры поселения 140 × 160 м, по его территории проходит шоссейная дорога Комаровка–Апанасовка. В центральной части памятника находится карьер для выборки глины размером около 50 × 50 м, а гумусный слой на большей части территории поселения снят во время строительства шоссе. Остатки его на памятнике переотложены. В восточном обрезе карьера были отчетливо видны профили двух углубленных в материк построек.

Раскопки памятника в 1994 г. проводила Левобережная раннеславянская экспедиция под моим руководством. С целью выявить участки, где культурный слой, хотя бы частично, сохранился in situ, были заложены три раскопа и серия шурфов общей площадью 414 кв.м. На памятнике обнаружены материалы поздней фазы киевской и черняховской культур, исследованы остатки четырех построек и пяти хозяйственных ям. Большинство сооружений сохранились очень плохо и почти не содержали материала.

Постройка 1 (рис. 37: 1; 38: 1–12) Перекрывала постройку 2, была уничтожена карьером не менее чем на две трети своей площади. Котлован имел глубину 0,96–1,17 м, в средней части его заполнения прослеживалась линза материковой глины, представлявшая собой, вероятно, остатки обмазки от стен сооружения. Выше и ниже этой прослойки заполнение представляло собой черный гумус со включениями пятен более светлого суглинка и древесного угля (рис. 37). Находки концентрировались в верхнем слое. Их немного: 19 фрагментов гончарных черняховских сосудов (48%), 17 обломков лепных горшков с включениями шамота в тесте (46%), 4 обломка стенок светлоглиняных амфор (9%). Сооружение относится к черняховской культуре.

Постройка 2 (рис. 37, 39, 40, 41: 1–5). Сохранилась приблизительно на половину площади. Длина южного края котлована по верхнему контуру 4 м, на уровне пола – 3,4 м, ширина вошедшей в пределы раскопа части сооружения 2,2–2,7 м, глубина постройки от уровня материка 0,38–0,5 м. На полу прослежена яма от центрального столба (опоры кровли) диаметром 26 см и глубиной 13 см. В 30 см к северо-западу от нее находился очаг, который в древности подвергался ремонту. Первоначально очаг представлял собой яму размером 0,9 × 1,1 м и глубиной 6–8 см от уровня пола, заполненную древесным углем. Впоследствии яма была перекрыта площадкой из обожженной глины, по глубине залегания соответствовавшей уровню пола постройки. Этот глинобитный очаг имел подпрямоугольную форму и размеры 0,7–0,83 × 1,0 м, толщину около 3 см. Центральная часть его не сохранилась, дополнительных субструкций не было.

Котлован постройки заполнен темно-серым гумусированным суглинком с включением кусочков глиняной обмазки. Скопление довольно крупных фрагментов ее (длиной до 20 см каждый) зафиксировано в районе центрального столба на пространстве 1,2 × 1,0 м на 30 см выше пола. Этот уровень послужил условной границей двух горизонтов заполнения, по которым брался материал. Из верхнего происходит 11 (23%) фрагментов черняховских гончарных сосудов, 33 (67%) – лепных и 4 (10%) обломка амфор (в том числе ручка светлоглиняной амфоры типа D или типологически ранней F); из нижнего – 8 (24%) обломков гончарных сосудов и 26 (76%) – лепных. На полу постройки обнаружены пять фрагментов лепных горшков и два обломка гончарных сосудов, в золистой линзе очага – 13 лепных черепков, из которых удалось реконструировать нижнюю часть вторично обожженного округлобокого горшка. В верхнем слое, кроме того, найдены два обломка какого-то шарообразного глиняного предмета. Из нижнего слоя происходят костяное полированное шило, обломок глиняного пряслица, железный нож с кольцом-креплением рукояти. На полу близ очага, в нижней части заполнения и в очажной яме обнаружена серия обломков пирамидальных глиняных грузил.

Постройка 3 (рис. 42). В плане близка к неправильному прямоугольнику размером 4,2 × × 3,0–3,5 м. Ко дну котлован сильно суживается. В наиболее глубокой части (0,4–0,45 м от уровня материка) сооружение приближается к квадрату размером 2,0 × 2,1–2,4 м. С востока к наиболее углубленной части примыкает плоская ступенька-леженка шириной 0,7–1,2 м. Котлован заполнен серым гумусированным суглинком, у южной стены прослеживались пятна переотложенной материковой глины. Состав находок крайне скуден: 13 фрагментов гончарных сосудов, 16 – лепных и стенка светлоглиняной амфоры. Культурно-хронологическая принадлежность сооружения не ясна.

Постройка 4. Была, по всей видимости, наземной. "Читалась" в виде черного пятна размером 2,6 × 4,8 м, толщиной 5–9 м, с более-менее отчетливыми западной и северо-западной границами. При разборке пятна гумуса обнаружены один лепной черепок и один гончарный. Культурно-хронологическую принадлежность сооружения установить невозможно.

Из переотложенного слоя гумуса, заполнения воронок и блиндажа периода Отечественной войны происходят лощеное пряслице, орнаментированное отпечатками зубчатого штампа, звено костяного гребня, бронзовая прогнутая подвязная фибула варианта Б2 по Е.Л. Гороховскому, тупик из ребра животного, опиленная кость, обломок ручки амфоры типа F (рис. 41: 6–13).

* * *

Набор сосудов поздней фазы сейминско-донецкого варианта киевской культуры воссоздан по закрытым комплексам, состав которых приводится в табл. 14 . По ним между собой синхронизируются горшки I,1,а,а; I,1,а,б; I,1,б; I,3-а; I,3-б; II,1; II,2,а, конические миски как с плоским дном, так и на полой ножке, диски и лощеные миски. Последние, впрочем, встречаются крайне редко.

Правильность реконструкции набора может быть проверена по материалам поселений Тазово (рис. 30), Букреевка-2 (рис. 43), Родной Край-3 (рис. 45, 46) и Боромля-2 (рис. 32, 33). Как уже указывалось, находки из Тазово не дают оснований "растягивать" время существования этого памятника на период раннего средневековья. Дата поселения Букреевка-2 также не выходит за хронологические рамки поздней фазы киевской культуры. Несмотря на зафиксированные на этом селище случаи перекрывания объектов друг другом, из заполнения всех построек (как жилых, так и хозяйственных) происходит гончарная посуда в количестве от 3 до 42%. Лепная керамика преобладает над гончарной и в культурном слое (фрагменты последней составляют от 15 до 25% по разным раскопам) [Сымонович, 1984. С. 76; 1990. С. 94]. Какие-либо основания предполагать наличие на памятнике дочерняховских или средневековых отложений, таким образом, отсутствуют. Из объектов Букреевки, Тазово и Боромли, которые по документации не относятся к категории закрытых комплексов, происходят сосуды всех перечисленных выше таксонов и, кроме того, горшки типа I,4, а и б (рис. 30, 32, 33, 43).

В табл. 15 приводятся сведения о процентном соотношении форм сосудов пяти памятников, коллекции керамики которых наиболее представительны (Боромля-2, Букреевка-2, Гочево-3,

Тазово и Авдеево). Для этих памятников характерны:

абсолютное преобладание сосудов I,1,а,а, т.е. сильнопрофилированных округлобоких;

обязательное наличие (хотя бы в относительно малом количестве) горшков типа I,3, при этом соотношение между тюльпановидными (разновидность б) и близкими к баночным (разновидность а) формами различное, но тюльпановидные горшки в керамическом комплексе обязательно присутствуют;

наличие баночных форм, хотя активное употребление сосудов типа I,4 в силу причин, которые будут изложены ниже, характерно только для Букреевки-2 (рис. 44: 5, 6, 11, 12);

редкость ребристых горшков;

широкое распространение конических мисок, иногда они сосуществуют с дисками (Тазово, Цепляево-2, Боромля-2 (рис. 30: 11–15; 32: 16, 19–21; 33: 12–16; 43: 18, 19; 44: 13–18; 45: 9, 10).

На поздних селищах сейминско-донецкого варианта абсолютно преобладают сильнопрофилированные сосуды (независимо от их формы). Так, в Букреевке-2 они составляют 72%, в Гочево-3 – 67, в Авдеево – 64, в Тазово – 61, в Родном Крае-3 – 62%, чем памятники этого круга отличаются от известных на территории лесостепи киевских поселений деснинской традиции (Каменево-2, Песчаное, Комаровка, Курган-Азак, Беседовка, Сенча), на которых встречена в основном слабопрофилированная посуда. Керамический комплекс последних также имеет свою специфику. На поселениях деснинского круга значительно выше доля горшков I,3-а, причем на большинстве памятников они преобладают (подробно этот вопрос будет рассмотрен в следующей главе). В ранних пеньковских комплексах Левобережья, в которых также содержится сероглиняная гончарная керамика (некоторые объекты поселений Рябовка-3, Хитцы и Прогресс), значительно чаще, чем на сейминско-донецких селищах, встречаются ребристые горшки.

Доля черняховской гончарной посуды на селищах сейминско-донецкого круга довольно высока. Меньше всего ее обнаружено на поселении Шишино-1 (4%) [Обломский, 1991а. С. 152]. В жилищах поселения Родной Край-3, судя по описям из отчета Ю.В.Буйнова, она составляет 6 и 16%, в постройках первого этапа заселения Боромли-2 (по отчетной документации) – 15–35%, в Букреевке-2 (по подсчетам Э.А. Сымоновича) – в среднем 23%, в Тазово – 20%, в различных объектах Гочево-3 – от 12,5 до 41%, в постройке 2 поселения 10-й Октябрь – 23,5% в среднем [Сымонович, 1983. С. 98; 1986. С. 188] (для сравнения: на памятниках деснинской традиции и ранних пеньковских встречены лишь единичные черепки черняховских сосудов и лишь в Каменево-2 гончарной керамики насчитывается 1–2%).

Для ответа на вопрос о генезисе памятников типа Букреевки–Тазово необходимо сопоставить характеризующие их материалы с древностями предшествующего этапа (типа Шишино-5–Шмырево). Для этого сравним рис. 17, с одной стороны, и рис. 26–33, 43, 45, 46 – с другой. Большинство форм сосудов совпадают. Исключением являются лишь горшки типа I,4,б, встреченные пока только на поселениях черняховского периода (рис. 30: 8; 32: 7; 44: 5), но эти формы довольно редки и не определяют "лица" керамического комплекса. Характерно, что на этапе Букреевки–Тазово, как и в предыдущий период, горшки типа I,1,а могут иметь и прямые и выпуклые стенки на участке профиля, лежащем ниже наибольшего расширения тулова.

Близки также и структуры керамических наборов Шишино-5–Шмырево, с одной стороны, и Букреевки–Авдеево–Боромли–Тазово – с другой, в том смысле, что наиболее широко в обеих группах памятников распространены горшки типа I,1,а, а прочие формы относительно редки. Показательно, что на этапе Букреевки–Тазово продолжают употребляться лепные лощеные миски, хотя, как и в предшествующий период, они единичны. Существенные отличия в наборе форм наблюдаются в двух моментах.

Во-первых, на памятниках круга Букреевки появляются конические миски на полой ножке или с плоским дном – неизвестный ранее на рассматриваемой территории тип сосудов. На некоторых памятниках они вытесняют диски, хотя кое-где последние и продолжают употребляться.

Во-вторых, несколько увеличивается процент баночных форм типа I,4. Наиболее высок он в Букреевке – 15% (для сравнения: в Шишино-5 – 3,2%), причем подавляющее большинство из них происходят из постройки 1 (по коллекции материалов, хранящихся в Курском музее археологии, рис. 44).

Имеются также различия и в декоре сосудов. На памятниках круга Букреевки совершенно не встречаются горшки с расчесами по поверхности. Известны сосуды с насечками и защипами по венчику, однако они единичны, их гораздо меньше, чем на стадии Шишино-5–Шмырево. В Богородичном и Букреевке-2 встречены искусственно ошершавленные горшки, однако они отличаются от хроноватых сосудов позднезарубинецкого и раннего киевского этапов истории лесостепного Левобережья тщательной выглаженностью, иногда залощенностью, венчика и придонной части.

Сопоставлению пропорций горшков памятников типа Шишино-5–Шмырево и Букреевки–Тазово посвящено особое исследование, результаты которого опубликованы [Обломский, 1991а, С. 109–113]. Ниже в краткой форме приводятся основные выводы.

На памятниках обоих этапов преобладают *сильнопрофилированные горшки*: в Шмырево их

56%, в Шишино-5 – 63%, на поселениях круга Букреевки–Тазово – 61–72%. Пропорции верхних и нижних частей сосудов подавляющего большинства форм совпадают. Отсутствуют данные лишь для горшков типа I,4, поскольку их серия слишком мала для расчетов. Стенки нижних частей сосудов типа I,1,а на этапе Букреевки–Тазово имеют меньший угол наклона, т.е. горшки этого таксона в большей степени "вытянуты вверх", чем на предыдущей стадии, но проявляется это лишь в тенденции.

По своим размерам большинство сосудов поздней фазы киевской культуры относятся к категории горшков. Корчаги встречаются крайне редко. Вероятно, тара, изготовленная из глины, постепенно выходит из употребления, уступая место другим ее видам (бочкам, мешкам, корзинам).

Таким образом, по лепной керамике эволюционная связь между памятниками типа Шишино-5–Шмырево и Букреевки–Тазово несомненна. Именно это обстоятельство и послужило причиной для объединения их в один и тот же вариант киевской культуры. Тем не менее инновации на стадии Букреевки–Тазово все же прослеживаются: появляются новые формы сосудов и новые типы их декора. Происхождение их требует объяснения.

5. Лепная керамика и этнические компоненты черняховской культуры

Перечень черняховских поселений и могильников, исследованных раскопками, приводится в табл. 2, известных по данным разведок – в табл. 5–10. Как и в предыдущем разделе, изложение темы начинается с очерков о тех памятниках, которые требуют специального источниковедческого анализа.

СОСНОВА. Поселение и могильник, раскопки Е.В. Махно и М.И. Сикорского 1962 и 1978–1986 гг. Материалы не изданы, опубликованы лишь краткие сведения о памятнике и отдельные комплексы [Махно, Сикорский, 1987, 1989]. В моей работе использованы отчеты авторов раскопок и материалы из архива А.Н. Некрасовой и А.В. Кропоткина, за что я приношу обоим коллегам глубокую благодарность.

По публикациям, всего на могильнике зафиксировано 936 погребений, из них 19 трупоположений, 6 урновых трупосожжений, 25 "компактных" трупосожжений, 886 "погребений с рассеянными косточками". Специальные исследования О.В. Петраускаса показали, что аморфные по своим очертаниям пятна темного гумуса, угля, отдельные кальцинированные кости, черепки от вторично обожженных сосудов, немногочисленные вещи, т.е. именно то, что составляет особенности "рассеянных трупосожжений" по Е.В. Махно, скорее всего, являются следами кремации умерших на поверхности грунта, а не погребениями в традиционном смысле этого слова [Петраускас, 1993а]. В Сосновe, следовательно, исследовано не более 50 захоронений.

Трупоположения и "рассеянные трупосожжения" встречаются на всех глубинах, урновые и компактные кремации – только в верхних слоях: под пахотой (кроме погребения 468, его перекрывает трупоположение 467) [Махно, Сикорский, 1987. С. 57].

Функционирование могильника, по мнению авторов раскопок, было очень длительным, и он трижды перекрывался сооружениями поселения. Всего к черняховскому времени относятся шесть ярусов погребений и три строительных горизонта, взаимно сменявшие друг друга.

Нижний строительный горизонт (глубина 0,6–0,8 м) составляют шесть построек (1, 3, 4, 5, 6, 10). Он перекрывает три яруса захоронений. Выше нижнего горизонта следует еще один ярус погребений, затем идет средний горизонт (глубина 0,4–0,5 м, постройка 7). Последний перекрывается еще одним ярусом погребений. Выше находится верхний горизонт (глубина 0,2–0,3 м, постройка 8). Его, в свою очередь, перекрывает шестой ярус захоронений, в котором сосредоточены все урновые и компактные сожжения [Махно, Сикорский, 1987. С. 58].

Нижний горизонт, по данным авторов, возник не ранее IV в., а может быть, и начала V в., средний датируется VI в., верхний – VII в. Для обоснования даты среднего горизонта памятника используется обломок стеклянного кубка, который происходит, "по-видимому", из разрушенного погребения, а для верхнего (VII в.) – фрагмент гончарного кувшина близкого к канцирскому типа из компактного трупосожжения 345 [Махно, Сикорский, 1989. С. 254–255. Табл. 5:3].

Столь поздние даты черняховских объектов, которые приводят Е.В. Махно и М.И. Сикорский, резко расходятся с традиционными представлениями о черняховской культуре как о явлении римского времени. Данные авторов раскопок по этой причине нуждаются в проверке. Сведения, собранные А.Н. Некрасовой, показывают, что состав материалов из построек нижнего строительного горизонта неоднороден. В пяти из них (3–6, 10) либо встречена исключительно гончарная черняховская посуда (наряду с другими вещами позднеримского времени – глиняными грузилами для ткацкого станка, обломками стеклянных кубков с прошлифованными овалами, фрагментом костяного многочастного гребня, пряслицами черняховских типов, в том числе и с гранями на корпусе), либо она резко преобладает. Из жилища 1, где просле-

жены остатки глинобитной печи (обычной круглой средневекового типа, а не камина в нише), происходит выразительный набор лепной посуды (два округлобоких горшка и один биконический), который характерен для пеньковской культуры. Фрагменты гончарных сосудов в этой постройке единичны и очень невелики по размерам. Здесь же обнаружен и маленький обломок стеклянного кубка, который, как и гончарная керамика, мог попасть в заполнение объекта из культурного слоя. Пеньковскому горизонту памятника вполне может принадлежать и фрагмент кувшина типа балки Канцирки, если реконструкция, которая приводится в публикации Е.В. Махно и М.И. Сикорского, правильна.

Тот факт, что к нижнему строительному периоду поселения относятся как черняховские постройки, так и пеньковское жилище, заставляет поставить под сомнение выводы Е.В. Махно и М.И. Сикорского о стратиграфии памятника. По всей вероятности, постройки были "распределены" по строительным ярусам по признаку большей или меньшей глубины их котлованов, потому что только в этом случае самое позднее на поселении жилище могло оказаться самым ранним по стратиграфии в представлении авторов раскопок. Для датирования черняховского горизонта селища, следовательно, можно привлекать только материалы из комплексов.

Вопрос о соотношении поселения и могильника достаточно сложный. Судя по чертежам в отчетах, постройка 4 перекрывала погребение 547 (трупоположение), а на нее, в свою очередь, накладывалось "компактное" трупосожжение 526, постройка 7 перекрывала трупоположение 694, а выше жилища 3 (над его котлованом) прослеживалось трупосожжение 525. Возникает ощущение, что черняховское поселение как бы "зажато" стратиграфически между двумя горизонтами могильника, но для того чтобы убедиться в этом, требуется полная публикация памятника.

ХЛОПКОВ-1 (поселение). Разведывательные раскопки Ю.В. Костенко, стационарные – В.Д. Баран а и А.Н. Некрасовой 1981–1984 гг. Материалы опубликованы.

Хлопков-1 – своеобразный памятник по набору лепной посуды. А.Н. Некрасова в публикации материалов поселения отнесла ее к черняховскому периоду [Некрасова, 1988. С. 76]. Выводы А.Н. Некрасовой подверг сомнению О.М. Приходнюк. По его мнению, лепная керамика памятника представлена "развитыми пеньковскими формами". В культурном слое поселения обнаружено костяное изделие, имеющее аварские аналогии. Совместная встречаемость лепной, пеньковской по О.М. Приходнюку, и гончарной черняховской посуды в заполнениях объектов объясняется "сильной перемешанностью песчаного культурного слоя" [Приходнюк, 1991. С. 114–116].

Вопрос о культурно-хронологической принадлежности лепной посуды поселения, таким образом, является дискуссионным. Для решения этой проблемы проанализируем имеющуюся информацию о характере залегания лепной керамики в объектах поселения.

В яме 8 обломки лепного ребристого горшка, полный профиль которого удалось реконструировать, составляли единое скопление с фрагментами двух гончарных сосудов, в том числе и с лощеным горшком, который склеился почти полностью. В одной из ям (13 по полевой нумерации), входившей в состав сооружения 5, выразительный набор лепной и гончарной посуды происходит из углистой прослойки на дне. Жилище 4, в заполнении которого обнаружена как лепная, так и гончарная керамика, перекрыто сверху скоплениями глиняной обмазки, т.е. объект отделен от лежащих выше напластований культурного слоя стратиграфически. Из топки гончарного горна и связанной с ним предпечной ямы происходят 398 фрагментов сосудов, 11,5% которых составляли лепные черепки. Среди них выделяется крупный фрагмент ребристого горшка с пальцевыми расчесами на поверхности. Таким образом, по крайней мере в четырех закрытых комплексах Хлопкова лепная и гончарная керамика одновременна, причем в состав материалов из углистой прослойки постройки 5 входят обломки верхней части биконического лепного горшка с налепным валиком под венчиком, орнаментированным насечками, а материалы горна и предпечной ямы свидетельствуют о том, что гончарную керамику на селище изготавливало население, которое использовало в быту груболепную ребристую посуду [Костенко, 1978. С. 101–102. Рис. 4: 2; Некрасова, 1988. С. 77–79. Рис. 5: 7]. Именно эти комплексы и являются основой для реконструкции позднеримского набора лепной посуды Хлопкова.

Лепная керамика, по формам аналогичная происходящей из закрытых комплексов, обнаружена в заполнении жилищ 1–3, ям 14, 15, 20, 33. Обломки лепных сосудов из прочих объектов римского времени невыразительны (рис. 47).

ПЕСЧАНОЕ. Поселение, раскопки А.И. Журко 1990. Материалы частично опубликованы [Журко, 1994. С. 215–217].

Лепная керамика римского времени, обнаруженная на поселении, своеобразна. Вся посуда с шероховатой поверхностью однородна в технологическом отношении. В тесте заметна примесь крупного шамота, на черепках – грубое пальцевое заглаживание. На венчиках некоторых горшков имеются пальцевые вдавления. Формы сосудов – сильно- и слабопрофилированные, округлобокие, закрытые, биконические, встречен обломок тюльпановидного горшка, есть диск без бортика с вдавлениями по краю. Набор сосудов, таким образом, близок к киевскому. Естественно, при этом

возникает вопрос: одновременна ли эта керамика черняховской гончарной? В коллекции имеется несколько обломков лощеных мисок с зигзаговидным профилем (тип III,3,б) (рис. 48: 10), которые характерны для позднезарубинецких памятников типа Картамышево-2 и для самых ранних поселений киевской культуры (см. главу первую). В керамическом комплексе памятников востока Днепровского Левобережья второй половины I–II вв. имеют аналогии и груболепные сосуды с высокими отогнутыми наружу венчиками, орнаментированные вдавлениями или глубокими насечками по краю. Все эти находки свидетельствуют о том, что на селище присутствуют материалы дочерняховского периода, но обломки лепных лощеных мисок и лепная керамика с шероховатой поверхностью позднезарубинецкого облика происходят из культурного слоя. Объектов раннего горизонта среди раскопанных нет. Груболепная керамика найдена во всех постройках – и в полуземлянках, и в наземных жилищах. Одновременна ли она гончарной в этих сооружениях? Завал обмазки, законсервировавший заполнение жилища 5, субструкции очагов жилищ 1 и 4, куда входит лепная и гончарная посуда, крупные обломки лепного биконического горшка из нижней части заполнения жилища 2, откуда происходит и гончарная керамика тоже, обломки лепных и гончарных сосудов из скоплений обмазки наземного жилища 3 [Журко, 1990б. С. 3–13] демонстрируют принадлежность всех этих объектов черняховскому времени. Подавляющее большинство обломков светлоглиняных амфор на памятнике относятся к типу D. Крупные фрагменты светлоглиняных танаисских амфор найдены у очага жилища 1 и в заполнении жилища 5 под завалом обмазки (рис. 48). Горизонт позднеримского времени на памятнике (по крайней мере те объекты, где есть лепная керамика) относится к первой фазе черняховской культуры и является еще одним пунктом с материалами киевской традиции на востоке Днепровского Левобережья наряду с Головино-1 и др.

На поселении встречается также и лепная керамика круга Сахновки–Вольнцево (VIII в.). Она представлена обломками округлобоких или со слабо намеченным ребром горшков с максимальным расширением в верхней трети высоты, с короткими сильно изогнутыми венчиками и фрагментами сковородок с высокими бортиками. Края последних, как и венчики горшков, украшены частыми пальцевыми вдавлениями. Вся эта керамика концентрируется в непосредственной близости от типичной для вольнцевского периода глинобитной печи со сводом, сложенным из яйцеобразных вальков.

НОВАЯ ПОКРОВКА. Могильник и поселение. Раскопки И.Ф. Левицкого 1936–1937 гг., И.П. Костюченко и Ю.В. Кухаренко 1949 г. Материалы довоенных исследований погибли, послевоенные опубликованы в 1949 г. К ним относятся шесть погребений, два комплекса – скопления предметов вооружения и конской сбруи на могильнике, остатки наземного жилища и погребение с трупоположением на поселении. Автор публикации Ю.В. Кухаренко наборы вооружения считал раннесредневековыми, а керамику из погребений могильника, в том числе и лепную, – близкой к салтово-маяцкой. Могильник, по его мнению, датируется VII–VIII вв. Салтово-маяцким является и трупоположение на поселении, поскольку с этим погребением связана находка специфического по форме и орнаментации гончарного кувшина. Гончарная керамика поселения делится на две группы – "полей погребений" и салтовскую [Кухаренко, 1952. С. 46–48]. В своде Е.В. Махно оба памятника трактуются как черняховские с отдельными салтовскими комплексами [Махно, 1960. С. 51]. О наличии и на могильнике и на поселении отложений двух эпох – культуры "полей погребений" и салтово-маяцкой – писал и И.И. Ляпушкин [Ляпушкин, 1961. С. 167]. С.А. Плетнева, подробно проанализировав состав инвентаря и погребальный обряд тех части могильника, материалы которой были опубликованы, пришла к выводу, что могильник был салтовским, а исследованные здесь погребения типичны для кремаций тюркского круга [Плетнева, 1967. С. 100–101]. Какие же объекты из Новой Покровки датируются позднеримским временем?

По конструкции наиболее близко к черняховским наземное жилище размером 5,4–5,6 × 4,6–4,8 м, глинобитные стены которого (от них сохранилась обожженная обмазка) опирались на столбы, прослеженные по периметру сооружения. В центре объекта находилось скопление обожженной глины "от печи" и "предпечная яма". Тем не менее в описании постройки имеются некоторые детали, которые отличают ее от черняховских жилищ. Так, "остатки печи" представляли собой куски глины с примесью крупной соломы. Они лежали гладкой стороной книзу непосредственно на полу, который в этом месте был прокален [Кухаренко, 1952. С. 44], т.е. специально сооруженного пода не было. Черняховские очаги, которые типичны для наземных жилищ Днепровского Левобережья, обычно представляли собой площадки из довольно плотной глины без ярко выраженных следов органических примесей. Рыхлая глина присуща скорее салтовским жаровням.

Гончарная керамика из постройки, опубликованная на рис. 5, по формам, характеру поверхности и цвету типично черняховская, но среди нее упоминаются обломки лощеных сосудов с горизонтальными желобками, "как на посуде Маяцкого селища" [Кухаренко, 1952. С. 45]. Не исключено в этой связи, что наземная постройка была не черняховской, а салтовской, а керамика римского времени попала в объект из культурного слоя. Та-

ким образом, достоверно к черняховской культуре на Новопокровском селище относятся только некоторые материалы из слоя.

РОДНОЙ КРАЙ-1. Поселение и могильник, раскопки Е.Н. Петренко и Ю.В. Буйнова 1978–1984 гг.

Памятник находится в нетипичных для черняховской культуры условиях – на дюне в пойме р. Уды. Могильник, материалы которого полностью опубликованы [Петренко, 1991. С. 10–22], занимает край всхолмления. Поселение непосредственно примыкает к нему. Памятник – многослойный, на нем исследованы сооружения эпохи бронзы, скифского периода и римского времени. Просмотр отчетов и коллекций убедил меня в том, что последние относятся к двум горизонтам: позднезарубинецкому и черняховскому. Характерная для I–II вв. н.э. груболепная и лощеная керамика происходит из заполнения трех ям на раскопе I (1, 7 и 24) и из культурного слоя.

Черняховская гончарная керамика обнаружена в заполнении ям 1, 2, 7–9 раскопа VII. Обломки лепных сосудов из этих объектов мелкие и невыразительные. К черняховскому горизонту поселения, вероятно, относится и яма 10 (она же "комплекс А"), которая представляла собой неглубокую полуземлянку. В ее заполнении найдено несколько фрагментов сероглиняных гончарных сосудов. Подавляющее большинство находок, связанных с черняховским периодом существования поселения, происходят из культурного слоя. Они представлены в основном гончарной керамикой, а также железными ножом с прямой спинкой и пряжкой с прямоугольной рамой, бронзовой двучленной лучковой фибулой с расширенной ножкой серии III варианта 2 по А.К. Амброзу (рис. 49: 1) [Амброз, 1966. С. 53]. Подобные украшения появляются в середине III в., но существуют очень долго – до конца позднеримского времени, а может быть, и еще дольше [Малашев, 2000. С. 210]. В слое поселения обнаружены также многочисленные фрагменты светлоглиняных амфор типа D, которые с равной степенью вероятности могут относиться как к позднезарубинецкому периоду существования памятника, так и к черняховскому.

КОЛЕСНИКИ. Поселение, раскопки М.В. Любичева 1995–1996 гг. [Любичев, 1995, 1996]. Как и в Родном Крае-1, на памятнике имеются отложения позднезарубинецкого периода и черняховской культуры. Груболепная и лощеная керамика I–II вв. н.э., по набору форм близкая к кругу Терновки-2, происходит из полуземляночного жилища 2 с открытым очагом, из ям 1 и 2 и из культурного слоя. К черняховскому горизонту относятся остатки сгоревшей наземной глинобитной постройки с очагом-подом (жилище 1), обломками черняховской гончарной керамики, фрагментами лепных сосудов и светлоглиняных амфор, бронзовой фибулой, обломком жернова, оленьими рогами. Лепная керамика невыразительна, за исключением фрагмента сковородки со слегка отогнутым бортиком и нижней части биконического горшка. В отчете о раскопках 1995 г. [Любичев, 1995. С. 4–6] фрагменты амфор определены как "танаисские" и "янкерманские", т.е. типов D и F по классификации Д.Б. Шелова, а фибула – как *двучленная с высоким приемником по А.К. Амброзу*. Просмотр коллекции материалов памятника в музее ХГУ убедил меня в том, что обломки амфор слишком невыразительны для точного определения типа, а фибула относится не к группе VII О.Альмгрена, а к группе "воинских" двучленных, подгруппе 1, типу I, варианту б по А.К. Амброзу [Амброз, 1966. С. 70]. К сожалению, по описанию в отчете степень достоверности принадлежности лепной керамики комплексу материалов наземной постройки не ясна. Обломки лепных сосудов, происходящих из нее, по фактуре ничем не отличаются от позднезарубинецких и вполне могли попасть в сооружение из культурного слоя.

КАЗАЧЬЯ ЛОКНЯ (Замощанская дюна). Раскопки Ю.А. Липкинга. Памятник опубликован как могильник, на котором "открыто три неповторенных погребения и не менее четырех разрушенных". Тем не менее ни в одном из комплексов, которые приводятся в публикации, не упоминаются ни остатки скелетов, ни кальцинированные кости. Исключением является погребение 2, где кальцинированные кости все же были, но керамика из этого объекта относится к эпохе бронзы [Липкинг, 1979. С. 5–8]. Все это вызывает сомнение в правильности трактовки памятника как черняховского могильника.

В 1982 г. Замощанскую дюну повторно обследовала В.М. Горюнова. Центральная часть всхолмления к этому времени была разрушена карьером. В зачистках его края прослежены два горизонта культурного слоя – черняховский и колочинский. К черняховскому периоду относятся остатки сгоревшего глинобитного наземного жилища [Горюнова, 1982. С. 4], т.е. в позднеримское время памятник все же был поселением.

КОЛОСОВКА. Поселение, раскопки Э.А. Сымоновича 1971 г. Материалы опубликованы.

В публикации автор раскопок отнес позднеримский горизонт этого памятника к черняховской культуре [Симонович, 1983. С. 78–80]. Р.В. Терпиловский и Н.С. Абашина считают Колосовку киевским поселением [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 160–161]. Главным аргументом при этом служит относительно низкий процент гончарной керамики по сравнению с лепной.

Действительно, доля гончарной посуды на поселении составляет в среднем 30%, что, казалось бы, сближает его с памятниками сейминско-донецкого варианта киевской культуры, правда, в некоторых комплексах керамики, изготовленной

на круге, гораздо больше (яма 32 – 53%) [Симонович, 1983. С. 79]. С другой стороны, лепная посуда поселения представлена обломками округлобоких лепных горшков с отогнутыми наружу изогнутыми венчиками, обнаружена также одна коническая миска. Эти оба типа посуды характерны как для черняховской культуры, так и для поздней фазы киевской. При раскопках памятника не обнаружены горшки тех форм, которые специфичны для киевского археологического набора: тюльпановидные, ребристые, слабопрофилированные близкие к баночным и т.д. Кроме полуземлянок, на поселении исследованы остатки наземной глинобитной постройки. Подобные сооружения неизвестны ни на одном из киевских памятников лесостепи, зато весьма часты на черняховских селищах (см. следующий раздел). По моему мнению, Колосовка "стоит" значительно ближе к черняховским памятникам, чем к киевским. Относительно низкий процент гончарной посуды, вероятно, объясняется окраинным положением этого поселения (оно самое северное из памятников черняховского круга в Верхнем Посеймье), значительной удаленностью от центров изготовления гончарной посуды.

ГОЛОВИНО-1. Поселение и могильник, раскопки проводились автором настоящей монографии в 1988–1989 гг. На поселении вскрыто 800 кв.м, на могильнике – 344 кв. м, исследовано шесть погребений. Полная публикация памятника сдана в журнал "Stratum+" (Кишинев).

Материалы поселения относятся к двум культурно-хронологическим этапам – позднезарубинецкому и черняховскому. Набор лепной посуды раннеримского времени и серия индивидуальных находок, в том числе бронзовая фибула с выемчатой эмалью и обломок гривны, происходят из трех полуземлянок, четырех хозяйственных ям и из культурного слоя. Черняховские материалы, кроме культурного слоя, обнаружены в четырех постройках (трех полуземлянках и одной наземной) и в девяти хозяйственных ямах.

Культурный слой поселения сильно перемешан кротами. Об этом свидетельствует, например, наличие в заполнении позднезарубинецких полуземлянок и ям более поздней черняховской гончарной керамики, правда, в небольшом количестве и сильно измельченной. Представление о наборе посуды, который достоверно относится к черняховскому периоду, дают скопление керамики и нижний стратиграфический горизонт ямы 5 траншеи 8, составляющие условно закрытые комплексы. Процент гончарной посуды в заполнении ямы довольно высок – 45% в верхнем его слое и 53% в нижнем, т.е. сооружение явно относится к позднеримскому этапу памятника. Лепная керамика из ямы содержит примесь крупного шамота в тесте, на поверхности сосудов заметны следы небрежного заглаживания ее пальцами. Из ямы происходят обломки слабопрофилированного горшка (типа I,3-а), тюльпановидного (тип I,3-б) и баночного (тип I,4, вариант точно определить невозможно), а также плоского диска и конической миски. Венчик баночного горшка был украшен пальцевыми вдавлениями по краю (рис. 51: 9, 10, 12, 22, 27, 35).

Из всех прочих объектов селища, где гончарная керамика составляет около половины или преобладает, также происходят обломки груболепных горшков и конических мисок с примесью шамота в тесте (табл. 16), причем в полуземлянках они встречаются как в нижних, так и в верхних слоях заполнения. Набор форм аналогичен в большинстве случаев, хотя в постройках 2 и 4 раскопа 1 он дополняется обломками сильнопрофилированных горшков типа I,1,а,а, а в постройке 5 раскопа 2 – сосудом типа I,1,б (с прямым венчиком) (рис. 51). В ряде случаев обломки лепных горшков и мисок-плошек очень крупные. Они вряд ли могли быть занесены кротами из культурного слоя. Комплекс груболепной посуды из черняховских объектов поселения соответствует как по набору форм, так и по технологии изготовления лепной керамике киевской культуры. Не исключено, что к черняховскому периоду относятся и отдельные обломки лепных лощеных мисок "позднезарубинецкого облика", а также груболепных ребристых сосудов. Керамика последних двух категорий встречается на поздних памятниках сейминско-донецкого варианта киевской культуры (см. публикацию материалов поселения Букреевка-2) [Симонович, 1990], хотя и не слишком часто.

На территории могильника позднезарубинецких объектов не было, т.е. вся керамика из слоя относится к черняховскому периоду. Синхронность гончарной и лепной посуды, происходящей отсюда, дополнительно подтверждается тем, что вся керамика вторично обожжена. К сожалению, лепная керамика сильно измельчена, и поэтому формы сосудов не поддаются реконструкции. Тем не менее в технологическом отношении она такая же, как и на поселении, – грубая, с включениями крупных зерен шамота в тесте.

Кухонной с шамотом и лощеной столовой керамикой не исчерпывается комплекс лепной посуды верхнего горизонта поселения Головино-1. И в слое и в сооружениях представлены фрагменты горшков с рыхлым тестом, примесью песка и органики, хотя процент их и низок (табл. 16). В этой технике изготовлены подражания гончарным сосудам, а также немногочисленные баночные горшки с загнутым внутрь краем и обломки сосудов с прямыми раструбообразными венчиками, в ряде случаев со следами мелких расчесов на поверхности (рис. 51: 24, 29–33). Эта керамика типологически и технологически близка к лепной посуде среднего горизонта поселения Боромля-2.

Гончарная керамика памятника разнообразна и представлена обломками горшков, мисок, кув-

шинов, ваз и кубков. Во всех сооружениях и повсеместно в культурном слое преобладает кухонная посуда, хотя повсюду встречена и лощеная, правда, в значительно меньшем количестве.

Как следует из табл. 16, по соотношению лепной и гончарной посуды все черняховские объекты селища делятся на две группы: с содержанием гончарной посуды около половины от общего количества и около 2/3–3/4. Не исключено, что вторые несколько позже первых (в соответствии с общей тенденцией постепенного накопления гончарной посуды, которая наблюдается на поселениях Журавка Ольшанская и Боромля-2). Если это и так, то хронологическая разница между сооружениями двух групп невелика: в нижнем горизонте ямы 5 траншеи 8, где гончарной посуды насчитывается 53%, обнаружена ручка светлоглиняной амфоры типа D, которая относится к первой фазе черняховской культуры Е.Л. Гороховского (230–270 гг. н.э., подробнее см. в разделе 7), а в постройке 5 раскопа 2, где гончарная керамика преобладает, – медная монета 238–253 гг. (тетрасарий Тиры)[3], в слое над сооружением – фибула группы VII О. Альмгрена, характерная для того же периода (рис. 51: 35,37).

Тем не менее финал поселения Головино-1 мог относиться ко времени и несколько более позднему, чем конец первой фазы: из культурного слоя происходит ножка амфоры типа F (рис. 51: 34), которая датируется концом III–IV вв.

В культурном слое траншеи 8 обнаружена пряжка позднеримского класса подгруппы 1/1 "солтановской" серии Е.Л. Гороховского, которые он датирует второй третью – второй половиной III в. Эта дата весьма вероятна, особенно если учесть, что у пряжки из Головино – ранний короткий прогнутый язычок без фасеток и уступа, прямоугольный в сечении (варианта 1а, рис. 51: 39) [Гороховский, 1988а. С. 75–77, 82]. Здесь же найдена и рамка от другой пряжки, к сожалению не имеющей узкой даты (рис. 51: 38).

* * *

Для черняховской общности характерна стандартизация основных элементов культуры – от набора украшений до погребального обряда. По этой причине этнические компоненты черняховской общности можно выделить лишь по реликтам традиций предшествующих культур – по тем деталям, которые избежали нивелировки. К ним относятся лепная керамика и некоторые черты погребальных обрядов. По этим признакам черняховские древности Днепровского Левобережья делятся на три этнические традиции. Эталонным памятником первой из них является поселение Белополье, раскопки которого проводила А.Н. Некрасова в 1991–1992 гг. На селище исследованы остатки четырех построек [Некрасова, 1994. С. 3–4], которые, к сожалению, сохранились очень плохо (за исключением второй). В среднем на поселении гончарная керамика составляет 69%. Материалы из сооружений, судя по описаниям в отчетах, закрытых комплексов не составляют, тем не менее лепная керамика из всех объектов и из слоя совершенно однородна в этнокультурном отношении и полностью "укладывается" в классификационную схему вельбарской посуды Р. Волангевича. Чаще всего встречаются баночные сосуды с загнутым внутрь краем (так называемые "бомбовидные", два целых и шесть в обломках – группа I, тип А Р. Волангевича), в несколько меньшем количестве – округлобокие с выделенным коротким массивным вертикальным или отогнутым наружу венчиком (три фрагментированных экземпляра – группа I, тип D [Wołągiewicz, 1993. S. 12]). Орнаментация лепной керамики также характерна для вельбарской культуры (хроповатое тулово в сочетании с гладкими венчиком и днищем, пальцевые вдавления по тулову, слабо выраженные вертикальные каннелюры; рис. 52) [Некрасова, 1994. Рисунок]. Обломки баночных сосудов с искусственно ошершавленной поверхностью происходят, кроме того, с поселений Дубовое-1 [Кропоткін, Обломський, 1991. Рис. 7: 8], Званное-1 (разведки А.М. Обломского 1993 г.), Прогресс (раскопки С.П. Юренко 1978 г.), а в погребении 3 могильника Родной Край-1 обнаружен лепной лощеный биконический кувшин [Петренко, 1991. Рис. 5: 10] с более глубоко пролощенными каннелюрами и ямочками в верхней части (группа IX Р. Волангевича [Wołągiewicz, 1993. Tabl. 25–26]) (рис. 49: 2, 16–18). Как уже указывалось выше, среди лепной керамики с примесью дресвы и песка в тесте, которая происходит из культурного слоя поселения Головино-1, также присутствуют фрагменты "бомбовидных" сосудов. К этой же серии находок, по всей видимости, относится и обломок гребня с руничекой надписью из Белгородской обл. [Щукин, 1999. С. 77. Рис. 8: 3].

Чрезвычайно интересны в этом отношении материалы поселения Букреевка-2. Набор лепной посуды памятника в целом соответствует "стандарту" сейминско-донецкого варианта киевской культуры (см. выше). Тем не менее из постройки 1 происходят обломки сосудов с искусственно ошершавленным туловом и гладкими верхней и нижней частями, в том числе и "бомбовидных" (рис. 44: 6, 8, 11, 12), а в слое поселения обнаружен ребристый горшок типа II,1 характерной киевской формы, но с хроповатым туловом, гладкими венчиком и придонной частью, т.е. орнаментированный в вельбарской манере [Сымонович, 1990. Рис. 2: 21; 3: 10, 11, 23]. В материалах Букреевки-2, таким образом, прослеживаются следы влияния вельбарских традиций на киевский керамический комплекс.

[3] Определение Н.А. Фроловой.

Аналогичное явление наблюдается и на поселении Боромля-2. Лепная керамика, которая происходит из объектов второго его этапа, по своему составу синкретична. Часть форм характерна для киевской культуры (биконические сосуды типа II,2,а с "рабочей площадки" в верхней части заполнения постройки 6, из основания первого горизонта заполнения постройки 5, из заполнения постройки 7; сильнопрофилированные округлобокие сосуды типа I,1,а, а с пола постройки 2 и из заполнения постройки 7, обломки слабопрофилированных горшков типов I,3-а и I,3-б оттуда же, конические миски-плошки, рис. 34: 3, 5, 7–9). С другой стороны, горшок усеченно-конической формы с загнутым внутрь венчиком из постройки 7 (рис. 34: 2) имеет аналогии на памятниках вельбарской культуры Волыни [Козак, 1991. Рис. 43: 13; 44: 6; 54: 1; 1994. Рис. 28: 2], а у одного из сильнопрофилированных округлобоких сосудов из того же объекта – хроповатое тулово и гладкая верхняя часть. На его венчике и чуть ниже шейки заметны вдавления (рис. 34: 1). Близкая аналогия подобному сосуду происходит из знаменитого погребения с оружием (86) могильника Компанийцы [Махно, 1971. Рис. 5: 9]. Миска из постройки 5 (рис. 34: 10) относится к группе ХаА Р. Волангевича. Сосуды подобного типа хорошо известны на черняховских памятниках с комплексами вельбарской традиции Среднего Поднепровья (Великая Снитьинка-2 [Магомедов, 1992. Рис. 4: 15–17, 20], Журавка Ольшанская). Как было отмечено выше, технология изготовления лепной керамики от первого горизонта Боромли-2 ко второму меняется. Посуда с песком в тесте и блестками, со следами мелких расчесов на поверхности характерна не для киевской, а для вельбарской технологической традиции.

При решении вопроса об этносе черняховского населения большое значение обычно придается погребальному обряду. При этом наиболее подробно разработан вопрос о деталях устройства могил и ритуалах, имеющих скифо-сарматское происхождение. Северо-западная традиция погребального обряда, по мнению большинства исследователей, отчетливо не выделяется нигде, кроме причерноморского региона, где в раннеримский период господствуют трупоположения, а захоронения с кремацией появляются только на этапе сложения черняховской культуры [Магомедов, 1987. С. 43]. На черняховских могильниках других территорий едва ли не единственной деталью погребального ритуала, имеющей специфически вельбарское происхождение, признается наличие каменных кладок [Рикман, 1975. С. 324; Седов, 1994. С. 267]. Вельбарский погребальный обряд очень разнообразен, и поэтому вопрос о его "проявлениях" в черняховских ритуалах не может быть решен путем поиска параллелей отдельным деталям на могильниках обеих культур. Для того чтобы разобраться в этом вопросе, я составил сводку черняховских погребений, среди инвентаря которых имеются лепные сосуды, по форме, орнаментации и обработке поверхности близкие к вельбарским. К сожалению, сводка не полна: не все черняховские могильники опубликованы, а некоторые отчеты о раскопках (в основном последних пяти лет) мне оказались недоступны. Тем не менее большинство материалов, которыми в настоящий момент располагают специалисты по черняховской проблематике, в свод мне включить удалось. По этим данным были составлены табл. 17, 18.

Лепная керамика вельбарского облика происходит как из трупосожжений, так и из трупоположений. Сожжений, не разрушенных вторично (например, плугом при распашке), насчитывается 25. Они соответствуют практически всем типам кремаций, выделенным Н.М. Кравченко: среди них есть как урновые, так и безурновые, с сосудами-приставками и без них, с разбитой вторично обожженной керамикой ("остатки тризны" по терминологии Н.М. Кравченко) и без нее. Единственной деталью, которая, казалось бы, обнаруживает более тесную, чем прочие, связь с уттенными в табл. 17 погребениями, является обычай закрывать кости независимо от того, помещены они в урну или нет, какой-то керамикой, чаще всего – обломками сосудов. Таких захоронений 16 (64%). Тем не менее эта связь кажущаяся. Из 16 погребений 10 выявлены на могильнике Компанийцы, на котором всего обнаружено 13 трупосожжений с лепной вельбарской посудой. На прочие могильники приходится 6 погребений из 12, т.е. доля захоронений с "накрытыми костями" равна числу погребений, где кости не перекрываются сосудами или их обломками. Признак "закрытости" остатков сожжения, таким образом, специфичен для кремаций вельбарской традиции только в Компанийцах.

Ингумаций значительно больше (учтено 65). Из них разрушены 22 (34%), не менее 18 при этом – в ритуальных целях. Все погребения, кроме одного, ориентированы на север (иногда с отклонениями). Каменный заклад над погребением зафиксирован только в одном случае (Гавриловка, 73), т.е. на самом деле этот признак не может считаться характерным для вельбарской традиции в черняхове.

Погребальный инвентарь разнообразен. Сосудов может быть от 1 до 13, встречаются бусы, фибулы (в количестве от 1 до 3), гребни, кольца, шпоры (один случай), подвески, пряжки и другие детали поясной гарнитуры.

В могилу сосуды ставили как справа, так и слева от покойника, реже – в ногах, в изголовье или над ним. Вещи, как правило, находятся на скелете, если он не разрушен. Все эти детали устройства могил с ингумациями, расположение инвентаря и

его состав являются общечерняховскими и этнической специфики не имеют.

Тем не менее обращает на себя внимание то, что ни одна из особенностей погребального обряда, которые считаются по происхождению скифо-сарматскими, не характерна для трупоположений с вельбарской лепной керамикой. Так, все погребения совершены в простых грунтовых ямах без подбоев и дополнительных камер-катакомб. Только одна яма имеет заплечики (Данчены, 186). Все захороненные лежали на спине (на боку – ни одного). Ноги у скелетов подогнуты лишь в двух случаях (Касаново, 9; Городок, 3), причем в последнем захоронении, кроме лепной трехручной вельбарской вазы [Магомедов, 1979. Рис. 2: 17], обнаружен и типичный сарматский двуручный кувшин [Магомедов, 1979. Рис. 2: 10], т.е. не только погребальный обряд, но и набор инвентаря погребения имел элементы синкретизма.

Кости животных (остатки напутственной мясной пищи) найдены в целой серии погребений, но вместе с ножом – только один раз (в Рудке.) Комплекс из Рудки представляет собой знаменитое "княжеское" захоронение, одно из самых богатых в черняхове. Нож там, кстати, не железный, а серебряный [Кухаренко, 1980. С. 85]. Устройство могилы и инвентарь погребения в Рудке служат скорее признаком статуса, чем этноса.

Несмотря на тесное соседство, вплоть до вхождения в состав одних и тех же общин (Компаниицы) [Обломский, 1997в. С. 78–79], вельбарское и скифо-сарматское население в черняхове все же существовали обособленно, сохраняя известную консервативность погребального обряда.

Вопрос о необходимости выделения скифо-сарматских элементов погребального ритуала на черняховских могильниках впервые был поставлен Ю.В. Кухаренко [Кухаренко, 1954]. Позже этой проблеме была посвящена особая статья В.В. Седова [Седов, 1978а. С. 102–103], рассматривали данный вопрос Э.А. Сымонович и Б.В. Магомедов [Сымонович, Кравченко, 1983. С. 22, 26, 29; Магомедов, 1987. С. 35, 36, 38, 41, 42], причем Б.В. Магомедов недавно еще раз вернулся к этой теме [Магомедов, 1999а]. Специальное исследование скифо-сарматских признаков в черняховских погребальных ритуалах было проведено О.А. Гей. Выделенные ее предшественниками степные черты погребального обряда по степени достоверности их скифо-сарматского происхождения были разбиты на три группы.

1. Бесспорные:

1) камерные погребальные сооружения (могилы с подбоями и катакомбы);

2) могилы с уступами (заплечками).

2. Бесспорные, но редкие:

кости животных с ножом в могилах.

3. Неоднозначные:

1) северная ориентация погребенных;

2) положение костяка – скорченное, на боку, с согнутыми или перекрещенными ногами.

Бесспорными скифо-сарматскими признаками считаются и некоторые формы лепных сосудов.

1. Горшки с низким сферическим туловом, высоким горлом и широким дном (соответствуют типу III Б.В. Магомедова).

2. Сосуды вытянутых пропорций с краем в виде раструба. Наибольший диаметр находится на равном расстоянии от венчика и днища (тип II-2 Б.В. Магомедова).

3. Сосуды вытянутых пропорций с краем в виде раструба, венчик часто бывает покрыт насечками. Наибольший диаметр – в верхней части высоты (тип II-1 Б.В. Магомедова) [Гей, 1985. С. 11–13].

Б.В. Магомедов в статье 1999 г. использует ту же методику, что и О.А. Гей. Разница заключается лишь в цели исследования. Б.В. Магомедов пытается выделить не скифо-сарматские, а чисто сарматские черты погребального ритуала. Ими в результате признаются лишь захоронения в подбоях и катакомбах. В этой работе Б.В. Магомедов отказывается от анализа лепной керамики, указывая, что у сарматов в употреблении могли быть сосуды "скифоидной" традиции. По этой же причине (как общие для скифов и сарматов) "за скобки" выносятся и погребения в ямах с заплечиками. Необходимо отметить, что принцип выделения чистых сарматских элементов соблюдается не всегда. Сарматскими, как ни странно, признаются ингумации с оружием из могильников западной окраины черняховского ареала (Винтенеле, Чумбруд, Дрегенешть, Беленькое и др.) [Магомедов, 1999а. С. 135–139], хотя обычай класть в погребения предметы воинского снаряжения присущ не только сарматам, но и германцам, в частности населению пшеворской культуры. Мне представляется, что сам по себе принцип отсечения спорных элементов на основании аналогий не слишком продуктивен. Гораздо более перспективен метод наблюдения за характером сочетания черт, которые имеют параллели в предшествующих черняховской или соседних культурах на конкретных памятниках и в комплексах.

Учитывая сведения, приведенные в табл. 17, 18, где собрана информация о погребениях с вельбарской лепной керамикой, скорченные скелеты, костяки с подогнутыми и перекрещенными ногами скорее являются признаками скифо-сарматских по происхождению ритуалов, чем северо-западных. Несомненно сарматским представляется и обычай искусственно деформировать черепа, на что обратил внимание В.В. Седов. Вряд ли можно считать однозначно сарматской традицию возведения курганных насыпей. Среди черняховских памятников, кроме комплекса в Кантемировке, известны курганы с трупосожжениями и керамикой вельбарского круга (Войсковое, Башмачка)

[Сымонович, Кравченко, 1983. С. 68; Смиленко, 1979]. По всей видимости, в черняхове наличие насыпей над погребениями является не столько этническим показателем, сколько признаком престижа.

Скифы и сарматы изначально были различными, хотя и родственными массивами населения. В первые века н.э. отмечается сильное взаимное влияние их культур. Большинство исследователей солидарны во мнении, что в черняховской культурной среде эти компоненты, за редкими исключениями, о которых будет сказано ниже, разделить невозможно, поэтому они воспринимаются как единое целое.

На территории Днепровского Левобережья "наибольшая степень концентрации" деталей погребального ритуала, восходящих к скифо-сарматским традициям, наблюдается на могильнике Боромля-1. С 1987 по 1991 г. здесь исследовано 48 погребений. Все они представляют собой трупоположения с северной, северо-западной и западной ориентировками. В ориентированном на север погребении 33 в яме с подбоем был захоронен мужчина 50–60 лет с искусственно деформированным черепом. Кроме инвентаря, в подбое находились кости поросенка, а сбоку от погребенного лежал железный нож (рис. 53: Б). Погребение 46 представляло собой захоронение мужчины 25–30 лет, лежавшего головой на север. Скелет находился в специальном углублении на дне ямы, т.е. она имела характерные заплечки. Кроме того, в могиле был устроен боковой подбой для инвентаря, куда были поставлены гончарные сосуды и положена фибула [Некрасова, 1990 в. С. 65; Некрасова, Терпиловский, 1991. С. 4]. Аналогии таким подбоямнишам для вещей известны в Викторовке и Фурмановке, т.е. на южных черняховских могильниках, в которых отмечено наличие погребений скифо-сарматской традиции [Сымонович, 1993б. С. 137. Табл. LXXXIV: 4], а также на могильнике Компанийцы в Среднем Поднепровье [Обломский, 1997в]. На последнем из погребения 162 происходит лепной округлобокий горшок типа II по Б.В. Магомедову с раструбообразным венчиком. Подобные сосуды Б.В. Магомедов и О.А. Гей считают скифо-сарматскими по происхождению [Магомедов, 1987. С. 47–48, 58; Гей, 1985. С. 11–12; Гей, 1993. С. 164–165].

В погребении 36, ориентированном на юго-запад, и 17 – на север, покойники лежали на боку, и ноги их были согнуты в коленях [Некрасова, Терпиловский, 1989. Табл. XI].

Во многих захоронениях были обнаружены остатки мясной заупокойной пищи, причем в ряде случаев (погребения 2, 4, 6, 39) они сопровождались ножами [Некрасова, 1990. Табл. IX, X]. Большинство погребений с западной ориентировкой совершено в ямах с заплечками (5, 14, 16, 21, 23, 26, 31, 32, 37) [Некрасова, 1990. С. 66].

На могильнике Переяслав-Хмельницкий-1 по своду Э.А. Сымоновича и Н.М. Кравченко погребения 2, 4, 5, 24, 29, 30, 39 были совершены в ямах с заплечками, а погребение 40 имело подбой, что составляет в общем 8 ингумаций из 19 (42%). Остатки жертвенной мясной пищи зафиксированы в погребениях 4, 5, 40, 41. В погребении 40 с ней вместе был найден нож [Сымонович, Кравченко, 1983. С. XXI; Гончаров, Махно, 1957].

На могильнике Успенка в погребении 1308, которое было трупоположением, у черепа покойника лежали кучка костей козы и железный нож в футляре (рис. 54: 3). В погребении 1618 скелет был скорченным и лежал на правом боку. "Кости ног были поджаты до такой степени, что производили впечатление просто сваленных на кучку костей" [Махно, 1970. С. 6, 17] (рис. 54: 4). Очень похожая поза была у скелета в погребении 140 [Махно, 1968. С. 8–9] (рис. 54: 2). У скелета в погребении 1631 согнуты в коленях ноги. Представляет интерес также погребение 1655–1656 (трупоположение с северо-западной ориентировкой) (рис. 55). Е.В. Махно трактует этот объект как два комплекса, но, вероятнее всего, они были одним погребением, так как имеют общую овальную яму и одинаково ориентированы. На уровне дна эта яма делится на два "лепестка", в южном из которых помещался скелет с бронзовой пряжкой, кольцом и двумя сосудами, а в северной – только сосуды. Не исключено, что это – погребение с сосудами в подбое-нише (как в Боромле, Компанийцах, Викторовке и Фурмановке).

Еще на трех могильниках имеется несколько ингумаций, в которых ноги погребенных были согнуты в коленях (Соснова, погребение 517, Кантемировка, грунтовый могильник, погребение 9 по нумерации Е.В. Махно; Лохвица, погребения 3 и 8 [Сымонович, Кравченко, 1983. Табл. XXI; Березовец, Петров, 1960. С. 87, 90]).

На могильнике Родной Край-1 лепной горшок типа II по Б.В. Магомедову происходит из погребения 14 (рис. 50: 3) [Петренко, 1991. Рис. 10: 2].

На поселениях скифо-сарматская культурная традиция выделяется "значительно менее рельефно", чем на могильниках. Обломки округлобоких лепных горшков с раструбообразными венчиками (как гладкими, так и с краем, оформленными в виде бордюра), имеющими характерный резкий внутренний перегиб, найдены на селищах Снагость-2 (в культурном слое, рис. 56) [Сымонович, 1977. Табл. I: 8; II: 10; X: 8], Хохлово-2 (в выемке очага 2 вместе с гончарной керамикой и в слое – архив А.В. Кропоткина, рис. 57) и на полу наземного жилища на раскопе III поселения Кантемировка (рис. 58) [Махно, 1952. Табл. I]. В Гочево-3 и -4 горшки такой формы относятся к черняховским горизонтам и резко отличаются по фактуре от керамики киевской культуры, которая также известна на этих селищах (рис. 28). На всех этих памят-

никах они встречены наряду с фрагментами сильнопрофилированных закрытых округлобоких горшков с изогнутым, отогнутым наружу венчиком, которые распространены широко по всему черняховскому ареалу, а в Хохлово, Снагости и Гочево-3, кроме того, – с обломками конических мисок-плошек. Из культурного слоя Снагости происходит также верхняя часть приземистого округлобокого кувшина. Ни на одном из этих трех памятников не найдено керамики, характерной для вельбарской традиции, отсутствуют формы, которые были бы специфичны для киевской культуры (слабопрофилированные округлобокие закрытые и открытые, а также ребристые горшки, диски). Косвенным образом этот факт свидетельствует о правильности выделения материалов Снагости, Кантемировки, Хохлово, Гочево-3 и -4 в особый этнокультурный тип, но все же уверенности в прямой связи его со скифо-сарматской традицией нет. Лепная керамика из этих пунктов немногочисленна и, как правило, сильно измельчена. Целых форм очень мало, серия сосудов, пригодная для полноценного сопоставления с позднескифскими и сарматскими памятниками, пока отсутствует.

Третьей этнокультурной традицией является киевская. Она выделена в основном по материалам поселений. В бассейне Северского Донца к этому типу памятников относится селище Головино-1, на востоке Днепровского Левобережья – Песчаное, Великий Бобрик и Мамрои-2, на р. Трубеж – Хлопков-1. Лепная керамика поселения Головино подробно описана выше. В Песчаном кухонная керамика с примесью крупного шамота в тесте, по формам сосудов близкая к киевской, происходит из нижней части заполнения углубленного жилища 2, где гончарная посуда составляет 62%, из наземных построек 1, 3 (на полу которой обнаружено 58% гончарной посуды) и 4 (70% гончарной керамики), из полуземлянки 5 (24% гончарной посуды), которую перекрывает жилище 4, а также из культурного слоя. Набор составляют округлобокие горшки типов I,1,1,а и б, I,3-а и I,3-б, ребристые типа II,2,а, обломок диска и мискиплошки. Некоторые сосуды и диск орнаментированы пальцевыми вдавлениями по краю.

Лепная керамика поселения Великий Бобрик лишена орнаментации, возможно, потому, что, судя по обломкам амфор, этот памятник более поздний, чем Песчаное и Головино (подробнее см. в разделе 7). В целом в Великом Бобрике гончарная керамика составляет не менее 70%. Из наземного жилища 2 происходят обломки тюльпановидного горшка и миски-плошки, еще один фрагмент аналогичной миски входил в состав субструкции глинобитного очага этой постройки, около которого было найдено 15 округлых глиняных грузил с отверстием по середине. Среди обмазки в наземном жилище 5 обнаружены обломки тюльпановидного сосуда и диска. Большая часть лепной керамики происходит из культурного слоя. Технологически она ничем не отличается от найденной в сооружениях: содержит примеси шамота в тесте, а на поверхности сосудов заметно грубое заглаживание пальцами. Набор форм аналогичен реконструированному по материалам селища Песчаное.

На поселении Мамрои-2 из заполнения полуземлянки происходят 64% гончарной керамики, серия пирамидальных грузил от ткацкого станка и выразительный набор лепных сосудов [Петренко, 1982. С. 13–14]. По фрагментам удалось реконструировать округлобокий горшок типа I,1,а, а, верхнюю часть баночного типа I,4,а, биконический сосуд типа II,2,а и целую миску-плошку (рис. 59).

Из перечисленных в разделе, посвященном анализу материалов поселения Хлопков-1, объектов происходят округлобокие лепные сильнопрофилированные горшки типов I,1,а, а (11 экз.), I,3-а (1 экз.), I,4,а (3 экз.), I,4,б (2 экз.), ребристые сосуды типа II,2,а (7 экз.), коническая миска. Некоторые горшки орнаментированы налепными валиками с насечками (рис. 47). Гончарная керамика на поселении в среднем составляет 71% [Некрасова, 1988. С. 79].

К сожалению, лепной керамики на большинстве памятников, относящихся к киевской этнокультурной традиции, довольно мало, поэтому процентное соотношение типов сосудов между собой установить, как правило, невозможно. По этой причине выяснить, какие именно группы киевского населения влились в состав черняховской общности, очень трудно. Формы лепных горшков поселений Песчаное, Головино-1, Великий Бобрик и Мамрои имеют аналогии как на памятниках сейминско-донецкого варианта, так и на территории Среднего Поднепровья [Обломский, 1991а. С. 124–129]. Явная близость к среднеднепровской традиции ощущается лишь в материалах поселения Хлопков. Об этом свидетельствуют относительно большое количество ребристых сосудов и налепные валики под венчиками некоторых горшков. Сосуды, украшенные валиками, встречаются на киевских памятниках Среднего Поднепровья начиная с дочерняховского этапа [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 54].

На черняховских могильниках Левобережья лепная керамика киевской традиции обнаружена всего в двух случаях. Биконический горшок типа II,2,а служил урной в погребении 1 Родного Края-1 [Петренко, 1991. Рис. 4: 1] (рис. 49: 3). На могильнике Успенка из так называемого "погребения 5" происходит слабопрофилированный округлобокий горшок типа I,3-а, в котором лежал "маленький обломок от гончарного кубка" [Махно, 1968а. С. 11]. Поскольку в этом объекте никаких костей не было, то, вероятно, он представляет собой не захоронение, а яму на могильнике (возможно, жертвенную).

Погребальный обряд населения поздней фазы киевской культуры неизвестен. Все исследованные к настоящему времени на территории лесостепи могильники относятся к начальной (*дочерняховской*) *стадии этой общности* [Обломский, 1991а. С. 57–62; Терпиловский, 1994а. С. 19]. Захоронения с элементами инвентаря киевской культуры на черняховских могильниках весьма разнообразны по обряду. Так, в Компанийцах три погребения (2, 58, 60) являются ингумациями с ориентировкой двух первых в северном секторе, а третьего – в западном, что не характерно для могильников киевской культуры, но зато весьма типично для черняховских. Скелет в погребении 2, где найдены Т-образные фибулы круга эмалей, носил следы ритуального расчленения. Он лежал на правом боку, ноги его были согнуты в коленях, т.е. поза покойника характерна для захоронений скифо-сарматской традиции. В единственном трупосожжении с лепным горшком киевского происхождения кальцинированные кости пересыпаны сверху черепками (погребение 95). Подобный элемент погребального обряда встречается на могильниках киевской культуры, но в Компанийцах он устойчиво связан с вельбарской традицией [Обломский, 1997в. С. 78].

По всей видимости, группы населения киевской культуры, которые были включены в состав черняховской общности, полностью утратили специфику своего погребального обряда. Косвенным образом об этом свидетельствует могильник Головино-1. Как уже указывалось ранее, он расположен на том же самом холме, что и поселение. Поскольку в ближайших окрестностях этого селища других черняховских памятников не выявлено [Обломский, 1997а. С. 72], то совершенно очевидно, что на могильнике захоронены жители именно этого поселка, что подтверждается, кроме всего прочего, и технологической однородностью лепной керамики из слоя могильника и из черняховских объектов селища. Набор лепной посуды показывает, что среди обитателей поселка преобладало киевское по происхождению население. Тем не менее захоронения на могильнике совершены по "общечерняховскому" обряду: четыре погребения были ингумациями, ориентированными на север, одно из них ритуально разрушено, а пятое представляло собой трупосожжение на стороне с обкладкой кучки кальцинированных костей черепками.

Картографирование памятников всех трех этнокультурных традиций показывает, что ни на Днепровском Левобережье, ни в бассейне Северского Донца нет территорий, где преобладают древности только одной из них. Напротив, очевидно, что население, принесшее с собой вельбарскую лепную керамику, чрезвычайно широко расселилось по Днепровскому Левобережью – вплоть до восточных границ черняховской культуры: Букреевка-2 находится в Верхнем Посеймье, а Головино-1, Родной Край-1 и Дубовое – в бассейне Северского Донца. Памятники скифо-сарматской традиции известны в Среднем Поднепровье. К *ним, в частности, относится ряд погребений* могильника Компанийцы и материалы из полуземлянки на поселении Ломоватое-1. Успенка – самый северный некрополь, где зафиксированы следы ритуалов скифо-сарматского происхождения. Он расположен на водоразделе Сулы и Сейма, т.е. практически на северной окраине черняховского ареала. На северо-восточной и восточной границе распространения памятников с преобладанием гончарной керамики над лепной находятся поселения Снагость, Хохлово и могильник Родной Край-1. Ту же самую область занимают и памятники киевской традиции – от Среднего Поднепровья на западе до бассейна Северского Донца на востоке (Головино-1) (рис. 60).

В заключение хотелось бы отметить одно обстоятельство. Элементы предшествующих культур ("реликты") проявляются не только не во всех черняховских комплексах, но и далеко не на всех памятниках, что вполне естественно при высокой степени стандартизации черняховской культуры. При использовании методики выделения этнических компонентов в черняхове по этим реликтам вычислить количество населения, связанного по происхождению с тем или иным этносом, невозможно. Подавляющее большинство комплексов при этих подсчетах учесть не удастся: они будут "этнически неопределимыми". Письменные источники свидетельствуют о лидирующей роли готского населения в составе державы Германариха и его предшественников. Тем не менее вопрос о том, какой именно этнос численно преобладал на той или иной конкретной территории черняховской культуры (в частности, на Днепровском Левобережье), остается открытым. Археологические материалы позволяют лишь определить, какие этнические группы вошли в состав черняховской общности.

6. Жилища и хозяйственные постройки

Постройки позднеримского периода Днепровского Левобережья относятся к двум группам – наземным и углубленным в грунт. Наземные сооружения с глинобитными стенами каркасно-плетневой конструкции, от которых после пожара остаются характерные полосы и пятна обожженной глиняной обмазки желтого, красного или оранжевого цвета, исследованы только на черняховских поселениях. Во многих случаях скопления обмазки на поверхности пашни фиксируются даже при осмотре памятников во время разведок (см. табл. 5–10). Единственное наземное сооружение

киевской культуры – Букреевка-2, постройка 6 – реконструировано Э.А. Сымоновичем по столбовым ямам. Ни в публикации, ни в отчете о раскопках наличие завалов обмазки в ее пределах не отмечено [Сымонович, 1990. С. 88].

Черняховские наземные постройки на территории Среднего Поднепровья, Днепровского Правобережья, Молдавии и Румынии по площади делятся на два типа: 10–30 и 45–50–120 кв.м [Баран, 1981. С. 57–60; Журко, 1988. С. 85–87; Баран, Вакуленко, 1990. С. 120–122; Сымонович, 1993. С. 132]. Оба они имеют соответствия на поселениях Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца. К первому относятся постройка 1 Головчино, постройка на раскопе 3 Кантемировки, жилище 1 Колесников, ко второму – жилища 1 и 2 Хохлово-2, жилище 4 Краснополья-1, все три наземные постройки Песчаного, постройка 4 Снагости-2, наземное жилище Артюховки, постройка 1 Гочево-4 (табл. 19). В сохранившихся лучше всего сооружениях зафиксированы очаги в виде круглых или овальных глинобитных площадок, примером чему может служить жилище 2 поселения Хохлово-2.

По своей планировке полуземлянки чрезвычайно разнообразны. Их классификация, в которой учитываются форма постройки в плане, детали конструкции стен и кровли (наличие столбовых ям и места их расположения), характер пола (плоский или неровный со ступеньками, уступами-"лежанками", ямами-погребами и т.п.), разработана мною для черняховского поселения Журавка Ольшанская (Среднее Поднепровье). С некоторыми модификациями она применяется и в настоящей работе. Ниже приводятся только те таксоны, к которым относятся постройки Днепровского Левобережья. Черняховские памятники, для того чтобы их при прочтении было проще отличать от киевских, выделены курсивом.

Класс I. Прямоугольные или подпрямоугольные постройки.

Тип 1. Без отопительного сооружения.

Вариант 1. Прямоугольные сооружения с плоским полом.

Разновидность 1. Со столбовыми ямами по периметру котлована – Гочево-1, постр. 1; Гочево-3, постр. 7 и 10.

Разновидность 1а. С отдельными столбовыми ямами у края котлована Гочево-3, постр. 9 (индивидуальная особенность – наличие апсидообразного выступа котлована); *Головино, постр. 5; Гочево-3, постр. 8 (индивидуальная особенность – наличие столбов и остатков глинобитной стены по внешнему периметру котлована за его пределами).*

Разновидность 2. Аналогичные постройки со столбовыми ямами по периметру и в центре. Постр. 2 (восточная) Букреевки-2; постр. 3 и 8 Боромля-2 (нижний горизонт).

Разновидность 2а. Аналогичные постройки со столбовой ямой в центре и отдельными ямами от столбов у краев котлована. Гочево-3, постр. 1; Цепляево Второе, постр. 1; Тазово, постр. 2 (индивидуальные особенности – выступ-апсида и выступ-место входа); *Великий Бобрик, постр. 1 и 3; Головино-1, постр. 2; Гочево-3, яма 63 (индивидуальная особенность – яма от столба находится у внешнего края котлована).*

Разновидность 3а. Постройки со ступенькой-лежанкой без столбовых ям. *Соснова, постр. 5; Хлопков, жил. 7.*

Разновидность 4а. Постройка с лежанкой, отдельные столбовые ямы по периметру котлована, без следов столбов в центре. *Боромля (черняховский период), постр. 5.*

Разновидность 6. Сооружения вообще без столбовых ям и "лежанки". Боромля-2 (нижний горизонт), постр. 10 (индивидуальная особенность – выступ-апсида); Боромля-2 (нижний горизонт), постр. 1; Гочево-3, постр. 6; Гочево-4, постр. 2 и 3; Шишино-1, постр. 1; *Белополье, постр. 2; Соснова, постр. 4; Войтенки-1, постр. 2 и 3; Родной Край-1, Яма 10 раскопа VII (небольшая полуземлянка); Хлопков-1, жил. 3–6; Хлопков-1, соор.2–6; Боромля-2 (черняховский период), постр. 9; Краснополье-1, жил. 3; Песчаное, жил. 5; Снагость, постр. 1; Колосовка, постр. 1, 2.*

Вариант 3. Прямоугольные постройки с внутренними ямами-погребами. Разновидность 1. Со столбами по периметру котлована и (иногда) в центральной части и одним погребом. *Боромля-2 (черняховский период), постр. 2; Головино-1, постр. 4 (индивидуальная особенность – прямоугольная яма).*

Разновидность 2. С отдельными столбами по краю котлована и (иногда) в центре и одним погребом. *Краснополье-1, жил. 2.*

Разновидность 3. Без столбовых ям, с одним погребом. Цепляево Второе, постр. 4; *Мамрои-2, постр.; Хлопков-1, жил. 1; Краснополье, жил. 1; Великий Бобрик, полуземлянка 4; Косовщина-2, жил. 4; Гочево-3, постр. 13.*

Разновидность 4. Прямоугольные постройки с двумя погребами без ям от столбов. *Соснова, постр. 7; Косовщина-1, постр. 3.*

Разновидность 5. Прямоугольная постройка без столбовых ям с тремя погребами. *Хлопков-1, жил. 2.*

Тип 2. С открытыми очагами. Последние представляли собой либо костер, горевший в постройке (от него остаются пятно прокала материкового пола и иногда угли), либо хорошо обожженную глинобитную площадку овальной или круглой формы.

Вариант 1. Сооружения с плоскими полами.

Разновидность 1. Со столбами по периметру котлована. Родной Край-3, постр. 2 (индивидуальный признак – два очага); *Косовщина-1, постр. 1.*

Разновидность 1а. С отдельными столбовыми ямами у края котлована. *Косовщина-1, постр. 2.*

Разновидность 2а. Без столбовых ям у края котлована и с центральным опорным столбом. 10-й Октябрь, постр. 2; *Соснова, жил. 6 и 8 (индивидуальный признак – два очага).*

Разновидность 3. Без столбовых ям. Букреевка-2, постр. 8; Родной Край-3, постр. 1 (индивидуальный признак – два очага); *Соснова, жил. 3; Песчаное, жил. 2.*

Вариант 2. С внутренней ямой-погребом, со столбами по периметру котлована и плоским полом. Тазово, постр. 4 (индивидуальный признак – выступ-апсида); *Боромля (черняховский период), постр. 7.*

Вариант 3. С двумя внутренними ямами-погребами.

Разновидность 2. С тремя ямами по линии конька крыши (одна – в центре, две – у противоположных сторон котлована). Букреевка-2, постр. 9.

Разновидность 3. Без столбовых ям вообще. *Хлопков-1, жил. 8.*

Вариант 5. Постройка с материковой лежанкой, открытым очагом в центре, столбами по периметру. *Снагость-2, постр. 3.*

Тип 3. Постройки с печами-каминами. Эти отопительные сооружения своеобразны по конструкции и представляют собой ниши-пещерки, врезанные в материковую глину борта котлована постройки таким образом, что под печи находится в подбое и выступает за пределы землянки. Сам под и стенки печи хорошо обожжены, а основание печи иногда дополнительно подмазано глиной. В качестве субструкции в этом случае используются черепки сосудов (постройка 7 Журавки). От бытовых печей конца I-го тысячелетия н.э. камины римского времени отличаются тем, что последние всегда выступают за пределы котлованов, а не находятся внутри полуземлянок.

Вариант 1. С одной печью, со столбами по периметру котлована и внутри сооружения, пол плоский. Букреевка-2, постр. 2 (западная), 3.

Вариант 4. С плоским полом, с одной-двумя хозяйственными ямами и одной печью. Некоторые сооружения имеют столбы вдоль стен постройки. Цепляево Второе, постр. 2 (индивидуальные признаки – столбов по периметру котлована нет, вскрыта не полностью); Богородичное, постр. 4 (индивидуальные признаки – два столба под коньком у противоположных стен)

Класс II. Постройки овальной формы.

Тип 1. Без отопительных сооружений.

Вариант 1. С сильно углубленной частью и со столбами по периметру котлована. Букреевка-2, постр. 4 (индивидуальный признак – яма от центрального столба).

Вариант 2. Аналогичные, но без столбовых ям по периметру. Боромля, нижний горизонт, постр. 6; Гочево-3, постр. 5.

Вариант 3. Со столбами по периметру котлована, двумя выступающими за пределы постройки погребами. Тазово, постр. 3.

Вариант 4. Форма неправильная, овальной названа условно. Сооружение с плоским полом, отдельными столбовыми ямами в центральной части помещения и по его краю. Тазово, постр. 5.

Вариант 5. Постройки с плоским полом, с одной столбовой ямой. *Снагость-2, постр. 2.*

Вариант 6. Постройки с плоским полом, без столбовых ям. *Великий Бобрик, хозяйственная постр. 1.*

Тип 2. С открытыми очагами.

Вариант 1. Со столбовыми ямами по периметру котлована и с плоским полом. Дачное-2, постр. 1.

Вариант 2. Аналогичное по основным признакам, но столбовые ямы имеются и внутри котлована. Здесь же расположена и яма-погреб. Букреевка-2, постр. 7.

Тип 3. С печью-камином. Имеет сильно углубленную часть. Букреевка-2, постр. 1 и 5 (индивидуальные признаки – два обширных выступа по краям котлована).

Класс III. Круглые постройки.

Тип 2. С открытыми очагами.

Вариант 1. Без столбов по периметру котлована, с центральным столбом. Тазово, постр. 1.

Образцы построек каждого из таксонов приводятся на рис. 61–65.

Традиции возведения стен, типы отопительных сооружений и планировка киевских и черняховских полуземлянок во многом совпадают, но не менее существенны и различия.

Стены построек могли быть срубными (в этом случае столбовые ямы по периметру котлована не прослеживаются), каркасными с закладами из бревен (по краю котлована – регулярные столбовые ямы), каркасными с опорой на отдельные столбы. У некоторых построек, как киевских, так и черняховских, стены были глинобитными с основой из плетня или мелких плашек. В этом случае в сооружениях остаются характерные завалы глины (табл. 20, 21). Все варианты конструкции стен, кроме глинобитной, на территории Левобережья известны в позднезарубинецкий и раннекиевский периоды. Глиняная обмазка, очевидно, начинает применяться на селищах киевской культуры под влиянием черняховского домостроительства.

Наличие столбов-опор кровли (в том числе и так называемого центрального опорного столба) в позднеримское время традиционно считается характерным элементом построек киевской культуры. Эти столбы зафиксированы в 16 сооружениях (52%). Как показано в табл. 21, в черняховских постройках центральные опорные столбы тоже есть, но встречаются несколько реже (в семи случаях – 15%).

На поселениях обеих археологических культур преобладают прямоугольные углубленные

постройки, причем в равной степени распространены сооружения как с плоскими полами, так и с внутренними ямами-погребами (от одной до трех). Постройки с погребами, выступающими за пределы котлована, и с полукруглой ("апсидообразной") формой одной из его сторон известны как на киевских, так и на черняховских поселениях. Для черняховских сооружений специфичны материковые длинные полки-"лежанки", правда, встречаются они в полуземлянках Левобережья очень редко.

Постройки с котлованами овальной формы (в том числе и в виде неправильного овала с различными выступами) гораздо более редки, чем прямоугольные. Овальные постройки с отопительными сооружениями исследованы пока только на киевских селищах, а единственная круглая постройка – на поселении Тазово той же археологической общности.

И в киевских и в черняховских жилищах устраивались открытые очаги, которые в большинстве случаев находились в центральной части помещения (табл. 20, 21). Специфическим киевским типом отопительного сооружения являются печи-камины. Анализу позднеримских построек с печами, исследованных на территории лесостепи Восточной Европы, посвящена специальная статья Ю.Ю. Башкатова [Башкатов, 1997]. Сооружения с печами или очагами в нишах известны на трех памятниках Среднего Поднепровья (Белгородка, Мотовиловская Слободка-4, Игнатовка-1 – по одному), в Подесенье (Роище, постр. 14 [Терпиловский, 1984. С. 88], Верхнестриженское-3, постр. 1 [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 126], Александровка-1, постр. 2, 6 и 24 [Терпиловский, Шекун, 1996. Рис. 6, 10, 23]), но область основного их распространения находится на востоке Днепровского Левобережья и в бассейне Северского Донца и Дона (рис. 66).

Четыре постройки с подобными отопительными устройствами исследованы на селище Букреевка-2 под Курском, на поселениях Гочево-2 в верховьях Псла, Цепляево Второе на р.Короче, Богородичное на Северском Донце, Хлевное и Чертовицкое-3 на Дону – по одной [Сымонович, 1990. С. 83–87; Тихомиров, Терпиловский, 1990. С. 77. Рис. 11; Обломский, 1991а. С. 100–104, 220–225; Приходнюк, Швецов, 1989. С. 8–9; Винников, 1989; Медведев, 1992. С. 44].

Подавляющее большинство перечисленных выше памятников относятся к поздней фазе киевской культуры, т.е. к периоду влияния на нее черняховских традиций [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 100, 102, 110, 132; Терпиловский, Шекун, 1996. С. 30–31]. Этим же временем датируются поселение Хлевное и поздний горизонт Чертовицкого Третьего городища в Подонье [Обломский, 1997б. С. 242–245]. Исключением являются два памятника – Гочево-2 и Верхнестриженское-3. Первый из них Р.В. Терпиловский и Н.С. Абашина синхронизируют с поселением Гочево-1, т.е. относят к ранней фазе киевской культуры, второе датируют III в. [Терпиловский, Абашина, 1992, 125, 166].

Основанием для определения даты обоих памятников служит их керамический комплекс. Материал, который происходит из постройки с печью-камином Гочево-2, невыразительный. Крупные фрагменты сосудов, позволяющие реконструировать формы, обнаружены в яме 2, т.е. в другом объекте [Тихомиров, Терпиловский, 1990. С. 62–63], что, естественно, не является надежным основанием для "переноса ее даты" на постройку. Керамика Верхнестриженского-3 для Подесенья выглядит архаичной. Во многом это объясняется ее принадлежностью не к деснинскому, а к верхнеднепровскому киевскому кругу, а точнее – к памятникам типа Абидни. Керамический комплекс круга Абидни может частично синхронизироваться с черняховской культурой. Подтверждением этому служит поселение Мена-5, которое также находится в Подесенье. Здесь, в постройке 2, вместе с керамикой, очень близкой к происходящей из Верхнестриженского, обнаружена массивная железная прогнутая подвязная фибула серии Б, которые Е.Л. Гороховский датирует последней третью III – первой половиной IV в. [Гороховский, 1988а. С. 47], и лепное подражание черняховской гончарной миске [Кухарська, Обломський, 1988; Обломский, 1996. С. 29]. Несмотря на отсутствие в Верхнестриженском-3 гончарной керамики, некоторые косвенные признаки позволяют датировать этот памятник черняховским периодом. Так, Верхнестриженское-3 в своде Р.В. Терпиловского и Н.С. Абашиной фигурирует в списке пунктов, откуда происходят обломки жерновов из так называемого вулканического туфа. По широко распространенному мнению, на поселениях киевской культуры эти изделия являются черняховским импортом [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 62]. Два биконических пряслица из Верхнестриженского имеют воронковидные основания, причем у одного из них наибольшее расширение корпуса приходится не на середину высоты, а на нижнюю треть. Формы этих пряслиц типичны для черняховской культуры. Несмотря на то что на лесостепных памятниках позднезарубинецко-киевского круга они появляются несколько раньше (в начале позднеримского времени), основной период их распространения совпадает с эпохой черняховского влияния [Обломский, 1991а. С. 104, 114–115].

Таким образом, надежных оснований для того, чтобы датировать сооружения с каминами из Гочево-2 и Верхнестриженского-3 дочерняховским временем, нет.

Распространение построек с печами-каминами происходит на позднем этапе киевской культуры. Раньше я связывал этот процесс с черняховским

влиянием, ссылаясь на поселение Журавка Ольшаниская в Среднем Поднепровье, где исследовано семь сооружений с подобным типом отопительного устройства. Впоследствии, когда я специально занимался материалами Журавки для подготовки их к публикации, выяснилось, что и на этом памятнике из всех объектов с каминами происходит лепная керамика, чрезвычайно близкая к киевской, а в целом для черняховских поселений постройки с печами такого типа не характерны.

Сооружения с каминами отсутствуют и на надежно датированных ранних киевских памятниках. Единственной территорией, где они известны в дочерняховский период, является Прикарпатье. Самое раннее жилище с печью этого типа исследовано на поселении Пасеки-Зубрецкие (жилище 1) [Козак, 1984. Рис. 8: 1]. Д.Н. Козак датирует пшеворский горизонт этого памятника позднелатенской эпохой. Признанный специалист по хронологии пшеворской культуры Т. Домбровская, предполагала, что этот памятник может относиться и к несколько более раннему времени, поскольку она поместила его на карту распространения пшеворской керамики этапов A1-2 [Dąbrowska, 1988. Mapa 7][4]. На поселении Пасеки-Зубрецкие исследована полуземлянка с печью-камином и волыно-подольскими материалами в заполнении (жилище 11). К зубрецкой культуре относятся также жилище 1 поселения Лынив, в котором, кроме печи в нише, зафиксирован открытый очаг в центре сооружения, и жилища 7 и 16 с печами на том же памятнике. На многослойных селищах Боратин и Загаи-2 обнаружены две постройки с каминами (по одной на каждом). Из заполнения обоих сооружений происходят вельбарские материалы [Козак, 1991. С. 77–79; 1994. С. 19–20, 23, 29–30. Рис. 8, 10, 16]. Более поздним периодом датируется жилище 1 на селище Демьянов-2 с аналогичной печью. Из этой постройки происходит раннечерняховский набор находок (в том числе и ручка амфоры типа D) [Баран, 1981. Рис. 14. Табл. XLIX].

Концентрация построек с печами-каминами на востоке Днепровского Левобережья и в бассейне Северского Донца свидетельствует о том, что в формировании памятников типа Букреевка–Тазово приняли участие какие-то группы населения Прикарпатья, возможность чего предполагала А.Н. Некрасова [Некрасова, 1990б. С. 151]. Журавка в этом отношении, очевидно, играла роль своеобразного "моста".

Какие же из весьма разнообразных по планировке полуземлянок Днепровского Левобережья могли быть жилищами? Мне представляется, что последние должны обладать тремя признаками: отопительным устройством, плоским полом (ямы-погреба в жилищах могли перекрываться специальными щитами, о чем свидетельствует славянская этнография) и размерами, достаточными для проживания семьи. Кроме наличия плоского пола, два других признака относительны. Как показывает опыт, остатки пятен прокала пола на месте очага самого простого типа – кострища могут и не прослеживаться во время раскопок, что зависит от характера грунта. Размеры котлованов также не всегда совпадают с размерами действительно существовавших в древности жилищ. Совершенно ясно, что у сооружений с печами-каминами, впущенными в борта котлованов, или с другими выходящими за их пределы выступами должна быть наземная часть, иначе их устройство не имело бы смысла. Тем не менее котлован в какой-то степени соответствует размерам постройки: он, по крайней мере, не может превышать ее по площади. Именно на этот показатель, на площадь углубленной части сооружения, мне бы хотелось обратить внимание читателя.

Рассмотрим табл. 20, 21 и построенный на их основе график (рис. 67). Полуземлянки киевской культуры по площади довольно отчетливо делятся на четыре группы: 4–8; 9–10; 13–18; 19–23,2 кв.м. Исключением являются всего два сооружения: постройка 4 Цепляева Второго (2 кв.м) и постройка 5 Букреевки-2 (37,3 кв.м). Первая слишком мала, чтобы быть жилищем, а вторая не имеет ровного пола. Отопительные сооружения, за исключением двух случаев, прослежены в постройках третьей и четвертой групп, т.е. довольно больших по площади. Из них только в одном объекте (постройка 1 Букреевки-2) дно котлована не было ровным, в нем была выкопана обширная яма, занимающая всю центральную часть помещения, т.е. постройка была, по всей видимости, хозяйственной. Прочие, вероятнее всего, являлись жилищами.

Постройки черняховской культуры на графике соотношения площадей группируются иначе (рис. 67). По его пикам можно выделить три типа сооружений: площадью 3–5; 7–11; 14–20 (21) и больше 22 кв.м, которые с группами построек киевской культуры совпадают лишь частично. В целом картина получилась как бы "смазанной", не такой отчетливой, как на предыдущей гистограмме: площади многих построек "не попадают" в пределы типов, а имеют промежуточные значения. Сооружения с очагами весьма разнообразны по размерам (от 4,3 до 37,5 кв.м). Их показате-

[4] В 1999 г. была издана еще одна постройка с печью-камином, устроенной в нише, вырезанной в восточной стене котлована, – жилище 7 поселения Городок-Пасовище [Козак, Оприск, Шкоропад, 1999. С. 78–79. Рис. 44]. Авторы публикации относят это сооружение к поморско-подклошевой культуре. К сожалению, в монографии, посвященной раскопкам поселений у с. Городок, материал, происходящий из жилища 7, не приводится. Очевидно, он невыразительный. Учитывая, что на памятнике имеются отложения зубрецкой культуры, эта постройка может относиться и к более позднему времени.

ли распространены практически равномерно по всему спектру графика (табл. 21), причем преимущественная связь их с какими-либо определенными группами не обнаруживается. Количество построек с очагами для первого типа составляет 1 из 6, для второго – 3 из 18, т.е. такое же, для третьего – 6 из 14, для четвертого – 1 из 4. Концентрация объектов с очагами в двух последних группах вроде бы более высокая, но, учитывая малочисленность статистической выборки, этому наблюдению не следует придавать слишком большое значение. "Момент случайности" здесь достаточно высок. Универсального критерия отнесения черняховских полуземлянок Левобережья по размерам к категории жилищ, таким образом, нет. Для этого, очевидно, нужно учитывать индивидуальный характер каждого памятника, например соотношение углубленных и наземных построек, группировку объектов на плане и т.д.

Отличительной чертой домостроительства позднезарубинецких памятников типа Терновки и раннекиевских круга Шишино-5–Шмырево является обилие разнообразных по планировке полуземлянок, среди которых встречаются прямоугольные и овальные, с плоским и неровным полом, с внутренними ямами-погребами и без них [Обломский, 1991а]. В этом смысле домостроительство поздних поселений сейминско-донецкого варианта киевской культуры продолжает местные традиции предшествующей эпохи. Новыми чертами являются распространение печей-каминов и каркасно-глинобитная конструкция стен некоторых построек. Сходство формы и планировки большинства киевских и черняховских построек подтверждает сделанный ранее вывод об участии киевского населения в формировании черняховской культуры Левобережья, иначе подобного рода конвергенцию трудно объяснить. Тем не менее наблюдения за соотношениями размеров углубленных жилищ и хозяйственных сооружений показали, что черняховские и киевские постройки обнаруживают разные тенденции группировки. Не имеют киевских параллелей и черняховские наземные глинобитные дома. Причиной этих различий, по всей видимости, является сложность этнического состава черняховского общества, в рамках которого происходит интеграция традиций домостроительства разных по происхождению групп населения. Киевский компонент при этом был лишь одним из нескольких.

При просмотре материалов черняховских и поздних киевских поселений обращает на себя внимание большое количество построек, уничтоженных пожарами. К их числу относятся не только все перечисленные выше наземные глинобитные черняховские дома, отличительным признаком которых как раз и являются завалы обожженной глиняной обмазки, но и целая серия полуземлянок (1, 2, 3, 7, возможно, 5 и 8 Боромли-2; 2 Цепляева Второго; 4 Богородичного; 5 Песчаного; 1 Великого Бобрика; 3 Краснополья-1; 8 Гочево-3; постройка Мамроев-2; жилища 4, 5, сооружение 2 и навесы над многими хозяйственными ямами Хлопкова-1; 3 и, вероятно, 8 Сосновы; 3 Косовщины-2). Среди исследователей распространено мнение, что слои пожарищ на поселениях позднеримского времени связаны с гуннским нашествием. Мне кажется, что это далеко не так. К сожалению, большинство построек из-за отсутствия хронологических индикаторов точно продатировать не удается, но некоторые объекты все же датируются достаточно узко. В Боромле-2 постройки 1, 3 и 8 относятся к начальному (киевскому) этапу заселения памятника, т.е. к середине – второй половине III в. (подробнее см. в разделе о хронологии), постройки 2, 5, 7 – ко второму его строительному горизонту, уже черняховскому, образование которого по стратиграфии относится ко времени позже первого, т.е. не ранее конца III в. Верхняя дата второго горизонта неопределенна, но до финала черняховской культуры составляющие его сооружения не доживают, так как на памятнике есть еще третий, самый поздний черняховский горизонт.

На поселении Песчаное из наземного жилища 1 и полуземлянки 5 происходят выразительные обломки амфор типа D, т.е. эти объекты относятся к тому же времени, что и нижний горизонт Боромли. В широких рамках второй трети IV – начала V в. датируется постройка из Мамроев-2 (по прогнутой подвязной фибуле варианта Б3 Е.Л. Гороховского). Не уже, чем IV в. в целом, может быть продатировано поселение Великий Бобрик (по обломку стеклянного кубка с прошлифованными овалами и по фрагментам амфор типа F), где пожаром уничтожены две наземные постройки и одна углубленная. В наземном жилище из Колесников найдена "воинская" двучленная фибула подгруппы 1, типа I, варианта б по А.К. Амброзу [Амброз, 1966. С. 70], которые по Е.Л. Гороховскому наибольшее распространение получают на третьей–четвертой фазах черняховской культуры, т.е. во второй трети – конце IV в. [Гороховский, 1988б. С. 44]). Типологически близкая фибула, судя по описанию Г.А. Романовой, найдена в сгоревшем длинном доме на поселении Артюховка [Романова, 1989. С. 59]. На селище Головино участок со сгоревшей наземной постройкой датируется, по всей видимости, широко. Там обнаружены вещи IV в., тяготеющие, вероятно, к первой его половине или к середине ("воинская" фибула с ромбической ножкой, расширенной посередине, и гребень с трапециевидной спинкой варианта II,2 [Гороховский, 1988а. С. 236–237; Гей, Бажан, 1997. С. 43]), а также стекло гуннского периода [Гавритухин, Обломский, в печати].

В уничтоженном пожаром наземном черняховском жилище на поселении Гочево-4 обнару-

жена двупластинчатая фибула варианта IББ по А.К. Амброзу [Горюнова, 1988а. Рис. 66] второй половины IV – начала V в. [Гороховский, 1988а. С. 243]. К достаточно позднему времени относятся сооружения Хлопкова-1. Как будет показано ниже, наиболее поздние вещи на этом памятнике, в том числе и гуннского времени, найдены именно на том участке, который был раскопан А.Н. Некрасовой.

Таким образом, постройки на Днепровском Левобережье горели на протяжении всего позднеримского времени, а не только на заключительном этапе черняховской культуры.

7. Хронология

Относительно начальной даты появления черняховских памятников на территории Днепровского Левобережья существуют три точки зрения. Е.Л. Гороховский, исходя из разделяемой практически всеми исследователями концепции зарождения этой культуры на территориях, лежащих к западу от Днепра, высказал мнение, что черняховские памятники на Днепровском Левобережье появляются только на второй фазе развития культуры, причем самые ранние комплексы локализуются вблизи Днепра [Гороховский, 1988б. С. 45]. А.Н. Некрасова считает возможным выделить более раннюю волну черняховской миграции, которую она датирует второй половиной III в. В этот период на территорию Левобережья проникают выходцы из Прикарпатья (носители культуры памятников типа Черепин–Куропатники–Демьянов), которые способствуют распространению черняховских традиций среди местного населения. Характерными комплексами этого этапа являются постройки на поселениях Родной Край-3, Боромля-2 и Букреевка-2 с фибулами группы VII О. Альмгрена, горизонт находок, связанный с танаисской амфорой на поселении Беседовка, трубосожжение в аналогичной амфоре на могильнике Новоселовка [Некрасова, 1990а. С. 59–60; 1990б. С. 150–151]. М.Б. Щукин считал возможным датировать ранние памятники черняховской культуры на Левобережье (Пересечное, Большая Даниловка) периодом С1 центральноевропейской системы хронологии [Щукин, 1979. С. 70] (III в. н.э., исключая его конец).

Свое мнение о времени и характере распространения черняховской культуры на Днепровском Левобережье я высказывал в серии работ, правда, в краткой, тезисной форме [Обломский, 1991а. С. 9–16; 1991б, 1994а, 1997а]. Попытаюсь изложить свою точку зрения более подробно.

Материалы нижнего горизонта Боромли-2, большинства объектов Букреевки-2 (в том числе и происходящие из постройки с фибулой группы VII), Родного Края-3 не могут расцениваться как черняховские. Лепная керамика, которая абсолютно господствует во всех комплексах и слоях этих памятников, по формам, орнаментации, процентному соотношению типов характерна для сейминско-донецкого варианта киевской культуры и является результатом развития традиций более ранних памятников типа Шишино-5–Шмырево, правда, в новых условиях черняховского влияния. Родной Край-3 и памятники его круга оставлены местным, а не пришлым населением.

Другое дело, что в материальной культуре этих памятников ощущается сильное черняховское воздействие, результаты которого прослеживаются по ряду признаков, и в том числе по сравнительно широкому использованию в быту гончарной керамики. Начало массового поступления импортной черняховской посуды на киевские поселения диагностируется серией находок.

Из нижней части заполнения постройки 1 первого этапа заселения селища Боромля-2 происходят две фибулы группы VII, трехчастный гребень типа I 1а с полукруглой спинкой (рис. 32: 3–5) [Некрасова, 1991. Рис. 8: 5–7], несколько выше в засыпке котлована того же объекта найдены характерные обломки светлоглиняных амфор типа D (рис. 32: 1, 2) [Некрасова, Терпиловский, 1989. Табл. XVI: 33–36]. На полу постройки 3 того же этапа существования памятника обнаружена уникальная фибула с высоким приемником и широкой спинкой в виде двух повернутых вершинами друг к другу треугольников с перехватиком-дужкой между ними. Отсюда же происходят фрагменты днищ амфор типов D и F (рис. 33: 13–15) [Некрасова, 1991. Рис. 8: 4; Некрасова, Терпиловский, 1989. Табл. XXII: 25, 26].

На полу жилища 1 поселения Родной Край-3 обнаружены бронзовая фибула с высоким приемником, железный ключ и ручка светлоглиняной амфоры, которая в равной степени может относиться к типам D и F; в постройке 2 найдены обломки ножек амфор типов D и F [Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997. С. 112–113; фонды Археологического музея ХГУ] (рис. 45: 16–19; 46: 11, 12).

На поселении Букреевка 2 фибула группы VII обнаружена в постройке 8 (рис. 43: 23), а в Гочево-3 – в жилище 1 (рис. 27). Из постройки 3 Букреевки-2 происходит ручка танаисской амфоры [Симонович, 1990. Рис. 5: 12; Горюнова, 1987. С. 2–8].

Таким образом, начало массового поступления черняховской гончарной керамики на киевские поселения востока Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца приходится на период использования фибул группы VII, "танаисских" амфор типа D и на начало употребления "инкерманских" амфор типа F. О частичной синхронности амфор обоих типов свидетельствуют комплексы из Боромли-2 и Родного Края-3. Есте-

ственно, возникает вопрос: существовали ли уже в это время черняховские памятники на Днепровском Левобережье, или мы сталкиваемся с редким явлением торговли черняховской гончарной посудой в местностях, довольно далеко расположенных от центров ее производства (ранние черняховские памятники, по Е.Л. Гороховскому, известны на юге Среднего Поднепровья, а импорт достигает бассейна Северского Донца)?

Узко датируемые комплексы, сихронные фибулам с высокими приемниками, на черняховских могильниках Днепровского Левобережья отсутствуют. Культурная принадлежность трупосожжения из Новоселовки, урной в котором, по А.Н. Некрасовой, служила "танаисская" амфора [Некрасова, 1990б. Рис.: 12], не ясна. Из сборов Б.П. Зайцева на разрушенном могильнике Большая Даниловка происходят две фибулы группы VII (целая и обломок) (рис. 68: 3, 4) [Зайцев, 1964. Рис. 2: 5, 8], но этот памятник явно многослойный. Там, например, найдена раннесредневековая фибула с узкой пластинчатой спинкой [Зайцев, 1964. Рис. 5: 9]. Не исключено, что в Большой Даниловке могли быть и какие-то дочерняховские объекты.

Наиболее ранние на Левобережье датирующие вещи, связанные с "черняховским культурным контекстом", обнаружены пока только на поселениях. Серия этих находок хотя и невелика, но довольно выразительна. Как уже упоминалось выше, с черняховским закрытым комплексом на поселении Головино-1 однозначно связан обломок ручки амфоры типа D, в заполнении постройки 5 обнаружена медная монета Тиры 238–253 гг., из культурного слоя над этой постройкой происходит фибула с высоким приемником (рис. 68: 1), которая, учитывая ее датировку, на этом памятнике не может относиться к позднезарубинецкому горизонту. На поселении Новоселовка, где найдены материалы черняховской культуры и эпохи бронзы, во время шурфовки Ю.А. Липкингом была обнаружена фибула того же типа (рис. 68: 2) [Липкинг, 1970. С. 1–2]. На поселении Песчаное как из наземных черняховских построек, так и из полуземлянок происходят обломки амфор типа D, в том числе и одна почти целая (рис. 48: 1–5). На поселении Хохлово-2, где проводил раскопки А.В. Кропоткин, исследовано несколько черняховских объектов. Во время неоднократных осмотров памятника никаких других материалов, кроме черняховских и эпохи бронзы, обнаружено не было. В коллекции подъемного материала имеется бронзовая прогнутая подвязная фибула варианта А2 по классификации Е.Л. Гороховского (рис. 57: 17). Датирующие вещи с поселения Хлопков-1 из раскопок В.Д. Барана и А.Н. Некрасовой довольно поздние, но из сборов Ю.В. Костенко происходят и сравнительно ранние предметы, в том числе гребень с полукруглой спинкой (рис. 47: 23) [Костенко, 1978. Рис. 6: 9]. Серия обломков ручек амфор типа D найдена на поселении Радуцковка (фонды Института археологии НАН Украины) [Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999. Рис. 8: 5–14].

По классификации Е.Л. Гороховского, фибулы группы VII, известные на территории Днепровского Левобережья, относятся к особой "юго-восточной подгруппе" и составляют две серии: "простые украшения с длинными ножками" (экземпляры из Головино, Новоселовки, Большой Даниловки) и "фибулы с накладными кольцами" (все прочие, кроме уникальной застежки с пластинчатой спинкой из Боромли).

По хронологической системе Е.Л. Гороховского, фибулы группы VII и подвязные варианта А2 являются диагностами первой фазы черняховской культуры (230–270 гг.), хотя застежки с высокими приемниками существуют дольше – до рубежа III–IV вв. [Гороховский, 1988а. С. 42–43]. Приблизительно так же верхнюю дату этих украшений определяет и М. Мончьнська, выводы которой базируются на значительно более обширном материале, чем тот, что был в распоряжении Е.Л. Гороховского [Мончьнська, 1999. С. 87–89]. Гребни типа IIа датируются широко – первой–третьей фазами [Гороховский, 1988б. С. 42–43], но находка в Боромле такого изделия вместе с фибулами группы VII свидетельствует о том, что гребень с этого поселения относится к первой или к началу второй фазы.

О.А. Гей и И.А. Бажан погребения с фибулами группы VII (без более дробного типологического подразделения) на территории Правобережной Украины относят ко второму периоду черняховской культуры (270/280–310/320 гг.) [Гей, Бажан, 1997. С. 42], т.е. по сравнению с хронологией Е.Л. Гороховского смещают их дату несколько вверх. Возможность уточнения датировки фибул с высокими приемниками предоставляет амфорный материал.

Амфоры типа D ("танаисские") в традиционной системе античной хронологии Северного Причерноморья датируются концом II – первой половиной III в. н.э., т.е. включительно по горизонт разгрома Танаиса эпохи готских войн [Абрамов, 1993]. Несколько иной точки зрения придерживаются В.В. Крапивина и А.В. Сазанов. В.В. Крапивина высказала предположение, что в Ольвии такие амфоры существуют дольше: они известны в комплексах третьей четверти – конца III в. н.э.; а в Тире они найдены в опубликованном Н.М. Кравченко и В.Н. Корпусовой комплексе IV в. [Крапивина, 1993. С. 94; Кравченко, Корпусова, 1975. С. 23–31]. Последнее утверждение основано на недоразумении. В этом комплексе амфоры типа D отсутствуют.

Возможность более длительного существования амфор типа D А.В. Сазанов обосновывал находкой подобного сосуда в погребении 86 черняховского могильника Оселивка [Сазанов, 1993. С. 17]. Этот аргумент не слишком корректен. В отличие от "классических D" экземпляр из Осе-

ливки более вытянутый, имеет другой профиль венчика, сплошное, а не кольцевидное дно, почти круглые в сечении ручки, а не плоские с одним-двумя выделенными валиками и т.д. [Никитина, 1995. С. 84–86], т.е. эта амфора не является собственно "танаисской", а представляет собой какой-то их редкий дериват. Переходные формы от классических амфор типа D к оселивской, по всей видимости, представляют собой экземпляры из могильника Дружное, один из которых происходит из южного подбоя могилы 20, а второй – из склепа 21. Обе амфоры имеют близкие к "танаисским" подтреугольные в сечении венчики и уплощенные ручки (соответственно с двумя и одним слабо выраженными гребнями), но ножки у них аналогичны экземпляру из Оселивки – они сплошные, и только у амфоры из могилы 20 на ножке еще заметна слабая выемка. Автор раскопок И.Н. Храпунов датирует погребения в южном подбое могилы 20 последней третью III в., а склеп 21 – второй половиной III – IV в. [Храпунов, Масякин, 1997. С. 167–168. Рис. 2: 2].

Тем не менее в лесостепной зоне отдельные экземпляры амфор типа D могли использоваться населением и после середины III в., что я и постараюсь показать ниже.

К сожалению, динамика поступления античных амфор на территорию черняховской культуры до сих пор исследована слабо. Единственная обобщающая работа на эту тему (статья М.Б. Щукина) опубликована в 1968 г. Часть находок амфор на черняховских памятниках попала в свод В.В. Кропоткина, изданный двумя годами позже [Щукин, 1968; Кропоткин, 1970]. Региональные исследования амфор на позднеантичных и черняховских памятниках проводились только для территории Северного Причерноморья. По данным А.В. Гудковой и Б.В. Магомедова, в этом регионе сосуды типа D характерны в основном для предчерняховского этапа Мологи. На собственно черняховских памятниках они редки, так как пик периода их распространения приходится на более раннее время. Из группы светлоглиняных на черняховских поселениях наиболее часто встречаются амфоры типа F и несколько реже более поздние типа E [Гудкова, 1983. С. 4; Гудкова, Фокеев, 1982. С. 88; Магомедов, 1987. С. 79–82; 1991. С. 16].

Киевские комплексы периода начала черняховского влияния свидетельствуют о том, что "танаисские" амфоры использовались населением востока Днепровского Левобережья одновременно с ранними черняховскими импортами. То же самое, очевидно, происходило и на крайнем северо-западе черняховского ареала. Примером может служить поселение Черепин, где обломки амфор типа D встречены в жилище 4 с фибулой группы VII, в постройке 11 – с таким же гребнем, как и в Боромле [Баран, 1981, табл. XXXVIII: 11, 16; XLIV: 10, 11]. Время прекращения массового импорта "танаисских" амфор в античные города Северного Причерноморья, т.е. середина III в., приходится на период формирования черняховской культуры, поэтому обломки этих амфор довольно редки на "классических" черняховских памятниках.

Тем не менее комплексы восточной части Днепровского Левобережья, в которых фрагменты амфор типов D и F найдены вместе, позволяют утверждать, что по крайней мере в этом регионе отдельные экземпляры "танаисских" амфор доживают до второй половины III в., так как F традиционно датируются начиная с конца этого столетия. Поскольку "танаисские" амфоры "хронологически жестко сцеплены" с фибулами группы VII, то для последних наиболее вероятной представляется дата, предложенная Е.Л. Гороховским, ведь, по его мнению, пик использования этих фибул (точнее, их юго-восточной типологической группы) приходится на первую фазу черняховской культуры с возможностью существования отдельных экземпляров в более позднее время. Это наблюдение хорошо согласуется с современными представлениями о динамике поступления на север "танаисских" амфор. Если принять дату О.А. Гей–И.А. Бажана, которые несколько "омолаживают" эти фибулы, то сместится и период использования амфор. Получится, что в лесостепь они попадали в основном тогда, когда в Причерноморье, за исключением отдельных экземпляров, они уже вышли из употребления.

Черняховское население на территории Днепровского Левобережья, таким образом, появляется очень рано – уже на первой фазе этой культуры, по Е.Л. Гороховскому, может быть, ближе к концу этого периода. Карта, приведенная на рис. 69, свидетельствует о том, что памятники с раннечерняховскими вещами не концентрируются в районах, близких к Днепру, а разбросаны по всему Левобережью, причем наиболее восточные (Головино-1, Хохлово-2) находятся в бассейне Северского Донца, т.е. около условной линии, которая является восточной границей черняховской культуры. Дополняют эту географию сведения о распространении ранних черняховских импортов на поселениях киевской археологической общности. Эти селища локализуются на востоке Днепровского Левобережья и в бассейне Северского Донца

Наиболее поздние черняховские памятники Левобережья относятся к гуннскому времени (см. главу третью).

Проанализируем теперь хронологию опорных комплексов каждого из выделенных в рамках черняховской общности Левобережья этнокультурных компонентов.

На эталонном для вельбарской традиции поселении Белополье датирующие вещи отсутствуют. Наиболее ранним проявлением вельбарского влияния могут считаться материалы селища Букреевка-2. Хотя в постройке 1, откуда происходит боль-

шая часть керамики, имеющей вельбарские параллели, узко датируемых предметов нет, сам памятник – явно достаточно ранний для древностей сейминско-донецкого варианта киевской культуры периода ее контактов с черняховским населением. Как уже упоминалось, из постройки 3 этого селища происходит обломок ручки амфоры типа D, из постройки 8 – фибула группы VII О. Альмгрена (рис. 43: 23), т.е. вещи, которые в основном датируются первой фазой черняховской культуры, но могут существовать и в начале второй. В культурном слое Букреевки-2 найдена прогнутая подвязная фибула с фасетками на спинке варианта Б1 Е.Л. Гороховского (рис. 43: 24) [Сымонович, 1990. Рис. 2: 1; Гороховский, 1988а. С. 260]. Эти украшения в целом датируются широко (от второй фазы черняхова, т.е. от второй половины – последней трети III в., до финала культуры) [Гороховский, 1988а. С. 224]. Тем не менее, несмотря на то что на памятнике имеются случаи перекрывания объектов друг другом, общих периодов перестроек для всех вскрытых на нем площадей нет. Все сооружения памятника "вписаны" в единую планировочную структуру, изменения которой во времени не прослеживаются [Обломский, 1991а. С. 234]. Эти факты свидетельствуют о кратковременности существования поселка в Букреевке. Наиболее вероятная дата памятника в этой связи – вторая половина III в., может быть, он доживает и до начала IV в.

Как указывалось в разделе 4, сооружения второго этапа заселения селища Боромля-2, керамический комплекс которого сочетает в себе элементы киевской и вельбарской традиций, должны датироваться, исходя из стратиграфии памятника, позже горизонта построек с фибулами группы VII, с обломками "танаисских" и "инкерманских" амфор, вплоть до периода использования черняховским населением прогнутых подвязных фибул варианта Б2. Нижний хронологический рубеж второго горизонта относится ко времени не ранее конца III в., верхний рубеж, учитывая широкую дату застежек варианта Б2, точно определить невозможно.

Наиболее поздний комплекс с лепным сосудом вельбарского происхождения (лощеным биконическим кувшином) – это погребение 3 могильника Родной Край-1. В его состав входят двупластинчатая фибула варианта ІББ по А.К. Амброзу и гребень с колоколовидной спинкой варианта ІІІ1 [Петренко, 1991. Рис. 5: 3, 4] (рис. 28: 4, 5). Подобные фибулы Е.Л. Гороховский датирует второй половиной IV – началом V в. [Гороховский, 1988. С. 243], гребни варианта ІІІ1 характерны для четвертой фазы черняховской культуры [Гороховский, 1988б. С. 44]. Наиболее вероятная дата погребения, таким образом, вторая половина IV в.

Самыми ранними памятниками киевской традиции являются поселения Головино-1 и Песчаное. Головино-1 возникает на первой фазе черняхова, о чем свидетельствуют фибула группы VII, обломки амфор типа D из черняховских комплексов, медная монета 238–253 гг., но могло существовать и позже, учитывая находки в слое поселения фрагментов амфор типа F. Очевидно, к этому же времени относится и поселение Песчаное, где связь с черняховскими объектами обломков "танаисских" амфор (и одной почти целой) надежно документирована. Более поздним временем (концом III – IV в.) датируется поселение Великий Бобрик, где обнаружены фрагмент стеклянного кубка с прошлифованными овалами и обломки только "инкерманских" амфор. К третьей–пятой фазам (вторая треть IV – начало V в.) относятся материалы небольшого раскопа на поселении Мамрой-2, где найдена прогнутая подвязная фибула варианта Б3 по Е.Л. Гороховскому [Гороховский, 1988а. С. 226–227] (рис. 59: 5).

Как уже упоминалось, на поселении Хлопков-1 имеется группа достаточно поздних находок. К ним относятся прогнутая подвязная фибула варианта Б3 и несколько пряжек "черняховской подгруппы" Е.Л. Гороховского (серии Г – 2 экз., серий В, Ж с язычком варианта 2а, и З с язычком варианта 2а или 3а – по 1 экз.), фрагмент горла амфоры типа F и обломок стеклянного кубка с прошлифованными овалами (рис. 47: 15–17,19–22) [Костенко, 1978. Рис. 7: 5, 6; Некрасова, 1988. Рис. 3: 8; 7: 5–9]. По хронологической системе Е.Л. Гороховского фибулы варианта Б3 датируются второй третью IV – первой половиной V в., пряжки серии В – второй–третьей четвертью IV в., Г – второй половиной IV – первой половиной V в., Ж – рубежом IV–V вв. и несколько позже, возможность появления в более раннее время не исключается, З – в основном V в., не исключая и конец IV в. [Гороховский, 1988а. С. 166–167, 226–227, 296–297, 300–307]. Обломки стеклянных кубков из Хлопкова И.О. Гавритухин суммарно датирует второй половиной IV в. [Гавритухин, 1999. С. 51. Рис. 19].

А.Н. Некрасова определяет узкую дату памятника – в пределах второй половины IV – начала V в. [Некрасова, 1988. С. 75–76]. Судя по обзору вещей, дату поселения нужно несколько "сместить" вниз. Наиболее вероятно, что расцвет поселения приходится на третью-четвертую фазы черняхова по Е.Л. Гороховскому, т.е. на вторую треть–конец IV в., но памятник явно существовал и позже (по пряжкам серий Г и З). Наиболее поздние вещи происходят из раскопанной А.Н. Некрасовой части поселения, где в объектах и слое встречается лепная керамика киевской традиции.

При датировании захоронений со скифо-сарматскими элементами погребального обряда на могильнике Боромля-1 опорными являются погребения 2 и 33. Из первого происходит обломок края гребня с характерной выемкой у основания выступа спинки, что позволяет относить его к ва-

рианту III2б [Некрасова, 1990. Табл. IX: 36], который наибольшее распространение получает на четвертой фазе черняховской культуры, т.е. во второй половине IV в. [Гороховский, 1988а. С. 44]. В погребении 33 обнаружены гребень с полуовальной спинкой варианта I,2 и прогнутая подвязная фибула варианта Б2 [Некрасова, 1990в. Табл. IX: 7, 20] (рис. 53, Б). Наиболее вероятная дата комплекса, таким образом, первая половина – середина IV в.

На могильнике Переяслав-Хмельницкий-1 эталонным для четвертой фазы черняховской культуры (вторая половина IV в.) Е.Л. Гороховский считает погребение 5. Из этого захоронения происходят шпора типа 3 по Б.В. Магомедову–М.Е. Леваде или типа "Лейна F", прогнутая подвязная фибула варианта Б3, обломок стеклянного кубка с прошлифованными овалами, гребень варианта III2 (рис. 70: 18, 22, 23, 25) [Гончаров, Махно, 1957. Табл. II: 9–11, 13; Магомедов, Левада, 1996. С. 310; Гороховский, 1988б. С. 46]. В погребении 4 найден гребень варианта III1а, который относится к четвертой-пятой фазе (второй половине IV – началу V в.) (рис. 70: 4), а в погребении 30 – две фибулы варианта Б3 (вторая треть IV – первая половина V в.) [Гороховский, 1988б. С. 44–45].

Погребение 1308 Успенки с двумя железными пряжками (серий Г с язычком варианта 1в или 2в и Д) [Гороховский, 1988а. С. 335–338] относится предположительно к пятой фазе (последняя четверть IV – начало V в.) [Гороховский, 1988б. С. 46]. Из погребений 1655–1656 происходит маленькая пряжка серии Ж с загнутым, выступающим за пределы рамки клювовидным язычком, что является сравнительно поздним признаком (рис. 55: 12).

Достаточно поздним является погребение 14 могильника Родной Край-1 с лепным "скифоидным" сосудом. Здесь найдены гребень варианта III1а и пряжка серии Г (калачевидная) (рис. 50: 1,2) [Петренко, 1991. Рис. 10: 10–11]. Подобные гребни датируются четвертой-пятой фазами, пряжки – тем же периодом. По системе Е.Л. Гороховского комплекс датируется второй половиной IV – началом V в. [Гороховский, 1988б. С. 44–45].

Погребения скифо-сарматской традиции на грунтовых могильниках относятся в основном к различным отрезкам времени в рамках IV – начала V в. Среди них имеются относительно ранние (погребение 33 Боромли-1) и довольно поздние (погребения 4 и 5 Переяслава-Хмельницкого, 1308 и 1655–1656 Успенки, 14 Родного Края-1) комплексы. Тем не менее не исключено, что скифо-сарматское по происхождению население появляется на Левобережье еще раньше. Об этом свидетельствуют прогнутая подвязная фибула без фасеток варианта А2 по Е.Л. Гороховскому с поселения Хохлово-2 (рис. 57: 17) и, косвенным образом, материалы селища Каширка-2 в лесостепном Подонье, где со слоем пожара связаны, кроме черняховской гончарной керамики, обломки лепных сосудов, по форме и орнаментации очень близких к "скифоидной" лепной посуде памятников хоры Ольвии и поселения Каменка-Анчекрак. Стены некоторых наземных построек в Каширке были возведены на каменных цоколях. Горизонт пожара датируется развалом красноглиняной амфоры типа Зеест-73, которые синхронны светлоглиняным "танаисским" [Бессуднов, Обломский, 1996. С. 43–44; Обломский, 1997б. С. 243–245].

Учитывая все прямые и косвенные данные, следует признать, что все три этнокультурные традиции синхронны, по крайней мере, при современном состоянии источников.

Как уже отмечалось, наиболее ранние памятники сейминско-донецкого варианта киевской культуры периода черняховского влияния (Родной Край-3; Гочево-3, первый этап заселения Боромли-2) относятся к начальной фазе черняховской культуры, возможно, ко второй половине этого периода. Сравнительно ранним является и поселение Букреевка-2.

В более широких рамках можно определить период существования киевского горизонта поселения Гочево-4: от времени начала контактов населения киевской и черняховской культур на Левобережье до этапа употребления двупластинчатых фибул варианта IББ по А.К. Амброзу, поскольку именно такая застежка связана с перекрывавшим киевскую полуземлянку черняховским наземным жилищем. Киевский горизонт в Гочево-4 датируется, таким образом, второй половиной III – второй половиной IV в.

В культурном слое поселения Богородичное обнаружена бронзовая двучленная подвязная фибула "черняховской" подгруппы варианта Б2 по Е.Л. Гороховскому, которые относятся ко второй–пятой фазам черняхова, но в основном существуют в IV в. [Гороховский, 1988б. С. 44–46].

Наиболее поздний предмет из найденных на поселениях сейминско-донецкого варианта киевской культуры – гребень с колоколовидной спинкой и выемками у ее основания (варианта III2б), который происходит с поселения Тазово (рис. 30: 16) [Сымонович, 1986. Рис. 4: 9] и представляет собой характерное изделие второй половины IV в. Бронзовое ботало с этого памятника является римским изделием – колокольчиком-амулетом tintinnabula для изгнания злых духов. К сожалению, датируются подобные колокольчики весьма широко. В. Новаковский, посвятивший им серию работ, отмечает, что "экземпляры периода республики ничем принципиально не отличаются от колокольчиков эпохи домината" [Nowakowski, 1992. S. 117; 1995. S. 63–65. Tabl. XIX].

Таким образом, памятники сейминско-донецкого варианта киевской культуры существуют параллельно с черняховскими по крайней мере вплоть до гуннского времени.

Глава третья

ДНЕПРОВСКОЕ ЛЕСОСТЕПНОЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ В ГУННСКОЕ ВРЕМЯ

Период истории, начавшийся на территории Днепровского Левобережья после 375 г. н.э. т.е. после появления в понтийских степях гуннов и разгрома державы Германариха, характеризуется массовыми передвижениями населения, которые приводят к исчезновению системы археологических общностей позднеримского времени (полиэтничной черняховской культуры, киевских лесостепных и полесских культурных групп). В предыдущей главе я пытался продемонстрировать, что эти культуры находились в состоянии процесса сложного взаимного влияния (вплоть до переплетения традиций различных по происхождению этнических группировок). Все это сопровождалось постоянными миграциями населения, приводившими к сложению полиэтничных политических образований. Этап дестабилизации, на протяжении которого происходит разрушение сложившейся в середине IV в. системы этнических группировок и, вероятно, политических союзов Днепровского Левобережья, завершается к середине V в. н.э. формированием раннесредневековых археологических культур – пеньковской, колочинской и очень слабо изученной пока культуры погребений с ингумациями, которые распространены в южной части лесостепной зоны чересполосно с пеньковскими памятниками. Гуннское время, таким образом, это период распада старой этнополитической и этнокультурной структуры и образования новой. В предлагаемой вниманию читателя главе я постараюсь, насколько позволяют археологические источники, восстановить механизм этих процессов.

1. О взаимоотношениях населения Подесенья–Посеймья и лесостепной зоны

Как показано на общей карте памятников позднеримского периода Днепровского Левобережья, где обобщены результаты не только раскопок, но и разведок (рис. 1), северная граница распространения черняховских древностей, за исключением небольшого участка между Курском и Льговом, проходит по Сейму вплоть до низовьев р. Езуч в районе современного Конотопа, а далее на запад – по междуречью Десны и Остра и по Остру. Лишь одно черняховское поселение (Кладьковка) находится в долине Десны. Прямых данных о времени оформления этой границы пока немного. Представительная коллекция датирующего материала происходит лишь с памятников Верхнего Посулья и водораздела Сулы и Сейма. Самыми ранними здесь являются две амфоры танаисского типа с поселения Беседовка, но они, скорее всего, не имеют прямого отношения к черняховской культуре, и вообще черняховская атрибуция этого селища вызывает серьезные сомнения [Обломский, 1996б. С. 62]. Наиболее полно обеспечен датирующими вещами могильник Успенка, но большая часть его площади разрушена карьером. Тот же участок, который на краю карьера раскопала Е.В. Махно, – довольно поздний. Самое раннее погребение Успенки (1215) Е.Л. Гороховский по сочетанию двух прогнутых подвязных фибул варианта Б2 и пряжки подгруппы 1/2 серии В с язычком варианта 1б относит к третьей фазе, т.е. ко второй трети – третьей четверти IV в. [Гороховский, 1988а. С. 266, 322; 1988б. С. 45]. Прочие захоронения из имеющих узкую дату – явно более поздние.

Как указывалось в предыдущей главе, наземный дом в Артюховке по происходящей оттуда воинской двучленной фибуле датируется IV в., вероятно, не раньше второй трети этого столетия.

В непосредственной близости от Посеймья расположено поселение Снагость-2, где обнаружены железный гребень с полукруглой спинкой и фрагмент амфоры типа F [Сымонович, 1983. С. 97]. Е.Л. Гороховский по центральноевропейским аналогиям гребни подобной формы относит к III в. [Гороховский, 1988а. С. 159], не исключая возможности более длительного их использова-

ния. Для черняховской территории хронология железных гребней разработана слабо, поэтому нет никакой уверенности в том, что экземпляр из Снагости не может датироваться и более поздним временем [Левада, 1999. С. 113]. Амфоры типа F существуют в конце III – IV в., т.е. достаточно долго [Шелов, 1978. С. 19; Абрамов, 1993. С. 49]. С поселения 10-й Октябрь, которое также находится в бассейне р. Снагость, происходит относительно ранняя прогнутая подвязная фибула варианта Б2 по Е.Л. Гороховскому (рис. 41: 13), но на этом памятнике имеются как черняховские, так и позднекиевские объекты, поэтому принадлежность ее к черняховскому периоду селища находится под сомнением.

В западной части Днепровского Левобережья ни один черняховский памятник севернее Хлопкова раскопками не исследовался.

Таким образом, немногочисленные черняховские материалы, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что на северо-восточной периферии черняховской культуры население достоверно существовало во второй половине IV в. и в гунний период.

На территории Нижнего и Среднего Посейм'я, включая поречье впадающих в Сейм с севера Клевени и Эсмани, а также в Нижнем и Среднем Подесенье в позднеримское время распространены памятники деснинского варианта киевской культуры. В качестве особого этнокультурного явления с серией специфических особенностей керамического комплекса этот тип древностей был выделен Р.В. Терпиловским и Н.С. Абашиной в 1992 г. [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 21]. Границы деснинского локального варианта были уточнены Р.В. Терпиловским в 1994 г. [Терпиловский, 1994б. С. 15], аргументы в пользу принадлежности деснинскому кругу поселений киевской культуры Среднего Посейм'я приводятся в моей статье 1996 г. [Обломский, 1996б. С. 54–64].

Анализируя хронологию памятников деснинского варианта, Р.В. Терпиловский в своих последних работах выделяет в их развитии три этапа. Из них средний и поздний относятся соответственно ко второй половине III – первой половине IV в. и ко второй половине IV – первой половине V в. [Терпиловский, 1996. С. 19–20]. Хронологическими индикаторами первого этапа является серия фибул, в том числе уникальная для Днепровского Левобережья железная прогнутая подвязная фасетированная застежка с шипом на головке, которую Р.В. Терпиловский по прибалтийским аналогиям датирует второй половиной III – первой половиной IV в. (рис. 71: 3) [Терпиловский, 1984. Табл. 1: 2; 1985. С. 56], а также типологически близкая ей массивная железная фибула из Деснянки-Титовой речки (рис. 71: 2) [Шекун, Терпиловский, 1993. Рис. 10: 10]. Очень похожая на застежку из Деснянки фибула найдена на поселении Мена-5 [Кухарська, Обломський, 1988. Рис. 3: 3], которое находится в Среднем Подесенье, хотя керамика этого памятника по набору форм лепных сосудов и их орнаментации относится не к деснинскому варианту киевской культуры, а к древностям типа Абидии. Фибулы из Деснянки и Мены являются дериватами прибалтийских или центральноевропейских изделий, судя по полуциркульному профилю спинки, который не характерен для застежек черняховского круга. Специальное исследование о хронологии железных прогнутых подвязных фибул недавно опубликовал В. Новаковский. Согласно его наблюдениям в массовом количестве подобные украшения производились на территории пшеворской и вельбарской культур, хотя распространены они значительно шире – от Борнхольма на севере до Карпатской котловины на юге, от так называемого прибалтийского культурного круга на северо-востоке до территории киевской и черняховской культур на востоке и юго-востоке. Типологически их расчленить пока не удается, поэтому и хронология их определяется в довольно широких рамках: наиболее ранние экземпляры появляются на стадии С1а, но наибольшее распространение эти фибулы получают в периоды С1в и С2, что на территории Польши по датам, которые приводил К. Годловский, соответствует III в. (в основном позже первой трети столетия) – середине IV в. Отдельные железные прогнутые подвязные фибулы с узкими ножками встречаются и позже [Nowakowski, 1995. S. 30–35].

Из Киреевки-1 и Лаврикова Леса происходят три посоховидные железные булавки с кольцеобразными навершиями из ромбического в сечении дрота (рис. 71: 6) [Терпиловский, 1984. Табл. 3: 20; 5: 5]. По мнению А.М. Медведева, посвятившего истории этой категории украшений специальную статью, большинство находок булавок такого типа в римское время концентрируется на территории Восточной Прибалтики [Медведев, 1995. С. 193].

Фибула из Куриловки – бронзовая, двучленная, с узкой, полукруглой в сечении спинкой и уплощенной ниже подвязки приемника ножкой. В профиле спинка фибулы полуциркульная (рис. 71: 1). Подобные изделия широко распространены в позднеримское время на территории Центральной Европы. Они встречаются в основном на вельбарских памятниках, но известны и на пшеворских, а также в древностях западнобалтийского культурного круга. В частности, большая серия таких фибул происходит из могильника Цецеле, а в погребении 90 этого памятника найдена застежка, орнаментированная в такой же манере, как и фибула из Куриловки, т.е. проведенными вдоль корпуса пунктирными линиями, образовавшимися в результате прокатки зубчатого колесика. Датируются подобные фибулы так же, как и упомянутые выше железные экземпляры

ренко, 1980. С. 61. Табл. VIII: 11а; IX: 17а; XVI: 516; Godłowski, 1985. S. 89; Prahistoria, 1981. Tabl. XVII: 3, 4. S. 101, 182, 237–239; Pietrzak, 1988. Rys. 11: 398a-b; Tomaszewska, 1988. Rys. 8: 4; 9: 3, 5; 13: 2; Jaskanis, 1996. S. 104–105].

Самым поздним комплексом второго этапа является сгоревшее жилище на поселении Киреевка-2, где обнаружены изготовленные из железа воинская двучленная фибула с прямоугольной ножкой (вариант А3 или "Шульце-48" по Е.Л. Гороховскому), которая характерна для второй трети–конца IV в., и пряжка подгруппы I/2 серии Е, датирующаяся широко – в пределах IV в. [Гороховский, 1988. с. 305] (материалы из архива Р.В. Терпиловского) (рис. 71: 4, 5). Справедливости ради необходимо отметить, что подобные фибулы встречаются и позже – в раннегуннский период. Так, на могильнике Лучистое в Крыму подобная застежка, но изготовленная из бронзы, происходит из погребения в склепе 58, который А.И. Айбабин и Э.А. Хайретдинова датируют первой половиной V в. (вместе с двупластинчатой фибулой варианта IIAA по классификации А.К. Амброза и краснолаковым блюдом типа ARSW 62 B) [Айбабин, Хайретдинова, 1998. С. 295–309. Рис. 8: 17, 18, 25].

Перечисленные выше украшения демонстрируют связи населения Подесенья с культурами Центральной Европы (вельбарской и пшеворской) и с Восточной Прибалтикой. То же самое направление контактов позднезарубинецко-раннекиевского населения наблюдается и в предыдущий период. Напомню, что серия лепных лощеных мисок, по форме и орнаментации близких к пшеворским прототипам, известна на позднезарубинецких памятниках круга Картамышево-2 на востоке Днепровского Левобережья и в Поорелье [Обломский, Терпиловский, 1991б. С. 69; Обломский, 1991а. С. 40], на Хопре и Вороне [Хреков, 1997. Рис. 3: 19], на селищах Октябрьское-2 в Среднем Посеймье и Щуровка в западной части Днепровской Левобережной лесостепи на Черниговщине [Шекун, 1992. С. 8–11]. К начальному периоду киевской культуры относятся миски пшеворского происхождения из могильника Новые Безрадичи и с поселений Обухов-1 и Обухов-3 под Киевом, Тайманово на территории Верхнего Поднепровья, Попово-Лежачи-4 в Среднем Посеймье, Шишино-5 в верховьях Северского Донца [Обломский, 1991а. Рис. 59: 9, 10; Терпиловский, Абашина, 1992. Рис. 28: 4; 49: 9; Кравченко, 1994. Рис. III: 2; о принадлежности объектов с груболепной керамикой и лепной лощеной миской с гравированным орнаментом к дочерняховскому периоду см.: Гавритухин, Обломский, 1996. С. 117; Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999]. Находки глазчатых фибул серии А Р. Ямки на поселении Синьково в Подесенье, серии Б в Картамышево-2, Лютеже, на могильнике Рахны в бассейне Южного Буга и на поселении Раковка в бассейне Северского Донца, сильнопрофилированных А. 68/69 и А.236 в Марьяновке и А.84 на поселении Вовки в лесостепном Днепровском Левобережье общеизвестны [Шукин, 1986. С. 27; Обломский, 1987а. С. 74–76]. По сводам Е.Л. Гороховского и Л.А. Цындровской на территории Среднего Поднепровья известна еще серия украшений центральноевропейского происхождения, но это случайные находки, "этнокультурный контекст" которых не ясен. Попутно отмечу, что большую часть сильнопрофилированных фибул западных серий Е.Л. Гороховский считает не центральноевропейскими импортами, а скорее прикарпатско-подунайскими [Гороховский, 1988а. С. 155]. Действительно, области наибольшей концентрации изделий, имеющих аналогии на территории днепровской лесостепи, лежат не на западе, а на юго-западе Центральной Европы и в Подунавье, но сами по себе эти фибулы распространены значительно шире. Находки пшеворской по происхождению лепной керамики в Поднепровье (разумеется, к этой группе относятся и подражания пшеворским формам) свидетельствуют все же о том, что в "западной" линии связей позднезарубинецкого населения ориентация на пшеворский культурный круг была преобладающей.

Для более позднего периода, т.е. для раннего этапа киевской культуры Среднего Поднепровья, Е.Л. Гороховский выделяет группу металлических изделий, в западном и северо-западном происхождении которых он не сомневается. Это две пряжки, "типа Криспинов" и "типа Тарнув", а также шпора и железный гребень с поселения Новые Безрадичи и кольцо с биконическими шишечками на концах из Казаровичей, аналогии которому встречаются в основном в Прибалтике [Гороховский, 1988а. С. 159]. К этому перечню можно добавить и три находки из более восточных областей: шпоры, типичные для пшеворской и вельбарской культур стадий C1a и C1b [Godłowski, 1985. S. 67; Ginalski, 1991. S. 66–67], которые происходят с поселений Попово-Лежачи-4 в Среднем Посеймье и Занки в бассейне Северского Донца, и дериват стуловидной шпоры из Гочево-1 в верховьях Псла [Тихомиров, Терпиловский, 1990. С. 59. Рис. 10: 6; Обломский, Терпиловский, 1998а. Рис. 7: 16].

Прибалтийские связи населения Поднепровья наиболее полно демонстрируют украшения круга "варварских выемчатых эмалей", которые, как неоднократно отмечалось многими исследователями, в том числе и мною, в культурах "зарубинецкой линии развития" появились впервые на позднезарубинецких памятниках, а наибольшее распространение получают на раннем этапе киевской археологической общности.

Таким образом, контакты позднезарубинецко-раннекиевских племен лесостепи и юга лесной зо-

ны с Центральной Европой достаточно традиционны. Они, видимо, объясняются не только включением групп позднезарубинецкого населения в состав липицкой и зубрецкой (вольно-подольской) культур Верхнего Поднестровья и Волыни, т.е. региона, который служил мостом между Поднепровьем и Центральной Европой, что убедительно продемонстрировали В.М. Цигилик, Д.Н. Козак и Р.В. Терпиловский [Цигилик, 1975. С. 153–154; Козак, Терпиловський, 1986; Козак, 1992. С. 131–140]. Происходил и обратный процесс: носители центральноевропейских (в первую очередь пшеворских) традиций, судя по распространению лепной посуды, в дочерняховское время проникали далеко на восток – на самые окраины позднезарубинецкого мира. Механизм прибалтийско-днепровских связей пока не ясен, но в обоих регионах во второй половине II – III в. встречаются украшения одного и того же чрезвычайно яркого престижного стиля, причем и в Восточной Прибалтике, и в Поднепровье отмечены области максимальной концентрации "варварских эмалей".

Общеизвестны связи позднезарубинецкого и раннекиевского населения с античными городами Причерноморья, откуда на север поступали стеклянные бусы, гончарная керамика (в основном краснолаковая и амфоры), отдельные украшения (об этом см.: [Обломский, Терпиловский, 1991б; Терпиловский, Абашина, 1992; Кропоткин, Кропоткин, 1988]). Эти контакты, по всей видимости, были чисто торговыми. По крайней мере, они очень слабо влияли на процесс возникновения местного стиля престижных украшений.

Памятники второго этапа киевской культуры Подесенья явно синхронны черняховской культуре на ранних и средних фазах ее существования, несмотря на относительно широкие даты их хронологических индикаторов. В это время на территории лесостепи полным ходом идет интеграция киевской и черняховской культур. На востоке этого региона уже во второй половине III в. черняховская культура распространяется вплоть до верховьев Северского Донца. Часть лесостепных киевских племен включаются в состав черняховской общности, образуя так называемые черняховские памятники киевской традиции, переходят на новый тип хозяйства и широко расселяются по Днепровскому Левобережью, проникая даже в Подонье. Те же группы киевского населения, которые сохраняют свою относительную обособленность (оставившие памятники круга Букреевки–Тазово), активно перенимают черняховские технологии обработки земли и ремесла, что выражается в изменении инструментария, некоторые приемы домостроительства, моду на черняховские украшения; они используют импортную гончарную керамику, количество которой по комплексам составляет от 4 до 41%.

Подобные же процессы происходят и в Среднем Поднепровье. Судя по материалам Журавки Ольшанской и Радуцковки, комплексы с лепной киевской керамикой появляются на черняховских поселениях на первой фазе черняховской культуры [Абашина, Обломский, Терпиловский, 1998], а в некоторых киевских объектах селища Глеваха, дочерняховский горизонт которого датируется второй половиной III – началом IV в., импортная гончарная посуда составляет до 30–48%.

Культура населения Подесенья и Среднего Посеймья на этом фоне выглядит значительно более консервативной. На памятниках второго ее этапа гончарная керамика практически отсутствует, инструментарий сохраняется прежним, связи населения, судя по украшениям, ориентированы не на черняховский юг, а на пшеворско-вельбарский запад и северо-запад и на Прибалтику.

В чем же причина такой обособленности племен деснинского варианта киевской культуры по сравнению с сейминско-донецким и среднеднепровским? Р.В. Терпиловский и Н.С. Абашина объясняют это явление относительно поздним проникновением черняховского населения в северную часть лесостепной зоны [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 86–88]. Обзор хронологии черняховских комплексов этого региона, который приводился выше, в известной степени подтверждает эту идею, но комплексов этих довольно мало для того, чтобы дату оформления северной границы черняхова можно было бы определить однозначно. Не следует забывать, что большая часть площади могильника Успенка – эталонного для севера Днепровской левобережной лесостепи черняховского памятника – разрушена карьером. Не исключено, что раскопан лишь поздний его участок. Материалы стационарно исследованных к настоящему времени на севере лесостепи памятников могут лишь фиксировать присутствие черняховского населения здесь во второй половине IV в. и позже, но ничего не говорят о времени его проникновения в этот регион.

При всей своей заманчивой простоте "хронологическая версия" не объясняет еще двух обстоятельств, а именно различий в характере северной и восточной границ черняховской культуры, а также того, что формы связей киевских племен юга лесной зоны и лесостепи с черняховским населением не одинаковы.

В Подесенье, по сведениям Р.В. Терпиловского и А.В. Шекуна, наиболее северные черняховские памятники и сгусток поселений киевской культуры в районе Чернигова разделяет полоса шириной 60–70 км (рис. 1), что, конечно, не является препятствием для контактов [Терпиловский, Шекун, 1996. С. 32]. На более восточных территориях области распространения черняховских и киевских памятников деснинской традиции смыкаются. Зона концентрации киевских поселений за-

фиксирована в Среднем Посеймье, где исследованы такие вполне типичные для деснинского варианта селища, как Пересыпки-1 и Чаплищи-3, среди материалов которых, кроме лепной, имеется и черняховская гончарная керамика [Обломский, 1996б. С. 55–68].

По мнению Э.А. Сымоновича, северный предел распространения черняховской культуры в основном совпадает с северной границей черноземных почв [Сымонович, 1964. С. 37]. Как показали разведки, проводившиеся мною совместно с Р.В. Терпиловским и В.В. Приймаком в Среднем Посеймье в начале 90-х годов, это наблюдение верно лишь в виде общей тенденции. На центральном участке долины Сейма, т.е. именно там, где черняховское население непосредственно соприкасалось с киевским деснинской традиции, все черняховские памятники сосредоточены исключительно на левом берегу Сейма (рис. 1), при том, что довольно обширные черноземные участки известны и севернее – в районе Путивля и Рыльска.

Эта достаточно "жесткая" пограничная линия разительно отличается от восточной периферии черняховской культуры, где киевские и черняховские памятники, несмотря на ощутимую тенденцию к обособленной концентрации, во многих регионах расположены чересполосно (см. предыдущую главу).

К третьему этапу киевской культуры Подесенья относятся поселения Киселевка-2, Ульяновка, Выбли, Верхнестриженское-2, Роище и Александровка-1 (рис. 1, 72). Хронология их достаточно подробно рассмотрена Р.В. Терпиловским, поэтому вновь останавливаться на этом вопросе нет необходимости. По набору датирующих вещей (рис. 75–77) (в первую очередь украшений – фибул, пряжек, гребней, пластинчатых подвесок-лунниц, стеклянных бус – и обломков амфор) к концу IV – началу V в. относятся Ульяновка[1], Роище и Верхнестриженское-2 (по аналогиям с Роищем). Тем же временем датируется и поселение Александровка-1, хотя найденная на нем бронзовая воинская двучленная фибула позволяет предполагать, что этот памятник мог возникнуть и раньше – около середины IV в.[2] [Терпиловский, Абашина, 1992. С. 82–83; Терпиловский, 1994а. С. 109–110; Терпиловський, Шекун, 1996. С. 27–31]. В Среднем Посеймье, как уже упоминалось, деснинскому кругу принадлежат селища Пересыпки-1 и Чаплищи-3 (рис. 73, 74). Ни на этих памятниках, ни на деснинском поселении Выбли датирующих вещей, которые были бы достоверно связаны с киевскими комплексами, нет, но имеется черняховская гончарная керамика. Эти памятники, следовательно, должны также датироваться второй половиной IV – началом V в., поскольку, как показывают материалы Лаврикова Леса, Деснянки, Куриловки и Киреевки-2, ранее второй трети IV в. черняховский импорт не поступал на территорию деснинского варианта киевской культуры.

В нескольких моих предыдущих работах рассматривался вопрос о типологической неоднородности поздних киевских селищ деснинского круга. По структуре керамического комплекса и пропорциям сосудов они делятся на две группы. В первую включены поселения Пересыпки-1 (рис. 74), Чаплищи-3 (рис. 73), Выбли, Киселевка-2, где преобладают горшки типа I,3-а (близкие к баночным, с выраженными венчиком и шейкой), на втором месте, как правило, находятся тюльпановидные сосуды типа I,3-б, на третьем, четвертом и пятом – формы типа I,1 (с отогнутым наружу изогнутым венчиком и выпуклой дугой на участке профиля от места наибольшего расширения тулова до шейки), I,4 (различные варианты баночных) и ребристые. Суммарный процент последних довольно низок – от 6% в Пересыпке-1 до 18% в Ульяновке. Некоторые отклонения от характера соотношения форм наблюдаются на поселении Ульяновка, где на втором месте находятся сосуды типа I,1, а тюльпановидные отсутствуют (рис. 75) (табл. 22).

Во вторую группу входят поселения Роище (рис. 76) и Александровка-1 (рис. 77). На этих памятниках доля ребристых форм очень высока (43% с учетом дисков в Роище и 33% в Александровке) (табл. 22) [Обломский, 1991а, С. 121–122; Обломский, 1996б. С. 62–63].

[1] В 1997 г. во время раскопок поселения Ульяновка-1 в культурном слое была найдена железная воинская двучленная фибула, аналогичная происходящей из Киреевки (сообщение автора раскопок Г.В. Жарова)

[2] После того как публикация материалов Александровки-1 была сдана в печать, раскопки памятника были продолжены А.В. Шекуном. В 1996–1997 гг. на памятнике обнаружена серия датирующих вещей: массивная железная прогнутая подвязная фибула с фасетками на спинке варианта Б3 Е.Л. Гороховского, появление которых он датирует не ранее второй половины IV в. [Гороховский, 1988а. С. 266], железная фибула, близкая к типу Вильканцы по классификации И.О. Гавритухина (наиболее вероятная дата – вторая половина V в.) [Гавритухин, 1989. С. 78], бронзовый наконечник пояса, относящийся к группе изделий "с выраженной площадкой в верхней части" (VI в., не исключая часть V в.) и имеющий серию аналогий в Поволжье [Гавритухин, Иванов, 1999. С. 114–117. Рис. 10Б: 29–30], византийская медная монета Льва II. Из них с материалами киевской культуры достоверно связана лишь подвязная фибула, которая обнаружена в яме 689 вместе с обломками лепных сосудов и гончарной черняховской керамикой. Фибула со сплошным приемником и наконечник происходят из ям с сильно измельченными и невыразительными обломками лепных сосудов, а монета найдена случайно на поверхности поселения [Шекун, 1996. С. 3, 5, 10. Рис. 5: 1, 2; 17: 2; Шекун, 1997. С. 5]. Три последние находки свидетельствуют о том, что жизнь на селище продолжалась по крайней мере в середине – второй половине V в., однако определить, к какому культурно-хронологическому горизонту поселения они относятся – киевскому или колочинскому, не представляется возможным.

В такой же степени показательны и пропорции сосудов. На всех памятниках деснинского варианта преобладают слабопрофилированные горшки, но в Чаплицах их 90%, в Киселевке-2 – 89, в Ульяновке – 78, в Пересыпках – 76%, на селище Выбли – семь сосудов из восьми, а в Роище – 59%, в Александровке – 66%. Иными словами, доля сильнопрофилированных сосудов на этих двух памятниках для Подесенья–Среднего Поесімья самая высокая.

Различия в составе керамического комплекса и в пропорциях горшков, по моему мнению, свидетельствуют о разном происхождении памятников первой и второй типологических групп. Набор сосудов поселений круга Ульяновки, т.е. первой группы, имеет прототипы на предшествующих им памятниках второго этапа киевской культуры Подесенья. Близость форм горшков второго и третьего периодов наглядно продемонстрирована Р.В. Терпиловским. Совпадает подавляющее большинство форм, за исключением всего лишь одной – цилиндроконических сосудов, которые специфичны для позднего этапа культуры, хотя и в это время они довольно редки [Терпиловский, 1984. С. 19–25]. На памятниках второго этапа, как и в древностях круга Ульяновки, наиболее широко распространены горшки, близкие к формам I,3-а (в Лавриковом Лесе их 31%, в Форостовичах – 25%, в Деснянке-Титовой речке – 6 из 12 экз. на прочих памятниках типологически определимых сосудов для статистических расчетов слишком мало), и тюльпановидные горшки I,3-б (Лавриков Лес – 18%, Форостовичи – 25%, Деснянка – 4 из 12 экз.). На третьем месте находятся округлобокие сосуды I,1,а, а (Форостовичи – 12%, Лавриков Лес – 7%, Деснянка – 1 экз.). Ребристые формы сравнительно редки (Лавриков Лес – 13%, Деснянка – 1 экз., в Форостовичах отсутствуют) [Обломский, 1991а. С. 67; Шекун, Терпиловский, 1993. С. 5–18].

Сходство имеется также и в пропорциях сосудов. На памятниках второго этапа, как и на поселениях круга Ульяновки, резко преобладают слабопрофилированные горшки. В Лавриком Лесе их 85%, в Форостовичах – 73%. Древности типа Ульяновки, таким образом, продолжают развитие традиций среднего этапа деснинского варианта киевской культуры.

Роище и Александровка "ориентированы" на другой круг памятников. В период черняховского влияния ребристые сосуды, которые представлены на этих поселениях массовыми сериями, активно используются лишь на территории Среднего Поднепровья. В этом отношении наиболее показательны селища Обухов-2, 3, 7 и Вишенки, где, по подсчетам Н.С. Абашиной, горшки видов IV и VI, соответствующие формам II,1 и II,2,а по моей классификации, составляют от 38,5 до 64,7% [Абашина, 1986. С. 101; Пачкова, Терпиловский, 1988. С. 40; Терпиловский, Абашина, 1992. С. 49–50]. Достаточно широко распространены ребристые и, в частности, биконические горшки на среднеднепровских черняховских памятниках киевской традиции. Из последних наиболее представительная коллекция лепной посуды, типологически близкой к набору форм киевской культуры Среднего Поднепровья, происходит с поселений Журавка Ольшанская и Хлопков-1 [Некрасова, 1988. Рис. 3: 20, 21; 4: 13, 23; 5: 7, 8], но точный подсчет процентного отношения форм на этих памятниках в силу ряда причин затруднителен [Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999].

Южные параллели имеют и некоторые детали орнаментации сосудов из Роища и Александровки. Так, на обоих памятниках встречается керамика с налепными валиками под венчиками, хотя и крайне редко [Терпиловский, 1984. Табл. 20: 18; Терпиловский, Шекун, 1996. С. 21]. Устойчивая традиция использовать валики в качестве орнаментального приема в позднеримское время прослеживается только на территории Среднего Поднепровья, где она восходит к позднезарубинецкому периоду [Абашина, 1986. С. 54].

Весьма показательно и домостроительство Роища и Александровки. Постройки этих памятников относятся к следующим таксонам.

I,1,1,1а – прямоугольные полуземлянки с плоскими полами без очагов, с отдельными столбовыми ямами у края котлована:

постр. 18 Александровки, постр. 2 Роища;

I,1,1,2 – аналогичные постройки со столбовыми ямами по периметру и в центре:

постр. 13 Александровки;

I,1,1,2а – аналогичные постройки со столбовой ямой в центре и отдельными ямами от столбов у краев котлована:

постр. 12 Роища, постр. 8, 9, 17, 22 Александровки;

I,1,1,5 – аналогичное сооружение, но без столбовых ям по периметру котлована и со столбом в центре:

постр. 30 Александровки, постр. 4 Роища;

I,1,2 – прямоугольные полуземлянки с неровным полом (на нем имеются разнообразные по форме углубления, которые тем не менее нельзя отнести к категории хозяйственных ям), без следов от столбов и без очагов:

постр. 4 Александровки, постр. 11 и 15 Роища;

I,1,3,4 – прямоугольная постройка с двумя погребами без ям от столбов по периметру, но с центральным опорным столбом, без отопительного сооружения:

постр. 1 Александровки;

I,2,1,1а – прямоугольные постройки с открытыми очагами, плоскими полами, отдельными столбовыми ямами у края котлована и (иногда) с центральными опорными столбами:

постр. 5, 10 Александровки;

I,2,1,2а – прямоугольные постройки с открытыми очагами, плоскими полами, без столбовых ям у края котлована и с центральным опорным столбом:

жилище 3 Роища,

I,2,3 – прямоугольная постройка с открытым очагом, плоским полом, столбовыми ямами по периметру котлована, центральным опорным столбом, тремя ямами-погребами:

постр. 33 Александровки;

I,3,1 – прямоугольные постройки с одной печью-камином, столбами по периметру котлована и внутри сооружения, пол плоский.

постр. 6 и 2 Александровки (у последней – индивидуальный признак – открытый очаг по центру сооружения, кроме печи-камина), постр. 14 Роища,

I,3,3 – прямоугольная постройка с тремя печами-каминами, центральными опорными столбами, без столбовых ям по периметру котлована:

постр. 24 Александровки;

II,1,2 – овальная постройка без отопительных сооружений, с сильно углубленной частью и без столбов по периметру котлована:

постр. 3 Александровки;

II,1,4 – форма сооружения неправильная, овальной названа условно, имеет плоский пол, отдельные столбовые ямы в центральной части помещения и по его краю:

постр. 20 Александровки;

II,3 – овальная постройка с печью-камином. Имеет сильно углубленную часть:

постр. 14 Александровки.

Кроме этих сооружений, целый ряд объектов представляют собой несколько слившихся краями хозяйственных ям, перекрытых общей линзой глиняной обмазки (постр. 1, 5, 7, 18 Роища; к последней примыкает очаг, вымощенный черепками; постр. 7 и 15 Александровки) (в качестве источника использованы издания: [Терпиловский, 1984; Терпиловский, 1990; Терпиловский, Шекун, 1996].

Как следует из приведенного выше краткого описания, большая часть построек Роища и Александровки относятся к общему для всех культурных групп позднезарубинецкой линии развития типу. Они представляют собой прямоугольные полуземлянки со стенами каркасной с опорой на столбы или срубной конструкции. В таких постройках иногда прослеживаются ямы от центральных опор кровли (но их может и не быть) и открытые очаги, могут быть внутренние погреба (рис. 78: 1–4, 7, 8; 80: 1–3). Подобные сооружения получают широкое распространение в Подесенье в почепский период, к этому же типу относятся практически все жилища на поселениях второго этапа деснинского варианта киевской культуры и на памятниках круга Ульяновки [Обломский, Терпиловский, 1991б. С. 53–56; Терпиловский, Абашина, 1992. С. 27–37].

Не типичны для киевской культуры Подесенья постройки с разнообразными выступами котлована, которых в Александровке исследовано пять. В некоторых из них прослежены скопления обмазки глинобитных стен, три постройки отапливались печами-каминами (рис. 78: 5, 6; 79: 1–4) [Терпиловский, Шекун, 1996. С. 10]. Сооружения с выступами и нишами характерны для черняховской культуры и для киевских поселений лесостепной зоны (особенно для сейминско-донецкого региона). Как было показано в предыдущей главе, черняховское происхождение имеет традиция использовать глину в качестве основного строительного материала. Постройки с печами-каминами распространены в основном в Среднем Поднепровье и на водоразделе Днепра и Дона на киевских памятниках позднеримского времени. Сооружение с тремя печами из Александровки (рис. 79: 3) имеет прямую аналогию на поселении Журавка Ольшанская (постройка 31). Объекты хозяйственного назначения, представлявшие собой нечто вроде наземного сарая с серией внутренних ям-хранилищ и глинобитными стенами, от которых остается перекрывавший ямы мощный завал обмазки (рис. 80: 6), достаточно типичны для черняховской культуры по всему ее ареалу. Наиболее близкие (по территории) аналогии подобным сооружениям известны на поселении Хлопков-1 [Некрасова, 1988. Рис. 5: 1,3].

Таким образом, общины, жившие в Александровке и Роище, в какой-то степени состояли из пришельцев с юга, вероятнее всего, из Среднего Поднепровья, т.е. из области, где население киевской культуры находилось под значительным черняховским воздействием. К подобному выводу пришли и авторы публикации материалов Александровки А.В. Шекун и Р.В. Терпиловский [Терпиловский, Шекун, 1996. С. 32–34]. Памятники типа Ульяновки, напротив, оставлены местным населением Подесенья: основные элементы деснинского варианта киевской культуры дочерняховского периода на них сохранились. Естественно было бы предположить, что характер и интенсивность влияния черняховской культуры на памятники круга Ульяновки, с одной стороны, и Александровку и Роище – с другой, были разными.

По наблюдениям Р.В. Терпиловского, доля черняховской гончарной керамики на большинстве поздних киевских памятников Подесенья (за исключением Роища и Александровки, т.е. в Ульяновке, Верхнестриженском-2, Киселевке-2, на селище Выбли) не превышает 2–5% [Терпиловский, 1984. С. 25], а зачастую была и меньшей. На поселениях круга Ульяновки, расположенных в Среднем Посеймье (Пересыпки-1, Чаплищи-3), обломки черняховских гончарных сосудов единичны [Обломский, 1996б. С. 55]. На близких по набору посуды к Ульяновке памятниках Верхнего Посеймья и лесостепи Днепровского Левобережья (т.е. в

Каменево-2, Песчаном, Комаровке-2, Беседовке, Кургане-Азаке, Сенче – об их этнокультурной принадлежности см. ниже) гончарной керамики везде меньше 1%, и только в Каменево-2 на различных участках памятника она составляет от 1 до 2% [Сухобоков, 1975. С. 35; Обломский, 1991а. С. 99; 1996б. С. 62; Терпиловский, Левченко, 1994. С. 60; Горюнов, 1982. С. 63–64]. Прочий черняховский импорт представлен каменными жерновами из так называемого "вулканического туфа" (точнее – их обломками: Ульяновка, Киселевка-2, Выбли, Верхнестриженское-2), глиняными грузилами для ткацких станков пирамидальной и конической формы (Каменево-2), фрагментами массивных железных орудий труда (вероятно, обломками наральников: Ульяновка, Каменево-2). Фрагменты костяных гребней происходят из Ульяновки (2 экз.). Под влиянием черняховской культуры на киевских памятниках деснинского круга начинают использоваться массивные биконические средней высоты пряслица с воронковидными основаниями, которые являются основным типом подобных изделий на черняховских памятниках [Магомедов, 1990. С. 164]. Такие пряслица найдены в Сенче и Песчаном, одно пряслице из Сенчи представляет собой черняховское ремесленное изделие. По наблюдению авторов публикации, в отличие от местных пряслиц оно имело в керамическом тесте мелкозернистые примеси. Через черняховскую территорию на север шла гончарная античная посуда, правда, находки ее крайне редки. Так, из Комаровки-2 и Сенчи происходят ручки светлоглиняных амфор типа F, а из Верхнестриженского-2 – ножка амфоровидного кувшина (рис. 84: 18; 85: 19) [Терпиловский, 1984. С. 92. Табл. 12: 1; 14: 1; Терпиловский, Абашина, 1992. С. 59, 62, 127; Терпиловский, Левченко, 1996. С. 62, Рис. 4: 24; Обломский, 1991а, С. 107–108; Горюнов, 1982. Рис. 2: 18].

В целом на памятниках типа Ульяновки черняховского импорта очень мало. Крайне редки и местные изделия, начинающие использоваться под влиянием черняховской культуры (пряслица, грузила для ткацкого станка). Роище и Александровка же, напротив, отличаются обилием импорта.

Черняховская гончарная керамика на обоих поселениях в среднем составляет 6%, но в постройке 1 Роища ее было 15%, а в Александровке в постройках 2, 24, 33 – около 10%, в постройке 7 – 20%, в постройке 4 – 30,3%, в постройке 5 – 39,3% [Терпиловский, Шекун, 1996. С. 23, 32]. Из Александровки происходят целый жернов из вулканического туфа и серия обломков таких же изделий [Терпиловский, Шекун, 1996. С. 25], а из Роища – крупный фрагмент нижнего камня ручной мельницы и 17 меньших по размеру обломков жерновов [Терпиловский, 1990б. С. 57].

Грузила для ткацких станков найдены только в Роище – семь конических и два пирамидальных [Терпиловский, 1990б. С. 57]. В Александровке обнаружена серия лощеных биконических пряслиц средней высоты с воронковидными основаниями, в том числе и с каннелюрами по ребру [Терпиловский, Шекун, 1996. С. 26] (рис. 81: 11, 12). К этому же типу относятся и некоторые пряслица из Роища. Из Роища происходят два гребня: один целый с колоколовидной спинкой (яма 135 жилища 14) (рис. 76 : 23) и один фрагментированный из постройки 1 [Терпиловский, 1984. Табл. 14: 1; 19: 5]. В Александровке обнаружен гребень с трапециевидной спинкой (рис. 77: 17). На этом селище также найдены пластинки из рога, которые Р.В. Терпиловский и А.В. Шекун считают полуфабрикатами для производства гребней. Они концентрируются в постройке 4, которая, вероятно, была мастерской [Терпиловский, Шекун, 1996. С. 26, 28]. Из Александровки происходит двучленная воинская бронзовая фибула – типичное черняховское украшение (рис. 77: 13).

Импортные античные изделия в Роище и Александровке более многочисленны, чем на памятниках типа Ульяновки. Это бусы. В Роище обнаружена амфора типа Е [Терпиловский, 1984. Табл. 22: 12] (рис. 76: 22; 81: 7–10, 20).

Следы черняховского влияния ощущаются и в наборе лепной посуды. Так же, как на памятниках сейминско-донецкого варианта киевской культуры и на поселениях киевской традиции в черняхове, в Александровке использовались конические миски (найдены фрагменты от 4 экз.) [Терпиловский, Шекун, 1996. С. 22].

Подводя итоги всему сказанному выше, необходимо отметить, что не только на территории лесостепи Днепровского Левобережья и на юге лесной зоны, но и в одном и том же регионе Подесенья–Среднего Посейма наблюдаются разные формы взаимоотношений киевских и черняховских племен. В лесостепи население сейминско-донецкого и среднеднепровского вариантов киевской культуры, с одной стороны, и черняховской – с другой, находилось в состоянии теснейшей интеграции. Происходившие здесь процессы взаимодействия, как показано в предыдущей главе, в известной степени привели к нивелировке материальной культуры. Киевское население получало обильный импорт, заимствовало у находящегося на более высокой стадии развития черняховского социума технологии некоторых ремесел, приемы обработки земли и переработки урожая, моду на украшения, некоторые способы возведения построек и т.д. Происходило и этническое смешение. Отдельные группы черняховского населения проникали в киевскую среду, какие-то киевские анклавы оказались вовлеченными в процесс формирования черняховской культуры и стали одним из ее компонентов. Отражением этого процесса в археологии является так называемая киевская традиция в черняхове.

Население, оставившее памятники типа Ульяновки, было гораздо более консервативным. Черняховский импорт, поступавший на север, значительно более скуден как по ассортименту, так и по количеству. Основными статьями его были гончарная керамика и жернова из туфа. Античный импорт на поселения круга Ульяновки почти не попадал, украшения не центральноевропейские в широком смысле этого понятия, а черняховские крайне редки. Тем не менее, как и на юге, у киевского населения распространились некоторые черняховские приемы хозяйственной и ремесленной деятельности: инновации ощущаются в ткачестве, появились ручные мельницы, начинают использоваться какие-то пахотные орудия с железными насадками. Правда, все это происходило в значительно меньших масштабах, чем в лесостепи, судя по сравнительной редкости находок грузил, пряслиц черняховских типов и т.п.

Слабость воздействия черняховских традиций на материальную культуру древностей типа Ульяновки и относительная "жесткость" северной границы распространения черняховских памятников (напомню, что на востоке черняховские и киевские поселения расположены чересполосно, по крайней мере на начальном этапе продвижения черняховского населения в этот регион), по моему мнению, свидетельствуют о враждебных отношениях племен деснинского варианта киевской культуры и "черняховцев". Этим же, по-видимому, объясняется и обособленность племен деснинско-среднесейминского региона от лесостепного черняховского населения вплоть до, приблизительно, середины IV в. Этнической интеграции между этими группами населения (смешанные браки, включение "инородцев" в состав общностей разного уровня и т.п.) не было. Лепная посуда памятников киевской традиции в черняхове по своему происхождению связана с керамическим комплексом среднеднепровского и сейминско-донецкого вариантов, но не деснинского.

В чем же основная причина относительно позднего начала поступления черняховского импорта в Подесенье и Среднее Посеймье? Ответ на этот вопрос, как мне кажется, дают Роище и Александровка. По общему облику материальной культуры оба этих памятника связаны с югом и для Подесенья инородны. Черняховский импорт встречен на них в значительно большем количестве, чем на поселениях круга Ульяновки. Судя по некоторым традициям домостроительства, по остаткам ремесленной деятельности и т.д., киевское население Александровки и Роища сохранило связи с черняховским миром. По всей видимости, эти проникшие из Среднего Поднепровья племена и были проводниками черняховского влияния на севере, а также основными поставщиками импортных изделий. Поскольку оба памятника находятся на той же территории, что и поселения круга Ульяновки, то контакты между обеими группами населения были соседскими.

В этой связи позволю себе высказать предположение, что дата начала черняховского влияния в Подесенье определяется не столько временем распространения черняховской культуры на ее северной окраине, сколько временем продвижения в Подесенье находившихся под черняховским влиянием груш киевского населения из Среднего Поднепровья.

2. Проникновение населения киевской культуры лесной зоны в лесостепь. Образование колочинской культуры

В ареале черняховских поселений и могильников, а также памятников сейминско-донецкого варианта киевской культуры известно шесть селищ, которые по набору форм посуды и структуре керамического комплекса представляют собой инородное явление для лесостепи Днепровского Левобережья. К ним относятся Каменево-2, Песчаное, Комаровка, Беседовка (позднекиевский период существования поселения), Курган-Азак, Сенча (рис. 72). Лепная керамика первых пяти памятников из этой серии анализировалась мною раньше в специальных работах [Обломский, 1991а. С. 95–99; 1996б. С. 62–67]. Напомню по этой причине лишь основные итоги проводившихся сопоставлений.

На большинстве этих памятников наблюдается очень близкое соотношение форм груболепных сосудов. На первом месте по степени распространенности находятся закрытые округлобокие горшки типа I, 3-а (Курган-Азак – 25%, Беседовка – 35, Комаровка – 50, Песчаное – 45%), на втором – как правило, тюльпановидные сосуды типа I, 3-б (Курган-Азак – 24%, Беседовка – 11, Комаровка – 21%). Исключение составляет Песчаное, где второе место в структуре набора посуды занимают округлобокие формы с отогнутым наружу венчиком и выпуклой дугой в верхней части профиля типа I,1 (30%). На других памятниках таких горшков значительно меньше (табл. 22). Прочие таксоны форм сосудов (I,4; II,1; II,2,а; II,5) представлены небольшими сериями, причем общий суммарный процент ребристых горшков (класса II) очень невелик (наибольший – 8% – в Курган-Азаке, в Песчаном их нет вовсе). Практически на всех памятниках присутствуют диски, а на некоторых имеются конические миски, правда в небольшом количестве (Курган-Азак, Беседовка). По степени профилированности верхних частей сосудов все эти памятники также близки между собой: на всех резко преобладают слабопрофилированные горшки (Курган-Азак и Комаровка – 92%, Бесе-

довка – 100%) (рис. 82–84). Визуально такая же закономерность наблюдается и в Песчаном, хотя горшки этого поселения по причине трудности измерения по рисункам мелкого масштаба, приведенным в публикации, в выборку не вошли.

Оба этих признака (структура керамического комплекса и степень профилированности сосудов) как раз и являются основными критериями отличия перечисленной выше серии памятников как от поселений киевской традиции в черняховской культуре (типа Головино–Мамрои–Хлопков), так и от киевских селищ сейминско-донецкого круга периода черняховского влияния (типа Букреевки–Тазово). Как было показано в предыдущей главе, на черняховских памятниках с киевской по происхождению лепной керамикой преобладают сильнопрофилированные горшки, причем чаще всего встречаются округлобокие формы типа I,1 и ребристые сосуды. То же самое наблюдается и на поселениях сейминско-донецкого варианта киевской культуры – с той лишь разницей, что ребристые формы на них относительно редки.

С другой стороны, преобладание форм I,3-а, I,3-б при сравнительной редкости горшков типа I,1, баночных и ребристых, общая слабая профилированность сосудов – это характерные признаки керамики деснинского варианта киевской культуры, точнее, памятников типа Ульяновки (но не Александровки и Роища). Специально проведенные расчеты пропорций сосудов по основным таксонам формы показали, что соотношения диаметров и высот укладываются в пределы значений, характерных для горшков, происходящих с памятников Подесенья [Обломский, 1996. С. 64–67].

В предыдущих моих работах в этой связи не рассматривалось поселение Сенча, поскольку в полном объеме материалы этого памятника опубликованы не были. Издана была лишь небольшая коллекция керамики, которая была получена во время разведывательных раскопок Е.А. Горюнова. Тем не менее, опираясь даже на эти весьма скудные данные, Е.А. Горюнов провел параллели между Курган-Азаком и Сенчей, выделил их в качестве особого типа памятников, отличного от черняховских и близкого к более северным киевским деснинским [Горюнов, 1981. С. 54–57].

В настоящее время коллекция материалов Сенчи существенно пополнилась после трехлетних раскопок этого памятника, которые проводились под руководством Ю.Ю. Моргунова. Материалы раннеславянского горизонта поселения были полностью опубликованы Р.В. Терпиловским и Д.И. Левченко [Терпиловский, Левченко, 1994]. На памятнике вскрыто более 5,5 тыс. кв. м, исследовано 6 жилищ и 130 ям середины I-го тысячелетия н.э. К сожалению, постройки Сенчи не всегда удавалось полностью проследить в плане. По крайней мере три из них относятся к широко распространенному на селищах киевской культуры, в том числе и деснинского региона, типу подквадратных полуземлянок с центральными опорными столбами [Терпиловский, Левченко, 1994. Мал. 10: 13, 15; 11: 7].

В наборе посуды Сенчи преобладают горшки типа I,3-а (34%), на втором месте находятся тюльпановидные формы I,3-б (25%), на третьем – ребристые горшки II,2-а (8%), на четвертом – баночные I,4 (5%), на пятом – округлобокие сосуды I,1 и ребристые II,1 (4%) (рис. 85). Из раскопок Е.А. Горюнова происходят обломки двух горшков по форме близких к цилиндроконическим [Горюнов, 1981. Рис. 16: 7, 16]. Суммарная доля ребристых сосудов составляет, таким образом, 12%. На памятнике довольно много дисков (17%). Слабопрофилированных форм насчитывается 70%. Сенча по керамике, следовательно, действительно близка к Курган-Азаку и ему подобным лесостепным селищам. Новые находки полностью подтвердили выводы Е.А. Горюнова.

Таким образом, Курган-Азак, Беседовка, Сенча, Песчаное и Комаровка демонстрируют проникновение в лесостепную зону населения более северного деснинского варианта киевской культуры. Очень интересным в этом отношении представляется поселение Каменево-2, расположенное в Верхнем Посеймье севернее Курска на небольшом притоке р. Тускарь. В 1978 г. на селище Э.А. Сымоновичем были заложены поисковая траншея и 4 раскопа общей площадью 2500 кв. м, исследовано 7 углубленных в материк построек и 108 различных ям. Основная масса материалов финала римского времени концентрировалась в пределах раскопа III (груболепная, черняховская гончарная керамика и датирующие вещи). Более поздним, средневековым участком, по всей видимости, является территория раскопа I, где найдены почти исключительно лепная керамика (обнаружено не более пяти гончарных черепков) и опубликованная В.Е. Родиновой умбоновидная билоновая подвеска круга так называемых антских кладов первой группы по О.А. Щегловой [Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 104: 8]. К сожалению, материалы этого очень интересного памятника до сих пор не изданы, хотя Э.А. Сымонович и успел подготовить их к публикации.

Постройки поселения Каменево-2 относятся к следующим таксонам по принятой в настоящей работе классификации (рис. 86):

I,2,1,1 – подпрямоугольное сооружение с плоским полом, открытым очагом, со столбовыми ямами по периметру котлована – постр. VI;

I,2,1,2 – аналогичные сооружения, но с центральными опорными столбами – постр. I, II, VII;

II,1,2 – постройки овальной формы без отопительного сооружения, с сильно углубленной центральной частью, без столбов по периметру котлована и с ямой от центрального опорного столба – постр. III;

II,2,3 – сооружение овальной формы со столбовыми ямами по периметру котлована, с углубленной центральной частью и очагом на ее дне – постр. V;

III,1,1 – круглое в плане сооружение с центральным опорным столбом без следов очага – постр. IV.

Постройки первых двух таксонов из приведенного выше списка представляют собой наиболее широко распространенный по всей территории киевской культуры, в том числе в Подесенье и в Среднем Посеймье, тип жилищ и хозяйственных сооружений. В этой группе своеобразна лишь постройка 1 Каменево, котлован которой имеет неправильные очертания и два выступа на противоположных длинных бортах. Подобный элемент планировки не характерен ни для деснинских поселений второго этапа по Р.В. Терпиловскому, ни для памятников круга Ульяновки, но достаточно типичен для построек на черняховских селищах и на памятниках киевской культуры лесостепи. Совершенно чужды деснинской традиции овальные в плане постройки с углубленной центральной частью (II,1,2; II,2,3). Как показано в предыдущей главе, аналогии им известны в том же регионе – на селищах черняховской и киевской культур (но не деснинского, а сейминско-донецкого варианта). В Подесенье подобные сооружения исследованы лишь в Александровке и Роище, но население, оставившее эти памятники, по происхождению связано с югом. Круглая постройка из Каменево-2 очень близка по планировке к постройке 1 поселения Тазово, правда последняя по размерам значительно больше и имела очаг.

В Каменево довольно часто встречаются округлобокие горшки таксонов I,3-а и I,3-б (соответственно 21 и 17%), а доля слабопрофилированных сосудов составляет 76%. Все это сближает Каменево с памятниками круга Ульяновки и с лесостепными селищами деснинского происхождения. С другой стороны, в структуре керамического комплекса Каменево на первом месте находятся сосуды типа I,1,а, что характерно для другого, южного круга памятников, а именно: для поселений сейминско-донецкого варианта киевской культуры, на территории которого рассматриваемое селище и находится (табл. 15; рис. 87).

Не менее показателен набор пряслиц. Если на поздних киевских памятниках сейминско-донецкого круга (типа Букреевки–Тазово) широко распространены биконические пряслица средней высоты с воронковидными основаниями, по форме близкие к черняховским, то в Каменево подавляющее большинство пряслиц (10 экз.) представлены низкими биконическими изделиями с широкими отверстиями, т.е. тем типом, который характерен в основном для киевских памятников Подесенья [Обломский, 1991а. С. 104–107, 120].

В планировке построек и характере керамического комплекса Каменево-2, таким образом, наблюдается определенный синкретизм: наряду с местными сейминско-донецкими традициями здесь присутствуют деснинские. Этот памятник, следовательно, является свидетельством начала ассимиляции местного населения пришлым.

Область, охваченная миграцией северных киевских племен, продвигающихся в южном направлении, довольно обширна. На востоке она включает в свои пределы верховья Сейма и Псла, на юге – Верхнее и Среднее Посулье. Не исключено, что отдельные общины носителей киевской культуры деснинского круга проникают в Среднее Поднепровье. Здесь расположено одно из наиболее ранних колочинских поселений – Ходосовка, в жилище 3 которого обнаружена двучленная фибула V в. с дуговидной спинкой и сплошным приемником (обоснование даты, сделанное В.Е. Родинковой, см.: [Гавритухин, Обломский, 1996. С. 125]). Колочинская культура, как убедительно продемонстрировали Е.А. Горюнов и Р.В. Терпиловский, связана с деснинским вариантом киевской археологической общности единой эволюционной линией развития [Горюнов, 1981. С. 15–23; Терпиловский, 1984. С. 73–85].

Когда же происходит миграция северного населения? Была ли она "одноактным" процессом или насчитывала несколько этапов? Материал для ответов на эти вопросы более чем скуден, тем не менее он требует специального анализа.

На всех шести лесостепных поселениях деснинского круга в том или ином количестве обнаружен черняховский импорт. В Каменево-2, по подсчетам Э.А. Сымоновича, сероглиняная гончарная керамика составляет 1–2%, в Сенче, Беседовке, Курган-Азаке, Песчаном и Комаровке ее фрагменты единичны, хотя и имеются. В Сенче обломки ручки кувшина и днища миски вторично использовались как точильные бруски. Кроме керамики, в Каменево-2 были найдены обломки массивных железных ухватов (возможно, наральников) и фрагменты пирамидальных и конических грузил от ткацких станков (всего три определимых экземпляра). На позднеримское время указывают также находки биконических пряслиц средней высоты. Одно из них происходит из Песчаного, а еще два – из Сенчи, причем одно из пряслиц Сенчи авторы публикации считают импортным черняховским. Оно содержит в керамическом тесте мелкие примеси и тем отличается от местных изделий. В Сенче и Комаровке обнаружено по одному фрагменту ручек светлоглиняных "инкерманских" амфор. Из ямы 37 Каменево происходит железная ведерковидная подвеска [Сухобоков, 1975. С. 35; Горюнов, 1981. Рис. 16: 10; 1982. С. 63–64; Терпиловський, Левченко, 1994. С. 60; Обломский, 1991а. С. 99; 1996б. С. 62]. Деснинское население в лесостепи, таким образом, появляется в то время, когда оно еще испытывало воздейст-

вие черняховской культуры, правда в весьма слабой степени.

Памятники круга Ульяновки в лесостепной зоне известны на территории двух археологических общностей позднеримского времени – черняховской культуры (Сенча, Курган-Азак и Беседовка) и сейминско-донецкого варианта киевской (Комаровка, Каменево, Песчаное). Более или менее определенные сведения имеются о времени проникновения деснинского протоколочинского населения лишь в восточную часть этого региона, т.е. в верховья Сейма и Псла.

В жилище 1 Песчаного обнаружен железный трехлопастный черешковый наконечник стрелы типа 3 варианта "в" по И.П. Засецкой (рис. 87: 27) [Горюнов, 1982. Рис. 2: 20]. Подобные стрелы входят в набор вооружения гуннского времени и раннего средневековья [Засецкая, 1994. С. 36–39], т.е. датируются широко. В Песчаном в той же постройке 1, кроме наконечника стрелы и лепной керамики, обнаружен "фрагмент гончарного черняховского сосуда с характерными щербинами на наружной поверхности, оставленными зернами примеси (песка) при формовке сосуда на круге". Черняховская гончарная керамика происходит также из культурного слоя поселения и постройки 2 [Горюнов, 1982. С. 63–64]. Последнее обстоятельство позволяет сделать вывод, что стрела из Песчаного датируется раннегунним периодом, т.е. от 375 г. до середины V в. максимум.

Серия датирующих вещей – две пряжки (железная и бронзовая), две железные фибулы, обломок горла стеклянной бутыли (рис. 87: 21, 22, 24–26, 28) – происходит с поселения Каменево-2. Бронзовая пряжка из постройки III (маленькая, кольцевидная, с круглой в сечении рамой и тонким слегка прогнутым язычком из круглого прутка) относится к серии 3, варианту 3а Е.Л. Гороховского (рис. 87: 24). Подобные изделия, по его периодизации, характерны для заключительной, пятой фазы черняховской культуры, т.е. для последней четверти IV – первой трети V в. [Гороховский, 1988б. С. 42–45]. Приблизительно так же, но с некоторым "смещением вниз" датируют аналогичные пряжки О.А. Гей и И.А. Бажан – четвертым и пятым периодами по своей системе относительной хронологии, т.е. 350/355–400/410 гг. [ХИ-57: Гей, Бажан, 1997. Табл. 55: I; 70: 19]. Судя по таблицам А.К. Амброза, на Северном Кавказе подобные пряжки существуют довольно долго – от гуннского периода до VII в. [Амброз, 1989. Рис. 13: 5–6; 22: 3; 25: 29–30; 26: 19; 27: 8], но поскольку из постройки III происходят наряду с лепной керамикой обломки черняховских гончарных сосудов, в том числе и выразительный фрагмент верхней части кухонного горшка, то очевидно, что пряжка из Каменево может датироваться не позднее финала черняховской культуры.

Вторая пряжка найдена в постройке VII, где также обнаружена черняховская гончарная керамика. Она вертикально овальная, массивная, изготовлена из железа. Плоский в сечении язычок загнут за край рамы (рис. 87: 28). Подобные изделия относятся к серии Д по Е.Л. Гороховскому, который период максимального распространения их в черняховской культуре определяет так же, как и у пряжек серии 3 [Гороховский, 1988б. С. 45]. Несколько шире, т.е. фазой D К. Годловского (вторая половина IV – первая половина V в.), железные вертикально овальные пряжки с толстой рамой датирует Р. Мадыда [Madyda, 1977. S. 377–378]. Приблизительно к тому же периоду относят подобные пряжки О.А. Гей и И.А. Бажан, отмечая при этом, что они могли появиться и раньше – во второй четверти IV в. [Гей, Бажан, 1997. С. 48].

Фибулы обнаружены в двух постройках Каменево: во второй и седьмой (в последнем случае – вместе с рассмотренной выше пряжкой). Обе они железные, двучленные, имеют длинные пружины, оси которых оканчиваются округлыми шишечками, сплошные приемники и треугольные с закруглением снизу окончания ножек. Спинка фибулы из постройки II – дуговидная, вторая застежка имеет профиль в виде знака вопроса. Первая фибула не орнаментирована, спинка второй украшена фасетками (рис. 87: 21, 25). Для киевской культуры застежки из Каменево уникальны, аналогий им нет и в черняховских комплексах. На определенные параллели в оформлении этих изделий и некоторых фибул из прибалтийского могильника Варникам впервые обратил внимание Е.Л. Гороховский.

По форме характерного расширения в нижней части корпуса застежки из Каменево относятся к обширной группе прибалтийских фибул с лопатковидными ножками. Этой категории находок посвящена серия работ А. Битнер-Врублевской. Фибулы из Каменево по признакам узкого держателя пружины, наличия фасеток относятся к выделенному ею типу 1. Он наиболее ранний, включает фибулы с лопатковидной ножкой еще без насечек на ней [Bitner-Wróblewska, 1986–1990. Tabl. I: 2–12]. Конец ножки полукруглый, с мягко очерченными окончаниями. Ножка иногда орнаментируется штампом. К фибулам из Каменево наиболее близки экземпляры из Дембчино (пункт 6, полузем-лянка 47), Сковарча (Польша), Грюнова (Германия), погребений 25 и 71 Варникама (Калининградская обл.), [Bitner-Wróblewska, 1986–1990. Tabl. I: 4, 6, 8, 10, 11. S. 56], но ножки у европейских фибул сильнее закруглены снизу. В целом состав фибул в рамках типа разнообразен: в него включены как простейшие экземпляры, так и массивные, близкие к "бугельконпффибелы". Общая дата типа – период D К. Годловского [Bitner-Wróblewska A., 1995. P. 177].

Фибулы типа 1 образуют две области концентрации – в Среднем Поморье и Нижнем Повисленье, но отдельные экземпляры встречаются по всему западнобалтийскому кругу, в надлабском культурном круге и в окрестностях Киева.

В.И. Кулаков относит погребение 25 могильника Варникам к 475 г., а погребение 71 – к 450 г. [Кулаков, 1997. С. 145–146]. Эти даты представляются несколько завышенными. Вещи из погребения 25 по тем датам, которые В.И. Кулаков приводит для пряжки, наконечника ремня, янтарных и стеклянных бус, могут датироваться в широком диапазоне гуннского времени.

Застежки, близкие к происходящим из Каменево, встречаются и в Литве, где они называются "арбалетовидными фибулами с треугольной ножкой". Как и лопатковидные, они отличаются от каменевских по ряду деталей, из которых самые существенные – наличие на многих экземплярах со сплошным приемником колец (рудиментов подвязной конструкции) и характерных выступов в нижней части подтреугольной ножки. Сближают литовские фибулы с экземплярами из Каменево фасетки, нанесенные на сравнительно узкой спинке, и относительно узкие кольца-держатели пружин [Kazakevičius, 1993; 190: 1; 191: 1; 201: 10 pav]. Датируются подобные фибулы широко – V–VI вв. [Kazakevičius, 1993. P. 180].

Таким образом, отличия фибул из Каменево от прототипов из Западной и Восточной Прибалтики достаточно существенны, хотя типологическая связь их с изделиями этих регионов несомненна. Фибулы из Каменево представляют собой местное подражание балтийским экземплярам. Соответственно, как все дериваты, они могут датироваться от времени существования прототипов и позже. Поскольку Каменево является наиболее насыщенным черняховским импортом поселением деснинского круга в лесостепной зоне, то VI век для киевского горизонта этого памятника исключается в принципе. Под большим сомнением находится и вторая половина V в. Учитывая время бытования прототипов, наиболее вероятная дата каменевских фибул – это период D К. Годловского.

К сожалению, обломок горла бутыли из прозрачного желтовато-зеленоватого стекла (рис. 87: 26) не может уточнить дату памятника. Горло подобной формы может быть у сосудов нескольких типов. Большинство из них распространены в позднеримское время, но некоторые существуют вплоть до VI в. [Isings, 1956. P. 156].

Если суммировать сведения о хронологических индикаторах Каменево, то получается, что этот памятник может датироваться в широких рамках второй половины–третьей четверти VI в. – первой половины V в. При этом необходимо отметить, что на самом деле период существования поселения явно был более коротким. Об этом свидетельствуют как расположение всех построек на раскопе III единой группой, так и отсутствие перекрываний объектами друг друга.

В непосредственной близости от Каменево-2, тоже в бассейне р. Тускарь, находится поселение Тазово, которое является одним из эталонных памятников сейминско-донецкого варианта киевской культуры. На этом селище найден гребень (рис. 30: 16), который относится к типу III варианту 2б по Г.Ф. Никитиной [Никитина, 1969. С. 149. Рис. 1]. Как указывалось в предыдущей главе, гребни с полукруглым выступом на спинке и горизонтальными плечиками относятся к четвертой-пятой фазам черняховской культуры по периодизации Е.Л. Гороховского (середина IV – первая треть V в.) [Гороховский, 1988б. С. 45] и к четвертому-пятому периодам по хронологической системе О.А. Гей и И.А. Бажана [Гей, Бажан, 1997. Табл. 70: 1, 4, 5], т.е. к 350/355–400/410 гг. по принятым в ней абсолютным датам этапов. Для черняховской культуры гребни третьего типа, таким образом, являются самой поздней группой среди составных многочастных изделий. По обеим схемам хронологии они находились в употреблении вплоть до финала черняховской культуры.

Общая дата гребней третьего типа в целом совпадает с хронологическими рамками существования поселения Каменево или даже несколько шире их. Необходимо отметить, что по характеру керамического комплекса Каменево должно сменять Тазово во времени, поскольку набор сосудов второго является классическим сейминско-донецким, а в Каменево традиции местного киевского населения водораздела Днепра и Дона уже изживаются. Им на смену приходит деснинский керамический комплекс. Поскольку на обоих поселениях встречена сероглиняная гончарная керамика, а также имеются и другие элементы черняховского влияния, то приток населения деснинского варианта киевской культуры в верхнесейминский регион должен происходить не позже финала черняховской культуры, но не ранее середины–второй половины IV в.

Из трех известных в настоящее время позднекиевских поселений деснинского круга, расположенных на территории черняховской культуры, датирующие вещи отсутствуют в Беседовке. В культурном слое Сенчи обнаружен наконечник стрелы типа 3 варианта "в" по классификации И.П. Засецкой (сообщение Ю.Ю. Моргунова). Единственная фибула происходит лишь с селища Курган-Азак (рис. 82: 1). Она двучленная, прогнутая, подвязная, с ромбической в сечении дужкой, без фасеток. Е.Л. Гороховский датирует подобные изделия последней третью III – первой половиной IV в., отмечая при этом, что экземпляр из Курган-Азака имеет ряд типологически поздних черт [Гороховский, 1988а. С. 222]. Если появление деснинского населения в верховьях Сейма и Псла относится ко времени финала черняховской культуры,

то фибула из Курган-Азака, даже учитывая оговорки Е.Л. Гороховского, датируется периодом расцвета этой археологической общности. Этот факт требует объяснения. Можно предложить два варианта его интерпретации.

1. Не исключено, что деснинское население просачивалось на черняховскую территорию отдельными группами, занимая свободные участки. В этом случае мизерное количество черняховской гончарной посуды в Курган-Азаке может быть объяснено враждебными отношениями племен, оставивших деснинские памятники типа Ульяновки, и "черняховцев", что было отмечено выше. Пришельцы как бы самоизолировались от населения, окружавшего их.
2. Фибула представлет собой находку, случайно попавшую в культурный слой поселения. Где-нибудь за пределами раскопа О.В. Сухобокова есть более ранние, чем керамика деснинского круга, объекты, а само переселение деснинских племен на черняховскую территорию произошло тогда же, когда и продвижение их в верховья Сейма и Псла.

Застежка из Курган-Азака пока уникальна, поэтому оба предложенных варианта трактовки представляются равнозначными. Для того чтобы остановиться на каком-то одном из них, требуются новые полевые исследования. Желательно было бы продолжить раскопки поселения Курган-Азак.

Памятники киевской культуры деснинского круга, как это убедительно продемонстрировали Е.А. Горюнов и Р.В. Терпиловский [Горюнов, 1981. С. 15–23; Терпиловский, 1984. С. 73–85], являются прототипами раннесредневековой колочинской археологической общности, поэтому не случайно, что южная граница их распространения в общих чертах совпадает с границей области, занятой колочинскими поселениями и могильниками в лесостепной зоне (рис. 72) [Обломский, 1996б]. На территории Днепровского Левобережья и Среднего Поднепровья имеется пять достоверно ранних селищ (нижний горизонт Гапоново, поздние постройки Ходосовки–Дибровы, Красное-4, Литвиновичи-3, Заярье), колочинская принадлежность керамического комплекса которых аргументирована в ряде специальных исследований [Терпиловский, 1984. С. 74–78; Абашина, 1991. С. 10–11; Обломский, 1996б. С. 62–68; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 101]. Традиционно к этой группе причисляют еще и могильник Смяч, но керамика, которая происходит из его погребений, сильно измельчена и невыразительна [Горюнов, 1974. С. 120, 121].

К сожалению, работа над периодизацией колочинской лепной керамики только начинается, поэтому принадлежность перечисленных выше селищ к раннему этапу колочинской культуры определяется лишь по датирующему материалу. К нему относятся отдельные фрагменты черняховских гончарных сосудов из Гапоново, Красного-4 и Заярья, обломки туфовых жерновов из Заярья, Красного-4 и Литвиновичей-3, фрагмент конического грузила из Красного-4. Все эти предметы указывают на то, что население, оставившее эти памятники, еще находилось под черняховским влиянием, правда очень слабым. Раннеколочинский керамический комплекс, таким образом, уже сформировался либо в черняховское время, либо тогда, когда черняховское население в основной своей массе ушло с территории Левобережья, а отдельные импортные вещи продолжали использоваться его соседями. Этот период, скорее всего, не был слишком длительным. Черняховского импорта вообще очень мало на памятниках круга Ульяновки, вряд ли немногочисленные гончарные сосуды и жернова могли употребляться в быту дольше времени жизни одного поколения.

Это наблюдение подтверждается двумя находками, которые также происходят с ранних колочинских памятников. В культурном слое поселения Красное-4 обнаружена рама массивной железной вертикально овальной пряжки того же типа, что в Ульяновке и в Каменево (рис. 88: 26) [Обломский, 1996б. С. 55. Рис. 5: 53]. Фибула из Ходосовки (рис. 88: 25), как указывалось выше, по европейским аналогиям и некоторым типологическим соображениям датируется V в., исключая его конец[3]. Таким образом, в V в. в лесостепи и на юге лесной зоны Поднепровья колочинская культура уже существовала.

Каков же наиболее вероятный период смены черняховского населения северной части Днепровского лесостепного Левобережья колочинским? И.О. Гавритухин, специально занимающийся проблемой определения даты финала черняховских памятников Днепровского Левобережья и собравший все доступные сведения о наиболее поздних хронологических индикаторах черняховской культуры в этом регионе, пришел к выводу, что материалы, которые можно с определенностью датировать гунним временем, происходят из

[3] Фибулы типа Пильвины с полуциркульной спинкой, перевитой дужкой и сплошным приемником, датирующиеся V в. (вероятнее, второй его половиной), происходят с поселений Колодезный Бугор [Третьяков, 1974. Рис. 16:1] и Яловщина в Подесенье (сообщение Т.В. Вальковой). К сожалению, "этнокультурный контекст" этих находок не ясен. На поселении Колодезный Бугор имеются отложения позднезарубинецкого периода и киевской культуры. Объектов с ярко выраженным колочинским керамическим комплексом нет. В Яловщине подавляющее большинство материалов относится к зарубинецкой культуре. В слое и в хозяйственной яме на раскопе I встречены отдельные фрагменты сосудов с шамотом в керамическом тесте, по фактуре отличающиеся от зарубинецких. Вероятно, эта керамика имеет колочинское происхождение, но она настолько измельчена, что формы сосудов восстановить невозможно.

погребений 468 и 664 могильника Соснова, а также из одноименного поселения, из погребений 1/1952 г. и, вероятно, 18/1952 г. Переяслава-Хмельницкого, из могильников Гречаники, Лохвица, Успенка, Сумы-Сад (погребение 5), Боромля, Родной Край-1 (погребение 14), Соколово (погребение 1), с селищ Хлопков-1, Головчино (Лысая гора) и Хохлово-2. По стратиграфии к этому же периоду относятся погребения 427 и 467, которые перекрывают погребение 468 Сосновы. При этом вещей, которые можно было бы однозначно датировать периодом D2, на черняховских памятниках нет [Гавритухин, Обломский, в печати]. География распространения поздних черняховских поселений и могильников обширна. Они известны по всему черняховскому ареалу, который сформировался в более раннее время, вплоть до его границ: на северной периферии этой территории находится Успенка, на крайнем востоке ее – Хохлово-2, Соколово и Родной Край-1 (рис. 72). Поздние комплексы обнаружены на памятниках всех основных территориальных групп черняховской культуры (разумеется, там, где проводились раскопки). Черняховские племена, таким образом, по крайней мере, в начале V в. еще заселяли всю ту область, которую они освоили в IV в. Не исключено, что часть населения в гуннское время мигрировала на запад (в этом смысле очень интересны наблюдения Б.В. Магомедова за распространением некоторых типов гончарных сосудов) [Магомедов, 1999б], но непосредственные археологические данные, позволяющие оценить масштабы этого явления, отсутствуют.

В то же время в V в. колочинская культура уже приобрела набор своих основных признаков, причем если на наиболее ранних памятниках известна сероглиняная гончарная керамика, то сформироваться эта археологическая общность могла либо в то время, когда эта посуда еще производилась на Левобережье, т.е. до массового ухода "черняховцев", либо в тот период, когда уже изготовленные сосуды продолжали использоваться в быту (в виде реликта – "наследства"). Учитывая хронологию поздних черняховских комплексов, а также набор датирующих вещей из Каменево-2 и гуннский наконечник стрелы из Песчаного (еще "вполне киевских" по облику культуры поселений), наиболее вероятно, что самые ранние колочинские памятники возникли во второй четверти–середине V в.

Завершая колочинскую тему, остановлюсь еще на одном сюжете, связанном с эпохой формирования раннесредневековых культур на Днепровском Левобережье. Я хочу обратить внимание на находки лепной лощеной керамики на позднекиевских и ранних колочинских поселениях. Как правило, она сильно фрагментирована, но по тесту (мелкие примеси шамота или дресвы) и по характеру обработки поверхности (жирное двустороннее лощение, зачастую черное) эта посуда напоминает зарубинецкую, что было отмечено автором раскопок Курган-Азака О.В. Сухобоковым [Сухобоков, 1975. С. 34, 35]. После просмотра коллекций этого памятника и Беседовки в фондах Института археологии НАН Украины у меня появилось убеждение, что лощеная керамика имеет иное, а именно мощинское происхождение, о чем свидетельствуют формы характерных цилиндроконических мисок, обломки которых обнаружены на обоих памятниках (рис. 82: 27; 83: 55). Аналогичная посуда происходит с колочинского поселения Смольянь. П.Н. Третьяков опубликовал реконструкцию целой миски с этого памятника [Третьяков, 1974. С. 84. Рис. 12: 22] (рис. 88: 24). Очень похожая миска, но небольших размеров (авторы публикации трактуют ее как "чашку-кубок"), найдена на территории Лохвицкого черняховского могильника, но вне погребений [Березовец, Петров, 1960. Табл. I: 3]. По всей видимости, в период продвижения деснинских племен на юг и в процессе образования колочинской культуры у населения круга Ульяновки возникли какие-то связи с жителями верхнеокского региона. Эти контакты сохраняются и в колочинский период. Очевидно, находка характерной колочинской керамики в двух ямах на городище у дер. Слободка в Поочье [Никольская, 1970. С. 88, 89. Рис. 3] не была случайным фактом.

3. О времени формирования пеньковской культуры

Сложный и дискуссионный до сих пор вопрос о происхождении пеньковской культуры мне уже приходилось рассматривать как в конкретно-археологическом [Обломский, 1991а. С. 123–128], так и в историографическом аспекте [Гавритухин, Обломский, 1996. С. 116–119]. Считаю по этой причине, что вновь подробно излагать мою концепцию нет необходимости. В данной работе я хочу акцентировать внимание лишь на тех выводах, которые важны для реконструкции этнических процессов в Поднепровье в гуннский период.

Территория, на которой распространены наиболее ранние пеньковские памятники, охватывает южную часть лесостепи Днепровского Левобережья, Среднего Поднепровья и междуречья Днепра и Южного Буга, а также Южное Побужье. К числу ранних О.М. Приходнюк относит, кроме того, некоторые комплексы с поселений Селище (с черняховской гончарной керамикой) и Ханска-2 (с зеркалом с петлей, помещенной в центре на обороте) [Приходнюк, 1985б. С. 89]. Этот ареал не совпадает с областью распространения тех групп киевских памятников лесостепи, которые в усло-

виях черняховского влияния сохранили свою "культурную специфику" и целиком приходится на территорию черняховской культуры (рис. 72).

Как достаточно убедительно продемонстрировали Е.А. Горюнов, О.М. Приходнюк и Р.В. Терпиловский [Приходнюк, 1980. С. 117–121; Горюнов, 1981. С. 57–60; Терпиловський, 1994б. С. 24–28], при сравнении макроструктур археологических общностей, т.е. при сопоставлении основных признаков археологических культур, пеньковская культура из ей предшествующих в наибольшей степени близка к киевской и достаточно сильно отличается от черняховской. Об этом свидетельствует комплекс признаков: топография поселений, которые расположены в основном на первых надпойменных террасах и на останцах в поймах рек, а не на черноземных склонах речных долин и оврагов на водоразделах; планировка и размеры пеньковских полуземлянок, отсутствие наземных домов; господство обряда трупосожжения на стороне и его детали [Петраускас, 1993б]. Подавляющее большинство форм лепных пеньковских сосудов, в том числе и тех, которые составляют массовые серии, имеют прототипы на памятниках киевской культуры. Набор лепной посуды, в значительной степени близкий пеньковскому, происходит и с некоторых черняховских памятников, но лишь с тех, которые относятся к так называемой киевской традиции (см. предыдущую главу).

Пеньковская культура, таким образом, является одной из археологических общностей позднезарубинецко-киевской линии развития, а ее население было родственно киевским племенам, в том числе и той их части, которая была включена в состав германских протогосударственных образований. Тем не менее наиболее острые споры возникают при попытке найти конкретные археологические прототипы "ранних фаций пеньковской культуры" (термин Е.А. Горюнова) в рамках древностей киевского круга, т.е. на микроуровне.

Сложность анализа материалов ранних пеньковских памятников заключается в том, что тех из них, которые достоверно относятся к финалу римского времени, очень мало. В частности, на территории Днепровского Левобережья комплексы этого периода известны лишь на двух поселениях: в Хитцах [Горюнов, 1981. С. 111–130] и в Рябовке-3 [Обломский, Терпиловский, 2001]. Традиционно по находкам черняховской гончарной керамики вместе с пеньковской ранним для памятников пеньковского круга считается поселение Прогресс [Приходнюк, 1985а. Рис. 38; 1998. Табл. V]. Тем не менее в отчетной документации С.П. Юренко (автора раскопок памятника) содержатся сведения о наличии на поселении черняховского горизонта. В частности, исключительно гончарная керамика происходит из ям 1–3, а в ямах 4, 7, 8 обнаружена гончарная посуда наряду с отдельными фрагментами лепных горшков (правда, невыразительными). Черняховская керамика происходит и из культурного слоя [Юренко, 1978. С. 11–13] (фонды Полтавского краеведческого музея). Синхронность гончарной посуды и лепной пеньковской керамики на этом поселении остается под сомнением. Не исключается механическое смешение находок разного времени. Материалы многослойного селища Занки, где, судя по отчетам А.Г. Дьяченко и предварительному сообщению о раскопках, обнаружены объекты с лепной керамикой I тысячелетия н.э. и гончарной черняховской [Дьяченко, 1993. С. 22], изданы лишь частично [Дьяченко, Приходнюк, Петренко, 1991], причем комплексы с датирующими вещами римского времени в публикацию не вошли. В результате набор ранней пеньковской керамики подается реконструкции лишь в самом общем виде. Выводы, сделанные на основе его сопоставления с материалами предшествующих культурных групп, должны восприниматься с определенной долей условности.

После работ Е.А. Горюнова в раннем пеньковском наборе лепной посуды принято выделять "специфическое ядро", т.е. те формы горшков и то их сочетание, которое позволяет отличать собственно пеньковскую керамику от материалов других раннесредневековых славянских археологических общностей, так называемые "северные элементы" (по терминологии Е.А. Горюнова) или "архаические черты" в керамическом комплексе (по О.М. Приходнюку) и типы сосудов, по происхождению связанные с черняховской культурой. К первой группе принято относить сильнопрофилированные округлобокие и биконические горшки различных вариантов (рис. 89: 1–4, 11–13). Доля каждого из этих двух основных видов сосудов довольно высока, но, как правило, ребристые формы встречаются несколько чаще, чем округлобокие [Гавритухин, Обломский, 1996. С. 113]. Во вторую группу элементов включают тюльпановидные, слабопрофилированные близкие к баночным и собственно баночные сосуды, ребристые миски с зигзаговидным профилем, подлощенную посуду и некоторые детали орнаментации горшков (налепы в виде полумесяцев или шишечек) (рис. 89: 5–10, 12); в третью группу – приземистые округлобокие сосуды с загнутым внутрь краем и некоторые типы мисок [Горюнов, 1981. С. 78; Приходнюк, 1985а. С. 116–117; 1991. С. 113; Любичев, 1994. С. 124–126].

В качестве непосредственного прообраза раннего керамического комплекса пеньковки рассматривались материалы поселения Роище в Подесенье, поздних памятников среднеднепровского (типа Обухова-2, -7 и Мотовиловской Слободки-4) и сейминско-донецкого вариантов киевской культуры, черняховского селища Хлопков [Приходнюк, 1988. С. 71; Баран, 1990а. С. 351; Обломский, 1991а. С. 124–125; Терпиловский, Абашина, 1992.

С. 96–97]. Парадокс заключается в том, что в наборах сосудов каждого из возможных прототипов, взятых по отдельности, не наблюдается в полной мере все то сочетание элементов, которое типично для "ранних фаций пеньковской культуры", причем соотношение форм, составляющих так называемое "пеньковское ядро", с одной стороны, и "архаических" или "северных" черт керамического комплекса – с другой, во всех случаях различно. Так, в Роище, где на киевском этапе существования селища известны все основные формы сосудов будущей пеньковской культуры, включая и такие редкие, как ребристые биконические миски, а также встречены отдельные фрагменты сосудов с налепными валиками (т.е. часть горшков орнаментирована в пеньковской манере) (рис. 76) [Терпиловский, 1984. Табл. 14–20], наблюдается тем не менее совсем другое, не пеньковское соотношение форм в керамическом комплексе. Несмотря на то что ребристых горшков здесь очень много (43%), сильнопрофилированные округлобокие сосуды I,1,а сравнительно редки. Те же самые особенности присущи и поселению Александровка, которое составляет с Роищем единую культурно-хронологическую группу (табл. 22, рис. 77).

Традиция широкого употребления ребристых горшков и орнаментация сосудов налепными валиками сближают ранние пеньковские памятники с киевскими поселениями Среднего Поднепровья, на наиболее поздних из которых процент биконических форм довольно высок (по подсчетам Н.С. Абашиной, в Вишенках – 23,1%, в Обухове-2 – 38,2, в Обухове-7 – 47,1%) [Абашина, 1986. С. 101] (рис. 90). Тем не менее на этих поселениях почти не встречаются тюльпановидные горшки, которые, например, в комплексах, отнесенных Е.А. Горюновым к так называемому раннему горизонту Хитцов, составляют до 16%.

Хлопков-1 – наиболее позднее селище так называемой киевской традиции в черняховской культуре (точнее, поздними являются материалы, происходящие с участка, раскопанного А.Н. Некрасовой и В.Д. Бараном). В комплексах, которые достоверно относятся к финалу римского времени, преобладают сильнопрофилированные округлобокие сосуды (I,1,а – 42,2%), на втором месте находятся биконические горшки с отогнутым наружу венчиком (II,2,а – 27%), на третьем – баночные формы с гладким краем (I,4,а – 12%), на четвертом – баночные с небольшой закраиной на венчике (I,4,б – 8%), на пятом – прочие таксоны (все они насчитывают по 1 экз., или по 3,6%: слабопрофилированный округлобокий закрытый типа I,3-а и биконический без выделенного венчика типа II, 5 горшки, коническая миска). Венчики некоторых биконических сосудов орнаментированы налепными валиками (рис. 47). По структуре керамического комплекса Хлопков очень близок к позднim киевским памятникам Среднего Поднепровья. Как и в ранней пеньковке, биконические и сильнопрофилированные округлобокие горшки занимают первое и второе место в наборе посуды, но отличительными особенностями Хлопкова являются очень большой суммарный процент баночных форм (20%) и полное отсутствие тюльпановидных.

На поздних (периода черняховского влияния) поселениях сейминско-донецкого варианта киевской культуры есть все формы сосудов, которые характерны для ранней пеньковки (рис. 26–33 и др.), включая так называемые "северные" или "архаичные", за исключением, пожалуй, мисок, которые и на собственно пеньковских памятниках довольно редки. Тем не менее существенное отличие пеньковского комплекса от сейминско-донецкого наблюдается в соотношении форм горшков. На всех памятниках круга Букреевки резко преобладают сильнопрофилированные округлобокие сосуды, а ребристые сравнительно редки. На наиболее позднем селище этого типа – в Тазово вообще нет ребристых форм (табл. 15).

Тем не менее если расположить все рассмотренные выше возможные прототипы пеньковки по степени близости их керамики к ее "специфическому ядру", то наибольшее сходство наблюдается между материалами ранних пеньковских селищ, с одной стороны, поздних киевских поселений Среднего Поднепровья и черняховских памятников киевской традиции – с другой. Последнее подтверждается и значительной близостью пропорций сосудов; правда, этот вывод сделан исключительно по визуальным наблюдениям. Для статистических расчетов пока нет достаточно массового материала. В гораздо меньшей степени набор пеньковских сосудов похож на керамику Роища и Александровки, где значительно шире, чем на раннем этапе пеньковской культуры, распространены слабопрофилированные близкие к баночным горшки (соответственно 24 и 29% – табл. 22), и на материалы сейминско-донецких киевских поселений периода черняховского влияния, где очень редки ребристые формы.

Что касается Роища и Александровки, то некоторое сходство позднекиевской керамики этих памятников с пеньковской, очевидно, не прямое, а опосредованное. Фигурально говоря, Роище и Александровка, с одной стороны, Хитцы, Рябовка и им подобные поселения – с другой, являются не "отцами" и "детьми", а "двоюродными братьями", ведь если ранние пеньковские памятники по набору посуды в наибольшей степени похожи на киевские и киевско-черняховские поселения Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья, то Александровка и Роище представляют собой поселки выходцев с той же самой территории в Черниговском Полесье. Теоретически обратную миграцию населения круга Александровки–Роища на юг, в пеньковский ареал, исключить нельзя, но

она по типологическим соображениям маловероятна.

Необходимо отметить, что памятники всех культурно-хронологических групп позднеримского периода, керамика которых в той или иной степени похожа на раннюю пеньковскую, принадлежали этнически очень близкому населению. И древности круга Обухова-2 и -7, Мотовиловской Слободки, и типа Хлопкова, и памятники круга Букреевки–Тазово, а также Роище и Александровка представляют собой разнообразные проявления традиций киевских племен лесостепной зоны, находившихся под сильным черняховским влиянием и даже частично включенных в состав черняховской культуры. Этим, очевидно, и объясняются отмеченные большинством исследователей "черняховские реликты" в наборе пеньковских сосудов, в орудийном комплексе и в некоторых приемах ремесла.

Вывод о существенной роли, которую сыграли в формировании пеньковской культуры носители "киевских традиций в черняхове", в какой-то мере "снимает" противоречие, существовавшее между концепциями сторонников генетической связи пеньковской общности с киевскими древностями, с одной стороны, и происхождения ее от черняховской культуры (И.П. Русанова, В.В. Седов) – с другой [Русанова, 1976. С. 103–112; Седов, 1978б. С. 171–173; 1979. С. 121–122; 1994. С. 277–278, 317–318]. Конкретные черняховские памятники в лесостепном Поднепровье с лепной керамикой, близкой к последующей пеньковской, которые упоминают сторонники второй концепции (Компанийцы, Черняхов, Журавка Ольшанская, Новолиповское, Ломоватое), содержат комплексы материалов киевской традиции в черняхове (подробнее об этом см.: [Обломский, 1998; Обломский, 1999в.; Абашина, Обломский, Терпиловский, 1999]).

Особого рассмотрения требует вопрос о роли населения лесной зоны в сложении пеньковской культуры. Дело в том, что последняя выглядит очень архаичной и как бы стандартизированной по сравнению не только с черняховской культурой, но и с теми группами киевской общности, где ощущается воздействие черняховских традиций. Это однообразие наблюдается не только в сложении довольно однородного (за исключением некоторых нюансов) раннепеньковского керамического комплекса, но и в унификации типов построек. Напомню, что для левобережного черняховского населения как вельбарского, так и киевского происхождения характерны наряду с полуземлянками наземные глинобитные жилища. Лепная керамика киевского круга обнаружена в наземных постройках на черняховских поселениях Новолиповское, Радуцковка, Песчаное, Великий Бобрик (см. предыдущую главу). В период сложения пеньковской культуры разнообразие наземных и углубленных в грунт жилых и хозяйственных сооружений лесостепного Левобережья позднеримского времени исчезает. Ранние пеньковские жилища, причем не только на территории Левобережья, очень стандартны. Это полуземлянки с открытыми очагами и зачастую с центральными опорными столбами [Баран, 1990б. С. 222–223]. Как уже было отмечено выше, происходит возрождение позднезарубинецко-киевских приемов домостроительства. Переход населения лесостепи на первые надпойменные террасы и на останцы в поймах в период образования раннесредневековых культур Левобережья свидетельствует о возрождении киевского (в тенденции) принципа ландшафтного расположения поселений, а соответственно и способа ведения хозяйства и об отказе от черняховских традиций. В принципе это явление объяснимо наступлением в середине I-го тысячелетия н.э. в Восточной Европе засушливого климатического периода, который продожался до VII–VIII вв. [Левченко, 1993. С. 30–34]. Черняховский тип земледелия, который базировался на распашке черноземов на склонах речных долин и на водоразделах по оврагам, вряд ли был возможен в условиях периодических засух. Обрабатываться могли лишь постоянно увлажненные низинные земли. Тем не менее климатические изменения не могут объяснить унификацию пеньковских жилищ. Современные украинские глинобитные хаты, по конструкции стен очень близкие к черняховским наземным домам, строятся не только на возвышенных участках, но и на первых надпойменных террасах рек и на всхолмлениях в их поймах.

Традиционные киевские полуземлянки с открытыми очагами в качестве наиболее широко распространенного (а на многих территориях и единственного) типа построек в позднеримское время сохраняются в основном в лесной зоне, в том числе в Подесенье и Среднем Посеймье. Именно этот факт, а также особенности керамического комплекса построек так называемого "раннего горизонта" пеньковского поселения Хитцы, в которых встречались тюльпановидные и слабопрофилированные близкие к баночным сосуды, привели Е.А. Горюнова к выводу, что в сложении пеньковской культуры Левобережья приняли участие какие-то группы "киевско-колочинского" северного населения [Горюнов, 1981. С. 93–94]. О проникновении деснинского населения в будущий пеньковский ареал свидетельствует селище Сенча с характерным набором сосудов, близким к керамическому комплексу памятников типа Ульяновки. В Сенче, кстати, встречены обломки двух биконических сосудов, украшенных в верхней части вертикальными налепными "дольками", и несколько фрагментов груболепных горшков с валиками под венчиками, т.е. орнаментированных в лесостепной пеньковской манере (рис. 85: 7, 8, 13) [Терпиловский, Левченко, 1994. Рис. 2: 1–5, 8], а также ребристая миска (того типа,

который на ранних пеньковских памятниках считается лепным подражанием черняховским гончарным изделиям) [Терпиловський, Левченко, 1994. Рис. 8; 13]. Все эти находки свидетельствуют о том, что между лесостепным местным населением и продвинувшимися с севера деснинско-сейминскими племенами в период формирования пеньковской культуры существовали непосредственные контакты.

Когда же именно происходит сложение пеньковской культуры? Для ответа на этот вопрос рассмотрим наиболее поздние датирующие вещи, которые происходят с памятников ее "типологических предшественников". Эти хронологические индикаторы для пеньковской культуры являются terminus post quem.

На большинстве памятников среднеднепровского варианта киевской культуры, которые Р.В. Терпиловский и Н.С. Абашина по особенностям керамического комплекса относят к финалу этой общности, кроме черняховской гончарной керамики, датирующих вещей нет. Исключением является поселение Ходосовка-Диброва, где с киевским горизонтом памятника связаны находки двух железных фибул: прогнутой подвязной варианта Б3 и воинской с ромбической ножкой серии В по классификации Е.Л. Гороховского (рис. 90: 20) [Абашина, 1991; 1999. Рис. 2: 11; 6: 8]. Эти хронологические индикаторы свидетельствуют о том, что поселение существовало на четвертой-пятой фазах черняховской культуры по его периодизации [Гороховский, 1988а. С. 160, 236–237, 278]. Расцвет селища Хлопков-1, наиболее позднего из памятников киевской традиции в черняховской культуре, приходится на четвертую фазу черняхова или даже на несколько более раннее время, но, судя по некоторым пряжкам, жизнь на этом поселении не прекращалась и на пятой фазе (см. предыдущую главу). В Роинце и Александровке воинская двучленная фибула и некоторые пряжки также относятся к пятой фазе.

Таким образом, в последней четверти IV – первой трети V в., а именно так определяет абсолютные даты своей пятой фазы Е.Л. Гороховский [Гороховский, 1988б. С. 45], все наиболее вероятные прототипы пеньковской культуры продолжали существовать. Более того, в специальном исследовании, проведенном И.О. Гавритухиным, показано, что во всех основных группах черняховских памятников Днепровского Левобережья имеются комплексы того же времени [Гавритухин, Обломский, в печати], а на территории Среднего Поднепровья серию синхронных погребений выделили Е.А. Гороховский и М.М. Казанский [Гороховский, 1988б. С. 46; Казанский, 1997. С. 182–183]. В ареале будущих "ранних фаций пеньковской культуры" в период D1 еще сохранялось черняховское население.

На всех самых ранних пеньковских поселениях Левобережья обнаружена черняховская гончарная керамика. Она происходит из жилищ 6 и 9 Хитцов (рис. 89: 18, 19), из постройки 8 и ямы 75 Рябовки-3 [Горюнов, 1981. С. 78; Приходнюк, 1985. Рис. 38: 10, 15], из некоторых объектов поселения Занки. В постройке 9 Хитцов, кроме того, найдено звено многочастного костяного гребня (рис. 89: 20), из Хитцов же происходят несколько характерных для периода черняховского влияния биконических пряслиц средней высоты с воронковидными основаниями и обломок ручки "инкерманской" амфоры [Горюнов, 1981. Рис. 21: 1; 22: 10, 12, 19; 27: А].

За пределами Днепровского Левобережья черняховская гончарная керамика обнаружена в постройках 1 Гуты Михайловской, 1, 2, 3, 4 Кочубеевки, 4 Скибинец, 1 Беляевки, 2 Завадовки, 1, 2, 6 Селиште, в культурном слое поселения Пеньковка (Молочарня) [Березовец, 1963. С. 187. Рис. 5: 8; Приходнюк, 1985а. Табл. IV; 1990. Табл. II]. Несомненно, на некоторых памятниках обломки изготовленных на круге сосудов могли попасть в пеньковские постройки из более раннего культурного слоя (в Беляевке и Завадовке, например, имеются черняховские отложения), но совершенно очевидно, что черняховская гончарная керамика в пеньковских комплексах не может считаться случайным явлением. Она явно использовалась пеньковским населением на раннем этапе существования этой культуры. Пеньковская археологическая общность, как и колочинская, должна была сложиться в то время, когда сероглиняная гончарная керамика на территории лесостепи еще производилась, или в тот, по всей видимости не слишком длительный, период, когда она продолжала употребляться в быту после прекращения производства.

Ранних датирующих вещей на пеньковских памятниках немного, и они хорошо известны всем специалистам. К их числу относятся очень близкие по форме и размерам железные двучленные воинские фибулы из Куни и Крещатика, В-образная пряжка с рифленой рамой из Большой Андрусовки (рис. 89: 21, 22), зеркало из Ханска-2 [Приходнюк, 1998. Рис. 6б: 4, 8; 70: 1; 76: 7]. Первое украшение из перечисленных В.Е. Родинкова датирует V в., по типологическим соображениям исключая его конец. Наиболее вероятная дата пряжки из Великой Андрусовки также V в., хотя подчеркивается, что верхняя хронологическая граница подобных изделий неопределенна [Гавритухин, Обломский, 1996. С. 127–128]. Зеркала, подобные происходящему из Ханска, известны в гуннское время, хотя датируются они гораздо шире.

Учитывая, что в период D1 Я. Тейрала на территории лесостепи Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья еще существуют предшественники пеньковской культуры, а на ее памят-

никах найдены датирующие вещи V в. и черняховская гончарная керамика, наиболее вероятное время сложения пеньковской общности приходится на вторую четверть–середину V в.

4. Об этнических компонентах и времени сложения культуры раннесредневековых ингумаций

В VII в. на юге лесостепи Восточной Европы известна серия погребений, совершенных по обряду трупоположения, содержащих вещи круга ранних днепровских антских кладов, что, собственно, и определяет дату этих захоронений. В монографии, посвященной анализу Гапоновского клада, я приводил карту таких погребений на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья, но распространены они шире – вплоть до Молдавии. В частности, ингумации с пальчатыми фибулами обнаружены на могильниках Селиште и Данчены [Рафалович, 1986. С. 24–26]. Область, занятая этими погребениями, соответствует территории пеньковской культуры. Севернее они не встречаются. Общеизвестна точка зрения И.П. Русановой и А.Т. Смиленко, согласно которой отдельные трупоположения на пеньковских могильниках, где преобладают кремации, свидетельствуют о сложности этнического состава лесостепного населения в раннем средневековье и, вероятно, являются одним из признаков, демонстрирующих генетическую связь пеньковской и черняховской культур с биритуализмом последней [Русанова, 1976. С. 97–98, 110; Смиленко, 1975. С. 97]. Высказывалась и противоположная гипотеза: ингумации оставлены проникшими на пеньковскую территорию кочевниками степей [Березовец, 1963. С. 108; Приходнюк, 1980. С. 124].

По моему мнению, лесостепные ингумации нельзя включать в состав пеньковской культуры непосредственно. Трупоположения обнаружены на пеньковских могильниках пока только в Молдавии. В Поднепровье же ингумации либо представляют собой одиночные захоронения (как грунтовые, так и под курганными насыпями или впускные в более ранние курганы), либо образуют небольшие некрополи из двух–четырех погребений, расположенные отдельно от пеньковских. По всей видимости, ингумации принадлежали какому-то другому, не пеньковскому населению, которое обитало в лесостепи чересполосно с последним. Подобные структуры в археологии Восточной Европы известны. Показательна в этом отношении ситуация в лесостепном Подонье в I–II вв. н.э., где на одной и той же территории распространены как позднескифские городища, так и сарматские курганные могильники [Обломский, 1997. С. 235–237; Медведев, 1998. С. 6–7].

Для ингумаций VII в. характерно смешение традиций, восходящих по крайней мере к двум этническим компонентам. Первый из них – кочевнический. Наиболее отчетливо степные черты проявляются в могильнике, расположенном на пеньковском поселении Рябовка-3, где над захоронениями мужчин помещались кости лошади или часть конской туши [Обломский, Терпиловский, 1993]. Если наличие курганных насыпей и нельзя считать безусловно степным признаком (в раннем средневековье на территории Днепровского Левобережья известны, например, колочинские курганные группы – Артюшково, Кветунь и Бездрик), то с кочевническими традициями явно связан обычай совершать впускные захоронения в более ранние курганы. В Поднепровье такая особенность погребального обряда зафиксирована в Поставмуках, где основное захоронение в кургане относилось к скифскому времени, а во впускном была найдена антропозооморфная фибула [Авенариус, 1896. С. 178, 181, 183–185]. Второй компонент представлен набором украшений, в первую очередь женских, который аналогичен комплексу изделий, входящих в состав днепровских кладов типа Мартыновского и ему подобных и распространенных на поселениях и в погребениях с сожжениями пеньковской и колочинской культур. Этот комплекс украшений имеет сложную историю формирования. Он характерен для лесостепного оседлого населения и в степных погребениях не встречается [Гавритухин, Обломский, 1996]. Ярким примером синкретизма лесостепных и кочевнических традиций является недавно опубликованное погребение из Мохнача (Змиевский р-н Харьковской обл.). Здесь в грунтовой яме с подбоем, отделенной от входного колодца деревянным закладом (сохранился древесный тлен), лежал скелет женщины 25–30 лет с двумя пальчатыми фибулами, соединенными цепочкой, и одной широкопластинчатой подвязной застежкой, с набором височных колец, с ожерельем из бус, колокольчиков и подтреугольных подвесок, с шейными гривнами и двумя браслетами с расширенными концами и т.д. Погребение сопровождалось биконическим груболепным горшком, от которого сохранилась нижняя часть с отчетливо выраженным ребром [Аксенов, Бабенко, 1998].

Из комплексов гуннского времени со степными традициями несомненно связаны погребения под курганными насыпями в Кантемировке. В 1924 г. М. Рудинский раскопал на этом некрополе три захоронения. Погребальные сооружения представляли собой катакомбу, камера которой вытянута по одной линии с шахтообразным дромосом, яму с заплечиками и со следами перекрытия деревом, прямоугольную шахту с обширным подбоем, выкопанным вдоль ее длинной стены

рис. 91, А; 92, А). В первом захоронении камера была отделена от дромоса деревянной перегородкой, в третьем – в дромосе прослежены уступы для деревянных перекрытий. Скелеты, кости которых во всех трех случаях были переотложены, в двух погребениях лежали на настилах из дерева. Во всех погребениях в том или ином виде имелись остатки жертвоприношений животных или напутственной мясной пищи. Это в основном кости овец; в первой и третьей могилах, кроме того, были найдены кости кур и петуха и копыто лошади [Рудинський, 1931].

Курганные захоронения в Кантемировке содержали многочисленный разнообразный инвентарь (сосуды, украшения, детали конской сбруи, игральные жетоны, шкатулку и т.д.) и, несомненно, являлись погребениями знати.

Е.Л. Гороховский относит Кантемировские курганы к пятой фазе черняховской культуры (последняя четверть IV – первая треть V в.) [Гороховский, 1988б. С. 45–46; 1988в. С. 19].

В бассейне Северского Донца близкими по погребальному обряду к первому Кантемировскому кургану являются еще два захоронения: в кургане 6 у с. Воронцовка Купянского р-на Харьковской обл. и погребение 1 кургана 1 у Моспинской шахты Макеевского р-на Донецкой обл. Судя по описанию в публикации Е. Мельник, погребение у с. Вороноцовка было совершено в катакомбе, камера которой, ориентированная по оси запад–восток, имела вход со стороны дромоса в узкой восточной части, т.е. катакомба, по всей видимости, была вытянута в линию. Захоронение было ограблено, но в дромосе и в камере находились разрозненные кости двух человек. Судя по тому, что на дне камеры был зафиксирован слой "бурой органической пыли", погребенные лежали первоначально на настиле из дерева. Инвентарь составляли: обломок бронзовой спирали, бронзовая тонкая пластинка, свернутая в трубочку, пряжка, 14 синих стеклянных бус, бронзовая фибула, обломки двух гончарных сосудов. Один из них представлял собой "низкую широкую чашку красивой двускатной формы с глянцевитой поверхностью" (очевидно, биконическую лощеную миску) [Мельник, 1905. С. 690, 726].

Вещи из погребения (фибула и пряжка) были впоследствии частично опубликованы И.Н. Луцкевичем. К сожалению, качество фотографий в публикации весьма низкое. Тем не менее ясно, что фибула была двучленной прогнутой подвязной и имела массивную спинку с отчетливо различимым ребром, т.е. застежка была отнюдь не самой ранней для черняховской серии подобных изделий [Луцкевич, 1948. Табл. II: 5, 8] (рис. 93: 9, 10).

Комплекс из захоронения у Моспинской шахты опубликован В.А. Подобедом и А.В. Симоненко. Погребение также было ограблено. Дромос и погребальная камера вытянуты в одну линию, их отделяет друг от друга каменный заклад. Погребенный первоначально лежал на настиле из дерева, in situ сохранились лишь кости ног. Инвентарь захоронения составляли длинный железный меч с медным дисковидным перекрестьем, бронзовая прогнутая подвязная двучленная фибула, которую авторы публикации определяют как относящуюся к варианту Б2 Е.Л. Гороховского (судя по рисунку – скорее к Б3; у фибулы более широкая спинка), две "калачевидные" пряжки, лепной горшок и сероглиняная гончарная керамика, в том числе и типичный черняховский кувшин с коленчатой ручкой и туловом, орнаментированным вертикальными каннелюрами (рис. 93: 1–8). По пряжкам и фибуле авторы публикации определяют дату захоронения в рамках второй половины IV в., с чем нельзя не согласиться [Simonenko, 1995. P. 347. Fig. 6; Pododed, Simonenko, 1998].

К числу поздних сарматских погребений с черняховским инвентарем причисляют также комплекс из кургана 13 у Дмухайловки в Поорелье [Магомедов, 1999а. С. 136; Казанский, Мастыкова, 1999. С. 123–124. Рис. 4].

Близкий к инвентарю захоронения в Моспинской комплекс вещей происходит из с. Яременки (Орлик) Полтавской обл. Этот пункт расположен на левом берегу Днепра, но в пределах его долины, т.е. географически относится не к Днепровскому Левобережью, а к Среднему Поднепровью. В состав комплекса входят фрагменты меча, кинжал, железный нож, обломки серебряной прогнутой подвязной двучленной фибулы с полиэдрическими шишечками на концах, три пряжки, фрагменты слегка выпуклой круглой бляшки (рис. 93: 11–15), точильный камень, амфора или кувшин и горшок. Достоэтательства находки не совсем ясны, но, вероятнее всего, вещи из Яременок связаны с трупоположением [Левченко, 1988; Левченко, Супруненко, 1994. С. 74–80]. Фибулу из Орлика Е.Н. Гороховский относит к варианту Б3, пряжки – к серии 3. Такие пряжки характерны для гуннской эпохи, т.е. для пятой фазы черняховской культуры, и для более позднего времени. По форме язычков (они длинные, хоботовидные) Е.Л. Гороховский определяет дату орликовских пряжек в рамках периода D2 и датирует комплекс из Яременок позже кантемировских курганов [Гороховский, 1988а. С. 175, 307; 1988в. С. 19].

Если ямы с заплечиками характерны для всех территорий, где распространены памятники поздней скифской и сарматской культур, то катакомбы Кантемировки, Вороноцовки и Моспинской довольно специфичны. Сооружения, где дромос и погребальная камера вытянуты в одну линию, у сарматов в понтийских степях известны в I – середине II вв. [Симоненко, 1993. Рис. 20: 1; Симоненко, Лобай, 1991], но они очень редки. Чаще встречаются ямы с боковым обширным подбоем, параллельным длинной оси дромоса [Симоненко,

1993. Рис. 14: 1; 21: 4; Костенко, 1993. Рис. 6: 1, 7, 13; 7: 1, 5; 9: 2; 12: 1; 17: 21; 19: 4, 11; 20: 18; 23: 10; Субботин, Дзиговский, 1990. Ч. I. Рис. 2: 6; 6: 1; Рикман, 1975. С. 42].

В позднеримское время общее количество сарматских погребений в степях Северного Причерноморья по сравнению с предшествующим периодом резко уменьшается. По данным А.В. Симоненко, катакомбы второй половины II – первой половины III в. в этом регионе неизвестны [Simonenko, 1995. P. 347]. Позже они начинают возводиться вновь, причем не исключено, что не ранее IV в. н.э. Впрочем, уточнение датировок поздних катакомб зависит от решения нескольких спорных вопросов сарматской хронологии, а именно от построения схемы периодизации горизонта Закшув–Кишпек, уточнения верхней даты зеркал-подвесок, периода бытования украшений с филигранью, зернью и вставками из драгоценных камней, а также изделий в стиле "клуазонне" и т.д., что выходит за рамки нашей работы. Поздние сарматские погребения в катакомбах концентрируются в междуречье нижнего течения Днестра и Дуная и в треугольнике между Орелью, Самарой на Днепровском Левобережье и Северским Донцом ([Simonenko, 1995. Fig. 1]; карту позднесарматских памятников днепро-донецкого междуречья см.: [Костенко, 1979]). В обеих группах встречаются катакомбы, вытянутые в линию. Для западной группы примером могут служить могильник Кубей близ Дуная, Владычин, Казаклия, в восточной к этому типу достоверно относятся только подкурганные погребения с черняховскими элементами инвентаря (Кантемировка, Воронцовка, Моспинская) [Субботин, Дзиговский, 1990. Вып. III. Рис. 14: 3; 15: 2; 21: 1, 5; 22: 3; Simonenko, 1995. Fig. 6; 7: 5, 6; 8; 9: 8; 10; 11: 5; 12: 2].

Довольно компактная группа сарматских комплексов второй половины III – IV в. (начальная дата этого археологического массива так же спорна, как и для степных древностей Северного Причерноморья) расположена в низовьях Дона. Здесь также часты погребения в катакомбах, но среди них наиболее широко распространены Т-образные, камера которых перпендикулярна дромосу или находится под углом к нему [Безуглов, Копылов, 1989; Bezuglov, 1995. P. 332–343]. На Кубани, напротив, в римское время преобладают катакомбы, вытянутые в линию, но наиболее поздние из них относятся ко времени не позже начала–середины III в. [Гущина, Засецкая, 1994. С. 7–8, 36–37. Приложение 2; Marcsenko, 1995. P. 313–314].

По данным О.А. Гей, катакомбы с погребальными камерами, выкопанными в длинной стене дромоса и вытянутыми с ним в одну линию, в первых веках н.э. встречаются на нижнеднепровских позднескифских могильниках. Здесь также известны случаи положения умерших на настилы из дерева, в некоторых захоронениях прослежены деревянные перекрытия и перегородки [Гей, 1987. С. 54–64].

Подобные сооружения распространены и на позднескифских могильниках Крыма, причем склепы здесь перестали строить во II в. н.э., хотя захоронения в них продолжались до первой половины III в. Вновь единичные вытянутые в линию катакомбы начинают возводиться после гибели Скифского царства в III в. н.э. и связываются с проникновением в этот регион аланов. Подбойные погребения существовали на протяжении всего римского времени. В отличие от днепровских склепов, где нередки индивидуальные захоронения, крымские служили прежде всего коллективными усыпальницами. Интересно, что в качестве заупокойной пищи в позднеримское время в Крыму использовали мясо крупного и мелкого рогатого скота, а также птиц. Пищу часто сопровождал нож [Айбабин, 1990. С. 65–66; Храпунов, 1995. С. 63–68; Мульд, 1996. С. 279–284].

По данным, опубликованным Э.А. Сымоновичем в 1993 г., на черняховских грунтовых могильниках Коблево и Фурмановка известно не более 10 достоверных случаев захоронений в склепах [Сымонович, 1993б. С. 136]. Как справедливо заметила О.А. Гей, все они относятся к типу вытянутых в линию [Гей, 1987. С. 65; Сымонович, 1979. Рис. 9: IV; 15: IV, V; 1988. Рис. 12: 1]. Те погребения, в которых обнаружены датирующие вещи, для черняховской культуры сравнительно поздние. Так, в захоронениях 16 и 31 Коблева найдены обломки гребней типа III1а, в погребении 38 – типа III2, в погребении 46 – типа III1 по Г.Ф. Никитиной [Сымонович, 1965. Рис. 121: 26; 122: 57; 1969. Табл. II: 11]. По Е.Л. Гороховскому, гребни с коло-коловидными спинками характерны для четвертой-пятой фазы черняховской культуры, т.е. для середины IV – начала V в.

В погребении 22 Фурмановки найдены пряжка подгрупп 1/2 серии А и воинская двучленная фибула [Сымонович, 1988. Рис. 12: 4, 5]. По хронологической системе Е.Л. Гороховского этот комплекс должен датироваться около второй трети–середины IV в. [Гороховский, 1988а. С. 236, 297]. По периодизации О.А. Гей – И.А. Бажана погребение 22 относится к первой группе комплексов придунайских черняховских могильников, т.е. к третьему периоду черняховской культуры (310/320–340/350 гг.) [Гей, Бажан, 1997. С. 48. Табл. 45]. Дата, таким образом, почти такая же, как и у Е.Л. Гороховского.

Итак, черняховские вытянутые в линию катакомбы, по всей видимости, продолжают развитие традиций возведения аналогичных погребальных сооружений восточноевропейской степи, т.е. в первую очередь сарматских (аланских). Они радикально отличаются от большинства склепов позднеримского времени Крыма и Предкавказья, где господствуют сооружения с перпендикулярной

или ориентированной под углом по отношению к громосу погребальной камерой [Мульд, 1996. С. 283–284; Абрамова, 1993. С. 121–132, 186; 1997. С. 97–107]. Показательно также географическое расположение черняховских могильников, где есть захоронения в склепах, и отдельных погребений в катакомбах: они "тяготеют" к двум основным областям концентрации сарматских катакомбных захоронений – днестровско-дунайской и днепровской левобережной. Относительно поздние даты черняховских катакомб, в том числе и левобережных днепровских подкурганных, свидетельствуют о том, что, помимо степного населения, принявшего участие в процессе формирования черняховской культуры, какие-то группы кочевников влились в состав этой общности и позднее – в середине–второй половине IV в.

С кочевническими традициями явно связано погребение в кургане 6 Лихачевки. Оно было впускным, судя по тому, что ниже его находился сруб с бронзовым рыболовным крючком, железными удилами с псалиями и копьем скифского времени [Зарецкий, 1888. Табл. II: 11, 15–17]. Скелет лежал головой на северо-восток (или на северо-запад – по данным отчета И.А. Зарецкого [Зарецкий, 1925. С. 5]), у черепа, который почти полностью истлел, были найдены две калачевидные золотые сережки, "на месте шеи рассыпаны были стеклянные темно-вишневого цвета бусы", а на уцелевшем локтевом суставе правой руки "лежали обломки какого-то предмета, сделанного из дубовой доски и кожи, между доской и кожей оказались две полукруглые бронзовые пряжечки, прикрепленные к ремешкам, два бронзовых колечка с тремя надетыми на них ушками, прикрепленные тоже к ремешкам, и бронзовая пластинка – наконечник ремешка". В головах покойника стоял горшок с просом на дне (рис. 94: 1–5, 11). Автор раскопок упоминает, что скелет находился в "берестяной лодочке". "Лодочка к голове и ногам суживалась, к ногам больше, а самое широкое место было напротив груди; ширина в этом месте равнялась 3/4 аршина; длину невозможно было определить, так как часть лодочки от ступней ног была разрушена; сверху лодочка также была покрыта берестой; поперечный разрез лодочки имел вид полукруга" [Зарецкий, 1888. С. 242. Табл. I: 2; II: 2, 3, 9–13; 1925. С. 5–6.]

На то, что серьги из захоронения в Лихачевке датируются не римским временем, а более поздним, первым обратил внимание Е.Л. Гороховский, хотя традиционно это погребение считалось позднесарматским [Гороховский, 1988а. С. 176]. Эти серьги относятся к типу литых калачиковидных украшений, которые получают распространение в Восточной Европе в гуннское время [Засецкая, 1994. С. 76] и существуют до первой половины VII в. [Богачев, 1996. С. 104]. Очень похожие изделия (с таким же, как в Лихачевке, утолщением в середине нижней части) происходят из погребения 39 некрополя Танаиса [Шелов, 1961. С. 17. Табл. XXXIV: 9].

Чем же было изделие из кожи, двух пряжек, ременного язычка и двух колец с зажимами? Первоначально, после того как я прочитал публикацию И.А. Зарецкого, у меня возникло впечатление, что в захоронение была помещена конская уздечка вроде тех, которые довольно часты в степных погребениях позднеримского и гуннского времени. После просмотра коллекции в фондах ГИМ и ознакомления с отчетом в архиве ИИМК я изменил свое мнение по двум причинам. Во-первых, кроме ремешков и металлических деталей, в состав этого изделия входила дощечка, не нужная в уздечном наборе. Во-вторых, зажимы и кольца, на которых они крепятся, из Лихачевки значительно меньшие по размеру, чем уздечные. Пряжки также невелики. Наиболее близкие по размерам и форме колец и обойм зажимы происходят из погребения 5 склепа 88 могильника Лучистое в Крыму. Здесь около стоп погребенного на каждой ноге найдено по одному маленькому кольцу с тремя зажимами и по одной пряжке. Э.А. Хайрединова трактует эти изделия как металлические детали ремней обуви. Вещи из склепа датируются в рамках первой половины V в. [Айбабин, Хайрединова, 1988. С. 291–293, 309. Рис. 16: 24, 21: 10, 11, 14; Хайрединова, 1999. С. 203–206]. На ногах покойников аналогичные зажимы с пряжками были найдены и в нескольких захоронениях позднего этапа некрополя Танаиса, которые также относятся к гуннскому времени (сердечно благодарю И. Толочко, показавшую мне неопубликованные материалы из новых раскопок этого памятника). В Лихачевке ремешки, пряжки и зажимы лежали не на ногах плохо сохранившегося скелета (и не на месте ног), а на локте правой руки. По всей видимости, обувь не принадлежала захороненной в кургане женщине, а была напутственным даром.

Маленькие пряжки, по размерам наиболее близкие к лихачевским, с обоймами, как круглыми, так и прямоугольными, известны в Смолине в Подунавье, в склепе 75 Лучистого, в погребениях 517 второго и 410 третьего этапов могильника Дюрсо, в склепе 4 могильника Кугуль на Северном Кавказе [Амброз, 1989. Рис. 16: 4; 18: 25, 26; 20: 18; 26: 28; Айбабин, Хайрединова, 1998. Рис. 10: 6]. Пряжки из Смолина и Лучистого А.И. Айбабин и Э.А. Хайрединова, ссылаясь на Я. Тейрала, датируют периодом D2/D3, т.е. 430–455 гг., второй этап Дюрсо А.К. Амброз относил к первой половине VI в., а третий – ко второй половине VI в., возможно, к началу VII в. [Айбабин, Хайрединова, 1998. С. 299; Амброз, 1989. С. 51–55]. Учитывая приводившиеся выше аналогии вещам, комплекс из Лихачевки датируется в рамках второй половины V – первой половины VI в.

Ориентировка погребенной, лежавшей в вытянутой на спине позе, в северном секторе и тот факт, что захоронение было впущено в более ранний курган, типичны для культуры кочевников восточноевропейских степей гуннского и шиповского периодов (V–VI вв.) [Амброз, 1981. С. 19]. Многочисленные аналогии подобный обряд погребения имеет и в степях Поднепровья–Приазовья [Орлов, 1985. С. 102. Табл. 2; 1996. С. 115]. Обычай использовать бересту в качестве деталей погребальной камеры также известен в этом круге древностей [Амброз, 1981. С. 19]. Берестой был перекрыт решетчатый гроб из кургана 3 у ст. Шипово [Засецкая, 1994. С. 19]. На берестяных подстилках лежали умершие во Втором Коминтерновском могильнике [Казаков, 1998. С. 100]. Интересно, что в верхней части насыпи лихачевского кургана И.А. Зарецкий отмечает находки древесного угля, которые были "чем глубже – тем чаще", и зубов лошади. Не исключено, что здесь были прослежены остатки такого же ритуального кострища с костями животных, в том числе и лошади, как и во многих курганах гуннского и шиповского периодов Нижнего Поволжья [Засецкая, 1994. С. 13]. Таким образом, по всем основным признакам погребение в Лихачевке относится к кругу степных древностей V–VI вв., точнее, к первой группе захоронений (рядовых), выделенных по сочетанию инвентаря Р.С. Орловым [Орлов, 1985. С. 103].

Другая традиция представлена женскими погребениями, в состав инвентаря которых входило по две фибулы. Парные застежки, расположенные на плечах, для V–VI вв. традиционно считаются характерной принадлежностью германского костюма. Впрочем, на территории Днепровского Левобережья находки парных фибул достаточно часты в черняховских трупоположениях, т.е. костюм, где эти украшения использовались, мог иметь и местные корни (не исключено, что также германские в конечном итоге). К этому типу относятся захоронения в Любовке и Волобуевке.

Погребения в Любовке впущены в культурный слой с отложениями бронзового и раннего железного века. В пределах раскопа исследованы два захоронения. Одно из них разрушено поздним перекопом, зато второе сохранилось неплохо. Погребальная яма имела трапециевидную форму, размеры 2,1 × 1,0–0,8 м и глубину 1,35 м. В ней находился скелет женщины возрастом около 25–30 лет, ориентированный головой на север с некоторым отклонением к востоку. На правой ключице умершей лежала бронзовая фибула со сплошным приемником и остатками железной иглы (рис. 94: 6), слева, немного ниже второй ключицы – бронзовая подвязная фибула (рис. 94: 7). На месте шеи находились 43 стеклянные бусины, 3 коралловые и желтый бисер (рис. 94: 8). На черепе сохранились следы краски: красная покрывала щеки умершей, а коричневая – брови. На руки, на запястья, были надеты два бронзовых браслета (по одному на каждую). Оба изделия однотипны. В сечении они круглые, имеют слегка расширенные концы, орнаментированные полосами перпендикулярных друг другу перекрещивающихся насечек (рис. 94: 9, 10) [Радзіевська, Шрамко, 1980. С. 103. Рис. 4: 2–6].

Фибула со сплошным приемником из Любовки (рис. 94: 6) относится к обширной группе "воинских" раннесредневековых застежек, которые бытуют в V в. и (некоторое время) в VI в. Фибула имеет типологически поздний признак – длинную ножку, которая появляется у сходных центрально-европейских изделий в конце V в. [Гавритухин, Обломский, 1996. С. 125]. Учитывая это обстоятельство, наиболее вероятная дата погребения 2 из Любовки конец V – начало VI в.

Инвентарь погребения в Волобуевке (урочище Драный Яр), которое локализуется гораздо южнее – в степной части бассейна Северского Донца, тем не менее подобен описанному выше. Его составляли 2 двупластинчатые серебряные с золотыми накладками фибулы, сохранившиеся в обломках, 7 стеклянных бусин, 17 пронизей в виде сдвоенных трубочек, из которых верхняя была золотой, а нижняя – серебряной, и серебряный браслет (рис. 95) [Сибилев, 1926. Табл. XXIX: 17; XXXI: 8, 11; XXXII: 36, 37; 1928. С. 17; Казанский, 1997. Рис. 8: 1–7]. Расположение предметов на скелете и детали обряда захоронения неизвестны, есть сведения лишь о том, что все эти вещи происходят из "готского погребения".

Застежки из Волобуевки относятся к обширной группе двупластинчатых фибул с накладками. У рассматриваемых украшений отсутствует ножка, поэтому точно установить их принадлежность к какому-либо определенному варианту по классификации А.К. Амброза невозможно. По форме накладок на пластины (они треугольные с пальметкообразным орнаментом) эти фибулы имеют аналогии в Подунавье [Амброз, 1982. Рис. 1: 16–19] и в могильнике Дюрсо среди застежек варианта 1а по классификации А.В. Дмитриева [Дмитриев, 1982. Рис. 1: 9, 11–13]. Период бытования дунайских фибул А.К. Амброз определял в рамках второй половины V в. Фибулы из Дюрсо, близкие к найденным в Волобуевке, относятся ко второму этапу этого могильника, т.е. к первой половине VI в. [Амброз, 1989. С. 50–52. Рис. 18, 19]. Учитывая эти аналогии, дата комплекса из Волобуевки вряд ли может быть более узкой, чем вторая половина V – первая половина VI в.

Общеизвестен набор роскошных предметов из золота, серебра, позолоченной бронзы, которые происходят из двух "княжеских" погребений, обнаруженных случайно у с. Большой Каменец под Суджей. Все исследователи этих находок, начиная с Л.А. Мацулевича, посвятившего им моногра-

рию, и вплоть до И.О. Гавритухина и М.М. Казанского сходятся во мнении о западном, центрально-европейском происхождении этого комплекса. В частности, М.М. Казанский массивной золотой гривне находит аналогии у германцев Силезии, бляшкам-аппликациям – в кладах и погребениях горизонта Унтерзибенбрунн и в европейских комплексах периода D2 и т.д. [Казанский, 1998. С. 184].

Некоторые погребения настолько бедны по инвентарю и невыразительны по обряду, что их трудно отнести к какой-то определенной традиции. Примером могут служить захоронения у с. Максимовка Градижского р-на Полтавской обл.

Их всего два. Больше захоронений на памятнике не было. Кроме этих двух погребений, на исследованной площади почти 2 тыс. кв. м ни одного средневекового объекта не обнаружено (только в месте расположения погребений, т.е. на раскопах 2 и 3, вскрыто 968 кв. м). Оба захоронения впущены в культурный слой более раннего черняховского селища, о чем имеется однозначная информация в полевом отчете. Погребение 1 потревожено тракторным плугом. Несоженные кости человека были разбросаны на пространстве 4 × 2,5 м. Определение инвентаря представляет трудности. На поверхности найдены черняховские черепки, костяная пирамидальная подвеска ("палица Геракла"), а на расстоянии 0,9 м от скелета – бронзовый браслет с расширенными концами. Предположительно к скелету относится именно браслет (рис. 96: 2).

Погребение 2 сохранилось гораздо лучше. Оно обнаружено в 2 м от первого захоронения. Скелет лежал в узкой яме с закругленными углами, размером 1,8 × 0,6 м, на глубине 0,7 м от современной поверхности. Ориентирован на юго-восток, принадлежал женщине. Кости находились в анатомическом порядке. На левую руку был надет браслет с расширенными концами (рис. 96: 1, 3) [Костюченко, 1959. С. 2–3].

Браслеты, подобные найденным в Максимовке, датируются широко – от раннеримского периода до времени сокрытия днепровских кладов первой группы. Тем не менее ингумации из Максимовки относятся к послечерняховскому времени, учитывая стратиграфию памятника.

Таким же малоинформативным является и погребение 4 могильника Сумы-Сад, материалы которого полностью опубликованы А.Н. Некрасовой [Некрасова, 1985]. Из захоронения женщины, лежавшей в простой грунтовой яме и ориентированной головой на северо-восток, происходят серьга с полиэдрическим окончанием и бронзовая вертикально овальная пряжка (рис. 96: 4, 5). Повидимому, можно согласиться с М.М. Казанским, что подобные серьги, которые датируются гуннским временем и началом раннего средневековья, не характерны для населения степей, но вызывает серьезные сомнения трактовка этого захоронения как позднечерняховского. Погребение 4 перекрывало одну из черняховских могил [Некрасова, 1985. С. 75, 80]. Серьги подобного типа ни в одном из достоверно черняховских комплексов ни разу не обнаружены, своеобразна и пряжка. Е.Л. Гороховский относит ее к особому типу "Сумы–Бешенов", выделенному в рамках не "римского", а "раннесредневекового" класса, и датирует второй третью–серединой–второй половиной V в. [Гороховский, 1988а. С. 316]. М.М. Казанский на таблице вещей из черняховских комплексов гуннского времени, обнаруженных к востоку от Днестра, поместил подобную серьгу, но с инкрустациями на гранях "псевдобусины", которой она оканчивается, найденную на поселении Капуловка в Нижнем Поднепровье [Казанский, 1998. Рис. 2: 6]. Серьга происходит из заполнения углубленной в материк постройки 3, но это сооружение было частично разрушено оползнем берега и размыто водой [Рутківська, 1970. С. 195–196]. В постройке действительно обнаружены черепки от черняховских гончарных сосудов, но, учитывая плохую сохранность полуземлянки, уверенности в том, что серьга относится именно к черняховскому горизонту этого безусловно интересного, но вместе с тем и сложного памятника, нет. Она могла попасть в заполнение более ранней постройки из культурного слоя случайно, вместе с грунтом во время эрозии. Это тем более вероятно, что в Капуловке найден клад вещей с гуннской полихромией (или разрушенное погребение) [Засецкая, 1994. С. 166].

Итак, культура ингумаций в V–VI вв., как и в более позднее время, формируется как минимум из двух компонентов, имеющих различное происхождение. Первый из них является степным, как позднесарматским (аланским), так и, вероятно, тюркским, что наиболее ярко демонстрируют захоронения в Кантемировке, Воронцовке, Моспинской и Лихачевке, причем в раннегуннское время эти кочевники, судя по набору вещей из погребений, испытали на себе значительное черняховское влияние. Женский костюм населения второй традиции отличается от степного в первую очередь обычаем носить две фибулы на плечах – как в погребении из Любовки. Этот обычай был чрезвычайно популярен у черняховских племен. По этой причине не исключено, что в "культуру ингумаций" влились какие-то группы потомков черняховского населения, которые не переселились на Запад, а остались в Поднепровье. Возможен и другой вариант трактовки происхождения этого компонента. После разгрома гуннской державы часть ее подданных, перед войнами Аттилы с Римом переместившихся в Подунавье с Днепровского Левобережья, вернулись назад в Поднепровье на места своего первоначального обитания и расселились между занявшими черняховскую территорию антами. В пользу второго предположения свидетель-

ствуют комплексы из Большого Каменца, "центральноевропейские" по составу вещей. Это явление по своей сути очень близко к образованию "культуры видивариев" в Прибалтике, о которой в последнее время часто пишет В.И. Кулаков [Кулаков, 1997. С. 148–152]. При этом необходимо подчеркнуть, что все проявления традиций гуннского времени в Среднем Поднепровье и на Днепровском Левобережье инородны по отношению к собственно гуннской культуре. В этом регионе к северу от степной зоны комплексы с характерной гуннской полихромией неизвестны. Население лесостепи, по всей видимости, не входило в состав гуннских этнополитических структур.

Заключение

ОБЩАЯ КАРТИНА ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ В ПОЗДНЕРИМСКОЕ И ГУННСКОЕ ВРЕМЯ

Исторический процесс на территории Днепровского Левобережья в середине III–V в. прошел три стадии. На первой (середина III – вторая половина IV в., – верхняя дата этого периода условна) носители черняховской культуры проникают в области, лежащие к востоку от Днепра, и вступают во взаимодействие с местными племенами киевской культуры, которая, как особое этноисторическое целое, формируется несколько раньше – на рубеже II и III вв. или в начале III в. [Обломский, 1992]. В IV в. Днепровское Левобережье делится на три этнокультурные зоны. Центральную его часть и западную лесостепную занимают черняховские памятники, Деснинское и Сейминское Полесье – деснинский вариант киевской культуры, лесостепные области востока Днепровского Левобережья и водораздел Днепра и Дона – киевские поселения сейминско-донецкого круга.

В начале второй стадии, т.е. в последней четверти IV в., когда в степях Причерноморья появляются гунны, происходит нарушение сложившегося равновесия. На территории сейминско-донецкого варианта киевской культуры и в области распространения черняховских памятников (в лесостепи) появляются киевские поселения деснинского круга (памятники типа Ульяновки), т.е. наблюдается проникновение на юг северного населения. Параллельно происходит продвижение на север каких-то племенных групп из области черняховско-киевских контактов, т.е. южного происхождения. Им принадлежали древности типа Роища. Наблюдается также проникновение в южную часть черняховского ареала степных аланских по происхождению группировок. Где-то в начале V в., вероятно в первой трети этого столетия, большая часть черняховского населения уходит из Левобережья.

На следующем этапе, который начинается во второй четверти–середине V в., происходит формирование новой этнополитической системы, существовавшей затем на протяжении всего раннего средневековья и разрушившейся лишь в конце VII в. В ее состав включается население трех новых археологических культур: северной (для Днепровского Левобережья) колочинской, более южной пеньковской и слабее всего изученной "культуры раннесредневековых ингумаций". Ниже пойдет речь о некоторых деталях этнических процессов на каждой из выделенных выше исторических стадий.

1. Первая стадия (середина III – вторая половина IV в.)

Для исследователей древностей этого этапа ключевыми являются вопросы времени и характера распространения на восток черняховской культуры, этнического состава ее населения и взаимоотношения его с киевскими племенами как восточной лесостепной, так и деснинско-сеймской полесской области.

Что же представляет собой черняховская культура Днепровского Левобережья в этническом аспекте? Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что в основе ее формирования лежат традиции как минимум трех этнических групп – германской (вельбарской), протославянской (киевской) и скифо-сарматской. Для левобережного черняхова характерна "принципиальная этнокультурная миксация". Памятники с элементами всех трех этнических компонентов распространены по всей территории Левобережья. Какие-либо зоны, где преобладают комплексы одной из них, при современном состоянии изученности региона выделить невозможно. Материалы среднего горизонта поселения Боромля-2, селища Букреевка-2 и могильника Родной Край-1, поселения и могильника Головино-1 демонстрируют различные варианты синтеза этнокультурных традиций. Кстати, подобные процессы происходили и в Среднем Поднепровье. Предпринятые мною спе-

циальные исследования поселения Журавка Ольшанская и могильника Компанийцы [Обломский, 1997в, 1998, 1999в] показали, что группы различного по происхождению населения не только проживали чересполосно на одной и той же территории, но и могли входить в состав одних и тех же общин.

Несомненно, что именно это этническое смешение нашло проявление в разнообразии погребальных ритуалов, планировки, конструкции построек и, вероятно, в отсутствии четко выраженной стандартизации их по размерам.

Объединяют черняховское население специфические тенденции ведения сельского хозяйства, что наиболее ярко проявляется в топографии поселений и привязке большинства памятников к черноземным почвам; единая система ремесла (гончарного, костерезного, ювелирного, ткацкого и т.д.), теснейшие торговые связи с античным миром, что выражается в концентрации в пределах черняховской культуры большинства находок монет и вообще импортов (в первую очередь амфор и изделий из стекла). Обо всем этом неоднократно писали многие исследователи. Население черняховской культуры составляло, таким образом, единую экономическую общность.

Как известно, в первобытности существует множество запретов, охраняющих этническую группу и препятствующих проникновению иноплеменников на ее территорию. Столь глубокая, как в черняхове, этническая миксация возможна лишь при наличии единой для всей территории, занятой черняховскими памятниками на Днепровском Левобережье, системы власти, снимающей эти запреты. Черняховская культура, таким образом, отражает и определенную политическую общность, которой, видимо, и был упоминающийся в письменных источниках племенной союз под главенством готов ("держава Германариха").

Взаимоотношения племен сейминско-донецкого варианта киевской культуры и черняховского населения сложны и неоднозначны. Тенденции развития сельского хозяйства черняховского и киевского населения в целом различны. Тем не менее значительная часть черняховских селищ Днепровского Левобережья и бассейна Северского Донца находятся на первых надпойменных террасах рек и на останцах в поймах, в чем, как мне кажется, проявляется влияние киевских традиций топографии поселков.

Воздействие черняховского способа ведения хозяйства на киевский было гораздо более интенсивным. Под влиянием черняховской культуры на киевских поселениях сейминско-донецкого круга появляются каменные жернова, в изобилии встречаются пирамидальные и конические, реже – лепешковидные глиняные грузила для оттяжки нитей, т.е. начинают использоваться вертикальный ткацкий станок и применяться массивные железные насадки на пахотные орудия, к сожалению пока известные лишь в обломках. Из всех употреблявшихся в начале III в. разнообразных типов прялиц в середине этого столетия и позже резкое преобладание получают те из них, которые схожи с черняховскими (вопрос об инновациях в киевском наборе орудий труда специально здесь не рассматривается, он достаточно подробно разобран в моих предыдущих работах [Обломский, 1991а, 1997а]).

Население сейминско-донецкого варианта киевской культуры и черняховское по-разному осваивают территорию. Киевские памятники образуют устойчивые области концентрации, чего не наблюдается в отношении черняховских поселений и могильников.

Черняховское домостроительство имеет свою специфику, которая выражается в первую очередь в широком распространении глинобитных наземных домов. С другой стороны, при общей схожести киевских и черняховских полуземлянок по форме и планировке, киевские имеют достаточно устойчивые стандарты размеров. Очевидно, под влиянием черняховских традиций при возведении стен некоторых киевских полуземлянок начинает применяться глиняная обмазка. Специфическими для киевской культуры являются сооружения с печами-каминами.

Под влиянием черняховской культуры изменяется киевская мода на украшения. Ни в одном комплексе с относительно большим содержанием гончарной керамики, т.е. в "откровенно черняховском" или киевском черняховского периода, не встречено ни одного изделия круга варварских украшений с выемчатыми эмалями, причем в предшествующее время они достаточно широко распространены и происходят с 15 памятников позднезарубинецкого и раннего киевского этапов, исследованных раскопками. На памятниках сейминско-донецкого варианта киевской культуры получают распространение фибулы черняховского стиля.

Погребальный обряд поздней стадии киевской культуры не изучен, но в ареале памятников ее сейминско-донецкого варианта, которые находятся к востоку от Северского Донца и в верховьях Сейма, неизвестны черняховские биритуальные могильники.

Под черняховским воздействием в наборе лепной посуды восточных памятников киевской культуры появляются миски-плошки, т.е. та категория сосудов, которая совершенно чужда позднезарубинецко-раннекиевским традициям. На территории черняховской культуры миски–плошки распространены повсеместно. В керамическом комплексе поселения Букреевка-2 ощущается влияние вельбарских традиций. Киевское население получает достаточно обильный черняховский гончарный импорт. С другой стороны, киевская лепная

керамика в Среднем Поднепровье, Днепровском лесостепном Левобережье и в бассейне Северского Донца становится одним из компонентов черняховского комплекса лепной посуды.

Таким образом, киевская и черняховская культуры в лесостепном Левобережье в определенной степени нивелируются, но в каких-то сферах все же сохраняют специфику. В процессе этой нивелировки, как мне кажется, нужно различать две составляющие.

Во-первых, часть киевского населения включается в состав черняховского социума, о чем свидетельствуют черняховские поселения с киевской по происхождению лепной керамикой. Вероятно, именно этим и вызвано довольно широкое распространение черняховских поселений в поймах и на первых надпойменных террасах и, может быть, близость формы и планировки черняховских и киевских полуземлянок.

Во-вторых, оставшаяся вне черняховских границ часть населения сейминско-донецкого варианта киевской культуры заимствует черняховские ремесленные и земледельческие технологии, моду на украшения и ведет с черняховским населением активную торговлю. Во многом, очевидно, этим связям способствуют группы родственного населения, вошедшего в состав черняховского общества.

Совершенно иначе складываются взаимоотношения черняховского населения и киевских племен Деснинско-Сейминского Полесья. На север в это время, т.е. по крайней мере до середины IV в., не поступает черняховский импорт. На памятниках деснинского варианта киевской культуры этого периода нет ни одного черняховского гончарного черепка. В южной части лесной зоны продолжается развитие местной культуры с традиционными, прослеживаемыми с позднезарубинецкого периода связями с Центральной Европой и Восточной Прибалтикой, но никаких контактов с населением черняховского юга не ощущается. Известная "жесткость" черняховско-киевской пограничной линии в Среднем Посеймье вместе с изложенными выше наблюдениями позволяет сделать вывод, что отношения черняховского населения и киевских племен деснинской общности были враждебными.

Каким же образом происходило распространение на восток черняховской культуры? Детально ответить на этот вопрос пока невозможно из-за явной нехватки источников. Тем не менее некоторые особенности этого процесса очевидны.

Черняховская культура распространяется не в результате влияния, а путем переселения на новые земли различных по происхождению группировок. Если жители поселения Головино-1, судя по лепной керамике, были в основном представителями местного киевского населения, то в отношении общины, обитавшей в возникшем в тот же период поселке у с. Хохлово, этого сказать нельзя. Лепная керамика Хохлово-2 сильно отличается от киевской и, вероятно, каким-то образом связана со скифо-сарматскими традициями. Где-то в это же время или чуть позже некоторые вельбарские черты приобретает лепная керамика в Букреевке. Видимо, какие-то группы вельбарского населения появляются в верховьях Сейма.

Продвижение носителей черняховской культуры на восток происходит очень рано, по-видимому около середины–второй половины III в., причем в это время черняховские племена уже достигают бассейна Северского Донца, т.е. восточных пределов распространения черняховской общности.

На первом этапе территория Левобережья заселялась не сплошь. Синхронные на ранней стадии существования черняховские поселения Головино-1 и Хохлово-2, например, находятся гораздо восточнее киевских Боромли-2 и Родного Края-3 того же времени. Пришельцами, по всей видимости, были сначала освоены какие-то опорные участки, которые впоследствии стали базами колонизации.

Процесс распространения черняховской культуры на территорию Днепровского Левобережья отнюдь не был мирным. Свидетельством этому являются многочисленные сгоревшие постройки, исследованные как на черняховских, так и на киевских поселениях.

2. Вторая стадия (гуннское время)

Исторические процессы этого периода можно обозначить в виде нескольких векторов. Употребление последнего термина не случайно. По моему мнению, он наиболее точно отражает суть происходившего с учетом состояния источников. Те немногочисленные сведения о древностях гуннского времени, которые удалось собрать, позволяют указать начало, отправную точку того или иного процесса, а также дают возможность выяснить его направление. Информации же о масштабах этнических взаимодействий, например о степени массовости тех или иных миграций, явно не хватает.

Первым таким вектором является отток населения черняховской культуры, т.е. племен готского союза, на запад. Отмечу, что этот процесс известен в основном по письменным источникам (см.: [Баран, Гороховский, Магомедов, 1990], там историография). Что же касается археологии, то ее данные менее ярки. Специальное исследование, проведенное И.О. Гавритухиным [Гавритухин, Обломский, в печати] показало, что во всех основных областях концентрации черняховских памятников на территории Левобережья, где проводи-

лись раскопки, обнаружены материалы гуннского времени, т.е. население здесь сохранялось. Не исключено, что численность его постепенно уменьшалась, но утверждать это определенно мы не можем. Стационарно исследованных памятников пока слишком мало для изучения палеодемографии. Можно лишь сделать вывод, что черняховские племена в массе своей покидают Левобережье не в самом начале гуннского времени, а несколько позже, вероятнее всего, в первой четверти V в. При этом какие-то группы черняховского населения остаются на месте. В первую очередь это общины киевского происхождения, о чем свидетельствует близость лепной керамики позднечерняховского поселения Хлопков-1, с одной стороны, и раннепеньковских памятников – с другой. Весьма вероятно также, что женский костюм части населения, которому принадлежали раннесредневековые ингумации (типа Любовки и Волобуевки), формируется под влиянием черняховских традиций (сочетание двух фибул на плечах и ожерелья). Тем не менее нельзя сбрасывать со счетов и возможность "обратной миграции" отдельных групп подданных гуннской державы из Центральной Европы на восток после разгрома Аттилы и его наследников. Женщины оседлой части населения гуннского союза, как известно, также носили по две фибулы на плечах.

Во второй половине или в третьей четверти IV в. в Подесенье проникают отдельные группы переселенцев с юга (это второй вектор из перечисленных выше). Они, как и местные племена, были носителями киевской культуры, но несколько другого облика. Судя по эталонным селищам Роище и Александровка, по набору форм лепной посуды, ее пропорциям и орнаментации, планировке и конструкции стен построек, культура этого населения сильно отличается от деснинской III–IV вв. и, напротив, имеет параллели на среднеднепровских киевских памятниках типа Обухова-2, -7 и т.п., а также на некоторых черняховских селищах с материалами киевской традиции (Журавка, Хлопков-1). В Подесенье, таким образом, продвигается население из области черняховско-киевских контактов, находившееся под сильным влиянием черняховской культуры и, в свою очередь, ставшее проводником этого влияния на местные киевские племена Деснинско-Сеймнинского Полесья. По хронологическим индикаторам киевские горизонты Роища и Александровки относятся к гуннскому времени, хотя и не исключено, что Александровка возникает несколько раньше. Этим же периодом датируется черняховский импорт на поселении Ульяновка, где и в наборе лепной посуды, и в домостроительстве сохраняются традиции местного деснинского варианта киевской культуры. Поступление гончарной керамики, так называемых "жерновов из туфа", стекла и амфор с юга, а также заимствование киевскими племенами некоторых черняховских технологий (ткачества, костерезного ремесла) в Подесенье относятся ко времени около финала черняховской культуры, причем львиная доля импортов оседает у южного по происхождению населения круга Роища. На памятниках типа Ульяновки импортных изделий значительно меньше, а в общем облике материальной культуры сохраняется известная консервативность.

Третий вектор имеет направление, противоположное второму. Где-то около финала черняховской культуры в северной части левобережной лесостепи появляются памятники деснинского варианта киевской археологической общности (типа Ульяновки), свидетельствующие о начавшемся продвижении на юг и восток племен Подесенья–Среднего Посеймья. Наиболее восточные селища круга Ульяновки известны в Верхнем Посеймье и в верховьях Псла, а самое южное поселение, Сенча, находится в среднем течении Сулы, т.е. ареал памятников деснинского происхождения в лесостепи охватывает северные регионы распространения как черняховской культуры, так и сейминско-донецкого варианта киевской. Время проникновения полесского населения в лесостепную зону сравнительно точно определяется лишь для восточных территорий. Оно появляется здесь в начале гуннской эпохи. Об этом свидетельствует соотношение хронологических индикаторов поселения Каменево-2 в бассейне р. Тускарь, керамический комплекс которого имеет определенные деснинские черты, и более раннего селища Тазово – одного из эталонных памятников сейминско-донецкого варианта киевской культуры, – которое находится в том же регионе. На другом поселении деснинского круга, в Песчаном в верховьях Псла, в одной из построек вместе с фрагментом гончарного сосуда, описание которого в публикации не оставляет сомнений в его черняховской принадлежности, найден наконечник стрелы конца IV–VII в. В конкретном контексте селища Песчаное это изделие явно относится к гуннскому периоду.

К сожалению, памятники деснинского круга, расположенные на территории черняховской культуры, лишены узко датируемых вещей, за исключением прогнутой подвязной двучленной фибулы с поселения Курган-Азак, связь которой с киевским горизонтом этого селища, учитывая условия находки, может быть подвергнута сомнению. Ясно лишь, что миграции деснинских племен в эту область происходят в тот период, когда черняховская гончарная керамика еще использовалась в быту. Обломки изготовленных на круге сосудов найдены на всех трех селищах деснинского типа, расположенных в ареале черняховской культуры (в Курган-Азаке, Сенче и Беседовке). Тем не менее пока непонятно, проникают ли носители киевской культуры круга Ульяновки в Посулье и

среднее течение Псла по мере постепенного запустения тех или иных областей во время оттока черняховского населения, или же это происходит сразу после финала черняховской культуры.

В южной части черняховского ареала появляются погребения позднесарматского круга (четвертый вектор). Имеются в виду в первую очередь подкурганные захоронения в Кантемировке, дата которых, определенная Е.Л. Гороховским в рамках периода D1 Я. Тейрала, не вызывает возражений. Население, хоронившее своих умерших в курганах Кантемировки, было, очевидно, родственным аланам позднеримского времени, погребения которых разбросаны в степной зоне между Орелью и Самарой на западе и Северским Донцом на востоке. В пользу этого свидетельствуют соседство территорий, наличие и в Кантемировке, и в степной полосе катакомб, дромос и погребальная камера которых вытянуты в одну линию, а также тот факт, что наиболее близкие к кантемировскому по погребальному обряду и инвентарю катакомбные захоронения (Воронцовка и Моспинская) находятся в степной части бассейна Северского Донца (рис. 72).

3. Третья стадия (начало средневековья)

Специально этот этап в работе не рассматривается, анализируется лишь проблема формирования раннесредневековых культур на территории Днепровского Левобережья.

Кто же заселяет этот обширный регион после ухода отсюда подавляющего большинства черняховского населения? В VI–VII вв. на юге лесной зоны и в северной части лесостепи распространены поселения и могильники колочинского типа, а в южной локализуются памятники пеньковской культуры и погребения-ингумации, как правило либо одиночные, либо составляющие небольшие могильники из нескольких захоронений. Когда же и каким образом складываются эти археологические общности?

Ареал памятников типа Ульяновки в лесостепной зоне совпадает с южными и восточными границами колочинской культуры. Последняя в целом формируется на основе традиций деснинского варианта киевской археологической общности, как убедительно продемонстрировали Е.А. Горюнов и Р.В. Терпиловский. Керамический комплекс некоторых поздних киевских памятников Среднего Посеймья и лесостепной зоны, например Чаплищ-3, Пересыпок, Курган-Азака и Беседовки, от раннеколочинского отличается лишь нюансами. "Оформление" южной и восточной части территории колочинской культуры, таким образом, происходит в результате расселения позднекиевских племен деснинско-среднесейминского происхождения в лесостепи.

Более сложным представляется процесс образования пеньковской культуры. Типологически наиболее вероятные прототипы ее – памятники позднего этапа среднеднепровского варианта киевской культуры и черняховские поселения киевской традиции. В несколько меньшей степени к раннепеньковским близки материалы поздних сейминско-донецких киевских памятников и Роища–Александровки. Все перечисленные прототипы представляют собой образования одного и того же круга. Их основу составляют традиции лесостепного населения киевской культуры, либо находившегося под сильным черняховским влиянием, либо непосредственно включенного в черняховскую этнополитическую общность. Тем не менее известное огрубление, упрощение пеньковской культуры по сравнению не только с черняховской, но и с различными группами лесостепной киевской невозможно объяснить без предположения о некотором воздействии традиций северного по происхождению киевского населения на южные племена. Прямые аргументы в пользу этой гипотезы отсутствуют, и их не будет до тех пор, пока несколько аморфную пеньковскую общность не удастся разделить на серию культурно-хронологических групп памятников, наиболее близких друг к другу по комплексу основных традиций (набору посуды, ее пропорциям, орнаментации, типам построек и т.п.), и сопоставить каждую из этих групп с возможными прототипами. Тем не менее имеется один косвенный аргумент, но чрезвычайно наглядный. В непосредственной близости от пеньковского поселения Хитцы, наиболее ранние объекты которого содержат черняховскую гончарную керамику, находится селище Сенча того же времени, по набору посуды относящееся к деснинскому позднекиевскому кругу.

Сопоставление хронологических индикаторов прототипов колочинской и пеньковской культур, которые представляют собой в связи с этим terminus post quem, и ранних датирующих вещей с собственно колочинских и пеньковских поселений и могильников позволило сделать вывод, что формирование этих археологических общностей происходит приблизительно во второй четверти–середине V в. Наиболее ранние комплексы обеих культур содержат черняховскую гончарную керамику, что является прямым аргументом в пользу того, что между черняховскими и раннесредневековыми памятниками лесостепной зоны хронологического разрыва нет.

Термин "культура раннесредневековых ингумаций" в предложенной вниманию читателя монографии употребляется как условный. Из-за малочисленности погребений, совершенных по обряду трупоположения, и слабой документированности

многих из них остается непонятным, в какой степени материалы V–VI вв. связаны с более поздними, относящимися к VII в., являются ли они их прототипами. То, что на территорию лесостепи периодически проникали группы кочевников с юга, совершенно очевидно. Несомненно также, что они были носителями разных культур и отличались друг от друга по происхождению. Погребения в Кантемировке явно связаны со степным сармато-аланским миром, погребение в Лихачевке и более поздний, относящийся ко времени употребления ременных гарнитур геральдического стиля могильник в Рябовке-3, судя по обряду захоронения, оставлены какой-то из групп тюрок.

Тем не менее не исключено, что в этой культуре было специфическое ядро, которое оставалось неизменным на протяжении почти трех столетий ее существования. Я имею в виду погребения женщин с двумя парными (или по крайней мере имеющими близкую орнаментацию, как в Любовке) фибулами на плечах, ожерельями из бус и пронизей и браслетами на запястьях. В ранних захоронениях (в Любовке и Волобуевке) набор украшений состоит только из этих трех элементов, в более поздних (примером могут служить комплексы из Балаклеи, Мохнача и ряд других) [Корзухина, 1996. С. 374; Гавритухин, Обломский, 1996. С. 161; Аксенов, Бабенко, 1998] женский убор становится более сложным. Он дополняется лобными венчиками и височными кольцами (т.е. украшениями головы), гривнами (украшениями шеи), ожерелья состоят не только из бус, но и из разнообразных пластинчатых подвесок, колокольчиков и т.д. Кроме двух парных фибул, может использоваться и третья, но меньшая по размерам и другого типа. Иначе говоря, набор украшений приобретает характерные черты комплекса круга кладов "древностей антов" первой группы. Ни один из кочевых народов Восточной Европы, начиная с гуннов и заканчивая болгарами VII в., женской гарнитуры, в состав которой входили парные фибулы, ожерелья и браслеты, не имел. Этот набор мог сложиться под воздействием либо черняховских, либо германских центральноевропейских традиций. О присутствии на территории Днепровского Левобережья каких-то групп населения, по всей видимости участвовавших в войнах на Дунае в V в., свидетельствуют погребения из Большого Каменца под Суджей.

Именно эти, "западные по происхождению", традиции женского набора украшений и не позволяют отождествлять культуру лесостепных ингумаций с более южными археологическими общностями кочевников, хотя степное население и проникало периодически на север.

Основные потоки миграции населения середины III – начала V в., по моему мнению, можно связать с некоторыми событиями, известными по письменным источникам. Распространение черняховского населения во второй половине III в. на восток вплоть до Северского Донца и появление в Подонье памятников типа Каширки–Седелок по времени совпадают с эпохой так называемых готских или скифских войн 30–70-х годов III в. [Баран, Гороховский, Магомедов, 1990. С. 42–43]. Колонизация черняховским населением территории Днепровского Левобережья, выразившаяся в резком увеличении количества черняховских памятников в IV в. и в ассимиляции части местных племен сейминско-донецкого варианта киевской культуры, по-видимому, нашла отражение в рассказе Иордана о походах Германариха на восток (в сторону мест расселения меренс, морденс и херулов) и о завоевании им венетов [Iord., 116–119]. Основные векторы миграций конца IV – первой половины V в. были вызваны нашествием гуннов, достаточно подробно описанным Аммианом Марцеллином и Иорданом [Amm. Marc. XXXI.13; Iord., 129, 130], и нарушением политического равновесия на Левобережье, которое сложилось ранее. Готское политическое объединение в результате этого распалось, а к землям, которые оно занимало, начали проявлять интерес соседи.

В заключение я хотел бы высказать ряд замечаний к очень интересной гипотезе М.М. Казанского о локализации на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья в гуннское время германских королевств [Казанский, 1997]. В свете обозначенных выше тенденций к изменению этнической ситуации на Днепровском Левобережье весьма вероятно, что владения конунга Винитария и его наследников действительно находились где-то в пределах области, занятой поздними черняховскими памятниками. В раннегуннское время черняховское население на Левобережье продолжало существовать в тех же границах, что и раньше, что совпадает с выводами, сделанными М.М. Казанским при прочтении текста Иордана о локализации остроготов в эпоху, наступившую после гибели Германариха. Более того, учитывая активность, которую проявляли в это время различные группировки населения киевской культуры, в том числе и те, что вошли в состав более поздней пеньковской археологической общности, т.е., вероятно, анты Иордана, войны остроготов с ними были неизбежны. Если расчеты М.М. Казанского, согласно которым Винитарий должен был править где-то в 70–80-е годы IV в., а его преемники Гунимунд и Торисмунд – на рубеже IV и V вв. или в начале V в. (после гибели Торисмунда у остроготов в течение 40 лет, вплоть до эпохи Аттилы, не было короля), справедливы, то деятельность Винитария и его наследников как раз и приходится на период финала черняховской культуры.

С другой стороны, вряд ли можно считать черняховским погребение 4 могильника Сумы-Сад. Оно относится к более поздней "культуре ингума-

ций". Вызывает сомнение также утверждение, что "группу княжеских находок можно связать с финальной фазой черняховской культуры" [Казанский, 1997. С. 184]. В состав этой группы М.М. Казанский включает комплекс из Жигайловки с двумя ранневизантийскими серебряными сосудами конца IV – начала V в., клад из Нежина из двух двупластинчатых фибул полихромного стиля и 1312 римских денариев от Нерона до Септимия Севера, т.е. от середины I до рубежа II–III вв., клад из Рублевки с золотыми монетами конца IV – середины V в. и двумя браслетами с расширяющимися концами, а также погребения из Большого Каменца [Казанский, 1997. С. 183–184]. Из всего этого списка к черняховскому этапу по хронологии могут относиться сосуды из Жигайловки (если они, как кувшин из Большого Каменца, не были сокровищем и попали в землю в период, близкий ко времени своего изготовления, а не позже) и фибулы из Нежина [Гавритухин, Обломский, в печати]. Золотые браслеты, как справедливо указывает М.М. Казанский, в Центральной Европе служили символом королевской власти, но для черняховских памятников браслеты с расширяющимися концами, т.е. той типологической группы, к которой относятся изделия из Рублевки, не характерны. Зато на территории Днепровского Левобережья они известны на финальных киевских памятниках (Ульяновка, Тазово, Песчаное, Комаровка-2) [Терпиловский, 1984. Табл. 10: 1; Сымонович, 1986. Рис. 4: 5; Горюнов, 1979; Мельниківська, Симонович, 1975. Рис. 1: 2], в некоторых относительно ранних комплексах культуры ингумаций (Максимовка, Любовка, см. выше), т.е. относятся не к черняховскому кругу, а к совершенно другому (или другим). В последующую эпоху раннего средневековья браслеты с расширяющимися концами становятся украшением, типичным для пеньковской и колочинской культур. Они входят в состав кладов типа "древностей антов", правда, изготовлены эти украшения не из золота, а из бронзы или серебра. Находки из Большого Каменца сам М.М. Казанский датирует периодом D2, т.е. тем временем, применительно к которому можно говорить лишь о возможном существовании отдельных черняховских комплексов, да и то с большим хронологическим допуском.

При всем моем уважении к М.М. Казанскому не могу не заметить, что список памятников, который он приводит в своей статье, составлен не по культурно-хронологическому принципу, а по признаку высокой ценности вещей из комплексов, по вероятной принадлежности их знати, которая признается однозначно германской. Мне кажется, что клад из Нежина и сосуды из Жигайловки действительно могли быть сокровищами правящей элиты остроготского королевства, но вряд ли это утверждение справедливо для прочих памятников. Захоронения из Большого Каменца и, вероятно, клад из Рублевки (учитывая, что браслеты с расширенными концами для черняховской культуры не типичны) приходятся на период "этнической каши" на территории Левобережья, когда здесь сосуществуют какие-то постгерманские, раннеславянские (в том числе и антские) и, возможно, позднесарматские по происхождению группировки. Чьей именно знати принадлежали эти комплексы, определить невозможно. Да и сама постановка вопроса представляется риторической. Как показали многочисленные исследования, в период великого переселения народов культура верхушки общества значительного числа варварских племен Европы имеет множество общих черт, несмотря на многообразие ее проявлений на разных территориях.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Абашина Н.С. 1986. Население Среднего Поднепровья в III–V вв. н.э. (по материалам киевской культуры): Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1986. (Арх. Ин-та археологии НАН Украины).

Абашина Н.С. 1991. Поселение середины I тыс. у с. Ходосовка на Киевщине // Археология и история юго-востока Руси. Курск, 1991. С. 10–11.

Абашина Н.С. 1999. Поселения середини I тис.н.е. поблизу с. Ходосівка на Київщині // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис.н.е. Київ, 1999. С. 8–20.

Абашина Н.С.; Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1999. К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья // РА. 1999. № 4. С. 78–98.

Абрамов А.П. 1993. Античные амфоры: Периодизация и хронология // Боспорский сборник. М., 1993. Т. 3. С. 4–135.

Абрамова М.П. 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э.–IV в. н.э.). М., 1993. 238 с.

Абрамова М.П. 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М., 1997. 165 с.

Авенариус Н.П. 1896. Поставмукские курганы // ЗРАО. 1896. Т. VIII, № 1/2. С. 178–187.

Авдеев А.Д. 1989. Отчет о разведочных работах в Носовском и Бобровицком р-нах Черниговской обл. в 1989 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1989/148.

Айбабин А.И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I. С. 1–87.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 1998. Ранние комплексы могильника у с. Лучистое в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI. С. 274–311.

Аксенов В.С., Бабенко Л.И. 1998. Погребение VI–VII вв. н.э. у села Мохнач // РА. 1998. № 3. С. 111–122.

Алексеева Е.М. 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1975. Вып. Г1-12, ч. 1. 113 с.

Алексеева Е.М. 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М., 1978. Вып. Г1-12, ч. 2. 114 с.

Алихова А.Е. 1948. Авдеевское селище (Ленинский р-н Курской обл.) // Арх. ИА РАН. Р-1. № 291: Отчет о работе Десninской экспедиции 1948 г.

Алихова А.Е. 1950. Отчет о раскопках Авдеевского селища (Курской обл. Ленинского р-на) в октябре 1950 г. // Арх. ИА РАН. 1950. Р-1. № 497.

Алихова А.Е. 1963. Авдеевское селище и могильник // МИА. 1963. Т. 108. С. 68–84.

Амброз А.К. 1964. К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н.э. //СА. 1964. № 1. С. 56–71.

Амброз А.К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э.–IV в. н.э. // САИ. М., 1966. Вып. Д1-30. 139 с.

Амброз А.К. 1978. Длинные дома Полужского городища IV–III вв. до н.э. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 30–39.

Амброз А.К. 1981. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 10–22. (Археология СССР).

Амброз А.К. 1982. О двупластинчатых фибулах с накладками – аналогии к статье А.В. Дмитриева // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. С. 170–221.

Амброз А.К. 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М., 1989. 132 с.

Амелькин А.О. 1998. Сюлыгама с выемчатой эмалью на Среднем Дону //Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998. С. 188–193.

Андриенко В.П. 1970. Отчет о раскопках и разведках на территории Харьковской и Полтавской обл. в 1970 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1970/77.

Аннотированный список памятников археологии Черниговской обл. Чернигов, 1995. (Арх. Чернигов. обл. инспекции по археологии).

Археологическая карта России. Курская обл. Ч. 1. М., 1998. 298 с.

Археологические памятники Машевского р-на Полтавской обл. Полтава, 1988. 37 с.

Археологические памятники территории г. Полтавы и окрестностей. Полтава, 1988. 24 с.

Баран В.Д. 1981. Черняхівська культура: За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ, 1981. 263 с.

Баран В.Д. 1990а. Истоки раннеславянских культур Восточной Европы в свете ретроспективного анализа // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. С. 335–362.

Баран В.Д. 1990б. Раннеславянские культуры

V–VII вв. и этнополитическая консолидация славян: Типы жилищ и хозяйственных построек // Славяне Юго-восточной Европы в предгосударственный период. Киев. 1990. С. 219–225.

Баран В.Д. 1990в. Определяющие тенденции развития материальной культуры населения Юго-Восточной Европы в первой половине I тыс. н.э. // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев. 1990. С. 191–201.

Баран В.Д., Вакуленко Л.В. 1990. Этнокультурные процессы во второй четверти I тыс. н.э. на территории Восточной Европы: Типы жилищ и хозяйственных построек // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев. 1990. С. 115–126.

Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В. 1990. Черняховская культура и готская проблема // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев, 1990. С. 30–78.

Башкатов Ю.Ю. 1997. Об одном типе построек киевской культуры // Древности, 1996. Харьков, 1997. С. 38–42.

Башкатов Ю.Ю., Дегтярь А.К., Любичев М.В. 1997. Селище позднеримского времени Родной Край-3 в бассейне Северского Донца // Древности 1996. Харьков, 1997. С. 111–121.

Безуглов С.И., Копылов В.П. 1989. Катакомбные погребения III–IV вв. на Нижнем Дону // СА. 1989. № 3. С. 171–183.

Березанская С.С. 1967. Отчет об археологических работах на осушительных системах Украины в 1967 г. (по пр. Ивка, Стоход, Горзна, Остер) // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1967/28а.

Березовец Д.Т. 1963. Поселения уличей на Тясмине // МИА. 1963. Т. 108. С. 145–208.

Березовец Д.Т., Петров В.П. 1960. Лохвицкий могильник //МИА. 1960. Т. 82. С. 84–99.

Бессуднов А.Н., Обломский А.М. 1996. Изучение археологических памятников на р. Семенек // Археологические исследования Высшей педагогической школы: Сб. науч. тр.: (К 25-летию археол. экспедиции Воронеж. пед. ун-та). Воронеж, 1996. С. 21–48.

Богачев А.В. 1996. К эволюции калачиковидных серег IV–VII вв. в Волго-Камье // Культура евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара, 1996. С. 151–166.

Богусевич В.А. 1960. Погребение черняховской культуры в г. Сумы // КСИА АН УССР. 1960. Т. 10. С. 103–105.

Буйнов Ю.В. 1975. Отчет об археологических исследованиях Харьковской областной детской экскурсионно-туристической станции в 1975 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1975/46.

Буйнов Ю.В. 1976. Отчет об исследованиях Предскифского отряда Скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1976 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1976/111.

Буйнов Ю.В. 1977. Отчет о раскопках и разведках на территории Харьковской обл. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1977/67.

Буйнов Ю.В. 1983. Отчет об охранных исследованиях археологических памятников в зоне строительства Рогозянской оросительной системы в 1983 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1983/43.

Буйнов Ю.В. 1984. Отчет о раскопках на территории Харьковской обл. в 1984 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1984/173.

Бураков А.В. 1976. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев, 1976. 159 с.

Винников А.З. 1989. Хлевенское поселение в Хлевенском р-не Липецкой обл.: Отчет о науч.-исслед. работе "Выявление, постановка на учет и изучение археологических памятников на территории Центрально-Черноземной зоны" / ВГУ. Каф. археологии и истории древнего мира. Воронеж, 1989. (Арх. Липецкого ком. по культуре).

Внуков С.Ю. 1988. Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма //СА. 1988. № 3. С. 198–206.

Гавритухин И.О. 1989. Кодынские фибулы: (Типы и некоторые проблемы интерпретации) // Vakaru. Baltu. Archeologija ir istorija. Klaipeda, 1989. С. 78–85.

Гавритухин И.О. 1999. Хронологические индикаторы финала черняховской культуры. 1. Толстостенные кубки со шлифованной и пластической орнаментацией: конические и с выделенной ножкой (Eggers 236–238, 195; Straume IV–IX) // 100 лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 48–86.

Гавритухин И.О., Иванов А.Г. 1999. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннее средневековье. Ижевск, 1999. С. 99–157.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. 296 с.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. (в печати). Население Днепровского Левобережья в V в. н.э. и комплексы с вещами, принадлежавшими элите общества // Сб. тр. конф. "Элита общества в гуннское время и раннее средневековье". Париж.

Гавриш П.А. 1986. Отчет об археологических работах Полтавской левобережной скифской экспедиции Полтавского пединститута в 1986 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1986/60.

Гавриш П.А. 1989. Отчет о полевых исследованиях археологической экспедиции Полтавского пединститута в 1989 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1989/166.

Гей О.А. 1993. Черняховская культура: Происхождение и этнический состав // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. М., 1993. С. 162–170. (Археология СССР).

Гей О.А. 1985. Черняховская культура и скифо-сарматский мир: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. 22 с.

Гей О.А. 1987. Погребальный обряд поздних скифов на Нижнем Днепре // СА. 1987. № 3. С. 53–67.

Гей О.А., Бажан И.А. 1997. Хронология эпохи "готских походов" (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997. 144 с.

Гейко А.В. 1993. Звіт про археологічні розвідки в Полтавському та Зіньківському р-нах Полтавської обл. експедиції Національного музею-заповідника українського гончарства в 1993 г. // Арх. Центра охранных исслед. памятников археологии Полтавской обл. Ф. 1. Експ. № 172.

Гейко А.В. 1998. Розвідки у Нижньому Поворсклі (Полтавський р-н) // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 1998. Вип. 1/2. С. 78–80.

Гончаров В.К., Махно Є.В. 1957. Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького // Археологія. 1957. № XI. С. 124–144.

Гороховский Е.Л. 1988а. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: Дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1988. (Арх. Ин-та археологии НАН Украины).

Гороховский Е.Л. 1988б. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Тр. V Конгр. МУСА. Киев, 1988. Т. 4. С. 34–45.

Гороховский Е.Л. 1988в. Кантемировские курганы на Полтавщине и проблема древностей раннегуннского периода на юге Восточной Европы // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Полтава, 1988. С. 18–19.

Горюнов Е.А. 1971. Отчет о работе Днепровского Левобережного отряда ЛОИА АН СССР в 1971 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1971/57.

Горюнов Е.А. 1973. Отчет о работе Днепровского Левобережного отряда ЛОИА в 1973 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1973/72.

Горюнов Е.А. 1974. Некоторые древности I тыс. н.э. на Черниговщине // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974.

Горюнов Е.А. 1978. Отчет о работе Днепровской Левобережной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1978 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 7183.

Горюнов Е.А. 1979. Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1979 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 7561.

Горюнов Е.А. 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981. 135 с.

Горюнов Е.А. 1982. Славянское поселение середины I тысячелетия н.э. у с. Песчаное Белгородской обл. // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 61–64.

Горюнов Е.А., Горюнова В.М. 1980. Отчет о работе Днепровского Левобережного отряда ЛОИА АН СССР в 1980 г. // Арх. ИА РАН. 1980. Р-1. № 9264.

Горюнов Є.О., Казанський М.М. 1998. До археологічної карти сточища р. Полузір'я // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 1998. Вип. 1/2. С. 76–78.

Горюнов Е.А., Усова Г.А. 1974. Два новых памятника черняховской культуры в Левобережном Поднепровье // СА. 1974. № 4. С. 275–279.

Горюнова В.М. 1982. Отчет о работе Левобережного отряда археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1982 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 9206.

Горюнова В.М. 1987. Отчет о работе Днепровского Левобережного археологического отряда ЛОИА АН СССР в 1987 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 12506.

Горюнова В.М. 1988. Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1988 г. (раскопки поселений у с. Гочево в Беловском р-не и у с. Шмырево в Обоянском р-не Курской обл.) // Арх. ИА РАН. Р-1. № 13365.

Горюнова В.М. 1989. Отчет о работе Днепровской Левобережной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1989 г. //Арх. ИИМК РАН.

Гудкова А.В. 1979. Классификация столовой сероглиняной керамики Тиры II–V вв. н.э. // Античная Тира и средневековый Белгород. Киев, 1979. С. 99–114.

Гудкова А.В. 1991. Сероглиняная керамика Козырского городища // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С. 122–131.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. 1982. Поселение и могильник римского времени Молога-2 // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982. С. 55–113.

Гудкова О.В. 1983. Поселення перших століть н.е. в степах Північно-Західного Причорномор'я // Археологія. 1983. № 42. С. 3–9.

Гущина И.И., Засецкая И.П. 1994. "Золотое кладбище" римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. 171 с.

Даніленко В.М. 1976. Пізньозарубинецьки пам'ятки київського типу // Археологія. 1976. № 19. С. 65–92.

Дараган М.М., Степанович С.П. 1995. Звіт про розвідки пам'яток археології в Середньому Посіллі на території Гадяцкого та Миргородського р-нів у 1994 р. // Арх. Центра охранных исслед. памятников археологии Полтавской обл. Ф. 1. Експ. № 97.

Дідик В.В., Любічев М.В. 1998. Прикраси з виїмчастими емалями у басейні Сіверського Дінця // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 1998. Вип. 1/2. С. 50–52.

Дмитриев А.В. 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. С. 69–107.

Дробушевский А.И. 1995. К истории населения Посожья на рубеже нашей эры // Археологічні старожитності Подесення. Чернігів, 1995. С. 43–45.

Дробушевский А.И. 1998. Нижнее Посожье на рубеже н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1998. 19 с.

Дьяченко А.Г. 1976а. Исследования на Харьковщине // АО, 1975. М., 1976. С. 322–323.

Дьяченко А.Г. 1976б. Отчет о раскопках и разведках Славянского отряда Скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ в 1976 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1976/78.

Дьяченко А.Г. 1993. О культуре населения Днепро-Донской лесостепи в I тыс. н.э. (по материалам селища Занки) // Археология и история юго-востока Древней Руси: (Материалы науч. конф.). Воронеж, 1993. С. 18–25.

Дьяченко А.Г., Приходнюк О.М., Петренко Е.Н. 1991. Комплексы I тыс. н.э. из селища Занки (по раскопкам 1976 г.) // Археология славянского юго-востока. Воронеж, 1991. С. 26–32.

Дьяченко А.Г., Шрамко Б.А. 1976. Отчет о работах 1976 г. в зоне сооружения Великобурлюкского водохранилища // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1976/77.

Дяченко О.Г. 1975. Поселення черняхівської культури на Харківщині // Археологія. 1975. № 17. С. 86–92.

Дяченко О.Г. 1980. Пам'ятки черняхівської культури в бассейні Сіверського Дінця // Археологія. 1980. № 35. С. 66–73.

Евминова А.Ф. 1960. Археологические памятники бассейна верхнего течения р. Ворсклы в Борисовском и Яковлевском р-нах Белгородской обл. (к археологической карте) // Арх. ИА РАН. Р-1. № 5964.

Жаров Г.В. 1990. Отчет об археологических разведках на территории Черниговской обл. в 1990 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1990/189.

Жаров Г.В. 1991. Отчет об археологических исследованиях на территории Черниговской обл. в 1991 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1991/134.

Журко А.И. 1986. Отчет об археологических раскопках поселений черняховской культуры у с. Косовщина и разведках в Краснопольском и Сумском р-нах Сумской обл. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1986/70.

Журко А.И. 1987. Отчет об археологических раскопках поселений черняховской культуры у пгт. Краснополье и разведках в Сумском и Лебединском р-нах Сумской обл. в 1987 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1987/60.

Журко А.И. 1988а. О соотношении наземных и углубленных жилищ черняховской культуры // Тр. V Междунар. конгр. археологов-славистов. Киев, 1988. Т. 4. С. 85–87.

Журко А.И. 1988б. Отчет об археологических раскопках поселений черняховской культуры у пгт. Краснополье, Великий Бобрик, и разведках в Сумской обл. в 1988 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1988/123.

Журко А.И. 1990а. Некоторые итоги археологических исследований на Сумщине в 1986–1988 гг. // Питання археології Сумщини. Суми, 1990. С. 69–73.

Журко А.И. 1990б. Отчет об археологических раскопках поселения черняховской культуры у с. Песчаное Сумского р-на Сумской обл. в 1990 г. Сумы, 1990. (Арх. Сумского пед. ин-та).

Журко А.И. 1994. Памятники черняховской культуры в лесостепном Днепровском Левобережье // РА. 1994. № 4. С. 207–218.

Заверняев Ф.М. 1969. Почепское селище // МИА. 1969. Т. 160. С. 88–118.

Зайцев Б.П. 1964. Новые материалы черняховской культуры бассейна Северского Донца и Псла // МИА. 1964. Т. 116. С. 44–52.

Зарецкий И.А. 1888. Заметка о древностях Харьковской губернии Богодуховского уезда слободы Лихачевка // Харьковский сборник. Харьков, 1888. Вып. 2. С. 229–248.

Зарецкий И.А. 1925. Раскопки курганов Харьковской губ. Богодуховского и Ахтырского уездов в 1887–1888 гг. // Арх. ИИМК РАН. Ф. 2, 1925. № 216.

Засецкая И.П. 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994. 224 с.

Казаков Е.П. 1998. Коминтерновский II могильник в системе древностей тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Вопросы хронологии. Самара, 1998. С. 97–150.

Казанский М.М. 1978. Отчет о работе Разведочного отряда-2 Днепровской Левобережной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1978 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1978/50.

Казанский М.М. 1997. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев, 1997. С. 181–193.

Казанский М.М. 1999. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов //Археологические вести. СПб., 1999. Вып. 6. С. 404–417.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. 1999. Аланы на Днепре в эпоху Великого переселения народов: Свидетельство Маркиана и археологические данные // РА. 1999. № 4. С. 119–130.

Кашкин А.В. 1981. Отчет о работе Центрально-Черноземного отряда в 1981 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 9858.

Кашкин А.В. 1982. Отчет о работах Центрально-Черноземного отряда в 1982 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 9095.

Кашкин А.В. 1983. Отчет о работе Центрально-Черноземного отряда ИА АН СССР в 1983 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 9606.

Кашкин А.В. 1984. Отчет о работе Центрально-Черноземного отряда ИА АН СССР в 1984 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 9726.

Кашкин А.В. 1985. Отчет о работе Центрально-Черноземного отряда в 1985 г. // Арх. ИА АН СССР. Р-1. № 10225.

Кашкин А.В. 1987. Отчет о работе Центрально-Черноземного отряда ИА АН СССР в Курской обл. в 1987 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 12021.

Кожевнікова О.М. 1998. Нові археологічні пам'ятки у Хорольському р-ні на Полтавщині // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 1998. Вип. 1/2. С. 81–83.

Козак Д.Н. 1984. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі. Київ, 1984. 131 с.

Козак Д.Н. 1994. Пам'ятки давньої історії Волині у с. Линів. Київ; Луцьк; Львів, 1994. 112 с.

Козак Д.Н. 1991. Етнокультурна історія Волині (I ст. до н.е. – IV ст. н.е.). Київ, 1991. 175 с.

Козак Д.Н., Терпиловський Р.В. 1986. Про культурно-історичний процес на території України в першій чверті I тис. н.е. // Археологія. 1986. № 56. С. 32–46.

Козак Д., Оприся В., Шкорпад В. 1999. Пам'ятки давньої історії Волині у с. Городок. Київ, 1999. С. 3–128.

Колода В.В. 1987. Археологические разведки в бассейне верхнего течения Северского Донца в 1986–1987 гг.//Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1987/100.

Колода В.В. 1990. Археологические разведки в бассейне верхнего течения Северского Донца и Оскола // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1990/226.

Копилов Ф.Б. 1952. Посульская експедиція // АП. 1952. Вип. 3. С. 307–311.

Копилов Ф.Б. 1955. Археологічна розвідка на р. Хорол // АП. 1955. Вип. 5. С. 168–169.

Корзухина Г.Ф. 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н.э. в Среднем Поднепровье // САИ. Л., 1978. Вып. Е1-43. 123 с.

Корзухина Г.Ф. 1996. Клады и случайные находки вещей круга "древностей антов" в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 352–435.

Костенко В.И. 1979. Сарматы в междуречье Орели и Самары // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. Днепропетровск, 1979. Вып. 3. С. 124–139.

Костенко В.И. 1993. Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника). Днепропетровск, 1993. 151 с.

Костенко Ю.В. 1978. Пам'ятки I тыс. н.е. в поріччі р. Трубежа // Археологія. 1978. № 28. С. 99–112.

Костюченко И.П. 1949. Отчет об археологической разведке, проведенной в 1949 г. в северо-восточной части Харьковской обл. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1949/8.

Костюченко И.П. 1959. Отчет о раскопках на Максимовском поселении (раскоп 2 и 3) // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1959/1-в.

Кравченко Н.М. 1994. Черняхівське поселення Обухів-1 та його київське оточення (до вивчення характеру зв'язків між черняхівською та "традиційними" культурами римської доби) // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 37–43.

Кравченко Н.М., Гороховский Е.Л. 1979. О некоторых особенностях развития материальной культуры населения Среднего Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. // СА. 1979. № 2. С. 51–69.

Кравченко Н.М., Корпусова В.М. 1975. Деякі риси матеріальної культуры пізньоримської Тіри // Археологія. 1975. № 18. С. 20–41.

Крапивина В.В. 1993. Ольвия: Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993. 184 с.

Кропоткин А.В. 1984. Отчет об археологических раскопках поселения Дачное-2 Старооскольского р-на Белгородской обл. в 1984 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 11144.

Кропоткин А.В., Кропоткин В.В. 1988. Северная граница распространения амфор римского времени в Восточной Европе // Могильники черняховской культуры. М., 1988. С. 168–184.

Кропоткін А.В., Обломський А.М. 1991. Про етнокультурну ситуацію у районі вододілу Дніпра та Дону в III–V ст. н.е. // Археологія. 1991. № 1. С. 75–89.

Кропоткин В.В. 1961. Клады римских монет на территории СССР // САИ. М., 1961. Вып. Д4-4. 136 с.

Кропоткин В.В. 1966. Отчет о раскопках Кременчугского отряда Приднепровской экспедиции в 1966 г. //Арх. ИА РАН. 1966. Р-1. № 3402.

Кропоткин В.В. 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э.–V в. н.э.) // САИ. М., 1970. Вып. Д1-27. 279 с.

Кулаков В.И. 1997. Варникам: Древности прусских вождей // Гістарычна-археалагічны зборнік. 1997. Вып. 12. С. 143–171.

Кулатова І.М. 1998. Розвідки в Полтавському районі // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 1998. Вип. 1/2. С. 84–86.

Кулатова И.Н., Супруненко А.Б. 1999. Памятники времени проникновения сармат в Днепровское лесостепное Левобережье // Полтавський археологічний збірник 1999. Полтава, 1999. С. 134–161.

Кухаренко Ю.В. 1952. Новопокровский могильник і поселення // Археологія. 1952. № VI. С. 33–50.

Кухаренко Ю.В. 1954. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях: по данным погребального обряда // СА. 1954. № XIX. С. 111–120.

Кухаренко Ю.В. 1980. Могильник Брест–Тришин. М., 1980. 127 с.

Кухарська О.М., Бітковський О.В. 1994. До питання про один тип поховань зарубинецького часу // Полтавський археологічний збірник. Полтава, 1994. Вип. 2. С. 113–120.

Кухарська О.М., Обломський А.М. 1988. Матеріали перших століть нашої ери на поселенні Мена-5 у Середньому Подесенні // Археологія. 1988. № 62. С. 41–51.

Левада М. 1999. Металлические гребни позднего римского времени в Юго-Восточной Европе //Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 112–125.

Левченко Д.И. 1988. Погребение воина V в. н.э. у с. Яременки // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Полтава, 1988. С. 43–44.

Левченко Д.І. 1993. Про вплив кліматичних змін на формування та поширення пеньківської культури // Полтавський археологічний збірник. Полтава, 1993. Вип. 1. С. 30–36.

Левченко Д.И., Супруненко А.Б. 1994. Находки гунинского времени в низовьях Ворсклы // Супруненко А.Б. Курганы Нижнего Поворсклья. Полтава, 1994. С. 74–80.

Липкинг Ю.А. 1970. Отчет о разведках в окрестностях пос. Большесолдатское Суджанского р-на Курской обл. в 1970 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 5906.

Липкинг Ю.А. 1979. Замощанская дюна под Суджей // Могильники черняховской культуры. М., 1979. С. 5–8.

Лопатин Н.В., Фурасьев А.Г. 1995. О роли памятников III–V вв. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // Петербург. археол. вестн. 1995. № 9. С. 136–142.

Луцкевич І. 1948. Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань Харківської обл. // Археологія. 1948. № 2. С. 164–178.

Любичев М.В. 1993. Раннеславянское селище на Северском Донце // Вестн. Харьковского ун-та. История. Вып. 27. 1993. Т. 374. С. 30–35.

Любічев М.В. 1994. Пеньківська культура Дніпро-Донецького межиріччя. Дис. ... канд. ист. наук. Харьків, 1994. (Арх. Ин-та археологии НАН Украины).

Любичев М.В. 1995. Отчет об исследованиях памятников позднеримского времени в бассейне Северского Донца в 1995 г. Харьков, 1995. (Арх. ист. фак. ХГУ).

Любичев М.В. 1996. Отчет об археологических исследованиях на Харьковщине в 1996 г. Харьков, 1996. (Арх. ист. фак. ХГУ).

Любичев М.В. 2000. Черняховская культура Днепро-Донецкой лесостепи: история исследования и основные проблемы изучения. Харьков, 2000. 262 с.

Ляпушкин И.И. 1961. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. 1961. Т. 104. 383 с.

Магомедов Б.В. 1979. Могильник у городища Городок на Южном Буге // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1979. С. 105–114.

Магомедов Б.В. 1987. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987. 110 с.

Магомедов Б.В. 1990. Производственный и бытовой инвентарь, предметы убора и оружие // Этнокультурные процессы во второй четверти I тыс. н.э. на территории Юго-Восточной Европы // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. С. 160–172.

Магомедов Б.В. 1991. Каменка–Анчекрак: Поселение черняховской культуры. Киев, 1991. 48 с.

Магомедов Б.В. 1992. Велика Снітинка-2 – поселення гребінників III–IV ст. // Стародавнє виробництво на території України. Київ, 1992. С. 94–115.

Магомедов Б.В. 1999а. Сарматы у складі черняхівської культури // Етнокультурні процеси в Південно-Східній Європі в I тис. н.е. Київ, Львів, 1999. С. 132–142.

Магомедов Б.В. 1999б. К истории финального этапа черняховской культуры // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 39–47.

Магомедов Б.В., Левада М.Е. 1996. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 304–323.

Максимов Е.В., Орлов Р.С. 1974. Поселение и могильник второй четверти I тыс. н.э. у с. Казаровичи близ Киева // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 11–21.

Малашев В.Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени //Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д, 2000. С. 194–232.

Махно Є.В. 1949. Звіт за Анатську лівобережну археологічну експедицію 1949 р. // Арх. ИА НАН Украины. 1949/11.

Махно Є.В. 1952. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань // АП. 1952. Вип. 3. С. 231–241.

Махно Є.В. 1955. Розкопки на поселеннях першої половини I тис. н.е. у верхній течії Сули // АП. 1955. Вып. 5. С. 77–87.

Махно Е.В. 1960. Памятники черняховской культуры на территории УССР (Материалы к составлению археологической карты) // МИА. 1960. Т. 82. С. 9–83.

Махно Е.В. 1967. Могильник черняховского типа в г. Сумы // История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. М., 1967. С. 28–34.

Махно Е.В. 1968а. О раскопках в 1968 г. на могильнике черняховской культуры у с. Успенка Бурынского р-на Сумской обл. Киев, 1968. (Арх. раннеславян. отд. Ин-та археологии НАН Украины).

Махно Е.В. 1968б. Разведка по р. Хорол // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев, 1968. С. 35–41.

Махно Е.В. 1970. Отчет о раскопках 1970 г. на могильнике черняховской культуры у с. Успенка Бурынского р-на Сумской обл. Киев, 1970. (Арх. раннеславян. отд. Ин-та археологии НАН Украины.)

Махно Е.В. 1976. Пам'ятки типу Дитиничів і Компаніївський могильник // Археологія. 1976. № 19. С. 95–101.

Махно Є.В. 1971. Типи поховань та планування Компаніївського могильника // Середні віки на Україні. Київ, 1971. Вип. 1. С. 87–95.

Махно Е.В., Сікорський М.І. 1976. Новий могильник черняхівської культури у Переяславі-Хмельницькому // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ, 1976. С. 95–100.

Махно Е.В., Сикорский М.И. 1987. Могильник черняховской культуры у с. Сосновы Переяслав-Хмельницкого р-на Киевской обл. // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin, 1987. S. 58–61.

Махно Е.В., Сикорский М.И. 1989. Могильник черняховской культуры у с. Сосновы на левобережье Днепра // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim, t. II, Lublin. 1989. S. 249–262.

Медведев А.М. 1995. Посоховидные булавки // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1995. Вып. 7. С. 172–201.

Медведев А.П. 1992. Отчет скифо-сарматского отряда археологической экспедиции Воронежского университета о работах в 1992 г. М., 1992. (Арх. ИА РАН).

Медведев А.П. 1997. Ранний железный век лесостепного Подонья. (Археология и этнокультурная история): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. 35 с.

Медведев А.П. 1998. Верхнее Подонье в первой половине I тыс. н.э. (основные этапы и тенденции этнокультурного развития) // Археологические памятники Верхнего Подонья. первой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998. С. 4–18.

Медведев А.П. 2000. Археологические материалы о присутствии сарматов на лесостепных городищах // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д, 2000. С. 233–255.

Мельник Е. 1905. Раскопки курганов в Харьковской губ. // Тр. XII АС. М., 1905. Т. 1. С. 361–362, 690, 726.

Мельниківська О.М., Симонович Е.О. 1975. Розкопки в с. Комаріївці на Посеймі'ї // Археологія. 1975. № 15. С. 75–86.

Митрофанова В.И. 1960. Отчет Кочетокской экспедиции 1960 г. Раскопки в с. Новодоновка Старосалтовского р-на Харьковской обл. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1960/5.

Митрофанова В.І. 1965. Пам'ятки зарубинецького часу на Дінці // Археологія. 1965. № XVIII. С. 190–195.

Михельбертас М.М. 1985. Литовское Понеманье в I–IV вв. н.э.: Дис. ... д-ра ист. наук, Вильнюс // Арх. ИА РАН. Р-2. № 2369.

Мончińська М. 1999. О так называемых "сарматских" фибулах в Средней и Восточной Европе // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 87–111.

Моргунов Ю.Ю., Неприна В.И. 1985. Отчет Посульской комплексной экспедиции ИА АН СССР и АН УССР о раскопках в Лубенском р-не Полтавской обл. в 1985 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 10741.

Мулкиджанян Я.П. 1998. Поселение Борисоглебское-4 в Прихоперье // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998. С. 169–179.

Мултанен А.А. 1986. Отчет о работах в Черниговской обл. в 1986 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1986/88.

Мултанен А.А. 1987. Отчет о разведочных работах на Черниговщине // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1987/51.

Мултанен А.А. 1988. Отчет о разведочных работах на Черниговщине // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1988/132.

Мултанен А.А. 1992. Отчет о разведочных работах на Черниговщине в 1992 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1992/69.

Мульд С.А. 1996. Могильники варварского населения Крыма I–V вв. // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 279–289.

Некрасова А.Н. 1989. Охранные раскопки на памятниках черняховской культуры у с. Боромля // Проблемы археологии Сумщины. Сумы, 1989. С. 56–57.

Некрасова А.Н. 1990а. Хронология распространения черняховской культуры в Днепровском лесостепном Левобережье // Археологические исследования в Центральном Черноземье в 12-й пятилетке. Белгород, 1990. С. 59–61.

Некрасова А.Н. 1990б. К вопросу о начальном этапе распространения черняховских древностей в Днепровском лесостепном Левобережье // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини. Полтава., 1990. С. 150–151.

Некрасова А.Н. 1990в. Могильник черняховской культуры у с. Боромля на Сумщине // Питання археології Сумщини. Суми, 1990. С. 64–68

Некрасова А.Н. 1991. Раскопки памятников черняховской культуры у с. Боромля //Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. Київ, 1991. С. 1, 2.

Некрасова А.Н., Терпиловский Р.В. 1987. Отчет о работе Сумского отряда Славянской экспедиции на могильнике и поселении Боромля в 1987 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1987/3в.

Некрасова А.Н., Терпиловский Р.В. 1989. Отчет о работах у с. Боромля Тростянецкого р-на Сумской обл. в 1989 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1989/15.

Некрасова А.Н.,Терпиловский Р.В. 1990. Отчет о работе Левобережного раннеславянского отряда экспедиции ИА АН УССР на поселении и могильнике черняховской культуры у с. Боромля Тростянецкого р-на Сумской обл. в 1990 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1990/26г.

Некрасова А.Н., Терпиловский Р.В. 1991. Отчет о раскопках памятников у с. Боромля Тростянецкого р-на Сумской обл. в 1991 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1991/13б.

Некрасова Г.М. 1985. Охоронні розкопки черняхівського могильника поблизу м. Суми // Археологія. 1985. № 50. С. 75–80.

Некрасова Г.М. 1988. Поселення черняхівської культури Хлопків-1 на Київщині // Археологія. 1988. № 62. С. 70–81.

Некрасова Г.М. 1994. Черняхівське поселення біля м. Білопілля // Проблеми раннього слов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Білопілля, 1994. С. 3–4.

Неприна В.И. 1976. Отчет о работе Левобережной неолитической экспедиции в 1976 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1976/23.

Никитина Г.Ф. 1969. Гребни черняховской культуры // СА. 1969. № 1. С. 147–159.

Никитина Г.Ф. 1995. Анализ археологических источников могильника черняховской культуры у с. Оселивка. М., 1995. 229 с.

Николаенко А.Г. 1982. Отчет к открытому листу № 62 за 1982 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 9044.

Николаенко А.Г. 1984. Отчет об археологических разведках в зоне лесостепного Посоколья Белгородской обл. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 10622.

Николаенко А.Г. 1987. Список памятников первой-третьей четверти I тыс. н.э. в долине Оскола // Археологические открытия на новостройках. М., 1987. Вып. 2. С. 185–187.

Никольская Т.Н. 1970. К истории домостроительства у племен бассейна Верхней Оки (с середины I тыс. до н.э. до середины I тыс. н.э.) // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 82–90. (МИА; Т. 176).

Обломский А.М. 1984. Отчет о работе Белгородской раннеславянской экспедиции в 1984 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 9510.

Обломский А.М. 1985. Отчет о работе Белгородской раннеславянской экспедиции в 1985 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 10910.

Обломский А.М. 1986а. Отчет о работе Белгородской раннеславянской экспедиции в 1986 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 11201.

Обломский А.М. 1986б. Культурно-типологические группы позднезарубинецких памятников Подесенья и их соотношение с деснинским вариантом киевской культуры // Культуры Восточной Европы I тыс. Куйбышев, 1986. С. 39–67.

Обломский А.М. 1987а. О финале среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры // СА. 1987. № 3. С. 68–85.

Обломский А.М. 1987б. Отчет о работе Белгородской раннеславянской экспедиции в 1987 г. // Арх. ИА РАН.

Обломский А.М. 1988. Отчет о работе Белгородской раннеславянской экспедиции в Белгородском р-не Белгородской обл. в 1988 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 12562.

Обломский А.М. 1989. Отчет о разведывательных работах Белгородской раннеславянской экспедиции на территории Белгородской и Сумской обл. в 1989 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 13486.

Обломский А.М. 1991а. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н.э. М.; Сумы, 1991. 287 с.

Обломский А.М. 1991б. О характере контактов населения киевской и черняховской культур в лесостепной части водораздела Днепра и Дона // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э.–V в. н.э.). Киев, 1991. С. 235–237.

Обломский А.М. 1992а. О роли позднезарубинецкого населения в сложении киевской культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья // СА. 1992. № 1. С. 34–47.

Обломский А.М. 1992б. Березовка-2 (позднезарубинецкое поселение на Сумщине) // Петербург. археол. вестн., 1992. Вып. 2. С. 83–99.

Обломский А.М. 1993. Отчет о работе Левобережной раннеславянской экспедиции в 1993 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 17999.

Обломский А.М. 1994а. Этнические процессы в междуречье Сулы и Ворсклы в I–V вв. н.э. // РА. 1994. № 2. С. 42–55.

Обломский А.М. 1994б. Отчет о работе Левобережной раннеславянской экспедиции в 1994 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 18634.

Обломский А.М. 1996а. О характере миграций населения центральной и южной Белоруссии в лесостепь в римское время // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1996. Вып. 10. С. 26–32.

Обломский А.М. 1996б. Среднее Посеймье в позднеримское время: Формирование южной границы колочинской культуры // РА. 1996. № 4. С. 51–70.

Обломский А.М. 1997а. О взаимоотношении киевского и черняховского населения на водоразделе Днепра и Дона // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян. Київ; Львів, 1997. С. 63–72.

Обломский А.М. 1997б. Этническая ситуация в лесостепном Подонье в позднеримское время // Тр. VI Междунар. конгр. славян. археологии. М., 1997. Т. 1. С. 235–246.

Обломский А.М. 1997в. Итоги этнокультурного анализа материалов черняховского могильника Компанийцы // Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию со дня рождения акад. Д.И. Багалея). Харьков, 1997. С. 78–79.

Обломский А.М. 1998. Поселение Журавка Ольшанская в Среднем Поднепровье (Опыт культурно-хронологического анализа материалов) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 1998. Вып. 13. С. 59–87.

Обломский А.М. 1999а. О времени появления черняховского населения на территории Днепровского Левобережья //100 лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 26–38.

Обломский А.М. 1999б. О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднеримское и гунносткое время //Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999. С. 127–134.

Обломський А.М. 1999в. Типи поховань на черняхівському могильнику Компанійци (етнокультурна інтерпретація) // Археологія. 1999. № 4. С. 76–88.

Обломский А.М., Смирнов А.С., Сорокин А.Н. 1987. Материалы I тыс. н.э. на поселении Шоссейное (Белгородская обл.) //СА. 1987. № 4. С. 174–186.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1990. Отчет о работе Левобережной раннеславянской экспедиции на территории Сумской обл. в 1990 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 15408.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1991а. Отчет о работах Левобережной раннеславянской экспедиции в 1991 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 17701.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1991б. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М., 1991. 175 с.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1993. Новые погребения раннесредневековых кочевников на Сумщине // Кочевники Урало-Казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 167–172.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1994. О связях населения Центральной Европы и востока Днепровского Левобережья в латенское и раннеримское время // Kultura przeworska. Lublin, 1994. T .1. S. 159–182.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1998а. Поселение Попово-Лежачи-4 и его место среди памятников киевской культуры // Acta Universitatis Lodzlensis. (Folia archaeologica). 1998. Vol. 22. P. 53–89.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1998б. Поселение Седелки и его место среди памятников позднеримского времени Днепровского Левобережья и лесостепного Подонья //Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н.э. Воронеж, 1998. С. 110–123.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 2001. Славянское поселение и кочевнический могильник V–VIII вв. на Ворскле // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2001. Т. 1. С. 5–16.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Петраускас О.В. 1990. Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины. Препринт. Киев, 1990. 48 с.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Приймак В.В., Кропоткин А.В. 1992. Отчет о работе Левобережной раннеславянской экспедиции в 1992 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1992/38.

Обломский А.М., Томашевич Т.В. 1993. О контактах позднезарубинецкого населения водораздела Днепра и Дона с сарматами Подонья // КСИА. 1993. Вып. 207. С. 48–55.

Орлов Р.С. 1985. Культура кочевников IV–VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев, 1985. С. 98–105.

Орлов Р.С., Расамакин Ю.А. 1996. Новые памятники VI–VII вв. из Приазовья // Материалы I тыс. н.э. по истории и археологии Украины и Венгрии. Киев, 1996. С. 102–115.

Пачкова С.П., Терпиловський Р.В. 1988. Поселення київської культури поблизу с. Вишеньки біля Києва // Археологія. 1988. № 62. С. 33–41.

Петраускас О.В. 1993а. До питання про "культовий цар" та поховання з трупоспаленням на могильниках черняхівської культури // Археологія. 1993. № 2. С. 36–51.

Петраускас О.В. 1993б. Історія обряду кремації на території Середнього Подніпров'я у I тис. н.е.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ, 1993. 17 с.

Петренко Е.Н. 1978. Отчет об археологических исследованиях Черняховского отряда Харьковской областной ООПИК в бассейне Северского Донца в 1978 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1978/78.

Петренко Е.Н. 1980. Отчет об археологических исследованиях Черняховской экспедиции в 1980 г. на Харьковщине // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1980/91.

Петренко Е.Н. 1982. Отчет об исследованиях Черняховской экспедиции в 1982 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1982/113.

Петренко Е.Н. 1991. Новые могильники черняховской культуры в бассейне Северского Донца // Археология славянского юго-востока. Воронеж, 1991. С. 10–25.

Плетнева С.П. 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967. 199 с.

Приймак В.В. 1981–1982. Отчет о работах Полтавского разведотряда в 1981–1982 гг. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1981–1982/33в.

Приймак В.В. 1987–1988. Отчет об охранных и разведочных раскопках раннеславянских и древнерусских памятников на территории Сумской обл. в 1987–1988 гг. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1987–1988/32.

Приймак В.В. 1994. Територіальна структура межиріччя середньої Десни і середньої Ворскли VIII-поч. IX ст. Суми, 1994. 76 с.

Приходнюк О.М. 1980. Археологічні пам'ятки Середнього Подніпров'я VII–IX ст. Київ, 1980. 152 с.

Приходнюк О.М. 1985а. Славянское население Юго-Восточной Европы V–VII вв. (пеньковская культура): Дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1985. (Арх. Ин-та археологии НАН Украины.)

Приходнюк О.М. 1985б. Пеньковская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР. Киев, 1985. С. 85–93.

Приходнюк О.М. 1988. О генезисе древностей позднеримского и раннесредневекового времени Днепровского лесостепного Левобережья // КСИА. 1988. Вып. 194. С. 68–75.

Приходнюк О.М. 1990. Новые данные о пеньковской культуре в Среднем Поднепровье // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М., 1990. С. 75–108.

Приходнюк О.М. 1991. О территории формирования и основных направлениях распространения пеньковской культуры // Древности Юго-Запада СССР. Кишинев, 1991. С. 106–124.

Приходнюк О.М. 1998. Пеньковская культура. Воронеж, 1998. 170 с.

Приходнюк О.М., Швецов М.Л., 1989. Отчет о работе Славянской экспедиции в 1989 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины.

Простантинова В.В. 1987. Отчет о разведке в Новосовском р-не Черниговской обл. в 1987 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1987/50.

Простантинова В.В. 1988. Отчет о разведке в Новосовском и Черниговском р-нах Черниговской обл. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1988/157.

Простантинова В.В. 1989. Отчет о разведочных работах на Черниговщине в 1989 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1989/175.

Пряхин А.Д., Цыбин М.В. 1996. Древнерусское Семилукское городище (материалы раскопок 1987–1993 гг.) // На юго-востоке Древней Руси. Воронеж, 1996. С. 29–62.

Радзієвська В.Є., Шрамко Б.А. 1980. Нові археологічні пам'ятки на Харківщині // Археологія. 1980. № 33. С. 100–108.

Рафалович И.А. 1986. Данчены. Могильник черняховской культуры. Кишинев, 1986. 222 с.

Рикман Э.А. 1975. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья. М., 1975. 336 с.

Романова Г.А. 1989. Черняховские поселения у с. Артюховка // Проблемы археологии Сумщины. Сумы, 1989. С. 58–60.

Романова Г.А. 1990. Отчет о работах Сумского отряда Левобережной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1990 г. Сумы, 1990. (Арх. Сумского краевед. музея.)

Рудинський М. 1931. Кантемирівські могили римської доби //Записки Всеукраїнського археологічного комітету. Київ, 1931. Вип. 1. С. 127–155.

Русанова И.П. 1976. Славянские древности VI–VII вв. М., 1976. 216 с.

Рутківська Л.М. 1970. Поселення V–V ст. н.е. в с. Капулівка на Нижньому Дніпрі // Археологія. 1970. № XXIV. С. 194–216.

Сазанов А.В. 1993. Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 16–21.

Свод памятников черняховской культуры на территории Украины: (Плановая тема отдела раннеславянской археологии Института археологии НАН Украины). Киев, 1996. (Арх. раннеславян. отд. Ин-та археологии НАН Украины.)

Седов В.В. 1978а. Скифо-сарматские элементы в погребальном обряде черняховской культуры // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 99–107.

Седов В.В. 1978б. Анты //Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 164–173.

Седов В.В. 1979. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. 155 с.

Седов В.В. 1994. Славяне в древности. М., 1994. 343 с.

Сибилев Н.В. 1926. Древности Изюмщины. Вып. 1. Изюм, 1926. 52 с.

Сибилев Н.В. 1928. К рисункам // Старовинності Ізюмщини. Ізюм, 1928. С. 16–20.

Симоненко А.В. 1993. Сарматы Таврии. Киев, 1993. 144 с.

Симоненко А.В., Лобай Б.И. 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в.н.э. Киев, 1991. 111 с.

Симонович Е.О. 1983. Північно-східне пограниччя пам'яток черняхівської культури // Археологія. 1983. № 44. С. 71–85.

Скрипкин А.С. 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 100–120.

Скрипкин А.С. 1990. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. 299 с.

Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс.н.э. 1993. М., 1993. 328 с. (Археология СССР.)

Смиленко А.Т. 1979. Погребения у с. Башмачка // Могильники черняховской культуры. М., 1979. С. 13–23.

Сміленко А.Т. 1969. Похования в с. Кічкас (до питання про формування черняхівської культури) // Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969. С. 21–28.

Сміленко А.Т. 1975. Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї (II–XIII ст.). Київ, 1975. 211 с.

Степанович С.П. 1995а. Археологічні розвідки на території Великого Більського городища та його округи // Полтавський археологічний збірник. Полтава, 1995. Вип. 3. С. 87–92.

Степанович С.П. 1995б. Розвідки в басейні Середнього Псла // Полтавський археологічний збірник. Полтава, 1995. Вип. 3. С. 100–104.

Супруненко А.Б. 1982. Отчет о работе Полтавского отряда экспедиции "Славутич" в зоне Днепродзержинского водохранилища в 1982 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1982/38.

Супруненко А.Б. 1983. Отчет о разведках и охранных раскопках на территории Полтавской обл. разведотряда Полтавского краеведческого музея в 1983 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1983/63.

Супруненко А.Б. 1994. Курганы Нижнего Поворсклья. М.; Полтава, 1994. 103 с.

Супруненко А.Б., Гавриленко И.Н. 1986. Отчет о разведках в Нижнем Поворсклье и Поорелье в 1986 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1986/84.

Супруненко А.Б., Гавриленко И.Н., Кулатова И.Н., Морозко Д.В. 1984. Отчет о разведках на Полтавщине в 1984 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1984/64.

Супруненко А.Б., Кулатова И.Н. 1988. Отчет о раскопках и разведках на Полтавщине в 1988 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1988/36.

Супруненко О.Б. 1989. Матеріали до археологічної карти Нижнього Посуля //Археологія. 1989. № 1. С. 149–153.

Супруненко О.Б. 1991. Материали до археологічної карти Нижнього Поворскля // Пам'ятки археології Полтавщини. Полтава, 1991. С. 23–43.

Супруненко О.Б. 1992. Археологічні пам'ятки пониззя р. Коломак // Археологічний збірник Полтавського краєзнавчого музею. Полтава, 1992. Вип. 1. С. 40–56.

Супруненко О.Б., Кулатова І.М., Степанович С.П. 1994. Звіт про розвідки та розкопки на территорії та в окрузі Великого Більського городища (Полтавщина) у 1994 р. // Арх. Центра охраны и исслед. памятников археологии Полтавской обл. 1994. Ф. 1, експ. № 82.

Супруненко О.Б., Степанович С.П. 1994. Археологічні пам'ятки на території міста // Старожитності Хоролу. Полтава, 1994. С. 25–45.

Супруненко О.Б., Терпиловський Р.В. 2000. Пізньозарубинецьке поселення на території Більського городища // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2000. Вип. 1/2. С. 70–77.

Сухобоков О.В. 1968. Отчет о разведках левобережной группы раннеславянской экспедиции в 1968 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1968/13в.

Сухобоков О.В. 1975. Славяне Днепровского Левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975. 167 с.

Сухобоков О.В. 1986. Отчет о работах левобережной славяно-русской экспедиции ИА АН УССР в 1986 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1986/31.

Сухобоков О.В., Приймак В.В., Горбовцов А.А., Звагельский В.Б. 1988. Отчет о разведках на территории Сумской обл. для свода памятников истории и культуры в 1988 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1988/76.

Сухобоков О.В., Приймак В.В., Юренко С.П., Белинская Л.И., Ремех И.А. 1987. Отчет о разведках по своду памятников Сумской обл. в 1987 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины, 1987/136.

Сымонович Э.А. 1960. Отчет о разведках Среднеднепровской археологической экспедиции ИА АН СССР за 1960 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 2398.

Сымонович Э.А. 1961. Отчет о разведочных работах Среднеднепровской экспедиции ИА АН СССР в Курской обл. в 1961 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 2248.

Сымонович Э.А. 1962. Отчет о работах Среднеднепровской экспедиции ИА АН СССР за 1962 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 2630.

Сымонович Э.А. 1964. Северная граница памятников черняховской культуры // МИА. 1964. Т. 116. С. 7–43.

Сымонович Э.А. 1965. Отчет о работах Тилигуло-Днепровского отряда в 1965 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 3408.

Сымонович Э.А. 1969. Отчет о работах Тилигуло-Днепровского отряда ИА АН СССР и Института антропологии МГУ в 1969 г. в Николаевке. М., 1969. (Арх. ИА РАН).

Сымонович Э.А. 1970. Отчет о работах Сейминского отряда ИА АН СССР в Курской обл. в 1970 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 4259.

Сымонович Э.А. 1972. Отчет о работах Курского отряда ИА АН СССР в 1972 г. // Арх. ИА РАН. 1972. Р-1. № 4692.

Сымонович Э.А. 1974. Новые открытия на селищах Авдеево и Воробьевка-2 возле Курска // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 153–158.

Сымонович Э.А. 1977. Отчет Черняховской экспедиции ИА АН СССР о работах в Курской обл. (раскопки поселений Снагость 1 и 2 в 1977 г.) // Арх. ИА РАН. Р-1. № 6851.

Сымонович Э.А. 1978. Отчет о работах Курской экспедиции ИА АН СССР в 1978 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 9651.

Сымонович Э.А. 1979. Коблевский и Ранжевский могильники около Одессы // Могильники черняховской культуры. М., 1979. С. 63–111.

Сымонович Э.А. 1983. Черняховская культура и памятники киевского и колочинского типов // СА. 1983. № 1. С. 91–102.

Сымонович Э.А. 1984. Развитие культуры черняховских племен Левобережья Днепра (по материалам лепной керамики) // КСИА. 1984. Вып. 178. С. 73–81.

Сымонович Э.А. 1986. Раннесредневековое поселение Тазово под Курском // СА. 1986. № 4. С. 183–193.

Сымонович Э.А. 1988. Придунайский могильник Фурмановка // Могильники черняховской культуры. М., 1988. С. 143–163.

Сымонович Э.А. 1990. Букреевка-2 – селище второй четверти I тыс.н.э. возле Курска // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990. С. 78–110.

Сымонович Э.А. 1993а. Поселения и жилища (черняховской культуры) // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс.н.э. М., 1993. С. 130–133. (Археология СССР.)

Сымонович Э.А. 1993б. Черняховская культура: Могильники //Славяне и их соседи в конце I тыс.до н.э. – пер. пол. I тыс. н.э. М., 1993. С. 133–140. (Археология СССР.)

Сымонович Э.А., Кравченко Н.М. 1983. Погребальные обряды племен черняховской культуры // САИ. 1983. Вып. Д1-22. 150 с.

Сытый Ю.Н. 1989. Отчет об археологических работах 1989 г. в Черниговском Задесенье // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1989/137.

Сытый Ю.Н. 1990. Отчет об охранных археологических работах в г. Нежине и на Черниговском Задесенье // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1990/237.

Сытый Ю.Н. 1991. Отчет об охранных археологических работах 1991 г. на Черниговском Задесенье // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1991/38.

Телегін Д.Я., Беляєва С.О. 1975. Пам'ятки ранньослов'янського часу на Орелі //Археологія. 1975. № 18. С. 95–107.

Телегин Д.Я., Махно Е.В., Шарафутдинова И.Н. 1960–1961. Отчет о разведках в зоне Днепродзержинского водохранилища в 1960–1961 гг.// Арх. Ин-та археологии НАН Украины, 1960–1961/4.

Терпиловский Р.В. 1984. Ранние славяне Подесенья. Киев, 1984. 123 с.

Терпиловский Р.В. 1985. Киевская культура // Этнокультурная карта территории Украинской ССР. Киев, 1985. С. 51–59.

Терпиловский Р.В. 1988. Новые исследования памятников III–IV вв. в Среднем Поднепровье // Тр. V Междунар. конгр. археологов-славистов. Киев, 1988. Т. 4. С. 208–211.

Терпиловский Р.В. 1989. Новые исследования памятников первой половины I тыс. н.э. в Сумской обл. // Проблемы археологии Сумщины. Сумы, 1989. С. 54–55.

Терпиловский Р.В. 1990а. Новые исследования памятников первой половины I тыс. н.э. на Сумщине // Питання археології Сумщини. Суми, 1990. С. 60–64.

Терпиловский Р.В. 1990б. Поселение I тысячелетия н.э. у с. Роище на Черниговщине // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М., 1990. С. 45–74.

Терпиловский Р.В. 1990в. Локальные варианты киевской культуры // VI Междунар. конгр. славян. археологии: Тез. докл. сов. делегации. М., 1990. С. 95–97.

Терпиловский Р.В. 1994а. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э.: Дис. ... д-ра. ист. наук. Киев, 1994. (Арх. Ин-та археологии НАН Украины.)

Терпиловський Р.В. 1994б. Слов'яни Подніпров'я у першій половині I тис. н.е.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 1994. 41 с.

Терпиловський Р.В. 1997. Звіт про охоронні дослідження поселення пізньозарубинецького часу в ур. Озеро (Перемірки) біля с. Більськ Котелевського р-ну Полтавської обл. в 1997 р. // Арх. ИА НАН Украины.

Терпиловський Р.В. 1998. Про культурно-історичну ситуацію першої половини і середини I тис. н.е. // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 1998. Вип. 1/2. С. 44–49.

Терпиловський Р.В. 1999. Пограниччя черняхівської та київської культур //Сто років вивчення культур полів поховань на Україні. Київ, 1999. С. 38–40.

Терпиловский Р.В., Абашина Н.С. 1992. Памятники киевской культуры (свод археологических источников). Киев, 1992. 224 с.

Терпиловський Р.В., Левченко Д.І. 1994. Слов'янське поселення середини I тис. н.е. поблизу с. Сенча в Середньому Посуллі // Полтавський археологічний збірник. Полтава, 1994. Ч. 2. С. 45–68.

Терпиловський Р.В., Шекун О.В. 1996. Олександрівка-1 – багатошарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів, 1996. 127 с.

Тимощук Б.А. 1990. Восточнославянская община. М., 1990. 187 с.

Тихомиров Н.А. 1980. Отчет о разведках в северной части зоны строительства Курского водохранилища в 1980 г. (бассейн р. Тускарь) // Арх. ИА РАН. Р-1. № 7916.

Тихомиров Н.А. 1984. Отчет о разведках Курского областного краеведческого музея на левом берегу р. Сейм в пределах Солнцевского р-на Курской обл. в 1984 г. // Арх. ИА РАН. Р-1. № 11069.

Тихомиров Н.А., Терпиловский Р.В. 1990. Поселения Гочево-1 и 2 на Псле // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990. С. 43–77.

Третьяков П.Н. 1974. Древности второй и третьей четвертей I тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 40–118.

Третьяков П.Н. 1982. По следам древних славянских племен. Л., 1982. 143 с.

Хайрединова Э.А. 1999. Костюм варваров V в. по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 203–230.

Храпунов И.Н. 1995. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры, скифы и сарматы. Симферополь, 1995. 84 с.

Храпунов И.Н., Масякин В.В. 1997. Подбойная могила второй половины III в. н.э. из могильника Дружное // Stratum + Петербургский археологический вестник. СПб.; Кишинев, 1997. С. 164–180.

Хреков А.А. 1995. Раннесредневековое поселение Шапкино-2 в лесостепном Прихоперье // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995. С. 3–15.

Хреков А.А. 1997. Раннеславянские памятники лесостепного Прихоперья (вопросы хронологии и культурной принадлежности) // Тр. VI Междунар. конгр. славян. археологии. М., 1997. Т. 3. С. 325–336.

Цигилик В.М. 1975. Населення Верхнього Подністров'я перших століть нашої ери. Київ, 1975. 175 с.

Шаров О.А. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики //Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени. СПб., 1992. С. 158–207.

Шекун А.В. 1992. Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1992 г. Чернигов, 1992. (Арх. Чернигов. обл. инспекции по археологии.)

Шекун А.В. 1996. Звіт про охоронні роботи на пос. Олександрівка-1 в 1996 р. Чернігов, 1996. (Арх. Чернігов. обл. инспекции по археологии.)

Шекун А.В. 1997. Звіт про охоронні розкопки на багатошаровом поселенні Олександрівка-1 в 1997 р. Чернігов, 1997. (Арх. Чернігов. обл. инспекции по археологии.)

Шекун А.В., Терпиловский Р.В. 1993. Памятники I в. до н.э.–VII в. н.э. у с. Десняика близ Чернигова. Чернигов, 1993. 48 с.

Шелов Д.Б. 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16–21.

Шишкин Р.Г. 1996. Система заселения Среднего Поднепровья в I–V вв. // Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янської археології (Новгород, Росія, 1996 р.). Київ, 1996. С. 58–60.

Шрамко Б.А. 1959. Отчет о работе скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1959 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1959/29.

Шрамко Б.А. 1972. Отчет об археологических исследованиях в зоне Травянского водохранилища // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1972/66.

Шрамко Б.А. 1975. Отчет об археологических исследованиях Скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1975 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1975/95–96.

Шрамко Б.А. 1979. Могильник у с. Павлюковка // Могильники черняховской культуры. М., 1979. С. 9–12.

Щербакова Т.А., Щукин М.Б. 1991. О двух стилях в ювелирном искусстве черняховской культуры (по материалам Днестровско-Прутского междуречья) // Древности Юго-Запада СССР. Кишинев, 1991. С. 38–55.

Щербань А.Л. 1998. Пам'ятки археології в околицях Диканьки // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 1998. Вип. 1/2. С. 87–89.

Щукин М.Б. 1968. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор // СА. 1968. № 2. С. 41–51.

Щукин М.Б. 1986. Горизонт Рахны-Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986. С. 26–38.

Щукин М.Б. 1979. К предыстории черняховской культуры. Тринадцать секвенций // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1979. Вып. 20. С. 66–89.

Щукин М.Б. 1990. Раскопки у хут. Кулига в верховьях Псла // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990. С. 111–133.

Щукин М.Б. 1999. Феномен черняховской культуры эпохи Константина – Констанция, или что такое черняховская культура? // Stratum plus. 1999. № 4. С. 66–101.

Щукин М.Б., Щербакова Т.А. 1986. К хронологии могильника Данчены // Рафалович И.А. Данчены: Могильник черняховской культуры III–IV вв. н.э. Кишинев, 1986. С. 177–219.

Юренко С.П. 1974. Отчет о работе Полтавского археологического отряда в составе экспедиции "Днепр-Донбасс" в 1974 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1974/1в.

Юренко С.П. 1977. Отчет о работе разведгруппы Левобережного славяно-русского отряда среднеднепровской комплексной экспедиции ИА АН УССР в 1977 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1977/11в.

Юренко С.П. 1978. Отчет о работе Полтавского разведотряда Левобережной славяно-русской экспедиции ИА АН УССР в 1978 г. // Арх. Ин-та археологии НАН Украины. 1978/21а.

Bezuglov S.I. 1995. Késö Római kori katakombás temetkezések az Alsó-Don-vidék sztyeppéin // Studia archaeologica. Szeged, 1995. Vol. 1. P. 325–344.

Bitner-Wróblewska A. 1989. Elementy bałtyjskie w kulturze wielbarskiej // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin, 1989. T. 1. S. 161–178.

Bitner-Wróblewska A. 1986–1990. Zapinki z gwiażdzistą i łopatkowata nóżka z południowo-wschodnich wybrzeży Bałtyku // WA. 1986–1990. T. LI, z. 1. S. 49–88.

Bitner-Wróblewska A. 1991–1992. Z badań nad ozdobami emaliowanymi w kultyrze wielbarskiej. Na marginesie kolekcji starożytności Paula Schachta z Malborka // WA. 1991–1992. T. LII. S. 115–121.

Bitner-Wróblewska A. 1995. Long distance – close connections. Norway and the Balt Lands during Migration Period // Universitetes Oldsaksamling. Årbok, 1993/1994. Oslo, 1995. P. 171–189.

Dabrowska T. 1988. Wczesne fazy kultury przeworskiej (chronologia – zasieg – powiazania). Warszawa, 1988. 339 s.

Ginalski J. 1991. Ostrogi kabłakowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna // Przegląd Archeologiczny 1991. T. 38. S. 53–84.

Godłowski K. 1985. Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie predrzymskim i w okresie rzymskim. Wrocław etc., 1985. 215 s.

Isings C. 1956. Roman glass from dated finds. Djakarta, 1956. 215 p.

Jaskanis J. 1996. Cecele. Ein Graeberfeld der Wielbark–Kultur in Ostpolen. Krakow, 1996. 226 s.

Kazakevičius V. 1993. Plinkaigalio Karpinynas // Lietuvos Archeologija. 1993. Vol. 10. 170 p.

Kazanski M. 1993. Les Barbares orientaux et la défense de la Gaule aux IV–V s. // L'armée Romaine et les barbares du III–VII s. Condé-sur-Noireau, 1993. P. 175–186.

Kazanski M. 1995. La Gaule et le Danube a l'epoque des Grandes Migrations // Neue Beirträge zür Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum. Brno, 1995. S. 286–302.

Kazanski M., Legoux R. 1988. Contribution a l'etude des temoignages archeologiques des Goths en Europe orientale a l'epoque des Grandes Migrations. La chronologie de la culture de Cernjahov recente // Archeologie medievale. 1988. T. XVIII. P. 7–53.

Liana T. 1970. Chronologia względna kultury przeworskiej w wczesnym okresie rzymskim // WA. 1970. T. 35. S. 429–491.

Madyda R. 1977. Sprzączki i ocucia pasa na ziemiach Polskich w okresie rzymskim // MSW. 1977. T. IV. S. 351–412.

Madyda-Legutko R. 1986. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford, 1986. 233 S. (BAR. Intern. Ser.; Vol. 360).

Marcsenko I.I. 1995. A Kubány-vidék Szarmata katakombái // Studia archaeologica. Szeged, 1995. Vol. I. P. 303–324.

Nowakowski W. 1992. Rzymskie brązowe dzwonki ze zbiorów Instytutu archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego // Archeologia, 1991. Warszawa, 1992. T. XLII. S. 117–122.

Nowakowski W. 1995. Od *Galindai* do *Galinditae*. Z badań nad pradziejami bałtyjskiego ludu z Pojezierza Mazurskiego // Barbaricum. Warszawa, 1995. T. 4. 124 s.

Pietrzak M. 1988. Cmentarzyska z Pruszcza Gdańskiego w młodszym okresie rzymskim // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin, 1988. T. I. S. 51–66.

Podobed V.A., Simonenko A.V. 1998. A Late Sarmatian burial in the Central Donetsk basin // Communicationes archaeologiae Hungariae. Budapest, 1998. P. 100–108.

Prahistoria ziem Polskich. 1981. T. V. Wrocław etc., 1981. 493 s.

Simonenko A.V. 1995. Catacomb graves of the Sarmatians of the North Pontic region // Studia archaeologica. Szeged, 1995. Vol. I. P. 345–374.

Tomaszewska I. 1988. Groby kultury wielbarskiej na cmentarzysku w Kolozębiu, gm. Suchocin, woj. ciechanowskie // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim. Lublin, 1988. T. I. S. 105–116.

Wołągiewicz R. 1993. Ceramika kultury wielbarskiej miedzy Bałtykiem a morzem Czarnym. Szczecin, 1993. 304 s.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО – Археологические открытия. М.
АП – Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
АС – Археологический съезд.
ЗРАО – Записки Русского археологического общества. М.
ИА АН СССР – Институт археологии АН СССР.
ИА РАН – Институт археологии РАН.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. М.
КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МУСА – Международная уния славянской археологии.
НАН Украины – Национальная Академия наук Украины.
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников.
BAR – British Archaeological Research. Oxford.
MSW – Materiały Starożytne i Wszesnosredniowieczne. Warszawa.
WA – Wiadomosci Archeologiczne. Warszawa.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Классификация лепной керамики по формам

А. Горшки

Класс и его признаки	Тип и его признаки	Вариант и его признаки	Разновидность и ее признаки
I. Перегиб "г" – округлый	1. Перегиб "б" – плавный, участок "в" – выпуклый, "д" – прямой, слегка выпуклый или слегка вогнутый	а. Участок "а" изогнут, отогнут наружу б. Участок "а" – прямой, вертикальный в. Участок "а" – прямой, отогнут наружу	а. Д1 больше или равен Д3 б. Д1 меньше Д3
	2. Участок "а" – прямой, отогнут наружу, "б" – плавный, "в" – прямой, "д" – прямой		
	3. Участок "а" изогнут, отогнут наружу, "б" – плавный, "в" – неопределенной формы, "д" – прямой или слегка вогнутый		а. Д1 меньше или равен Д3 б. Д1 больше Д3
	4. Участок "а" отсутствует, "д" – прямой или выпуклый	а. Участок "в" – выпуклый или загнут внутрь б. Участок "в" – выпуклый, в верхней его части имеется хорошо выраженная закраина в. Участок "в" – прямой, вертикальный	
II. Перегиб "г" имеет форму сглаженного ребра	1. Участок "а" изогнут, отогнут наружу, "б" – плавный, "в" – вогнутый, "д" – прямой		
	2. Перегиб "б" – плавный, участок "в" – прямой, "д" – прямой или слегка вогнутый	а. Участок "а" изогнут, отогнут наружу б. Участок "а" – прямой	
	3. Участок "а" изогнут, отогнут наружу, "б" – плавный, "в" – вогнутый, "д" – выпуклый		
	4. Участок "а" – прямой, отогнут наружу, "б" – плавный, "в" и "д" – выпуклые		
	5. Участок "а" отсутствует, "в" и "д" – прямые		

Б. Миски

Класс и его признаки	Тип и его признаки	Вариант и его признаки	Разновидность и ее признаки
I. Перегиб "г" – округлый	1. Участок "а" отсутствует, "в" – выпуклый, "д" – прямой или слегка выпуклый		
	2. Участок "а" изогнут, отогнут наружу, "б" – выпуклый или почти прямой, "д" – прямой или слегка вогнутый		
II. Перегиб "г" имеет форму сглаженного ребра	1. Участок "а" изогнут, отогнут наружу, "б" – плавный, "в" – изогнутый, "д" – прямой или вогнутый	а. Венчик с внутренней стороны гладкий б. Имеет одну грань	
	2. Участок "а" изогнут, отогнут наружу, "б" – прямой, "д" – прямой или вогнутый		
	3. Участок "а" отсутствует, "в" – прямой, "д" – прямой или слегка вогнутый		
III. Перегиб "г" имеет форму острого ребра	1. Аналогичен типу II,1, за исключением степени остроты ребра		
	2. Участок "а" отсутствует, "в" – прямой, "д" – прямой или вогнутый	а. Дополнительных признаков не имеет б. На внутренней стороне венчика выделена одна, реже две грани, ребро подчеркнуто треугольным в сечении валиком в. То же самое, но без грани на венчике г. Близок к варианту "в", но в верхней части венчика имеется небольшой бордюр д. Грани, валики, бордюры отсутствуют, вместо ребра на перегибе "г" – каннелюра	
	3. Участок "а" – прямой, отогнутый наружу, "б" – плавный (реже), резкий (чаще), "в" и "д" – прямые		а. Миски (Д1 больше Н) б. Мискообразные сосуды (Д1 меньше или равно Н)
	4. Мискообразные сосуды. Участок "а" изогнут, "б" – мягкий, "в" – вогнутый или прямой, "д" – слегка вогнутый		

В. Конические миски

I. С плоским дном
II. На поддоне

Г. Диски

I. Плоские
II. Со слабо отогнутым бортиком

Таблица 2

Характер исследованности черняховских памятников Днепровского Левобережья

Название	Год раскопок	Площадь (кв.м) \ Количество погребений	Опубликован полностью	Опубликован частично	Не опубликован
Воронцовка\м	1903	1		Мельник, 1905	
Кантемировка\м	1924	3		Рудинський, 1931	
Пересечное\п	1931–1933	?			Раскопки Т.И. Ивановской и И.Н. Луцкевича
Пересечное\м	1931–1933	?			Раскопки Т.И. Ивановской и И.Н. Луцкевича
Новая Покровка\м	1936, 1939, 1949	?		Кухаренко, 1952	
Новоселовка\м	1940, 1966	3 или 5			Раскопки Е.В. Махно и Л.М. Рутковской
Кантемировка\п	1948	300		Махно, 1952	
Кантемировка\м	1948	10		Махно, 1952	
Коровинцы\п	1949	134		Махно, 1955	
Новая Покровка\п	1949	520		Кухаренко, 1952	
Переяслав\м	1952, 1954	42		Гончаров, Махно, 1957	
Лохвица\м	1955	20	Березовец, Петров, 1960		
Сумы\м	1960	3	Богусевич, 1960; Махно, 1967		
Соснова\м	1962, 1978–1986	50		Махно, Сикорский, 1987, 1989	
Казачья Локня\п	1963, 1982	?	Липкинг, 1979		
Писаревка\м	1966–1967	2			Раскопки Е.В. Махно
Вовчик\м	1968	6			Раскопки В.В. Кропоткина
Успенка\м	1968–1972, 1976	34			Раскопки Е.В. Махно
Новоселовка\п	1970	Около 20			Раскопки Ю.А. Липкинга
Переяслав\м	1971	4	Махно, Сікорський, 1976		
Колосовка\п	1971	Около 600	Симонович, 1983		
Павлюковка\м	1973	6	Шрамко, 1979		
Артюховка\п	1974, 1977	252		Романова, 1989	
Войтенки-1\п	1975	451			Раскопки Б.А. Шрамко и А.Г. Дьяченко
Войтенки-2\п	1975	166			Раскопки А.Г. Дьяченко
Куликi\п	1976	154			Раскопки А.Г. Дьяченко
Снагость-2\п	1977	400			Раскопки Э.А. Сымоновича
Муром-6\п	1978	201			Раскопки А.Г. Дьяченко

Таблица 2 (продолжение)

Название	Год раскопок	Площадь (кв.м) \ Количество погребений	Опубликован полностью	Опубликован частично	Не опубликован
Муром-7\п	1978	24			Раскопки А.Г. Дьяченко
Родной Край-1\м	1978–1984	14	Петренко, 1991		
Родной Край-1\п	1978–1984	1200			Раскопки Ю.В. Буйнова и Е.Н. Петренко
Соснова\п	1978–1986			Махно, Сикорский, 1987, 1989	
Соколово-2\м	1980-е годы	1	Петренко, 1991		
Хлопков\п	1981–1984	Более 2000	Костенко, 1978; Некрасова, 1988		
Мамрои-2\п	1982	217			Раскопки Е.Н. Петренко
Сумы(Сад)\м	1984	7	Некрасова, 1985		
Викнево\п	1984	240			Раскопки Ю.В. Буйнова
Хохлово\п	1985–1987	Около 300			Раскопки А.В. Кропоткина
Косовщина-1\п	1986	1008			Раскопки А.И. Журко
Косовщина-2\п	1986	Около 800			Раскопки А.И. Журко
Краснополье-1\п	1986	2248			Раскопки А.И. Журко
Вознесенский\п	1986	Около 100		Кропоткін, Обломський, 1991	
Боромля-2\п	1986–1991	Более 600		Некрасова, 1989, 1990в, 1991	
Гочево-3\п	1987–1988	Около 600			Раскопки О.А. Щегловой и В.М. Горюновой
Гочево-4\п	1987–1988	Около 200			Раскопки Г.А. Романовой и В.М. Горюновой
Боромля-1\м	1987–1991	46		Некрасова, 1989, 1990, 1991	
Великий Бобрик\п	1988	1122			Раскопки А.И. Журко
Головино-1\п	1988–1989	Около 800			Раскопки А.М. Обломского
Головчино\п	1988–1989	Около 300			Раскопки А.В. Кропоткина
Головино-1\м	1989	5			Раскопки А.М. Обломского
Песчаное\п	1990	1338		Журко, 1990а, 1994	
Белополье\п	1991–1992	Около 300		Некрасова, 1994	
10-й Октябрь\п	1994	Около 400			Раскопки А.М. Обломского
Колесники\п	1995–1996	Около 200			Раскопки М.В. Любичева

Примечания: м – могильник; п – поселение.

Таблица 3

Поселения киевской культуры Подесенья, Нижнего и Среднего Посеймья*

Название	Порядок речной сети	Тип ландшафта	Площадь (га)	Высота (м)	Литература
Анисов	2	4			Терпиловский, Абашина, 1992. С. 151
Березанка (Овраменков круг)	3	2	4,8		Там же. С. 135
Бирино	2	5			Там же. С. 149
Боромыки	2	5	4,5	5–6	Там же. С. 139
Буянки	3	1	11		Там же. С. 125
Буянки (Круглое)	3	2	7,5		Там же
Вегеровка-2	4	3	2,4	7–10	Обломский, Терпиловский, Приймак, Кропоткин, 1992
Великая Весь	3	6	3		Терпиловский, Абашина, 1992. С. 128
Великие Осняки	3	1	5	2–3	Там же. С. 127
Великий Злеев	3	4	1,5		Там же. С. 124
Великое Устье	3	4	1,54	4,5	Там же. С. 150
Вересоч-1	3	5	3	1–4	Там же
Вересоч-3	3	4			Там же
Верхнестриженское-1	3	2	2,7	0,5–2	Там же. С. 127
Верхнестриженское-2	3	2			Там же
Верхнестриженское-3	3	2	1,5		Там же. С. 125
Веселое-2	4	6	1,4	4–5	Обломский, Терпиловский, Приймак, Кропоткин, 1992
Вишенки	2	4			Терпиловский, Абашина, 1992. С. 143
Выбли	2	4	0,85		Терпиловский, 1984. С. 92. Табл. 7
Гвинтовое-1	3	4	1,4	1–2	Обломский, Терпиловский, 1990
Горица	2	4			Терпиловский, Абашина, 1992. С. 140
Даничи	4	1	1,13		Там же. С. 125
Деснянка	4	2	1,19		Шекун, Терпиловский, 1993. С. 4–16
Долинское	3	4			Терпиловский, Абашина, 1992. С. 149–150
Забелино-3	3	4	1,08	2	Обломский, 1993
Золотинка	4	3	5		Терпиловский, Абашина, 1992. С. 152
Ивановка	3	4	4		Там же
Иванцево-1	2	3	1,12		Там же. С. 145–146
Квстунь	2	6	Длина более 300 м		Гавритухин, Обломский, 1996. С. 106–108
Кези	3	1	2		Терпиловский, Абашина, 1992. С. 124
Киреевка-1	3	5	Длина 60–70 м		Там же. С. 142
Киреевка-2	3	6	3	4–5	Там же
Киселевка-1	3	4	0,5		Там же. С. 136–138
Киселевка-2	3	5	Длина свыше 200 м		Терпиловский, 1984. С. 89–90. Табл. 8, 9
Клочков	3	4			Терпиловский, Абашина, 1992. С. 139

* В таблицах 3–10 учитываются только те поселения, описание которых в отчетах и публикациях, во-первых, позволяет достоверно отнести их к киевской или черняховской культуре, во-вторых, содержит хотя бы часть сведений, вынесенных в первые строки таблиц.

Таблица 3 (продолжение)

Название	Порядок речной сети	Тип ландшафта	Площадь (га)	Высота (м)	Литература
Ковчин-1	2	6	Длина 1 км	5–6	Терпиловский, Абашина, 1992. С. 151
Ковчин-2	2	4	1,25	3–3,5	Там же
Козероги	2	4			Там же. С. 123
Комаровка-А	4	4	13,9		Обломский, 1993
Красиловка	3	5	0,3	2–3	Терпиловский, Абашина, 1992. С. 152
Кудлаевка-1	2	4		3–5	Там же. С. 145
Кудлаевка-2 (хутор Самоквасова)	3	5			Там же
Кудровка-3	4	1	3,6	7	Там же. С. 143
Кудровка-5	3	4	0,2	2–3	Там же
Куковичи-2	3	4	0,84		Там же. С. 140
Куковичи-3	3	4	1,84	2	Там же. С. 141
Куриловка	2	4	0,17		Там же. С. 144
Лавриков Лес	3	4	0,38	3–4	Третьяков, 1974. С. 102–110; Терпиловский, 1984. С. 91. Табл. 1–3
Лещиновка-3	3	4	7,5	1–1,5	Обломский, 1993
Лозы-1	4	1	1,02	1–1,5	Терпиловский, Абашина, 1992. С. 150
Лукново	3	4	1,1	1,5	Там же. С. 149
Любечанинов	3	4	0,5		Там же. С. 152
Макишин	3	4	0,84		Там же. С. 139
Максаки	2	4			Там же. С. 141
Малый Листвен	3	1			Там же. С. 124
Мамекино	3	5			Там же. С. 148
Мезин-1	2	3	3,5		Там же. С. 144
Мезин-2	2	3		15	Там же
Мена-5	3	4	1,76	4	Кухарська, Обломський, 1988
Новый Белоус	4	1	3,6		Терпиловский, Абашина, 1992. С. 124–125
Обирки	3	4	Длина 180–200 м		Там же. С. 149
Октябрьское-2	3	4	0,9	1–2	Обломский, Терпиловский, 1990
Перемога-1	4	6	3,6	1,2	Обломский, Терпиловский, Приймак, Кропоткин, 1992
Пересыпки-1	3	6	4,4	2	Сухобоков, Приймак, Горбовцов, Звагельский, 1988; Обломский, Терпиловский, Приймак, 1991
Пески-4	3	4	1,5	1–2	Обломский, Терпиловский, 1990
Попово-Лежачи-4	3	6		2–3	Обломский, 1993
Радичев	2	3	2,9	10	Терпиловский, Абашина, 1992. С. 143–144
Роговка	2	4	3,6	3–4	Там же. С. 148
Рогоща-5	4	1	3,2	2–2,5	Там же. С. 132
Роище	4	1	2		Терпиловский, 1984. С. 87–88. Табл. 14–22; 1990б. С. 45–58; Терпиловский, Абашина, 1992. С. 128–132
Руднево-2	4	5	1,3	4–6	Обломский, Терпиловский, Приймак, Кропоткин, 1992
Рябцы	3	6			Терпиловский, Абашина, 1992. С. 132
Салтыкова Девица-2	3	4		2–3	Там же. С. 150–151
Салтыкова Девица-3	3	4	0,35	3	Там же. С. 151
Салтыкова Девица-4	3	4	1,5	2–3	Там же

Таблица 3 (окончание)

Название	Порядок речной сети	Тип ланд-шафта	Площадь (га)	Высота (м)	Литература
Селянская Слобода	4	2	1,05		Терпиловский, Абашина, 1992. С. 125
Сибереж	3	2	0,7		Там же. С. 126–127
Сибереж (Очеретяная гора)	3	6	12		Там же. С. 127
Сибереж-2	4	4	2	2,5	Там же
Смяч	3	4	0,3		Там же. С. 148
Смяч-2	3	4			Там же
Снагость-3	4	5	11,9	1–3	Обломский, 1993
Ульяновка	2	5		7–15	Терпиловский, 1984. С. 88–89. Табл. 10–13
Ульяновка-2	3	4			Терпиловский, Абашина, 1992. С. 136
Форостовичи	3	4	1,3		Терпиловский, 1984. С. 91. Табл. 4
Хижки-2	3	4	0,75	1–2	Обломский, Терпиловский, 1990.
Хижки-3	3	4	1,1	5	Там же
Хижки-6	3	4	1,5	2	Там же
Ходяковка	4	4	2,45	2–3	Обломский, 1993
Чаплицы-3	3	6	2,4	1–2	Обломский, Терпиловский, 1991а
Чернигов (Александровка)	4	1	4	3–5	Терпиловський, Шекун, 1996
Чернигов (Кукашаны)	4	1	2,25	Свыше 20	Терпиловский, Абашина, 1992. С. 134–135
Чернигов (Масаны)	4	5	1,92		Там же. С. 133–134
Шевченко	4	1			Там же. С. 134
Шестовица	2	2	0,45		Там же. С. 124

Таблица 4

Поселения поздней фазы киевской культуры на территории лесостепи

Белгородская область

Название	Порядок речной сети	Тип ланд-шафта	Площадь (га)	Высота (м)	Литература
Дачное-2	3	5	1,4	1–4	Кропоткин, 1984
Доброе	4	4	3,3	4–5	Обломский, 1985. С. 20–21
Дружный	3	4	4,3	1–4	Обломский, 1984. С. 29
Зеленая Поляна-2	2	6	1,4	1–2	Там же. С. 6–7
Киселево	2	5	0,42	2–3	Обломский, 1984
Колосково-2	3	5	1,6	5	Николаенко, 1982. С. 5
Крапивное	4	4	0,9	1–2	Обломский, 1985. С. 2–3
Красное	3	5	4,9	1–6	Обломский, 1987б. С. 3
Неклюдово-1	4	4	2,5	1,5	Обломский, 1985. С. 11–12
Никольское-3	4	4	2,16	1,5	Там же. С. 10–11
Новая Лоза-1	3	5	4,7	1–3	Обломский, 1984. С. 30
Оскольское-6	3	4	2,2	6	Николаенко, 1984. С. 39; 1987. С. 185
Песчаное	2	4			Горюнов, 1979. С. 9–10; 1981
Рындинка	3	5	0,85	1–2	Обломский, 1984. С. 23
Старый город	2	4	0,84	6–6,5	Там же. С. 7–8
Цепляево Второе	4	5	2,2	2–3,5	Обломский, 1991б. С. 220–222
Чураево-2	4	5	0,7	1–4	Обломский, 1985. С. 3–4
Чураево-3	4	4	1,26	6–9	Там же. С. 4
Шишино-1	2	6	3,18	1–5	Обломский, 1991б. С. 151–152
Шишино-2	2	3	1,4	11	Обломский, 1984. С. 10–11

Курская область

Название	Порядок речной сети	Тип ланд-шафта	Площадь (га)	Высота (м)	Литература
10-й Октябрь	5	2	2,24	1–3	См. главу вторую настоящей монографии
Авдеево	3	2	7,5	17–20	Алихова, 1948, 1950, 1963
Бобрава-4	3	4	Длина 150–170 м	0,5–1	Горюнов, Горюнова, 1980. С. 26
Букреевка-2	5	3	2	10–15	Сымонович, 1990
Воробьевка-2	5	?	0,9		Сымонович, 1974
Ворошнево-1	3	3	0,06	15	Кашкин, 1984. С. 3
Ворошнево-2	4	1	0,2	7–10	Кашкин, 1984. С. 4
Гостомля Первая-4	4	3	0,5	10–12	Кашкин, 1982. С. 49
Гостомля Первая-5	4	2	0,4	13–14	Там же
Гочево-1	2	6	0,35	1–1,5	Тихомиров, Терпиловский, 1991
Гочево-3	2	4	0,15	4–5	Горюнова, 1987, 1988
Гочево-4	2	4	2,5	2–2,5	Горюнова, 1987, 1988
Гочево-Стрыгосла	2	3	Длина 160–180 м	10–12	Горюнов, Горюнова, 1980. С. 27
Гридасово	3	1			Горюнова, 1982. С. 7
Дубовец-2	3	4	0,68	1–2	Тихомиров, 1980. С. 4
Каменево-2	5	2	1,5	5,5–10	Сымонович, 1978
Комаровка-2	4	6	Длина 120 м		Мельниківська, Симонович, 1975
Курск (Кировский мост)	4	2	2	8–10	Кашкин, 1983. С. 4
Курск (Сеймнский мост)	3	6	Длина 200 м	4 м от воды	Тихомиров, 1984. С. 16
Маково	4	2	0,32	4–6	Сымонович, 1961. С. 23; Кашкин, 1982. С. 4
Прямицино-2	3	3	0,15	11–12	Кашкин, 1984. С. 10, 11
Самсоново-4	4	2	0,16	4–6	Кашкин, 1982. С. 52
Спасское	4	5	0,72	4–6	Кашкин, 1981
Студеновский-3	3	5	2	2–8	Там же. С. 27
Тазово	4	6	0,3		Сымонович, 1986
Хвостово	3	5	2,5	3	Сымонович, 1970. С. 16
Шатовка	4	4	Длина 100 м		Сымонович, 1961. С. 16

Сумская и Полтавская области

Название	Порядок речной сети	Тип ланд-шафта	Площадь (га)	Высота (м)	Литература
Беседовка	3	4	2		Махно, 1949. С. 18
Большие Будки-2	3	4	Длина 0,5–0,6 км		Горюнов, 1981. С. 106
Боромля-2	4	1	1	До 20	См. главу первую настоящей монографии
Дзержинское-2	2	6	3,77	0,5–3	Обломский, Терпиловский, 1991а. С. 9
Жовтневое	2	4	2,15	2,5	Там же. С. 8
Ивановка-2	3	4	1,02	1–2	Обломский, Терпиловский, 1989. С. 38–43
Кудановка-1	2	4	2,6	5	Обломский, Терпиловский, 1991а. С. 2–3
Курган-Азак	2	4	3,37	1,5	Сухобоков, 1968. С. 4–5
Курманы-2	2	4	1,8	1,5–3	Романова, 1990. С. 4
Мирополье-3	3	4	1,2	1–1,5	Обломский, Терпиловский, 1991а. С. 11–12
Подлесновка	3	1	7	3–4,5	Романова, 1990. С. 5
Пожня-1	3	4	1,21	1,5	Обломский, 1989. С. 12–13

Таблица 4 (окончание)

Название	Порядок речной сети	Тип ландшафта	Площадь (га)	Высота (м)	Литература
Порозок-3	4	5	2,96	1,5–3	Обломский, 1989. С. 6–7
Сенча	2	6	1,75	2	Терпиловський, Левченко, 1994
Томашевка-1	3	4	0,21		Горюнов, 1981. С. 107
Томашевка-2	3	4		2,5–3	Там же

Харьковская и Донецкая области

Название	Порядок речной сети	Тип ландшафта	Площадь (га)	Высота (м)	Литература
Богородичное	2	6	2	2–3	Приходнюк, Швецов, 1989
Валки-2	3	4			Буйнов, 1977. С. 2
Должик-3	4	3	0,5		Буйнов, 1983. С. 5
Новодоновка-2	2	4	2	3–5	Митрофанова, 1965; Обломский, 1991. С. 251
Родной Край-3	4	6	0,42	2	Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997; см. главу вторую настоящей монографии
Травянское-6	4	4	1,5		Шрамко, 1972. С. 6
Травянское-8	4	4	1,2		Там же
Черкасский Бишкин-2	2	6	4		Буйнов, 1975. С. 3
Шовкоплясовка	3	5	0,6		Дьяченко, 1970. С. 2

Таблица 5

Черняховские поселения Курской области

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ландшафта	Высота (м)	Наличие пятен обмазки	Литература
10-й Октябрь	5	2,24	?	Чернозем	2	1–3	+	Обломский, 1993, 1994
Воробьевка (Обоянского р-на)	3	8,7	0,35		2	5–8	+	Горюнова, 1982. С. 5
Глушково-1	3	?		Чернозем	4		+	Обломский, 1993. С. 11
Горбуновка-1	3	1,14	0,7	"	6	5	+	Обломский, 1988. С. 40–41
Горки	4	Длина около 200 м	0,55		4		+	Сымонович, 1964. С. 14
Гочево-3	2	0,15	0,45	Чернозем	4	4–5	+	Горюнова, 1987
Гочево-4	2	2,5	0,65	"	4	2,5–3,5	+	Там же
Гридасово	3	6			1	4–8	+	Ляпушкин, 1961. С. 162
Званное-1	4	4,25		Чернозем	1	2–4	+	Обломский, 1993. С. 9
Казачья Локня (Замощанская дюна)	3	1	0,4–0,6	Гумусированная супесь	6	До 4	+	Липкинг, 1979. С. 5
Колосовка	4	0,96	0,45		2	2–10	+	Симонович, 1983. С. 76–80
Кукуй-1	3	1,3	0,6		5			Липкинг, 1970. С. 2–3

Таблица 5 (окончание)

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ландшафта	Высота (м)	Наличие пятен обмазки	Литература
Кукуй-2	3				4			Липкинг, 1970. С. 3
Любимовка-2	4	0,54			3	6		Сымонович, 1964. С. 15; Кашкин, 1985. С. 15
Любимовка-3	4	10,76			3	5		Сымонович, 1964. С. 15; Кашкин, 1985. С. 15
Мальцево Второе-1	4	0,36			2	10–12		Сымонович, 1964. С. 15; Кашкин, 1983. С. 8
Мальцево Второе-2	4	0,09			2	6–7		Сымонович, 1964. С. 15–16; Кашкин, 1983. С. 8
Нижняя Паровая-1	3	0,48			5	6–8		Сымонович, 1964. С. 16; Кашкин, 1985
Нижняя Паровая-2	3	1,75			2	5–9		Сымонович, 1964. С. 16; Кашкин, 1985. С. 14
Новоселовка (Большое Солдатское)	4	0,4	0,55		1			Липкинг, 1970. С. 1–2
Обуховка	4	1,5	0,7		4			Сымонович, 1972. С. 3
Пенский	3	2,47			4	2		Горюнова, 1982
Пены-2	3	10,2	0,5	Чернозем	2	2–8	+	Обломский, 1987. С. 10–11
Поповка	4	0,39	0,3–0,4		5	4–7	+	Сымонович, 1964. С. 17; Кашкин, 1987
Поселок 1 Мая	3				5			Сымонович, 1964. С. 17
Рассыльная-1	3	0,3			3	10–11		Кашкин, 1984. С. 4
Снагость-1	4	1,75	0,5	Чернозем	2	4		Сымонович, 1978. С. 88
Снагость-2	4	1,8	0,75	"	2	2–6	+	Сымонович, 1977
Суджа	3	1,7			4	5–6		Кашкин, 1990. С. 21
Толстый Луг-2	4	150 м длина			5			Сымонович, 1964. С. 18
Услонка	3	2,92			2		+	Ляпушкин, 1961. С. 173–174
Хвостово	3	2,5			5	3		Сымонович, 1970. С. 16
Чапли-13	4	0,23			2	7–8		Археологическая карта России, 1998. С. 242

Таблица 6

Поселения черняховской культуры Белгородской области

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ландшафта	Высота (м)	Наличие пятен обмазки	Литература
Белгород	3				4			Архив А.В. Кропоткина
Болдыревка	3	1,52	0,3–0,4	Чернозем	2	2–11	+	Обломский, 1986а. С. 13
Борисовка-1 (Ланок-2)	2	1,75			5	5–7		Кропоткин, 1985. С. 17–18
Борисовка-2	3				5			Архив А.В. Кропоткина
Бродок-1	4	0,42	0,7	Чернозем	1	7–9		Обломский, 1986а. С. 5–6
Бродок-2	4	0,63	0,55	"	1	9–11		Там же. С. 6
Бродок-3	4	?	?	"	1	?		Там же. С. 6–7
Бродок-4	4	0,72	0,45	"	1	3–7		Там же. С. 7
Венгеровка-1	3	9,52	0,6–1	"	4	1–4	+	Обломский, 1997. С. 4–5
Веселая Лопань	3	0,6	0,55	"	2	1–2		Обломский, 1986а. С. 12
Водяное	4	1,95		"	2	2–4	+	Архив А.В. Кропоткина
Вознесенский-1	2	2,86	0,6–0,8	"	2	2–11	+	Обломский, 1986а. С. 21–25
Вышние Пены-1	3	4,16	1	"	5	1–8	+	Обломский, 1987б. С. 7
Головино-1	3	1,04	0,5–1	"	1	5–14	+	Обломский, 1986а, 1988, 1989
Головино-3	3	2,2	0,7–0,75	"	1	5–9		Обломский, 1986а
Головчино	2		1	"	2	2–7	+	Архив А.В. Кропоткина
Головчино (Хотмыжск)	3				2			Луцкевич, 1948. С. 164–165
Дубовое-1	4	6,3	0,6–0,7	Чернозем	1	10–11		Обломский, 1986а. С. 1–2
Дубовое-2	4	2,03	0,6	"	1	4–5		Обломский, 1986а. С. 2–3
Крюково-1	4	1,65		"	1	7–12		Кропоткин, 1985. С. 16–17
Крюково-2	5	2,85		"	1	10–14		Там же. С. 37–38
Мокрая Орловка-2	3	1,15		Чернозем	5	2–4	+	Архив А.В. Кропоткина
Нижняя Наумовка	4	13,05		"	2	5–12	+	Там же
Рождественка-2	3	1,27			5	5–7	+	Там же
Санково-1	4	0,3		Чернозем	2	2–3		Там же
Солдатское-1	3	2,4		"	5	3–5	+	Там же
Солдатское-2	3	10		"	5	2–5	+	Там же
Солдатское-3	3	0,8		"	5	2–5	+	Там же
Стрельниково	2	1,88	1,5	"	4	4–6	+	Обломский, 1984. С. 21–22
Стригуны-2	2			"	4			Кропоткин, 1985. С. 41–42
Таврово	4	2,75	0,6	"	1	7–11		Обломский, 1986а. С. 3–4
Угрим-3	4	4,32	0,6	"	1	2–8		Обломский, 1986а. С. 10

Таблица 6 (окончание)

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ландшафта	Высота (м)	Наличие пятен обмазки	Литература
Хохлово-2	2	13	0,4–1	"	4	4–6	+	Обломский, 1984. С. 14–16
Шагаровка-1	4	2,59	0,7	"	1	6–7		Обломский, 1986а. С. 8
Шагаровка-2	4	1,5	0,6	"	1	5–9	+	Обломский, 1986а. С. 8
Шишино-3	2	0,64	1	"	4	4–6		Обломский, 1984. С. 11–12
Шишино-4	2	1,08	1	"	4	2–4		Обломский, 1984. С. 12–13

Таблица 7

Поселения черняховской культуры Сумской области

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ландшафта	Высота над уровнем водного источника (м)	Наличие пятен обмазки	Литература
Артюховка-1 (Долгий Яр)	5	1,75	0,8–1,2		1		+	Романова, 1989. С. 58–60
Артюховка-2	4	3	1		1			Горюнов, 1981. С. 107–108
Артюховка-3 (Стриженково)		1,75	0,8		1	2,5–3	+	Свод; Романова, 1989. С. 59–60
Белополье	5	5			4	2		Сухобоков и др., 1987. С. 17–18; Некрасова, 1994. С. 3–4
Белополье-2	4				5			Архив А.В. Кропоткина
Березовка-3	3	0,2	0,5	Гумусированный песок	4	1–2,5		Обломский, Терпиловский, 1989. С. 8
Бесседовка (Негриковы Горбы)		40			3		+	Махно, 1955. С. 78
Бишкинь-1	2	6	0,4	Чернозем	2	13–14		Обломский, Терпиловский, 1991. С. 4
Бобрик	3	1,2			1			Горюнов, 1972
Боромля-2	4	1	0,3	Чернозем	1	До 20		Некрасова, 1989. С. 56
Боромля-3	4	3		"	1		+	Сухобоков, 1986. С. 113
Василивщина	5	3,5						Сухобоков и др., 1988. С. 41
Великая Писаревка-1	2	1,8		Чернозем	5	1–3		Обломский, 1989. С. 16
Великая Писаревка-2	2	12,7	1	"	5	1–3		Обломский, 1989. С. 17
Великий Бобрик	4	0,39	1		2	15	+	Журко, 1989. С. 8–13
Волковцы	3		0,5		2		+	Ляпушкин, 1961. С. 161

Таблица 7 (продолжение)

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ландшафта	Высота над уровнем водного источника (м)	Наличие пятен обмазки	Литература
Вязовое	4	1,8			5		+	Сымонович, 1961
Гай-Мошенка	3	18	0,6	Гумусированная супесь	4	1–2		Обломский, 1989. С. 9
Голышевское	4	21,5	0,3–0,4	Чернозем	1	15–16	+	Обломский, 1994б. С. 12–13
Горное	2	4	1	Чернозем	5	1–5		Обломский, Терпиловский, 1991а. С. 8
Городище	3	8,8	0,5		4	1,5–2,5		Горюнов, 1972
Гриневка	4	20		Чернозем	1		+	Махно, 1955. С. 77
Грунь-1	4	12			3	50–60		Гавриш, 1986. С. 5
Грунь-2	3	2	0,6		3			Гавриш, 1986. С. 5–6
Добрянское	2	5	0,6	?	5	3–4		Обломский, 1989. С. 14
Духановка-1	2	24	0,6	Чернозем	5	4–7		Обломский, Терпиловский, 1990. С. 19
Духановка-2	3	2,2	0,5		4	2–5		Там же. С. 20
Духановка-3	3	0,04			1	2	+	Там же. С. 21
Духановка-4	2	2			4	4–5		Там же
Жигайловка-1	3	40	0,5		5	2,4		Свод
Жигайловка-2	4	1,5						Там же
Зеленое	4	0,32			1			Горюнов, 1972. С. 5
Кононенково	4	1			1			Журко, 1986. С. 18
Коровинцы-1	2		0,8–1,2		5			Махно, 1960. С. 45
Коровинцы-2	3	Длина около 1 км			1			Архив А.В. Кропоткина
Коровинцы-3		60	0,9		5	2,5–3,5		Ляпушкин, 1961. С. 165–166
Королевщина	4	9	0,5		1			Горюнов, 1972. С. 13
Косовщина-1	4	0,6	0,6–0,7		1			Журко, 1986
Краснополье-1	3	2,6	0,5–0,6		5	3–5	+	Журко, 1988б
Краснополье-2	3	1,26			1	9–10		Журко, 1986. С. 11
Краснополье-3	4	0,75			1			Там же. С. 13
Краснополье-4	3				4			Там же. С. 11
Кровное	3	0,5			2			Журко, 1988б. С. 13
Кулешовка	3	Длина 60–80 м			1	2,5–3		Горюнов, 1972. С. 8–9
Лесковщина	5	2	0,7		1	5–7		Романова, 1989. С. 59–60
Малая Рыбица	4	8,5	0,8	Чернозем	4	1–3		Обломский, Терпиловский, 1991а. С. 11
Машково	4	5			1			Сухобоков, 1986. С. 128

Таблица 7 (окончание)

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ландшафта	Высота над уровнем водного источника (м)	Наличие пятен обмазки	Литература
Московщина	3				1			Архив А.В. Кропоткина
Нижняя Сыроватка	4	0,6			2			Журко, 1986. С. 11
Николаевка-1	4	6	0,8					Моргунов, 1985. С. 247
Новотроицкое (Пристайлово)	4	4			1		+	Ляпушкин, 1961. С. 168
Песчаное-1	3	0,8	0,4–0,5	Чернозем	2	6–10	+	Журко, 1988б. С. 13
Подлесновка	4	8	1,1					Кропоткин, 1966. С. 75, 91
Подлозиевка	3	42	0,6	Чернозем	1	0,5–2		Обломский, 1989. С. 10
Поселок	4	1,8			4	Слегка возвышается над поймой	+	Сымонович, 1964. С. 13
Рябушки-1	4	0,7			5	Терраса невысоко возвышается над поймой		Журко, 1988б. С. 14
Сад-2	4							Свод
Скуносово-1	3	0,5	0,8	Черная супесь	4	4–6		Обломский, Терпиловский, 1990. С. 13
Солдатское-6	3	2,5	1	Чернозем	4	1–2,5		Обломский, 1989. С. 19
Токари	2	4			4			Приймак, 1987–1988. С. 22
Томашевка-1	4	0,18			5			Горюнов, 1972
Томашевка-2	4	0,2			5	2,5–3		Горюнов, 1981. С. 107
Томашевка-3	4				5			Горюнов, 1972
Хоминцы-1	3	0,5	0,7		4	1,5		Горюнов, 1972. С. 15
Хоминцы-2	3	0,3	0,7		4	2–2,5		Там же. С. 15
Хоружевка	3	0,6			2	1,5–6		Там же. С. 8
Чепин	3	0,3			1	3,5–4		Там же
Червоный Яр-1	4	1			5		+	Сымонович, 1964. С. 13
Червоный Яр-2	4	Длина 300 м			4			Сымонович, 1964. С. 13
Череповка	4	0,8	0,9		2	0,5–3,5		Горюнов, 1972. С. 4–5
Чумаково-1	3	6			3	10–17		Обломский, Терпиловский, 1990. С. 6
Якименки	4	6			2			Архив А.В. Кропоткина
Якименки (Быков Яр)	5	10			1		+	Там же
Ямное-3	2	0,5	0,5	Чернозем	5			Обломский, Терпиловский, 1990. С. 15

Таблица 8

Поселения черняховской культуры Харьковской области

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ланд-шафта	Высота над уровнем водного источника (м)	Наличие пятен обмазки	Литература
Аксютовка-3	5	3,5			1			Колода, 1987. С. 47–48
Аксютовка-4	5	2		Чернозем	1			Там же
Аксютовка-5	5	1,2			1			Там же. С. 48
Бараново	5	3			2			Шрамко, 1975. С. 7–8
Бараново-2	5				2			Там же
Бараново-3	4				1			Там же
Береговое	3				4			Буйнов, 1977. С. 3
Валки-1	3				4			Буйнов, 1977. С. 2
Верхний Бишкинь-2	4	16		Чернозем	1			Колода, 1990. С. 10
Веселое (Муром)-3	5	0,5			1			Дяченко, 1980. С. 72
Веселое (Муром)-6	5	7	0,4–0,5		1		+	Там же
Веселое (Муром)-7	5	3	0,4		1		+	Там же
Викнено	3	20		Гумусированная супесь	6	1,5–3	+	Буйнов, 1984. С. 14
Войтенки-1	3		0,5–0,8		5		+	Дьяченко, 1975. С. 322
Войтенки-2	3		0,15–0,3		5			Там же
Голубовка-2	3	4			3	5–7		Дьяченко, Шрамко, 1976. С. 8–9
Дементьевка	5	1			1		+	Дяченко, 1980. С. 70
Должик	3				2			Ляпушкин, 1961. С. 163
Должик-1	3	14			4	2–3		Петренко, 1980. С. 14
Зеленый Колодец-1	4	1,5		Чернозем	5			Колода, 1990. С. 11
Зеленый Колодец-2	4	1,5		"	5			Там же
Зеленый Колодец-3	4	25			3			Там же. С. 12
Зеленый Колодец-4	5	3			1			Там же
Колесники	3	0,14	До 1,4	Гумусированная супесь	5		+	Любичев, 1995
Комсомольское-1	2				4			Дяченко, 1980. С. 73
Комсомольское-2	2				4			Там же
Кулики	4	1	0,3		1		+	Там же. С. 70
Лазуковка-2	3	8			1	1–4	+	Петренко, 1978. С. 8–10
Лищы-1	5	3,5			1			Дяченко, 1980. С. 72

Таблица 8 (продолжение)

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ланд-шафта	Высота над уровнем водного источника (м)	Наличие пятен обмазки	Литература
Лицы-2	5	1,2			1			Дяченко, 1980. С. 72
Льняное	4	30	0,3–0,4		1		+	Дяченко, 1975. С. 86–87
Малая Даниловка-1	4				1			Дяченко, 1980. С. 71
Малая Даниловка-2	3							Там же
Малая Рогозянка	3				6			Зайцев, 1964. С. 48
Маринчино-1	2				4			Михеев, 1959. С. 5
Маринчино-2	2				4			Там же
Мартово	2				5			Ляпушкин, 1961. С. 167
Мерефа-1	3	0,25		Чернозем	4			Колода, 1990. С. 14
Мерефа-2	3	1,5						Там же
Мерефа-3	3	10			4			Там же. С. 15
Мерефа-4	3	2		Чернозем				Там же
Михайловка-1	2	1,5			4			Дьяченко, 1970. С. 9
Новая Покровка	3			Чернозем	2		+	Кухаренко, 1952. С. 43
Ново-Мечебелово		1,05			1			Андриенко, 1970. С. 14
Новый Мерчик-2	3			Чернозем	1			Шрамко, 1975
Огурцово	2				4			Шрамко, 1959. С. 6; Зайцев, 1964. С. 45
Ореховские хутора	3	Длина около 1 км			4			Ляпушкин, 1961. С. 168
Пархомовка-1	4	2		Чернозем	1			Колода, 1987. С. 55
Пархомовка-2	4	8	0,3–0,4	Чернозем	1			Там же
Перемога-1	3	3,6		"	4	1		Там же. С. 37–38
Перемога-2	3	21		"	4	1		Там же
Пересечное	3	9			2			Ляпушкин, 1961. С. 170
Пересечное (Курортная)	3	7,5			5			Ляпушкин, 1961. С. 95–96
Петровское	3	30			1			Дьяченко, 1980. С. 69
Печенеги	2				2			Костюченко, 1949. С. 12–13
Писаревка-2	2	0,5			5			Дяченко, 1980. С. 70
Пятницкое-2	3				4			Буйнов, 1976. С. 27
Рассоховатое	3	3			5		+	Ляпушкин, 1961. С. 172
Рогань	4				6			Андриенко, 1970. С. 12

Таблица 8 (окончание)

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ланд-шафта	Высота над уровнем водного источника (м)	Наличие пятен обмазки	Литература
Родной Край-1	3	1,57	0,6–1	Гумусированная супесь	6	До 2–3		Петренко, 1991. С. 10
Соколово	3	Длина около 1,5 км			4			Дяченко, 1980. С. 70; Петренко, 1991. С. 23
Соколово	3				1			Петренко, 1991. С. 23
Стрилеча-1	5				1			Дяченко, 1980. С. 72
Стрилеча-2	5				1			Там же
Терновая-1	4	1,5		Чернозем	4			Колода, 1990. С. 13
Терновая-2	4				5			Там же
Терновая-3	4			Чернозем	4			Там же
Терновая-4	4				5			Там же. С. 14
Тимченки-2	3	0,8			4			Петренко, 1978. С. 5
Федоровка-2	3	3,5		Чернозем	4	1		Колода, 1987. С. 44–45
Федоровка-3	4	1,25		"	1	1		Колода, 1987. С. 47
Фески-1	3	6			4	2	+	Петренко, 1980. С. 17
Хворостово-4	4	8		Чернозем	1			Колода, 1990. С. 7
Чепели	3	3			4			Дяченко, 1980. С. 71
Черкасский Бишкин-3	2				5			Буйнов, 1975. С. 4
Шамараевка-2	4	2			1			Петренко, 1978. С. 3
Шаповаловка-4	4				1			Дьяченко, 1970. С. 4
Шевченково-1	4	1		Чернозем	1			Колода, 1990. С. 8

Таблица 9

Поселения черняховской культуры Полтавской области

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ланд-шафта	Высота над уровнем водного источника (м)	Наличие пятен обмазки	Литература
Абазовка-1	3	0,8	0,5		5	2–3	+	Археологические памятники территории г. Полтавы... С. 8
Абазовка-2	3	0,4			4			Там же

Таблица 9 (продолжение)

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ланд-шафта	Высота над уровнем водного источника (м)	Наличие пятен обмазки	Литература
Андреевка	3	0,5			5	До 5		Археологические памятники территории г. Полтавы... С. 8; Горюнов, Казанський, 1998. С. 76
Байрак	5	6			1			Кулатова, 1998. С. 84
Балаклея	3				1	4–6		Горюнов, 1971. С. 22
Безсалы	3				1	2–4		Приймак, 1981–1982. С. 46–53
Белокони	3	1,5			5	3		Горюнов, 1978. С. 11–12; Горюнов, Казанський, 1998. С. 77–78
Белоусовка	3	1,05			2	1–3	+	Приймак, 1981–1982. С. 1–2
Белоусовка	3	1,05			5		+	Приймак, 1981–1982. С. 1–2. Табл. 23
Белоцерковка	2				5	5–7		Горюнов, 1971. С. 18
Белуховка	3	0,72			4	1,2–1,5		Супруненко, 1986. С. 52
Бельск	5				1			Степанович, 1995а. С. 91
Бельск (Перещепино-1)	3	0,5			1	6–12		Супруненко и др., 1994. С. 15
Бельск (Якубовщина)	3	4,5			1			Дьяченко, 1976. С. 17
Богдановка	5	1,56			1	3–6		Приймак, 1981–1982. С. 3–4
Богодаровка-1	5	2,25			1	3–4	+	Там же. С. 4–6
Богодаровка-2	5	1,5			1			Там же. С. 6
Броилки	3	18			4	1,5–2		Горюнов, Казанський, 1998. С. 77
Броилки (между селами Васьки и Броилки)	3	2,1			4	2		Горюнов, 1978. С. 10; Горюнов, Казанський, 1998. С. 77
Бубны	4	3,75			4			Горюнов, 1973. С. 15
Васьки	3	2			4	2		Горюнов, 1978. С. 8–9
Великая Обуховка	3				1			Горюнов, 1971. С. 18
Воронинцы	3	4,5			6	2–3		Горюнов, 1972. С. 25
Воронинцы-2	3	1,2			5	2–3		Горюнов, 1972. С. 26
Вороньки	4	10	0,6–1		3	10	+	Горюнов, 1973. С. 16
Гали	2	0,6			2			Супруненко, 1991. С. 36

Таблица 9 (продолжение)

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ландшафта	Высота над уровнем водного источника (м)	Наличие пятен обмазки	Литература
Ганжи	2	1			4			Супруненко, 1991. С. 31
Гарбузовка	3	2			2	2,5–8		Там же. С. 36
Глубокая Долина-2	4	2,2			3			Кожевнікова, 1998. С. 82
Глубокая Долина-3	4	9			3			Там же
Глубокая Долина-4	4	0,4			3			Там же
Глубокая Долина-6	4				4	2		Там же
Гоголево	4	0,2	0,6		1			Горюнов, 1971. С. 15–16
Головач	3	0,6			1			Супруненко, 1983. С. 27–28
Городище	4	8			5	3–7		Горюнов, 1973. С. 17
Грянчиха	3	Длина 250 м			1			Ляпушкин, 1961. С. 162
Демидовка	4	3,5	1,2	Чернозем	5	1–6		Горюнов, 1978
Демьяновка	2				4			Махно, 1960. С. 41
Диканька (Соловьиное плесо)	3	Протяженность 15 м			6			Щербань, 1998. С. 88
Дмитриевка	2	10,73			5		+	Телегин и др., 1960–1961. С. 48–50
Долина Кукобовская-1	4	Длина 400–500 м			4	2–3		Горюнов, 1971. С. 25
Долина Кукобовская-2	3	4			5	2–3		Там же
Дубъяги	4	4,2	0,8		4	1,5–2,5	+	Горюнов, Усова, 1974
Дудниковое (Нижняя Мантовка)	3	0,8	0,3–0,4		4	2,5		Супруненко, 1992. С. 45–46
Зализничне	2				4			Там же. С. 52
Запселье	2	0,5	0,8–1		4	4–5		Горюнов, 1971. С. 23
Зоревка	3	1,2			2	До 20		Археологические памятники территории г. Полтавы... С. 10
Иваново Селище-1	3	2,44			2			Махно, 1968б. С. 39
Калайдинцы (Решай долина)	4	0,5			1	5–8		Горюнов, 1973. С. 18
Кантемировка	4	10	0,8		2		+	Махно, 1952. С. 233
Карпуси	3	0,78			2	1		Горюнов, 1971. С. 30; Горюнов, Казанський, 1998. С. 76

Таблица 9 (продолжение)

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ланд-шафта	Высота над уровнем водного источника (м)	Наличие пятен об-мазки	Литература
Кизлевка	4	2			5	3		Приймак, 1981–1982. С. 7
Кишеньки	3	2,4			5	3–5		Телегин и др., 1960–1961. С. 55–56
Кобеляки	3				2			Ляпушкин, 1961. С. 164
Ковалевка	3	0,24			4			Супруненко, 1983. С. 16
Ковали	4				5	До 3		Горюнов, 1973. С. 15
Коноплянка	3				5			Горюнов, 1971. С. 18
Коноплянка	3				6			Кожевникова, 1998. С. 83
Крысы	2	2,6			5	2-5–8		Телегин и др., 1960–1961. С. 45–47
Кунцево (Кунцы)	2				2			Ляпушкин, 1961. С. 166
Купьеваха	3	20			4		+	Копилов, 1952. С. 308
Кустолово	3	3			4			Супруненко, 1983. С. 47
Кустоловы Кущи	2	3			6			Супруненко и др., 1984. С. 8–9
Лаврики	3	1,2			5	3–6		Горюнов, 1978. С. 4–5
Левенцово (Левенцовка)	3	Длина 350–400 м			6	1		Горюнов, 1978. С. 12–13; Горюнов, Казанський, 1998. С. 77
Липовое	2	0,6			6			Махно, 1960. С. 37
Литвиновка	4	14			5	2,5	+	Казанский, 1978. С. 4
Лубны	2	1,1	0,4		3	50		Супруненко, 1986. С. 312
Луговики	4	2,4			4			Приймак, 1981–1982. С. 8–9
Луговики	4				5	3		Горюнов, 1973. С. 15
Лукищина-1	2	4	0,85		6			Супруненко, 1983. С. 23–25. Рис. 27–29
Лукищина-2	2	0,8			4	2,5		Супруненко, 1986. С. 362
Луценки	3	3,5			5	1–3		Приймак, 1981–1982. С. 9
Лысовка (Лишка)	3	3,7			1			Дараган, Степанович, 1995. С. 4
Лютенские Будища	4	Длина до 500 м	0,5		1			Горюнов, 1971. С. 10–11
Лютенька	4	Длина до 200 м			1	1,5–5		Горюнов, 1971. С. 12

Таблица 9 (продолжение)

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ланд-шафта	Высота над уровнем водного источника (м)	Наличие пятен обмазки	Литература
Майдановка	3	10			5			Махно, 1968. С. 38
Малая Кохновка	2	10				6		Телегин и др., 1960–1961. С. 44
Малая Шкуропиевка	4	0,3			5	3		Казанский, 1978. С. 5
Малопере-щепинская	3	0,75			6	5		Супруненко, 1983. С. 32–33. Рис. 33
Малые Сорочинцы	3	8			5			Копилов, 1955. С. 168
Мамрои-2	4	25			1		+	Петренко, 1982. С. 13–14
Мацковцы-3	2	2,1			3 (4?)			Супруненко, 1989. С. 152
Мачухи-3	3	0,75	1,1		1			Гейко, 1998. С. 79
Михновка	3	2,8			5	2	+	Казанский, 1978. С. 10
Михновцы	3	0,9			4	1,5		Горюнов, 1972. С. 25
Н. Диканька	4	0,16			5	2,5		Казанский, 1978. С. 3–4
Новоселовка	4	2,8	1		2		+	Архив А.В. Кропоткина
Новые Сенжары	2	Ширина 60 м			5			Ляпушкин, 1961. С. 168
Новый Тагамлык	3				2			Неприна, 1976. С. 4
Огуевка	3	5			4			Археологические памятники Машевского р-на..., 1988. С. 10
Опошня-2 (Лазурка)	4	1,1			1			Гейко, 1993. С. 2
Опошня-3	4	0,75			1			Там же
Опошня-5 (Шутова Балка)	4	1,1			1			Там же
Опошня-6	4	1,3			1			Там же
Опошня-7	4	2,1			1			Там же
Опошня-8	4	1			1			Там же
Опошня-9	4	1			1			Там же. С. 3
Остапье	2	1			3			Супруненко, 1983
Пасечники	3	2,4			4			Горюнов, 1971. С. 27; Казанский, 1978. С. 8
Пески	2	0,5			4			Копилов, 1952. С. 308
Песок	2	2,4	0,2–1,3		4			Супруненко, Кулатова, 1988
Петракеевка-1	4	0,5			3	12		Кожевнікова, 1998. С. 83
Петракеевка-2	4	0,6			3			Кожевнікова, 1998. С. 82

Таблица 9 (продолжение)

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ландшафта	Высота над уровнем водного источника (м)	Наличие пятен обмазки	Литература
Петровка	4	10			1		+	Махно, 1968. С. 38
Пилиповичи	4	Длина 300 м			2	2–7		Горюнов, 1973. С. 19
Писаревка	3				2			Ляпушкин, 1961. С. 171
Писаревщина	3	Длина 400–500 м			1			Горюнов, 1971. С. 20
Побыванка (Полтава)	4	0,5			1			Археологические памятники территории г. Полтавы... С. 7
Позняки	4	15			5	1,5–2	+	Горюнов, 1971. С. 30
Полтавцы	3	2,65	0,6		3	3–10 (по другим данным – 4–5)		Горюнов, 1978. С. 7–8; Горюнов, Казанський, 1998. С. 77
Поповка	4	Длина 1 км			1			Копилов, 1955. С. 168
Пристанционное (Малое Перещепино)	3	0,7		Супесь	6			Супруненко, 1991. С. 31
Пристань-3	3	3			6	3–4		Кожевникова, 1998. С. 83
Прогресс	3	0,5			5	2,5	+	Юренко,1977. С. 12; 1978. С. 11–20
Прокоповка-1	3		0,5		5			Горюнов, 1971. С. 24
Прокоповка-2	3	Длина 100 м	0,8–1		6			Там же
Проценки (Ступки)	4	Длина 200–250 м			1			Там же. С. 8
Пятигорцы-1	3	10,8			4	1		Горюнов, 1972. С. 24
Пятигорцы-2	3	2,1			4			Там же
Радаловка	3	20			5			Махно, 1968. С. 39
Радянское-1	2	0,15			6	3–3,5		Супруненко, 1982. С. 30; Телегин и др., 1960–1961. С. 59
Радянское-4	2	8,25	0,4–0,5		4	3		Там же. С. 67
Радянское-5	2				5			Там же. С. 58; Супруненко, 1982. С. 30
Рашевка-2	2				3			Степанович, 1995. С. 101

Таблица 9 (окончание)

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ланд-шафта	Высота над уровнем водного источника (м)	Наличие пятен обмазки	Литература
Рашевка-3 (Сайкова Долина-1)	3	6,5			5			Дараган, Степанович, 1995. С. 1
Рашовка	3	Длина 300 м			1		+	Ляпушкин, 1961. С. 172
Решетники	2	9			2			Супруненко, 1991. С. 29–30
Свинковка	3		1		5		+	Ляпушкин, 1961. С. 172
Селещина	3	0,4			5			Археологические памятники Машевского р-на... С. 12
Сердюки-1	3	1,8	0,2–0,8		1			Гейко, 1998. С. 79–80
Сердюки-2	3	2,3			1			Там же. С. 80
Степановка	4	0,7		Супесь	4	2		Супруненко, 1992. С. 42
Степановка-2	3				5			Супруненко, 1983. С. 14
Судивка	3	0,8			4	2,5		Супруненко, Гавриленко, 1986. С. 44–47
Сухиновка	2	1,5			5			Ляпушкин, 1961. С. 173
Твердохлебы-2	3	Ширина 30–40 м			5	4		Горюнов, Казанський, 1998. С. 77
Терновый	2	2,8			4		+	Ляпушкин, 1961. С. 173
Терновый-2	2	1,5			4			Архив А.В. Кропоткина
Терны-1	2	2,5	0,65					Супруненко, 1989. С. 149
Ткаченковка	2	4,5			5			Супруненко, 1991. С. 29
Федоровка	3	Длина 1,5 км			5			Махно, 1968б. С. 38
Фрунзовка	3	3,2			4	4		Казанский, 1978. С. 9
Холодовка-Бельск-1	3	1			5	1–2		Степанович, 1995а. С. 90
Холодовка-Бельск-2	3	1			5	14		Там же
Хорол, ул. Крылова	4	0,7			2	18–20		Супруненко, Степанович, 1994. С. 31
Хорунжевка	4	1,5			5			Казанский, 1978. С. 6
Шевченки	3	5,4			1			Гавриш, 1989
Шияны (Шеянов)	3	3,8			5			Горюнов, 1971. С. 16

Таблица 10

Черняховские поселения Черниговской и Киевской областей

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ландшафта	Высота над уровнем водного источника (м)	Наличие пятен обмазки	Литература
Аниовка	5	2	0,5		1			Жаров, 1991. С. 24
Березанка (Рудка)	3	1,6			4	1,5–2		Простантинова, 1989. С. 12
Березанка-2	3				1			Сымонович, 1960. С. 12
Березанка-3	4	1			1		+	Там же. С. 11
Борзна-1	4	Длина 1000 м			2		+	Там же. С. 10
Борзна-2	4				4	5		Там же
Борзна-3	4	Длина 200–250 м			3			Там же
Веприк	2	1			4			Сымонович, 1962. С. 4
Городище-2	5	10	0,2		1			Сытий, 1989. С. 20
Данино-1	5	22,75	0,6		1	5		Мултанен, 1992. С. 8
Данино-2	5				1	2		Там же. С. 8–9
Дослядное (Струга Остров)	4	7			1	1–1,5		Простантинова, 1987. С. 4
Дослядное (Струга-3)	5	18			4	1–1,5		Там же. С. 4
Дослядное (Струга-4)	5	12,5			4	1	+	Там же. С. 5
Заезд	3	6	1,1		6	2–2,5		Мултанен, 1986. С. 9
Закревское	3	0,4	0,3		4	3–5	+	Там же. С. 5.
Ичня-1	4	3			1	6–8	+	Мултанен, 1987. С. 6
Ичня-2	4	2,5			1	6–8		Там же
Каршиловка	4				2			Там же. С. 8
Кладьковка	2	2	0,3	Супесь	6			Шекун, 1992. С. 42
Клецы	5				5			Архив А.В. Кропоткина
Комаровка (Проток Вялый)	4	5,25	2,5					Сытий, 1992. С. 25
Круты	3	5	0,2		4			Сытий, 1989. С. 25
Липов Рог	3	2,5						Мултанен, 1989. С. 13
Липов Рог (Мыс)	3	3,1			4	1-й – 4, 2-й – 0,5–1		Простантинова, 1989. С. 14–15
Липов Рог (Птичник-2)	3	11,25			4			Мултанен, 1986. С. 7
Макаровка (Ровчак)	4	5			4	1–2		Мултанен, 1988. С. 4–5

Таблица 10 (продолжение)

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ландшафта	Высота над уровнем водного источника (м)	Наличие пятен обмазки	Литература
Малая Девица-1	4	Протяженность 200 м			1			Архив А.В. Кропоткина
Малая Девица-2	5				1			Там же
Малая Дочь	6	22,5	0,2		1			Сытий, 1989. С. 19–20
Николаевка-1 (Карьер)	8		0,4		1			Сытий, 1991. С. 5
Николаевка-2	7	5,25	0,3		1			Сытий, 1991. С. 5; Сымонович, 1960. С. 9–10
Новая Басань	4	3			5			Сымонович, 1962. С. 4
Носовка-1 (Карьер)	4	2,1	0,3		4	3–4		Простантинова, 1988. С. 3
Носовка-4 (Краткиевка)	4	0,5			4			Авдеев, 1989. С. 3
Носовка-5 (Краткиевка)	4	2,25			5			Там же
Омбиш	4	2,5	0,4					Сытий, 1990. С. 33
Остров-1	7				2		+	Сымонович, 1960. С. 8
Петровка	4	5			1	1–2		Аниотированный список...
Печи-1 (Дегтярка)	4	1,5	0,6		1			Жаров, 1991. С. 21
Печи-2 (Перелисок-2)	3	4	0,8		6	1–2		Мултанен, 1987. С. 4; Жаров, 1991. С. 23
Печи-3 ("Печи-1")	4	2	0,6		1			Жаров, 1991. С. 22
Плиски	3	0,2			4	0,5–1		Мултанен, 1987. С. 4
Плиски (Рудка-2)	5	0,7						Сытий, 1990. С. 35
Подол-1 (Паталенки-карьер)	4	0,9			5	2–4		Мултанен, 1987. С. 7
Подол-2 (Паталенки-2)	4	1,4			5	4		Там же
Поетин	4	0,75			5	1,5–2		Там же. С. 8
Прилуки	4	3,2	0,7		1			Мултанен, 1986. С. 8
Пролетарское	5	4			1			Мултанен, 1987. С. 6
Ряшки-2	4	3	0,5	Гумусированная супесь	1			Шекун, 1992. С. 11
Свитанок-1	4	4	0,4		1	3		Жаров, 1990
Свитанок-2	4	2,5	0,5		1			Там же. С. 10
Скибовщина-1	5	5	0,7		1	10–12	+	Мултанен, 1986. С. 12
Скибовщина-2	5	2,6			1			Там же

Таблица 10 (окончание)

Название	Порядок речной сети	Площадь (га)	Толщина слоя (м)	Характер слоя	Тип ландшафта	Высота над уровнем водного источника (м)	Наличие пятен обмазки	Литература
Скибовщина-3 (Коганове-2)	5	7	0,5		1		+	Мултанен, 1986. С. 13
Соснова	2		0,4–1,2		1			См. главу вторую настоящей монографии
Ставок (Мурчин Ставок)	5	1,1			1	3		Простантинова, 1988. С. 5
Талалаевка-1 (Канал-1)	5	10,5			1	3		Мултанен, 1992. С. 10–11
Талалаевка-2 (Канал-2)	5	8,75			1	3		Там же. С. 11
Талалаевка-3 (ЛЭП)	4	4				3		Там же
Харитоновка-1 (Балка-1)	5	6	0,5–1		1			Там же. С. 10
Хлопков-1	2	10	0,8–1,2		4			См. главу вторую настоящей монографии
Хорошее озеро-1 (Вовча могила)	6	3	0,2		1	1		Сытий, 1990. С. 32
Хорошее озеро-2	4	3	0,8		6	1	+	Жаров, 1991
Щасновка-1	3	2			4			Мултанен, 1988. С. 5–6
Щасновка-2	3	4,5			4	0,5–1		Там же. С. 6
Щасновка-3	3	1,75			6	0,5–2,5		Там же
Щуровка-1	3	2,6	0,8–1,6	Гумусированная супесь	1		+	Шекун, 1992. С. 8–11
Щуровка-3	5	1	0,4–0,5		1			Шекун, 1992. С. 7–8

Таблица 11

Ландшафты черняховских поселений. Статистические данные

Области	Тип ландшафта	Количество памятников	%	Области	Тип ландшафта	Количество памятников	%
Курская	1	3	9	Черниговская и Киевская	1	33	52
	2	11	33		2	3	5
	3	3	9		3	1	2
	4	8	24		4	16	25
	5	6	18		5	6	9
	6	2	6		6	5	8
Белгородская	1	14	38	Сумская	1	24	35
	2	8	22		2	9	13
	3	0	0		3	4	6
	4	7	19		4	15	22
	5	8	22		5	17	25
	6	0	0				

Таблица 11 (окончание)

Области	Тип ландшафта	Количество памятников	%	Области	Тип ландшафта	Количество памятников	%
Полтавская	1	36	26	В целом	1	139	34
	2	5	4		2	42	10
	3	10	7		3	16	4
	4	32	23		4	100	24
	5	42	31		5	91	22
	6	12	9		6	23	6
Харьковская	1	29	39				
	2	6	8				
	3	2	3				
	4	22	29				
	5	12	16				
	6	4	5				

Таблица 12

Ландшафты поселений киевской культуры Подесенья–Нижнего и Среднего Посеймья

Тип ландшафта	Количество памятников	%
1	13	13
2	9	9
3	6	6
4	47	48
5	12	12
6	11	11

Таблица 13

Ландшафты поселений киевской культуры лесостепной зоны

Тип ландшафта	Количество памятников	%
1	3	5
2	7	10
3	7	10
4	29	42
5	12	17
6	11	16

Таблица 14

Закрытые комплексы находок на памятниках сейминско-донецкого варианта киевской культуры

Памятник, объект	Состав комплекса (вещи)	Состав комплекса (гончарная керамика)	Состав комплекса (лепная керамика)	Тип комплекса	Условия находки	Литература
Боромля-2, постройка 1	2 фибулы группы VII О. Альмгрена, составной гребень с полуовальной спинкой, фрагмент пластинки от другого гребня, железные шило и нож, обломки пирамидальных грузил, оселок, заготовка костяного шила	Отдельные черепки	Отдельные черепки	УЗК	Нижний слой заполнения полуземлянки, перекрытый "почти стерильной" прослойкой с отдельными черепками. В верхних слоях заполнения – лепная керамика киевской культуры и гончарная черняховская, фрагменты амфор типа D	Некрасова, Терпиловский, 1989. С. 19–20

Таблица 14 (продолжение)

Памятник, объект	Состав комплекса (вещи)	Состав комплекса (гончарная керамика)	Состав комплекса (лепная керамика)	Тип комплекса	Условия находки	Литература
Боромля-2, постройка 3	"Мотыльковая фибула" группы VII О. Альмгрена, одно целое и два фрагментированных пряслица, 14 обломков конических и пирамидальных грузил, фрагмент оселка и тупик	Обломки днищ амфор типа D, F, черняховская гончарная керамика	Горшки I,1,а,а – 2 экз.; I,3-а – 1 экз.; II,2,а – 1 экз.; диск	УЗК	Пол и нижний слой заполнения постройки, перекрытые пластом обожженной обмазки	Некрасова, Терпиловский, 1989. С. 22–24
Боромля-2, постройка 6	Фрагмент железного ножа, морская раковина – подвеска	Черняховская гончарная керамика, обломки светло-глиняных амфор	Горшки I,1,а,а – 1 экз.; I,3-а – 2 экз.; II,2,а – 1 экз.	УЗК	Нижний слой заполнения постройки, стратиграфически отделенный от двух верхних	Некрасова, Терпиловский, 1990. С. 8–10
Боромля-2, очаги 3 и 4		Фрагмент дна чернолощеного сосуда	Горшки: I,1,а,а – 2 экз.; I,3-б – 1 экз.; II,2,а – 1 экз.; конические миски – 2 экз.	АЗК	Субструкции очагов (описаны суммарно)	Некрасова, Терпиловский, 1991. С. 14
Боромля-2, постройка 10		Черняховская гончарная керамика, обломки светло-глиняных амфор, в том числе ручка амфоры типа D	Горшок I,3-а	УЗК	Заполнение и пол постройки, которая перекрывается очагами 3 и 4	Там же. С. 15–16
Боромля-2, очаг 2			Лепная керамика, в том числе и фрагмент ребристого горшка	АЗК	Субструкция очага	Некрасова, Терпиловский, 1990. С. 14
10-й Октябрь, постройка 2	Костяное полированное шило, обломок пряслица, железный нож, фрагменты глиняных грузил, обломки шарообразного глиняного предмета	Черняховская гончарная керамика, ручка амфоры типа D	Горшок I,3-а; обломки ребристого и еще одного округлобокого горшка; фрагменты двух конических мисок	УЗК	Заполнение и пол постройки, а также материалы из очага. Постройка перекрывается черняховской полуземлянкой	Обломский, 1994б. С. 15–16
Букреевка-2, постройка 3	3 фрагмента пряслиц, 3 фрагмента глиняных грузил	Черняховская гончарная керамика, обломок ручки амфоры типа C–D	Горшок типа I, 3-б; обломки двух ребристых горшков	УЗК	Почти вся керамика происходит с пола жилища: фрагменты лепных сосудов крупные: они не могли попасть в постройку из слоя	Сымонович, 1978. С. 29

Таблица 14 (продолжение)

Памятник, объект	Состав комплекса (вещи)	Состав комплекса (гончарная керамика)	Состав комплекса (лепная керамика)	Тип комплекса	Условия находки	Литература
Родной Край-3, жилище 1	Фибула группы VII О. Альмгрена, железный ключ (с пола)	Черняховская гончарная керамика, ручка амфоры типа С–D из заполнения	Горшки I,1,а,а – 2 экз.; I,1,а,б – 1 экз.; I,1,б – 1 экз.; I,3-б – 1 экз.; 2 конические миски; венчик горшка с насечкой по краю, днище лепной лощеной миски	УЗК	Почти вся коллекция материалов поселения происходит из двух жилищ, расположенных далеко друг от друга (в разных частях раскопа). В слое материала очень мало	Буйнов, 1984. С. 8–11; Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997. С. 112–113
Родной Край-3, жилище 2	2 фрагмента глиняных грузил, 5 пряслиц, костяное полированное шило	Черняховская гончарная керамика, ножки светлоглиняных амфор типов D, F	Горшки I,1,а,а – 2 экз.; I,1,б – 1 экз.; I,3-а – 1 экз.; ножка конической миски, миниатюрный сосуд	УЗК	Почти вся коллекция материалов поселения происходит из двух жилищ, расположенных далеко друг от друга (в разных частях раскопа). В слое материала очень мало	Буйнов, 1984. С. 8–11; Башкатов, Дегтярь, Любичев, 1997. С. 113
Воробьевка-2, очаг А		Черняховская гончарная керамика	Горшки I,1,а,а – 1 экз.; I,1,б – 1 экз.	АЗК	Субструкция очага	Сымонович, 1974. С. 154
Гочево-3, яма 15		То же	Горшки I,1,а,а – 4 экз.; I,1,б – 2 экз.	УЗК	Количество материала в яме значительно превышает число находок из слоя вокруг нее. Фактически керамика из ямы представляет собой обособленный массив материала	Горюнова, 1987. С. 13
Гочево-4, постройка 2		"	Горшок типа II,1	УЗК	Постройка 2 перекрывается сверху завалом обмазки черняховского наземного жилища 1	Там же. С. 17–27
Авдеево, яма на кв. Г3/4		"	Горшок типа I, 1,а,а, лощеная миска типа II,3	УЗК	Яма на глубину до 40 см засыпана "сероватым песком". Керамика происходит из нижней части этого слоя и заполнения под ним. Комплекс, таким образом, стратиграфически отделен от культурного слоя	Алихова, 1948. С. 10–12
Новодоновка-2, хозяйственная яма на участках 1 и 2			Горшки: I,1,а,а – 1 экз.; II,1 – 1 экз.; и еще один ребристый	УЗК	Керамика происходит из скопления в нижней части хозяйственной ямы	Митрофанова, 1960. С. 6–7

Таблица 14 (окончание)

Памятник, объект	Состав комплекса (вещи)	Состав комплекса (гончарная керамика)	Состав комплекса (лепная керамика)	Тип комплекса	Условия находки	Литература
Цепляево-2, слой		Черняховская гончарная керамика	Горшок I,3-а; лощеная миска типа II,3	АЗК	Материал происходит из завала обмазки постройки, нарушенной более поздней полуземлянкой, из ее заполнения и слоя около нее. Вся керамика вторично обожжена, т.е. находилась в сооружении в момент пожара	Обломский, 1987б. С. 22–23

Примечание: АЗК – абсолютно закрытый комплекс, УЗК – условно закрытый комплекс (по: [Обломский, Терпиловский, 1991а]).

Таблица 15

Структура набора сосудов на памятниках сейминско-донецкого варианта киевской культуры (%)

Типы сосудов/название памятника	Боромля-2	Гочево-3	Букреевка-2	Тазово	Авдеево
I,1,а,а	30	31	32	56	62
I,1,б		3			6
I,3-а	19	15	6	12	
I,3-б	5	2	8	4	6
I,4,а		2	15		6
I,4,б	3	3		8	
II,1	5	5	5		14
II,2,а	11	3	6		
Конические миски	22	30	28	4	6
Диски	5	4		16	

Таблица 16

Соотношение категорий посуды черняховского поселения Головино-1

Раскоп	Объект	Горизонт \ штык	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж
1	Постройка 2	1	97\63	32\21	2\1	19\12	3\3		
1	То же	2	48\67	8\11	2\3	10\14	3\5		
1	"	3	69\68	16\16		8\8	8\8		
1	Постройка 4	1	77\35	25\12	1\0,5	105\48	1\0,5	8\4	
1	То же	2	28\30	15\15		45\47	4\5	3\4	
1	Яма 6	Заполнение	5\-	2\-		5\-			
1	Яма 11	"	35\47	5\7		32\43	2\3		
1	Яма 18	"	8\-	5\-		3\-	1\-		
1	Яма 14	"	11\-	2\-		3\-			1\-
1	Яма 15	"	7\-	2\-		3\-			
1	Яма 20	"	6\-	3\-		8\-			

Таблица 16 (окончание)

Раскоп	Объект	Горизонт\ штык	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж
1	Культурный слой	1	595\50	126\11	20\2	379\32	39\3	14\1	18\1
1	То же	2	1014\43	265\11	43\2	870\37	98\4	37\2	19\1
1	"	3\4	557\44	212\17	33\3	428\32,5	29\2	14\1	4\0,5
2	Постройка 5	1	188\48	57\15	18\5	114\29	2\0,5	8\2,5	
2	То же	2	111\45	58\24	12\5	56\23		9\4	
2	"	3\4	74\48	26\17	1\0,6	49\32		4\2,4	
2	"	Пол	9\28	3\9	1\3	18\56		1\4	
2	Яма 3	Заполнение	Несколько						
2	Культурный слой	1	317\54	32\5	4\1	217\37	9\2	3\1	
2	То же	2\3	361\40	96\11	8\1	429\46,4	7\1	4\0,5	1\0,1
8	Яма 5	1	37\47	5\6	2\2	33\42	1\1,5	1\1,5	
8	То же	Скопление керамики	12\-	4\-		3\-			
8	"	2	40\38	12\12	1\1	50\48			1\1
8	Яма 9	Заполнение	24\37	11\6	1\1,5	35\54			1\1,5
8	Культурный слой	1	473\43	53\5	11\1	529\49	11\1	9\1	
8	То же	2	795\38	210\10	15\1	1003\48	14\0,9	39\2	2\0,1
8	"	3	107\33	22\7	3\1	184\56,6	2\0,4	6\2	

Примечания: А – гончарная керамика с шероховатой поверхностью (количество\%).
Б – гончарная керамика с лощеной поверхностью (количество\%).
В – гончарная керамика с хроповатой поверхностью (количество\%).
Г – груболепная керамика с шамотом (количество\%).
Д – груболепная керамика с песком и органикой (количество\%).
Е – лепная лощеная керамика (количество\%).
Ж – фрагменты амфор (количество\%).

Таблица 17

Погребения с вельбарской лепной керамикой на черняховских могильниках. Погребальный обряд

Могильник	№ погребения	Тип	Наличие урны	Ориентировка	Форма ямы	Размеры ямы (м)	Глубина ямы (м)	Наличие анатомического порядка
Баев	4	ТП		С-Ю			0,6	Да
Будешты	66	ТП		СЗ-ЮВ			1,25	"
Будешты	247	ТП		?				
Будешты	6	ТС	+					
Будешты	132	ТС	+					
Гавриловка (ОСП)	32	ТП		СЗ-ЮВ			1,45	Нет
Гавриловка (ОСП)	68	ТП		ССЗ-ЮЮВ	Прямоугольная	1,9 × 1,0	1,6	Да
Гавриловка (ОСП)	73	ТП		С-Ю	"	1,6 × 0,9	0,9	"
Гавриловка (ОСП)	67	ТП					0,65	
Городок	3	ТП		ССЗ-ЮЮВ	Прямоугольная	1,9 × 0,75	1	Да
Данчены	18 А	ТП		С-Ю	Овал	1,6 × 0,5–0,8	1,6	Нет
Данчены	186	ТП		С-Ю	Прямоугольная	1,6 × 1,05	0,65	"
Данчены	356	ТП		СВ-ЮЗ	"	2,9 × 1,25	1,1	Да

Таблица 17 (продолжение)

Могильник	№ погребения	Тип	Наличие урны	Ориентировка	Форма ямы	Размеры ямы (м)	Глубина ямы (м)	Наличие анатомического порядка
Данчены	132	ТС	+				0,45	
Данчены	22	ТС					0,4	Нет
Данчены	58	ТС					0,35	"
Деревянное	15	ТП		З-В			0,6	?
Думанов	8	ТП		С-Ю			1,2	Да
Журавка	20	К?		С-Ю	Прямоугольная		0,92	?
Журавка	34	ТП		С-Ю	"		1,46	Да
Журавка	21	ТП		С-Ю	Овальная		0,5	Да
Заячевка	4	ТП		?			0,7	?
Заячевка	7	ТП		С-Ю			0,9–1,1	Нет
Компанийцы	28	ТП		С-Ю	Овальная		0,9	Да
Компанийцы	115	ТП		С-Ю			0,8	"
Компанийцы	122	ТП		ССВ-ЮЮЗ			1,4	"
Компанийцы	286	ТП			Овальная		0,7	
Компанийцы	11	ТС	+				0,2	
Компанийцы	31	ТС	+				0,2	
Компанийцы	59	ТС	+				0,3	
Компанийцы	128	ТС	+				0,6	
Компанийцы	139	ТС	+				0,55	
Компанийцы	171	ТС	+				0,4	
Компанийцы	173	ТС	+				0,3	
Компанийцы	39	ТС	+				0,25	
Компанийцы	7	ТС					0,2	
Компанийцы	40	ТС					0,45	
Компанийцы	56	ТС					0,4	
Компанийцы	117	ТС					0,4	
Компанийцы	164	ТС					0,9	
Косаново	1	ТП		С-Ю			0,5–0,6	
Косаново	9	ТП		С-Ю			1	Да
Косаново	3	ТП		С-Ю			0,35	"
Косаново	11	ТП		С-Ю			0,8	"
Косаново	15	ТП		С-Ю	Прямоугольная		1,0–1,1	"
Косаново	17	ТП		С-Ю			0,74	Нет
Косаново	18	ТП		С-Ю			0,7	Да
Косаново	21	ТП					0,4–1,2	Нет
Косаново	24	ТП		С-Ю			0,85	"
Косаново	31	ТП		С-Ю			0,65–0,9	"
Косаново	32	ТП		С-Ю	Овальная	1,2 × 1,5	1,25	"
Косаново	42	ТС	+				0,5	
Могиляны-Хмельник	2	ТС					0,5–0,9	
Раковец	4	ТП		С-Ю	Прямоугольная		1,38	Да
Раковец	6	ТП		С-Ю			1,2	"
Раковец	7	ТС	+		Округлая	1,2 × 1,1	0,35–0,4	
Раковец	12	ТС			Неправильной		0,67–0,7	
Ризино	2	ТП		С-Ю	формы		0,45	
Родной Край-1	3	ТП		С-Ю			0,8	Да
Ромашки	41	ТП		С-Ю			0,5	"
Ромашки	43	ТП		ССВ-ЮЮЗ	Овальная		0,85	"
Ромашки	44	ТП		С-Ю				
Рудка	1	ТП		С-Ю	Прямоугольная	1,1 × 2,5		Да
Ружичанка	15	ТП		С-Ю	"		1,3	"
Ружичанка	23	ТП		СЗ-ЮВ	"		1,1	Нет
Ружичанка	22	ТС	+		Округлая	0,6 × 0,5	0,45	
Рыжевка	4	ТП		СВ-ЮЗ			0,55	Да

Таблица 17 (окончание)

Могильник	№ погребения	Тип	Наличие урны	Ориентировка	Форма ямы	Размеры ямы (м)	Глубина ямы (м)	Наличие анатомического порядка
Рыжевка	43	ТП		С-Ю			0,45	Да
Рыжевка	2	ТС					1,1	
Рыжевка	24	ТС			Овальная	0,97 × 0,57		
Рыжевка	30	ТС			"	0,7 × 0,5	0,86–1,05	
Токи	3	ТП		С-Ю			1,85	?
Токи	7	ТП		СЗ-ЮВ	Прямоугольная	1,45 × 0,75	1,8	Нет
Чернелив Русский	41	ТП		С-Ю	"	1,7 × 0,7	1,25	Да
Чернелив Русский	43	ТП		ССЗ-ЮЮВ				Нет
Чернелив Русский	65	ТП		ССВ-ЮЮЗ	Овальная	1,8 × 1,08	1,05	"
Чернелив Русский	70	ТП		?			0,6	"
Чернелив Русский	72	ТП		?	Овальная	2,03 × 1,32	1,05	"
Чернелив Русский	90	К					1	
Чернелив Русский	96	ТП		С-Ю	Прямоугольная	?	1,25	Нет
Чернелив Русский	101	ТП					0,85	"
Чернелив Русский	103	ТП		ССВ-ЮЮЗ	Прямоугольная		1	"
Чернелив Русский	111	ТП		С-Ю	Овальная	0,87 × 0,53	0,9	"
Чернелив Русский	113	ТП		С-Ю			1,15	"
Чернелив Русский	118	ТП		?			0,8	?
Чернелив Русский	119	ТП		С-Ю	Прямоугольная с закругленными углами	1,73 × 0,74	0,7	Нет
Чернелив Русский	131	ТП		С-Ю	Прямоугольная	1,8 × 1,13	1,35	"
Чернелив Русский	137	ТП		С-Ю	"	1,85 × 0,75	1,1	Нет
Чернелив Русский	181(верхнее)	ТС			"	2,7 × 1,6	1,55	
Чернелив Русский	255	ТП		СЗ-ЮВ	"	2,1 × 0,8	0,95	Нет
Чернелив Русский	257	ТП		ССЗ-ЮЮВ	Прямоугольная с закругленными углами	2,1 × 0,68	0,75	"
Чернелив Русский	258	ТП		ССЗ-ЮЮВ		2,5 × 1,3	0,9	"
Черняхов	258	ТП		С-Ю			0,72	Да
Чубовка	3	ТП		?	Прямоугольная		1,2	?

Примечания: ОСП – могильник у овчарни совхоза Приднепровский.
ТП – трупоположение.
ТС – трупосожжение.
К – кенотаф.

Таблица 18

Погребения с вельбарской лепной керамикой на черняховских могильниках. Инвентарь

Могильник	Инвентарь	Расположение инвентаря	Антропология	Примечания
Баев	1 сосуд (миска), поломанный железный нож без окончания	Сосуд – с В у колена, рядом – нож	Подросток	Одна нога согнута
Будешты	4 сосуда, 2 фибулы, бусы	Миска – у темени, сосуды – к ЮВ от скелета, фибулы – у головы	Ребенок	
Будешты	5 сосудов, бусина	Один из сосудов – в миске, прочие – рядом с головой, бусина – у черепа	"	Сильно разрушено
Будешты	Горшок–урна, фрагмент днища сосуда, фрагмент стеклянного сосуда, подвеска	Урна накрыта черепком, прочие вещи – в урне		
Будешты	Урна, черепок сосуда	Урна накрыта черепком		Урна лежала вверх дном
Гавриловка (ОСП)	4 сосуда, ожерелье, обломки фибулы, гребня, пряслице	2 сосуда – у ног с З, 2 – у головы с В, прочее – в С части среди костей	Женщина	Одна нога согнута
Гавриловка (ОСП)	8 сосудов, кубок, 2 фибулы	Сосуды – к З от скелета, фибулы – на плечах	Женщина 40–55 лет	
Гавриловка (ОСП)	3 сосуда	Сосуды – к С и В от скелета	Младенец	Над погребением – каменный заклад
Гавриловка (ОСП)	2 сосуда, черепки	Кости накрыты горшком, миска – рядом, черепки перекрывают погребение сверху		
Городок	6 сосудов, бусы, 3 фибулы, пряслице, булавка, гребень, птичьи кости, кусок смолы	Сосуды – у З стенки ямы, один – на скелете, бусы – к В от черепа, фибулы – на правом плече, у ног, у локтя, у левой руки – гребень, птичьи кости – у ступней, кусок смолы – под сосудами		Над погребением – яма с золой, обломками сосудов и кальцинированными костями, в инвентаре сочетаются скифо-сарматские лепные сосуды и вельбарские, у скелета ноги подогнуты
Данчены	Лепной горшок	На костях		На костях – сгоревшая плаха. Захоронение – двойное? Второе – скорченное и имеет диагональное расположение
Данчены	Лепной горшок, пряслице	У восточной стены	Младенец	Яма с заплечиками
Данчены	5 сосудов, ожерелье, фибула	Сосуды – вокруг скелета, ожерелье – на шее, фибула – на плече		К С от черепа – кости животных
Данчены	Лепная миска – урна			
Данчены	Заклепки от гребня, лепная миска			Потревожено плугом
Данчены	Обломки нескольких сосудов, пряжка			То же

Таблица 18 (продолжение)

Могильник	Инвентарь	Расположение инвентаря	Антропология	Примечания
Деревянное	1 лепной кубок	У черепа	Ребенок	Скелет сохранился частично
Думанов	5 сосудов, 2 фибулы, 4 оковки, 2 подвески	Сосуды – к В от скелета, там же оковки, прочие – на груди (на месте груди)	Ребенок	
Журавка	6 сосудов	Расположены двумя группами		Скелета не было
Журавка	8 сосудов, фибула, бусы	Сосуды – с В и З от скелета у ног, бусы – на шее, фибула – на плече	Ребенок	
Журавка	7 сосудов, фибула, ожерелье, серьги, обойма, пряслице	Сосуды – на груди и к В и Ю от скелета, фибула и бусы – возле головы, обойма – в сосуде, пряслице – возле сосуда	"	
Заячевка	4 сосуда, гребень	По описанию расположение инвентаря не ясно	"	В заполнении – уголь дуба и вербы
Заячевка	3 сосуда, нож, обломок фибулы	То же		
Компанийцы	1 сосуд	Сосуд стоит с В у плеча		
Компанийцы	1 сосуд	Сосуд находится у ног к Ю от костей		
Компанийцы	4 сосуда, фибула, пряжка, обломок гребня, пряслице	Сосуды – с С и З от скелета, фибула – на плече, пряжка – на поясе, гребень – у правой ноги, пряслице – около нее же, но ближе к Ю концу ямы		Скелет плохой сохранности, но, по-хоже, ноги согнуты в коленях
Компанийцы	Фибула, бусы, 2 сосуда	Сосуды – с З и В от черепа, бусы – на шее, фибула – на плече		
Компанийцы	Миска и обломок сосуда	Миска является урной, обломок накрывает погребение сверху		
Компанийцы	4 сосуда	Ваза служит урной, прочие сосуды – в ней		
Компанийцы	1 сосуд	Урна		
Компанийцы	1 сосуд, черепки, нож	Сосуд – урна, черепки перекрывают погребение сверху, нож стоит вертикально ручкой вниз у урны		
Компанийцы	4 сосуда и черепки	Горшок – урна, кроме костей, в ней – кувшин, горло закрыто кубком, к урне прислонена миска, черепками засыпано погребение сверху, среди них – отдельные кальцинированные кости		
Компанийцы	2 сосуда и черепки	Один сосуд – урна, миска накрывает его, черепки от других горшков – по обе стороны от урны		
Компанийцы	1 сосуд и обломки, 4 бусины	Миска – урна, черепки – сбоку от нее и перекрывают погребение сверху		
Компанийцы	1 сосуд и обломки	Целый сосуд – урна, кости в урне накрыты обломками		

Таблица 18 (продолжение)

Могильник	Инвентарь	Расположение инвентаря	Антропология	Примечания
Компанийцы	3 сосуда	2 сосуда – у костей, которые сложены кучкой на дне ямы, обломок третьего накрывает кости		
Компанийцы	7 сосудов во фрагментах	Фрагменты сосудов ссыпаны в нижнюю часть ямы; на дне ямы среди них – кости		
Компанийцы	8 сосудов и пряслице	Кости разбросаны в нижней части ямы, они накрыты черепками сосудов, 2 целых горшка брошены поверх костей		
Компанийцы	6 сосудов (часть – во фрагментах), бусина, пряжка, обломок гребня	Кости накрыты обломком горшка без дна, который стоит вниз венчиком, среди костей – миска, в ней – кубок; все это подстилается и пересыпано сверху черепками, прочие вещи – среди костей		
Компанийцы	13 сосудов (часть – во фрагментах), спиральное кольцо, пряслице, 3 бусины, железная игла	Кости – кучей на дне ямы на вымостке из черепков, среди них – мисочка и пряслице, бусы, горшок и кувшин – к В от костей, сверху погребение засыпано черепками		
Косаново	12 сосудов, гребень, фибула, пряжка, нож	Сосуды – тремя группами к В от скелета, прочее – среди керамики	Младенец	
Косаново	9 сосудов, кубок, гребень, кусок гранита, фибула, пряжка, кольцо от пояса, бусина подвески	Сосуды – с В, с Ю (у ног) и с ЮЗ, гребень – у черепа, пряжка и кольцо – на поясе, фибула – у левой руки, подвески – у шеи	Мужчина	Ноги согнуты в коленях
Косаново	3 сосуда, бусы, фибула, пряжка, гребень	Сосуды – вокруг скелета, бусы – на шее и у черепа, 2 фибулы – на плечах, пряжка – на поясе	Женщина	
Косаново	5 сосудов, ожерелье	Сосуды – на ступеньке к З от скелета, бусы – на шее	Ребенок	
Косаново	6 сосудов, 4 подвески, фибула, пряжка	Сосуды – к ЮЗ от скелета, пряжка на поясе	Мужчина	
Косаново	1 горшок	Горшок – с СВ у головы	"	Скелет не полный
Косаново	2 сосуда, пряжка, пряслице	Инвентарь – к В от скелета	Взрослый	То же
Косаново	7 сосудов, 3 лощила, фибула, пряжка	Инвентарь – к ЮВ от скелета		В заполнении – остатки разрушенного трупосожжения
Косаново	Фрагмент миски, нож	Среди скопления костей		

Таблица 18 (продолжение)

Могильник	Инвентарь	Расположение инвентаря	Антропология	Примечания
Косаново	6 сосудов, подвеска	Сосуды – с С и З выше костей, подвеска – на шее	Подросток	Над черепом – углистое пятно, сосуды – выше костей на ступеньке (не прослежена)
Косаново	2 сосуда, черепки, 3 фибулы, бусы	Сосуды – с Ю от костей; прочее – среди сосудов и в заполнении		
Косаново	2 сосуда, черепки	Миска, в ней – урна; кости – в урне и возле миски вместе с черепками		
Могиляны-Хмельник	3 сосуда (в обломках), куски оплавленного стекла, 2 обломка гребня	Кальцинированные кости, обломки сосудов и прочие вещи – в разбросе		Авторы считают погребение разрушенным, аргументы в пользу этого не приводятся
Раковец	11 сосудов, гребень, пряжка, нож	Сосуды – с В (в основном) и с З у ног, пряжка – на животе, гребень и нож – среди сосудов у ног		
Раковец	2 сосуда	Сосуды – за головой к С	Женщина	
Раковец	2 сосуда, черепки и бусы	Кости – в сосудах, там же – бусы, в верхней части заполнения ямы и около сосудов – черепки, в заполнении – кроме того, кальцинированные кости и уголь		
Раковец	Сосуд и обломок миски	Яма заполнена углем и кальцинированными костями, сосуд и обломок миски лежали среди них		
Ризино	Обломки 4 сосудов			Сильно разрушено
Родной Край-1	10 сосудов, 2 фибулы, гребень, пряслице, подвеска	Сосуды – над черепом и к В от скелета, фибулы – в миске, гребень – у черепа, пряслице – у миски		
Ромашки	6 сосудов, 2 фибулы, бусы, подвеска, гребень	4 сосуда – к В от скелета, 2 – с З у плеча, фибулы – на плечах, бусы и подвеска – на шее, гребень – у головы	Ребенок	
Ромашки	4 сосуда, пряжка	3 сосуда – с В у колена, здесь же – пряжка, 1 сосуд – у локтя и таза с З	Взрослый мужчина	
Ромашки	2 фибулы, гребень, 4 сосуда	Расположение неизвестно		Найдено местными краеведами
Рудка	12 сосудов, шпоры, фибулы и множество других предметов	Сосуды – вокруг скелета; к С, З , Ю и В, к Ю от ног – кости свиньи и около них – серебряный нож	Взрослый мужчина	Знаменитое княжеское погребение
Ружичанка	4 сосуда	Сосуды – с З и В у плечей		
Ружичанка	4 сосуда	Сосуды – к З у головы и к В у ног		

Таблица 18 (продолжение)

Могильник	Инвентарь	Расположение инвентаря	Антропология	Примечания
Ружичанка	Миска	Миска накрывала кости, несколько костей были рядом		
Рыжевка	Лепная кружка	В ногах, к ЮЗ от костей	Ребенок	
Рыжевка	3 сосуда, бусы, 2 фибулы	Сосуды – к С от черепа, ожерелье – на шее, фибулы – на ключицах	"	
Рыжевка	Обломки лепного горшка и лепной остроребериой миски	Сосуды разбиты, черепки – среди костей		Кроме керамики, в яме – куски угля
Рыжевка	Обломки 8 сосудов, стержень и игла от фибулы, бусина	Кости накрыты черепками, прочее – среди костей		
Рыжевка	Обломки 5 сосудов, гребень	Черепки разбросаны по всей яме		
Токи	Лепной кувшин, бусина	У черепа	?	Разрушено при строительстве
Токи	4 сосуда	По всей яме	Ребенок	Ритуально разрушено
Чернелив Русский	2 сосуда, бронзовый кувшин, фибула, бусы	Миска – на животе, горшок и кувшин – у ног, фибулы, бусы – на костях	"	Нет черепа и нескольких костей, у головы – кость овцы
Чернелив Русский	2 сосуда, пряжка	Сосуды – справа от скелета, пряжка – на тазе		Ритуально разрушено
Чернелив Русский	3 сосуда, фрагменты гребня	Сосуды – в ногах, фрагменты гребня – у колена	Подросток	То же
Чернелив Русский	1 миска (фрагменты)	У ног	"	Сохранились только кости ног
Чернелив Русский	2 миски	У головы	"	Ритуально разрушено
Чернелив Русский	3 сосуда			
Чернелив Русский	4 сосуда, стеклянный кубок, 2 подвески, гребень, фибула, игла	Расположение инвентаря не ясно – сохранилось очень мало костей	Ребенок	Ритуально разрушено
Чернелив Русский	1 сосуд, фрагмент другого	У головы?		То же
Чернелив Русский	4 сосуда, бусы, подвеска, гребень, пряслице, фибула	Сосуды – у ног и у головы, бусы и подвеска – в центре, пряслице и фибула – в заполнении	Ребенок	То же
Чернелив Русский	3 сосуда, пряслице, гребень, бусы, игла, фибула, бусина	На дне	"	То же
Чернелив Русский	Кубок, фрагменты сосуда, фрагменты гребня	У бедра	Подросток	Ритуально разрушено, у скелета – камешки
Чернелив Русский	2 сосуда	?		Сохранилась 1 кость
Чернелив Русский	Лепной кубок, фрагмент гребня	У правой ноги		Ритуально разрушено
Чернелив Русский	4 сосуда, 2 фибулы, фрагмент гребня, игла	Сосуды у ног и в средней части, прочее – среди костей	Ребенок	То же
Чернелив Русский	Миска, фибула, оковка	Миска – в Ю части, прочее – в центре	Младенец	Ритуально разрушено, есть кусочки охры

Таблица 18 (окончание)

Могильник	Инвентарь	Расположение инвентаря	Антропология	Примечания
Чернелив Русский	2 сосуда	Ваза – среди скопления кальцинированных костей, горшок заполнен пеплом		Ниже погребения под стерильной прослойкой – трупоположение
Чернелив Русский	5 лепных сосудов, фибула, фрагмент гребня и др.	Сосуды – в С части, прочее – в Ю	Ребенок	Ритуально разрушено
Чернелив Русский	3 сосуда, подвески, 2 пряслица и др.	2 сосуда – в С части, 1 – на В бортике		То же
Чернелив Русский	2 сосуда, фрагмент подвески	В Ю части		То же
Черняхов	4 сосуда, ожерелье, бусина	К В от скелета, ожерелье – на шее; бусина –на тазе	Младенец	
Чубовка	3 сосуда и фрагмент миски	Горшок – в заполнении, прочие сосуды – рядом с ямой		Частично разрушено

Таблица 19

Наземные постройки черняховских памятников

Памятник	№ сооружения	Площадь (кв. м)	Памятник	№ сооружения	Площадь (кв. м)
Артюховка	Жилище	94	Колесники	Жилище 1	12
Вознесенский	Постройка 1	40	Краснополье-1	Жилище 4	98
Войтенки-1	То же	108	Песчаное	Жилище 1	50
Головчино	Постройка	24	Песчаное	Жилище 3	65–70
Гочево-4	Постройка 1а	9	Снагость-2	Постройка 4	45
Гочево-4	Постройка 1	72,5	Хохлово-2	Постройка 1	55
Кантемировка	Постройка на раскопе 3	24,5	Хохлово-2	Жилище 2	54

Примечание. В таблицу включены только те сооружения, размеры которых удалось установить.

Таблица 20

Полуземлянки поселений позднего этапа сейминско-донецкого варианта киевской культуры

Памятник	Объект	Глубина от уровня материка (м)	Форма	Площадь (кв.м)	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З
10-й Октябрь	Постройка 2	?	Прямоугольная	?	Есть	Нет	?	Есть	Нет	Нет	Очаг имеет 2 яруса. Нижний – яма размером 0,9 × 1,1 м, верхний – под размером 0,7–0,83×1 м	В центре
Богородичное	Постройка 4	0,2	Прямоугольная	15,5	"	"	Есть	"	"	1	Печь-камин размером 1,6 × 1,2 м	В углу

Таблица 20 (продолжение)

Памятник	Объект	Глубина от уровня материка (м)	Форма	Площадь (кв.м)	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З
Боромля-2	Постройка 6	0,7	Овальная	5,5	Есть	Нет	Нет	Нет	Нет	1	Нет	
Боромля-2	Постройка 1	1	Прямоугольная	8	"	"	"	"	Есть	Нет	"	
Боромля-2	Постройка 10	0,5–0,6	Прямоугольная с выступом-апсидой	9,9	"	"	"	"	Нет	"	"	
Боромля-2	Постройка 8	0,5–0,6	Прямоугольная	14,5	"	"	Есть	Есть	"	2	"	
Боромля-2	Постройка 3	0,9	"	20	"	Есть	Нет	"	Есть	Нет	"	
Букреевка-2	Постройка 2 (западная)	0,43	"	8,03	Нет	Нет	Есть	"	Нет	1	Печь-камин диаметром 0,8 м	В борте котлована
Букреевка-2	Постройка 7	0,8–1,6	Овальная	14	Есть	"	"	Нет	"	1	Очаг (пятно-прокала) диаметром около 1 м	В центре
Букреевка-2	Постройка 4	0,7–0,75	"	14,8	"	Есть	Нет	Есть	"	1	Нет	
Букреевка-2	Постройка 2 (восточная)	0,45	Прямоугольная	15,5	"	"	"	"	"	Нет	"	
Букреевка-2	Постройка 1	1,8	Овальная	20,2	Нет	"	"	Нет	"	1	Печь-камин размером 1,0 × 0,5 м	В борте котлована
Букреевка-2	Постройка 9	0,8	Прямоугольная	21	Есть	Нет	Есть	Есть	"	2	Очаг (пятно-прокала) диаметром около 1 м	В центре
Букреевка-2	Постройка 8	0,4	"	21,5	"	"	Нет	Нет	"	Нет	То же	То же
Букреевка-2	Постройка 3	0,3	"	23,2	"	Есть	"	Есть	Есть	"	Печь-камин размером 1,4 × 0,7 м	В борте котлована
Букреевка-2	Постройка 5	1,65–1,8	Неправильно-овальная	37,3	Нет	Нет	Есть	"	Нет	"	Печь-камин; диаметр 1,0 м	В борте котлована
Гочево-1	Постройка 1	0,3–0,35	Прямоугольная	16	Есть	Есть	Нет	Нет	"	"	Нет	
Гочево-3	То же	0,1	Прямоугольная	?	"	Нет	"	Есть	"	"	"	
Гочево-3	Постройка 5	0,35–0,5	Овальная	8,8	Нет	"	"	Нет	"	"	"	
Гочево-3	Постройка 6	0,7–0,75	Прямоугольная	7	Есть	"	"	"	"	"	"	
Гочево-4	Постройка 2	0,5	"	9,9	"	"	"	"	"	"	"	
Гочево-4	Постройка 3	0,4–0,5	"	11,5	"	"	"	"	"	"	"	
Дачное-2	Постройка 1	0,45–0,58	Овальная	6,5	"	Есть	"	Есть	"	"	Очаг (прокал пола) размером 0,4 × 0,2 м	В центре

Таблица 20 (окончание)

Памятник	Объект	Глубина от уровня материка (м)	Форма	Площадь (кв.м)	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З
Родной Край-3	Постройка 1	0,4–0,47	Прямоугольная	16,9	Есть	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Первый – глинобитный под диаметром 1,05 м, второй – линза угля диаметром 0,75 м	У стен по длинной оси постройки
Родной Край-3	Постройка 2	0,9	"	17,2	Есть	Есть	"	"	Есть	"	Оба очага – линзы золы и угля, первый – 1,5 × 0,7 м; второй – 0,75 × 0,75 м	В центре и у стены по оси постройки
Тазово	Постройка 5	0,3	Неправильно-овальная	7,92	"	Нет	Есть	Есть	Нет	"	Нет	
Тазово	Постройка 2	0,23	Прямоугольная с выступом-апсидой	9,7	"	"	Нет	"	"	"	"	
Тазово	Постройка 3	0,35	Неправильно-овальная	15,5	"	"	Есть	Нет	"	2	"	
Тазово	Постройка 1	0,25–0,3	Круглая	16,6	"	"	Нет	Есть	"	Нет	Очаг (пятно-прокала) диаметром около 0,75 м	У стены
Тазово	Постройка 4	0,3	Прямоугольная с выступом-апсидой	19,4	"	Есть	"	"	Есть	2	Оба очага – глинобитные поды диаметром около 1 м	Оба – в центральной части
Цепляево Вт.	То же	0,2–0,24	Прямоугольная	2	"	Нет	"	Нет	Нет	1	Нет	
Цепляево Вт.	Постройка 1	0,08–0,15	"	4,5	"	"	Есть	"	"	Нет	"	
Цепляево Вт.	Постройка 2	0,06–0,1	"	?	"	"	?	?	Есть	1	Печь-камин размером 0,4 × 0,4 м	В углу
Шишино-1	Постройка 1	0,3–0,32	"	?	Нет	"	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	

Примечания: А – наличие ровного пола.
Б – наличие регулярных столбов по периметру котлована.
В – наличие отдельных столбов вдоль стен.
Г – наличие столбов в центральной части помещения.
Д – наличие обмазки от стен (завалов).
Е – количество внутренних ям (хозяйственных).
Ж – тип и размеры отопительного сооружения.
З – место расположения отопительного сооружения.

Таблица 21

Полуземлянки черняховских памятников Днепровского Левобережья

Памятник	Объект	Глубина от уровня материка (м)	Форма	Площадь (кв.м)	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З
Белополье	Постройка 2	0,8	Прямоугольная	10,6	Есть	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	
Боромля-2	Постройка 9	0,2–0,4	"	7,5	"	"	"	"	Есть	"		
Боромля-2	Постройка 2	0,7	Прямоугольная с выступом-апсидой	8,5	"	Есть	"	"	"	1	Нет	
Боромля-2	Постройка 5	0,45–0,55	Прямоугольная	10,2	"	Нет	Есть	"	"	Нет	"	
Боромля-2	Постройка 7	0,4–0,6	"	18	"	Есть	Нет	Есть	"	1	Очаг – ямка с углем размером 1,5 × 1,1 м	В центре
Великий Бобрик	Хоз.постройка 1	0,4	Овальная	7	"	Нет	"	Нет	Нет	Нет	Нет	
Великий Бобрик	Полуземлянка 3	0,5	Прямоугольная	9,9	"	"	Есть	Есть	"	"	Нет	
Великий Бобрик	Полуземлянка 1	0,2	Прямоугольная с выступом-апсидой	17	"	"	"	"	Есть	"	Очаг – линза угля размером 0,4 × 0,4 м	В центре
Великий Бобрик	Полуземлянка 4	0,9	Прямоугольная	21	Нет	"	Нет	Нет	Нет	1	Нет	
Войтенки-1	Постройка 2	0,9	"	8,4	Есть	"	"	"	"	Нет	"	
Войтенки-1	Постройка 3	0,6	"	9,2	"	"	"	"	"	"	"	
Головино-1	Постройка 2	0,44	"	7,5	"	"	Есть	Есть	"	"	"	
Головино-1	Постройка 5	0,7–0,8	"	13,9	"	"	"	Нет	"	"	"	
Головино-1	Постройка 4	0,14–0,2	"	18,5	"	Есть	Нет	"	"	1	"	
Колосовка	Постройка 2	0,6	"	3,9	"	Нет	"	"	"	Нет	"	
Колосовка	Постройка 1	0,8	"	5,2	"	"	"	"	"	"	"	
Косовщина-1	То же	0,3	"	9,5	"	Есть	"	"	"	"	Очаг – яма с углем диаметром 0,8 м	В центре
Косовщина-1	Постройка 2	0,55	"	14,3	"	Нет	Есть	"	"	"	Очаг – яма с золой	У стены
Косовщина-2	Постройка 4	1	"	14,2	Нет	"	Нет	"	Есть	1	Нет	

Таблица 21 (продолжение)

Памятник	Объект	Глубина от уровня материка (м)	Форма	Площадь (кв.м)	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З
Красно-полье-1	Построй-ка 1	0,3	Прямо-угольная	4,3	Есть	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Очаг – лин-за угля в ямке раз-мером 0,65 × 0,5 м	В цент-ре
Красно-полье-1	Построй-ка 3	0,6	"	8,4	"	"	"	"	Есть	"	Очаг – линза угля диаметром 1 м	В цент-ре
Красно-полье-1	Построй-ка 2	0,6	"	18	"	"	Есть	Есть	Нет	1	Нет	
Мам-рои-2	Построй-ка	0,4	"	15	"	"	Нет	Нет	Есть	1	"	
Песча-ное	Построй-ка 2	0,7	"	10,2	"	"	"	"	Нет	Нет	Очаг – пятно угля диамет-ром – 1 м	У сте-ны
Песча-ное	Построй-ка 5	1,3	"	16,8	"	"	"	"	Есть	"	Нет	
Родной Край-1	Яма 10	1,1	"	3,5	"	"	"	"	Нет	"	"	
Сна-гость-2	Построй-ка 2	0,35	Оваль-ная	8,7	"	"	Есть	"	"	"	"	
Сна-гость-2	Построй-ка 1	0,22	Прямо-угольная	8,9	"	"	Нет	"	"	"	"	
Сна-гость-2	Построй-ка 3	0,25–0,42	"	16,3	"	Есть	"	"	"	"	Очаг – пятно угля диамет-ром – 1 м	
Соснова	Построй-ка 7	0,75	"	9,7	"	Нет	"	"	?	2	Нет	
Соснова	Построй-ка 8	0,6	"	16	"	"	"	Есть	?	Нет	Оба очага – линзы золы размером около 0,4 × 0,3 м	В углу и у проти-воположной стены
Соснова	Построй-ка 3	0,5	Прямо-угольная с высту-пом-апсидой	18,8	"	"	"	Нет	Есть	"	Глинобит-ный под размером 0,75 × 1 м	У сте-ны
Соснова	Построй-ка 4	0,7–0,8	Прямо-угольная	23	"	"	"	"	Нет	"	Нет	
Соснова	Построй-ка 5	1	"	32,6	"	"	"	"	"	"	"	
Соснова	Построй-ка 6	0,7	"	37,5	"	"	"	Есть	"	"	Глинобит-ный под?	В цент-ре
Хлоп-ков-1	Соору-жение 4	0,44	"	4,3	"	"	"	Нет	Есть	"	Нет	
Хлоп-ков-1	Соору-жение 6	?	"	4,7	"	"	"	"	Нет	"	"	
Хлоп-ков-1	Соору-жение 3	?	"	5	"	"	"	"	"	"	"	
Хлоп-ков-1	Соору-жение 2	0,1	"	8	"	"	"	"	"	"	"	

Таблица 21 (окончание)

Памятник	Объект	Глубина от уровня материка (м)	Форма	Площадь (кв.м)	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З
Хлопков-1	Жилище 5	Прослежено выше материка	Прямоугольная	9,6	Есть	Нет	Нет	Нет	Есть	Нет	Нет	
Хлопков-1	Жилище 7	0,5	"	9,6	"	"	"	"	Нет	"	"	
Хлопков-1	Жилище 6	0,3	"	11,8	"	"	"	"	"	"	"	
Хлопков-1	Жилище 8	На уровне материка	"	12,8	"	"	"	"	"	2	Очаг – лиза угля диаметром 0,8 м	В углу
Хлопков-1	Жилище 3	0,3	"	16,7	"	"	"	"	"	Нет	Нет	
Хлопков-1	Жилище 1	0,15-0,2	"	19,2	"	"	"	"	"	1	"	
Хлопков-1	Жилище 4	0,2	"	19,3	"	"	"	"	Есть	Нет	"	
Хлопков-1	Жилище 2	0,15	"	27,3	"	"	"	"	Нет	3	"	

Примечания: А – наличие ровного пола.
Б – наличие регулярных столбов по периметру котлована.
В – наличие отдельных столбов вдоль стен.
Г – наличие столбов в центральной части помещения.
Д – наличие обмазки от стен (завалов).
Е – количество внутренних ям (хозяйственных).
Ж – тип и размеры отопительного сооружения.
З – место расположения отопительного сооружения.

Таблица 22

Структура керамического комплекса позднекиевских памятников Подесенья, Нижнего и Среднего Посеймья и поселений деснинского круга на территории лесостепной зоны

Памятники	Типы сосудов							Диски	Конические миски
	I,1	I,3-а	I,3-б	I,4	II,1	II,2,а	II,5		
Александровка	15(14)	32(29)	15(14)	5(4)	10(9)	24(22)	3(3)	2(1)	5(4)
Беседовка	1(1)	28(35)	9(11)	7(9)	1(1)	1(1)		34(41)	1(1)
Каменево-2	14(26)	11(21)	9(17)	7(13)	1(2)	3(6)	3(6)	1(2)	4(7)
Комаровка-2	2(5)	19(50)	8(21)	1(3)	2(5)			6(16)	
Курган-Азак	4(7)	14(25)	13(24)			2(4)	2(5)	17(31)	2(4)
Пересыпки-1	2(6)	9(25)	7(19)	4(11)		2(6)		12(33)	
Песчаное	6(30)	9(45)	1(5)					3(20)	
Роище	5(11)	11(24)	5(11)	2(5)	14(30)	6(13)		3(6)	
Сенча	5(5)	39(34)	29(25)	5(5)	4(4)	9(8)		19(19)	
Ульяновка	6(21)	14(50)			2(7)	3(11)		3(11)	
Чаплищи-3	2(7)	8(30)	6(21)	1(4)		1(4)	1(4)	8(30)	

Примечание. В столбцах указаны количество экземпляров и их процент по памятнику (в скобках).

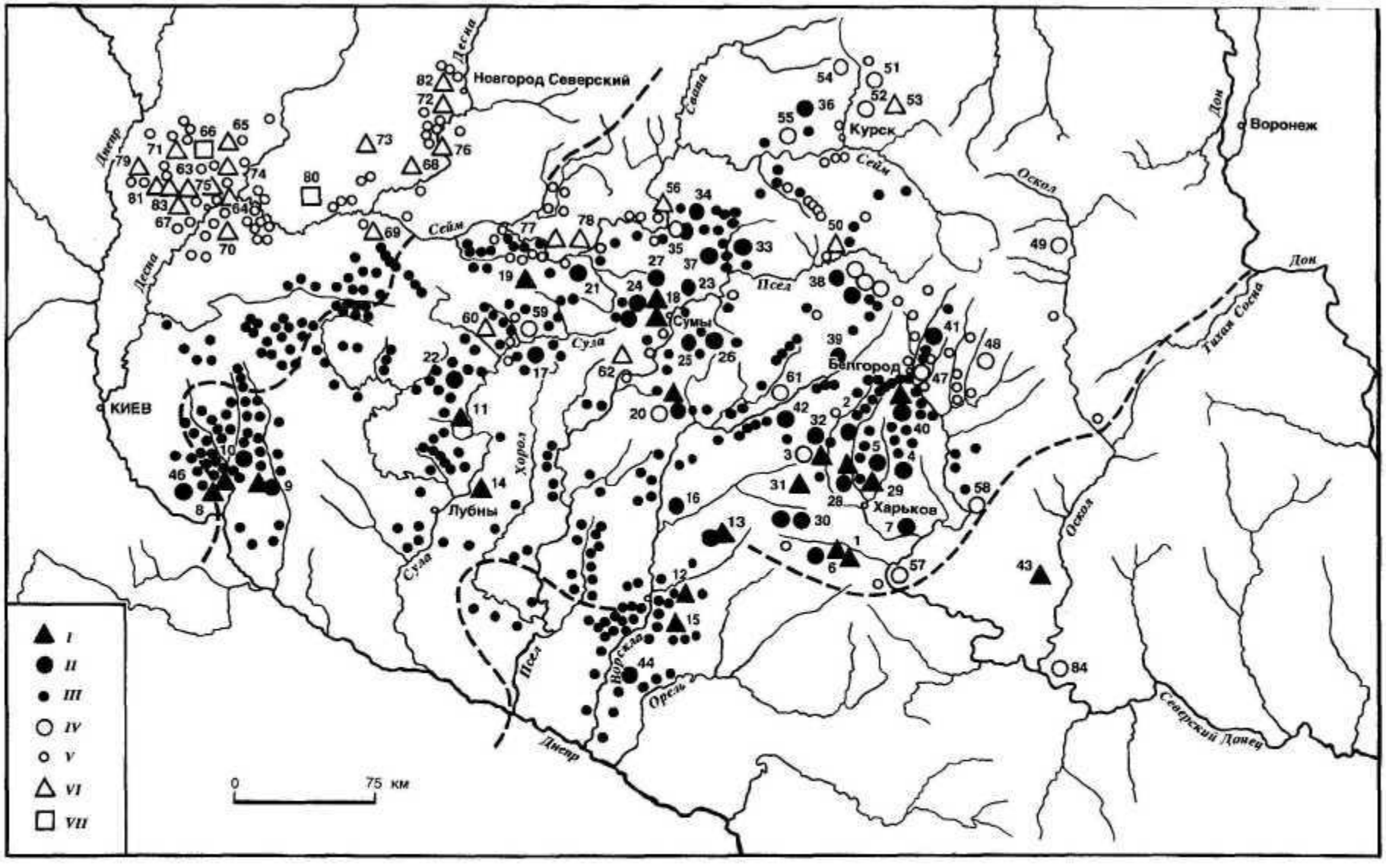

Рис. 1. Карта памятников позднеримского периода на территории Днепровского Левобережья.

Условные обозначения: I – черняховские могильники; II – черняховские поселения, исследованные раскопками; III – черняховские поселения, известные по разведкам; IV – поселения сейминско-донецкого варианта киевской культуры, исследованные раскопками; V – поселения киевской культуры, известные по разведкам; VI – поселения деснинского варианта киевской культуры, исследованные раскопками; VII – поселения типа Абидни к югу от Верхнего Поднепровья

Памятники: 1 – Соколово; 2 – Кулики; 3 – Родной Край-1, 2, 3; 4 – Муром-6; 5 – Муром-7; 6 – Колесники; 7 – Новая Покровка; 8 – Переяслав-Хмельницкий-1, 2; 9 – Сосновa; 10 – Хлопков-1; 11 – Лохвица; 12 – Новоселовка; 13 – Кантемировка; 14 – Вовчик; 15 – Писаревка; 16 – Мамрои-2; 17 – Коровинцы; 18 – Сумы и Сумы (Сад); 19 – Успенка; 20 – Боромля-1, 2; 21 – Белополье; 22 – Артюховка; 23 – Песчаное Сумской обл.; 24 – Косовщина-1, 2; 25 – Великий Бобрик; 26 – Краснополье-1; 27 – Кровное; 28 – Пересечное; 29 – Большая Даниловка; 30 – Войтенки-1, 2; 31 – Павлюковка; 32 – Викнено; 33 – Казачья Локня (Замощанская дюна); 34 – Снагость-2; 35 – 10-й Октябрь; 36 – Колосовка; 37 – Новоселовка; 38 – Гочево-1, 3, 4; 39 – Вознесенский; 40 – Головино-1; 41 – Хохлово-2; 42 – Головчино (Лысая гора); 43 – Воронцовка; 44 – Чорбовка (Прогресс); 45 – Моспинская; 46 – Ерковцы; 47 – Шишино-1; 48 – Цепляево Второе; 49 – Дачное-2; 50 – Песчаное Белгородской обл.; 51 – Тазово; 52 – Букреевка-2; 53 – Каменево-2; 54 – Воробьевка-2; 55 – Авдеево; 56 – Комаровка-2; 57 – Занки; 58 – Новодоновка-2; 59 – Большие Будки (Хутор); 60 – Беседовка; 61 – Пожня-1; 62 – Курган-Азак; 63 – Александровка; 64 – Березанка; 65 – Верхнестриженское-2; 66 – Верхнестриженское-3; 67 – Деснянка; 68 – Вишенки; 69 – Долинское; 70 – Выбли; 71 – Роище; 72 – Лавриков Лес; 73 – Киреевка-1, 2; 74 – Ключков; 75 – Киселевка-1, 2; 76 – Мезин; 77 – Пересыпки-1; 78 – Чаплищи-3; 79 – Малый Листвен; 80 – Мена-5; 81 – Ульяновка; 82 – Форостовичи; 83 – Выгоры-2; 84 – Богородичное

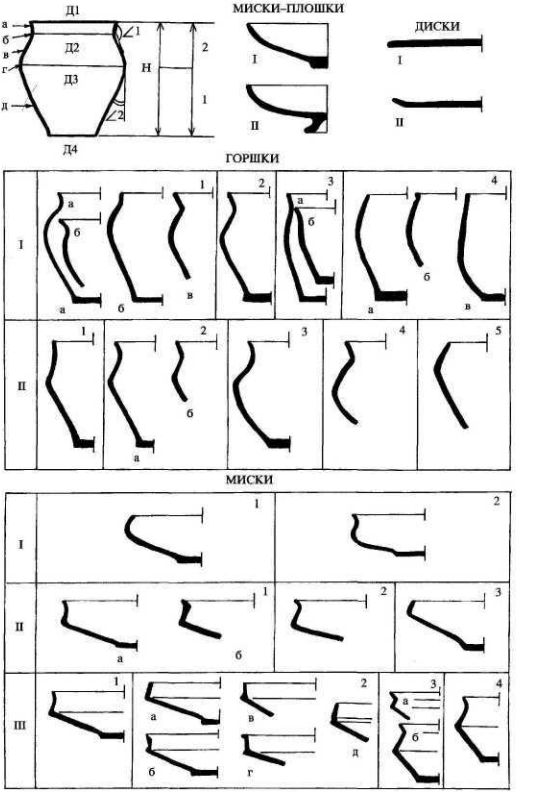
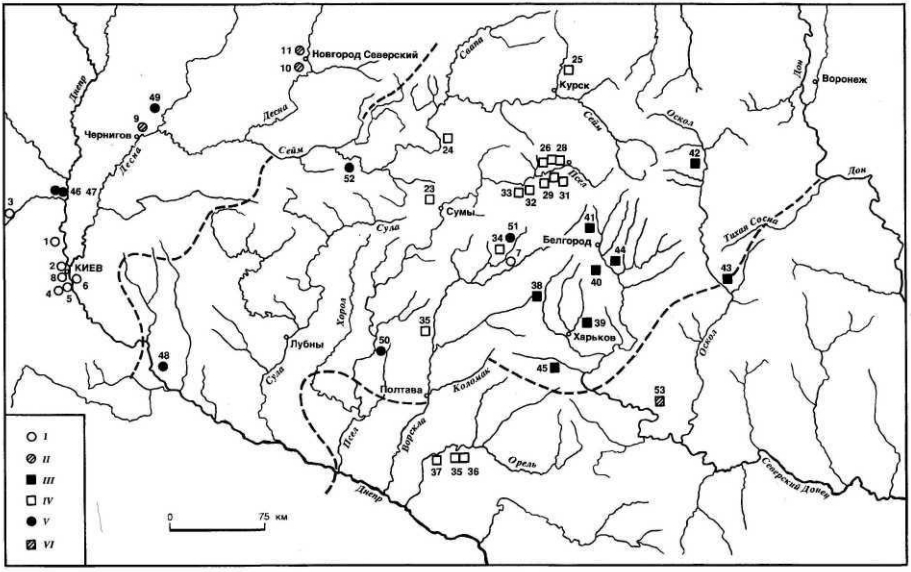

Рис. 2. Схема классификации лепной посуды
В таблице классификации горшков и мисок римскими цифрами обозначены классы, арабскими – типы, буквами внизу – варианты, буквами вверху – разновидности

А

(см. окончание рис. на 154 пол.)

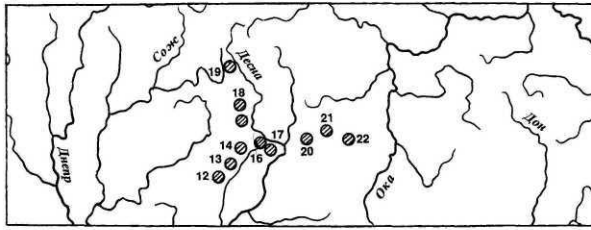

Рис. 3. Позднезарубинецкие памятники на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья, исследованные раскопками

А – лесостепь и юг лесной зоны; Б – Подесенье выше Новгорода-Северского

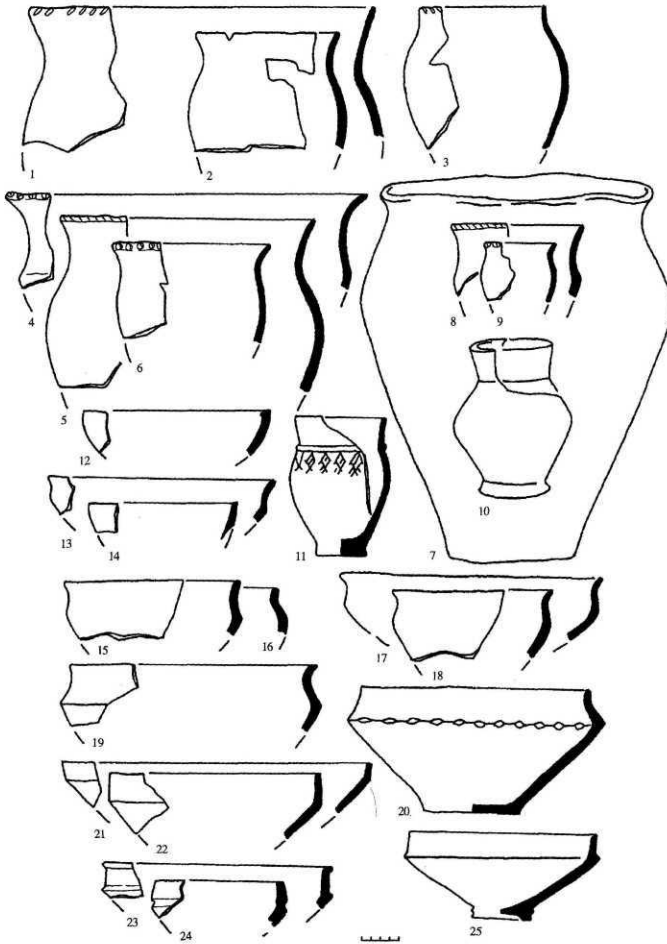
I – памятники типа Лютежа; II – памятники типа Почепа; III – памятники типа Картамышево-2; IV – памятники типа Терновки-2; V – памятники типа Гриней; VI – неопределенные в культурном отношении

1 – Лютеж; 2 – Оболонь; 3 – Тетеревка; 4 – Новые Безрадичи; 5 – Таценки-1; 6 – Бортничи; 7 – Березовка-2; 8 – Крюковщина; 9 – Киселевка-3; 10 – Чулатово; 11 – Колодезный Бугор; 12 – Почеп; 13 – Синьково-Дмитриево; 14 – Синьково; 15 – Огородня; 16 – Хотылево; 17 – Белокаменка; 18 – селище в устье р. Гасомы; 19 – Спартак; 20 – Парня-2; 21 – Партизанское; 22 – Железное; 23 – Песчаное; 24 – Комаровка-2; 25 – Жерновец; 26 – Картамышево-1; 27 – Картамышево-2; 28 – Шмырево; 29 – Гочево-1; 30 – Гочево-3; 31 – Гочево-7; 32 – Бобрава-3; 33 – Богдановка; 34 – Солдатское-5; 35 – Бельск; 35 – Осиповка (Лиман); 36 – Осиповка (Пляж); 37 – Чернеччина; 38 – Родной Край-1; 39 – Новодоновка-1; 40 – Головино-1; 41 – Терновка-2; 42 – Приоскольское-1; 43 – Колосково-4; 44 – Шоссейное; 45 – Колесники; 46 – Грини-1; 47 – Грини-2; 48 – Решетки; 49 – Змеевка; 50 – Вовки; 51 – Рябовка-3; 52 – Октябрьское-2; 53 – Раковка

Рис. 4. Памятники типа Почепа. Керамический комплекс

1–9 – груболепная керамика; 10–35 – лепная лощеная посуда; 1–6, 8, 9, 11, 12, 14, 22 – Синьково; 7, 10, 15, 18, 20, 24, 25 – Почеп; 13, 16, 17, 19, 21 – Киселевка-3; 23 – Чулатово

Рисунки А.М. Обломского и Ф.М. Заверняева

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25

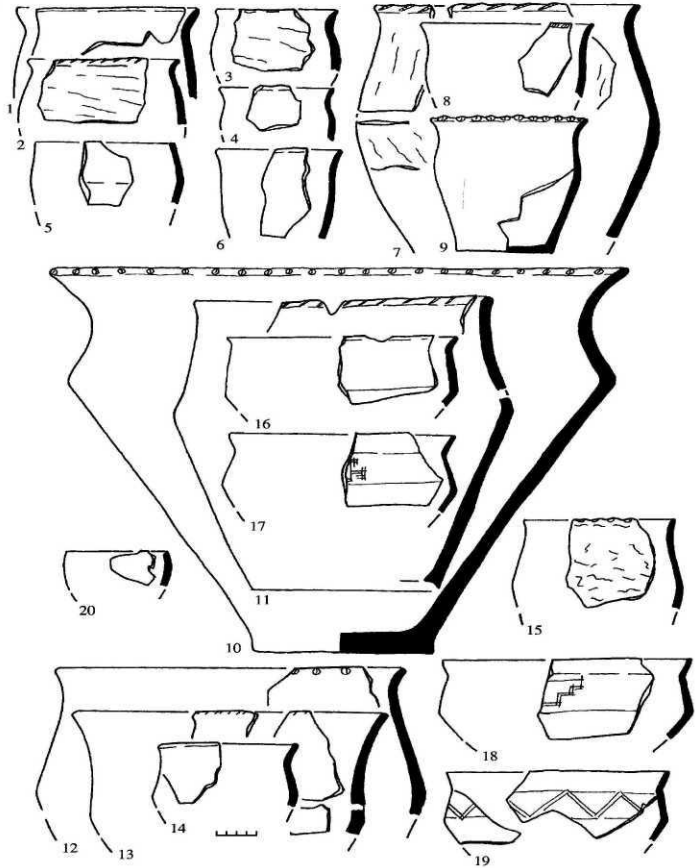
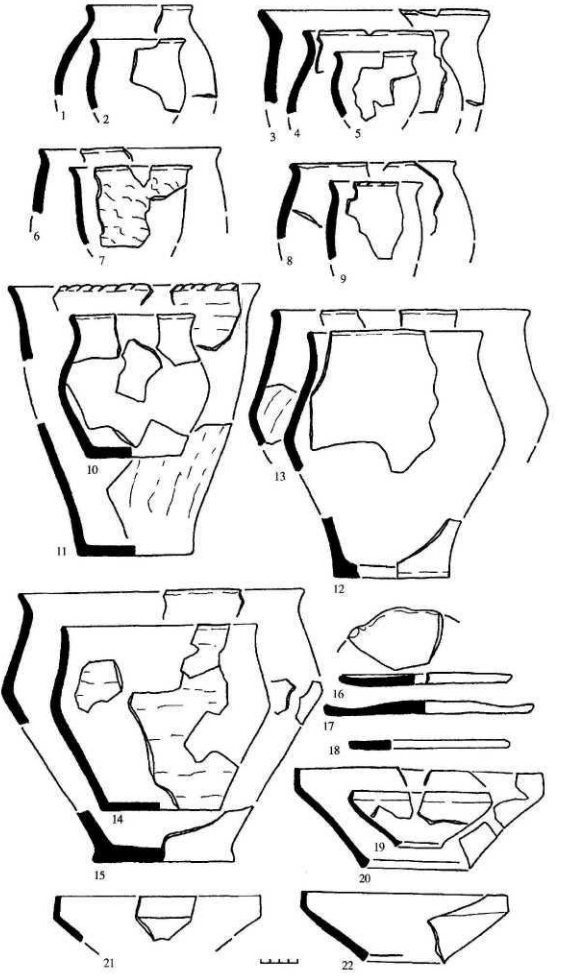

Рис. 5. Картамышево-2. Керамический комплекс
1–5, 7–15 – груболепная керамика; 6, 16–20 – лепная лощеная посуда
Рисунки А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского и Е.А. Горюнова

Рис. 6. Березовка-2. Керамический комплекс
1–16 – груболепная керамика; 17–20 – лепная лощеная посуда
Рисунки А.М. Обломского

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22

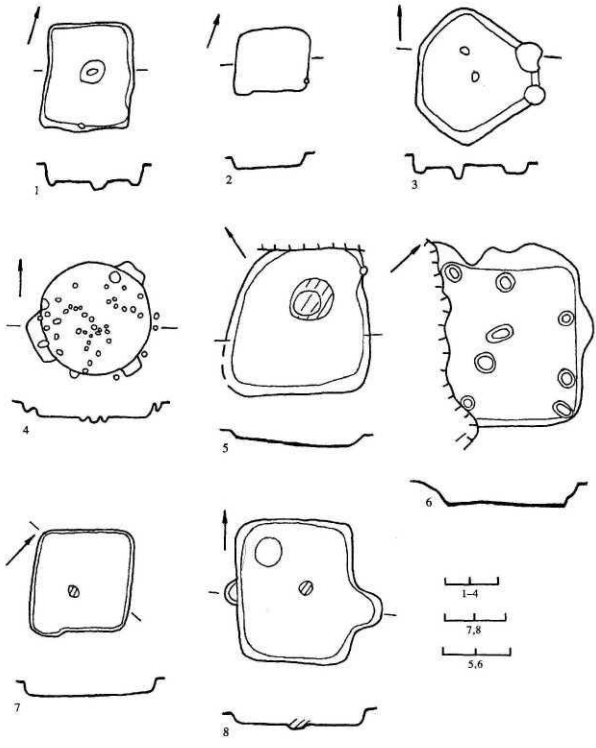

Рис. 7. Памятники типа Терновки-2. Керамический комплекс

1–18 – гребенчатая посуда; 19–22 – лощеная посуда; 1, 2, 13, 18–21 – Приоскольское-1; 3, 4, 6, 12, 17 – Головино-1; 7, 8, 10, 15, 16, 20, 22 – Терновка-2; 9, 11, 14 – Родной Край-1

Рисунки А.М. Обломского

Рис. 8. Полуземлянки на позднезарубинецких памятниках Левобережья

1 – Почеп, землянка II; 2 – Почеп, землянка II раскопа IX; 3 – Киселевка-3, жилище 1; 4 – Почеп, землянка II раскопа II; 5 – Березовка-2, постройка 2; 6 – Приоскольское-1, жилище 1; 7 – Картамышево-2: жилище 9; 8 – Картамышево-2, жилище 7

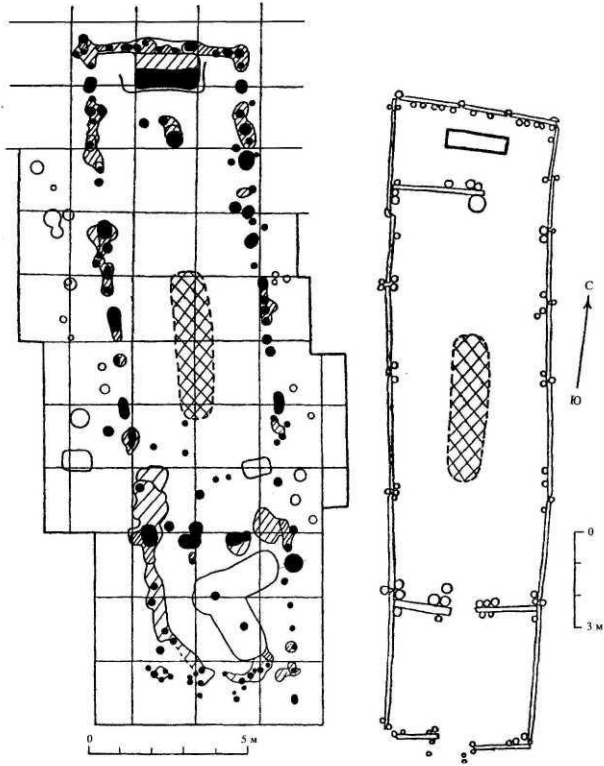

Рис. 9. Длинный почепский дом (Синьково, дом 23)

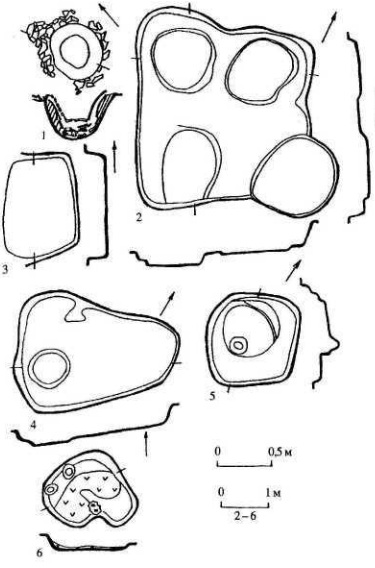

Рис. 10. Хозяйственные постройки позднезарубинецких памятников

1 – "коническая печь"; 2–6 – полуземлянки; 1 – Гочево-1: горн 1; 2 – Терновка-2, постройка 1; 3 – Терновка-2: постройка 5; 4 – Терновка-2, яма 16; 5 – Терновка-2, постройка 6; 6 – Приоскольское-1, яма 6

Рис. 11. Датирующие вещи памятников почепского типа

1, 8 – Почеп, раскоп V, землянка 2; 2 – Почеп, раскоп IX, постройка 1; 3 – Синьково, дом 22; 4, 15 – Почеп, раскоп XI, постройка 1; 5, 7, 11, 13, 16 – Почеп, культурный слой; 6 – Почеп, раскоп X, яма 1; 9, 12 – Почеп, раскоп IV, землянка 1; 10 – Железное; 14 – Синьково, постройка 18; 17 – Синьково, дом 20; 1, 2, 6–10, 16 – железо; 3–5, 11–14 – бронза; 15 – гончарный сероглиняный кувшин

Рисунки Ф.М. Заверняева и А.К. Амброза

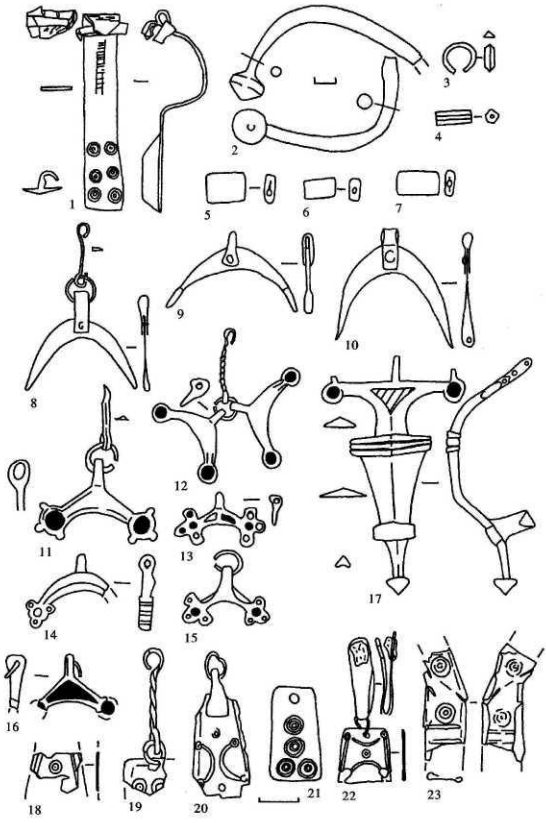

Рис. 12. Вещи круга эмалей и некоторые другие украшения на памятниках типа Картамышево и Терновки

1 – Картамышево-2, жилище 7; 2 – Головино-1, культурный слой над постройкой 2; 3 – Головино-1, слой; 4 – Приосколье-1, жилище 1; 5, 6 – Терновка-2, культурный слой; 7, 8, 21 – Картамышево-2, жилище 8; 9 – Родной Край-1, поверхность поселения; 10 – Осиповка (Пляж), культурный слой; 11 – Картамышево-2, яма 24; 12, 13, 20 – Гочево-1, постройка 4; 14 – Колесники, подъемный материал; 15 – Шмырево; 16 – Жерновец, сооружение 51; 18, 22 – Раковка, поверхность поселения; 17 – Головино-1, культурный слой; 19 – Картамышево-2, культурный слой; 23 – Терновка-2, постройка 2

1–3, 8–10, 14, 18–23 – бронза; 4 – синее глухое стекло; 5–7 – красное глухое стекло; 11–13, 15, 16 – бронза, красная эмаль; 17 – бронза, красная эмаль по краям головки, зеленая – в центре

Рисунки А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского и В.В. Дидыка

Рис. 13. Сарматский комплекс из Борисовки (по А.Ф. Евминовой)

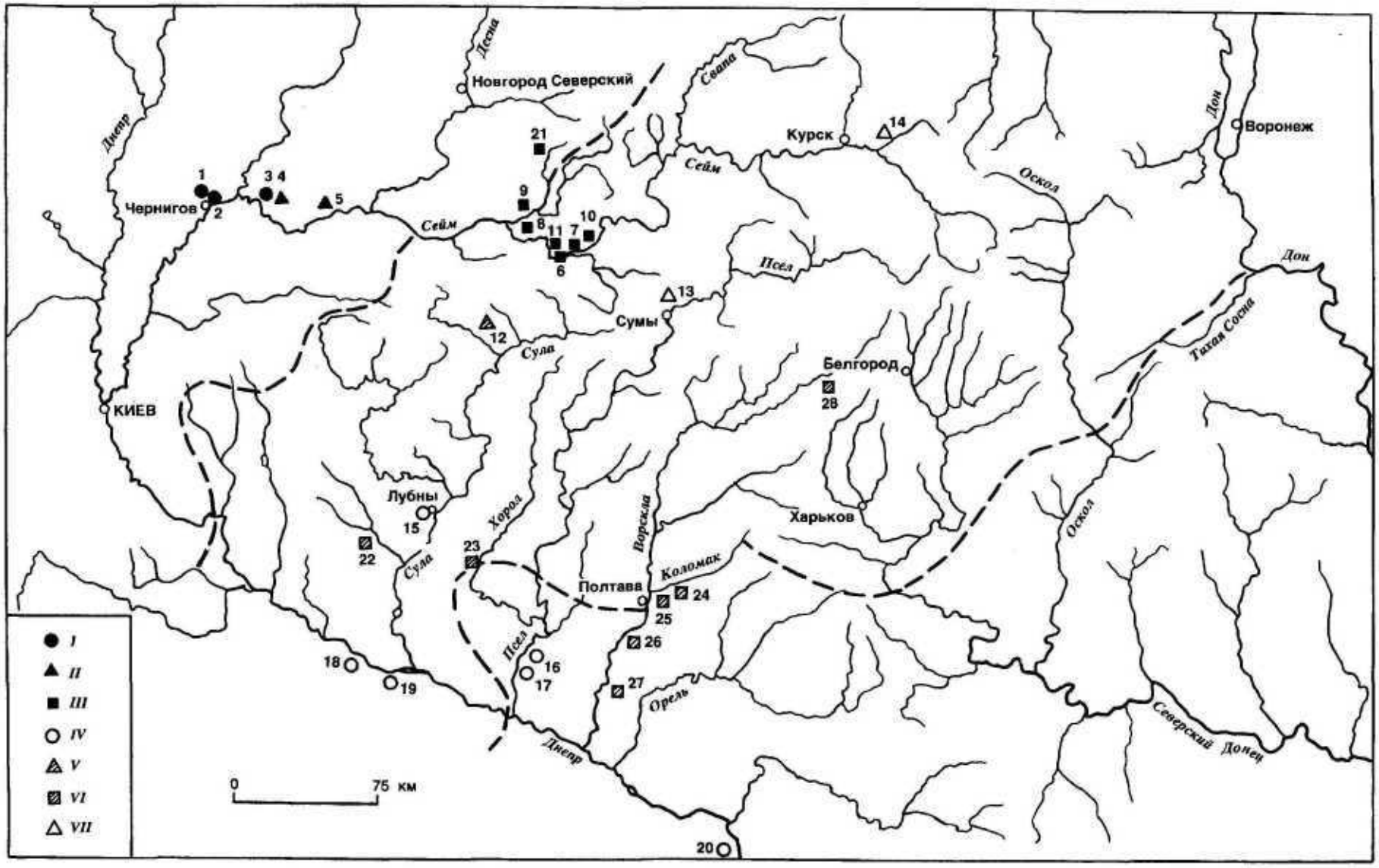

Рис. 14. Памятники Днепровского Левобережья классического зарубинецкого периода (по материалам раскопок)

I – деснинские зарубинецкие памятники верхнеднепровской традиции; II – места находок коронообразных гривен; III – памятники типа Харьевки; IV – курганы с зарубинецким инвентарем; V – городище Басовка; VI – сарматские погребения; VII – позднескифские городища Днепровского Левобережья

1 – Титова речка; 2 – Яловщина; 3, 4 – Гребля; 5 – Лески; 6 – Пересыпки-1 и 2; 7 – Чаплищи-3; 8 – Красное-4; 9-Литвиновичи-3; 10 – Марьяновка; 11 – Харьевка; 12 – Басовка; 13 – Битица; 14 – Ратское; 15 – Лубны; 16 – Верхняя Мануйловка; 17 – Дьяченки; 18 – Лозивок; 19 – Михайловка (Прусы); 20 – Кичкас; 21 – Глухов; 22 – Круподеринцы; 23 – Хорол; 24 – Малое Лодыжино; 25 – Макуховка; 26 – Новые Санжары; 27 – Павловка; 28 – Борисовка

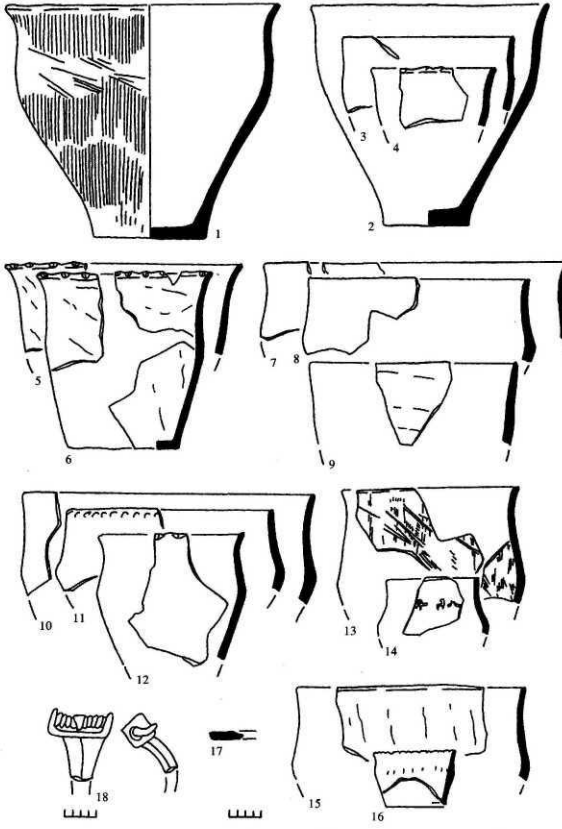

Рис. 15. Материалы памятников типа Гриней на Днепровском Левобережье

1–17 – груболепная керамика (1, 13 – с расчесами, нанесенными гребнем); 18 – обломок бронзовой фибулы; 1–3, 7, 8, 10, 11, 18 – Вовки; 4–6, 9, 12–17 – Рябовка-3

Рисунки Е.А. Горюнова и А.М. Обломского

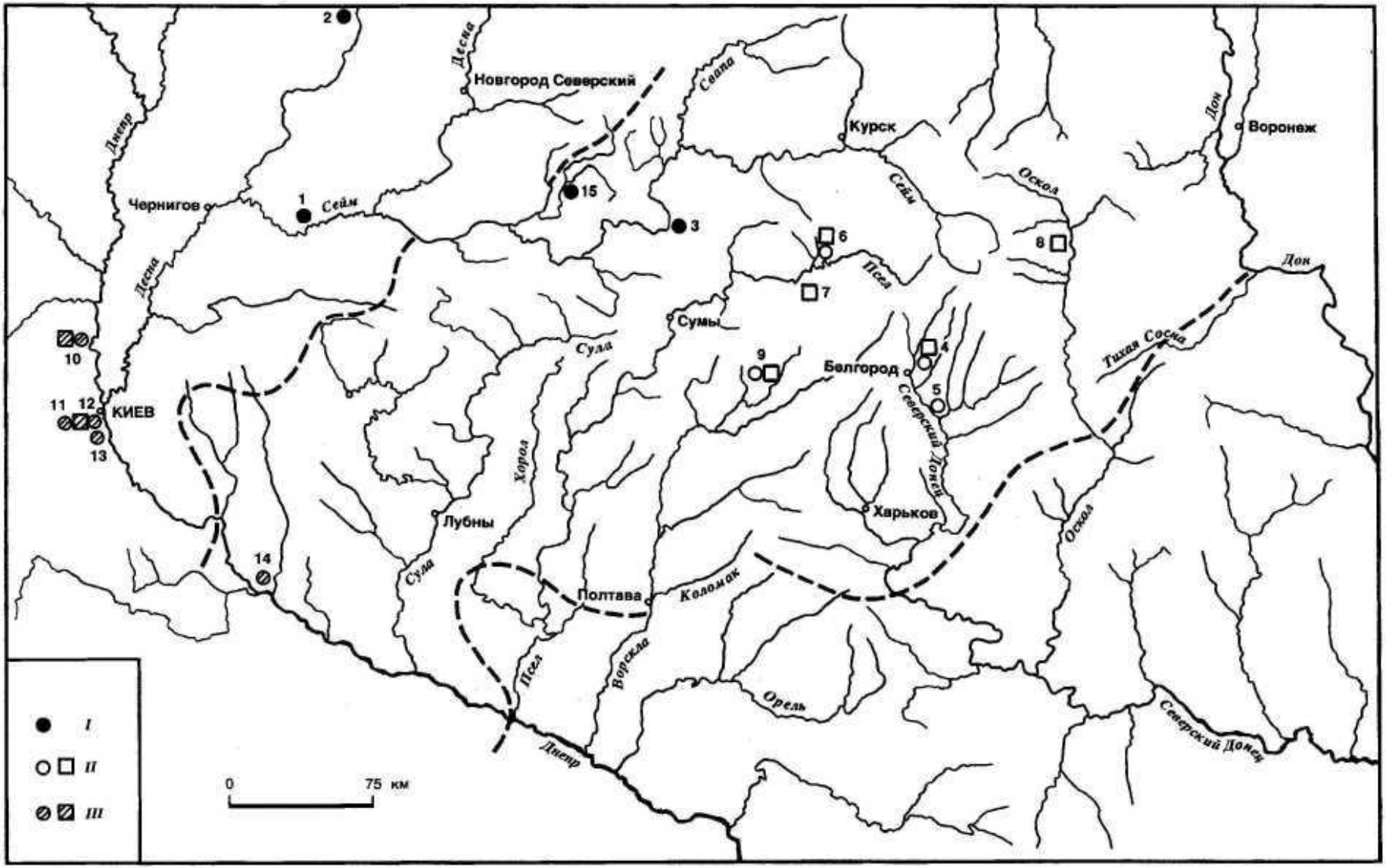
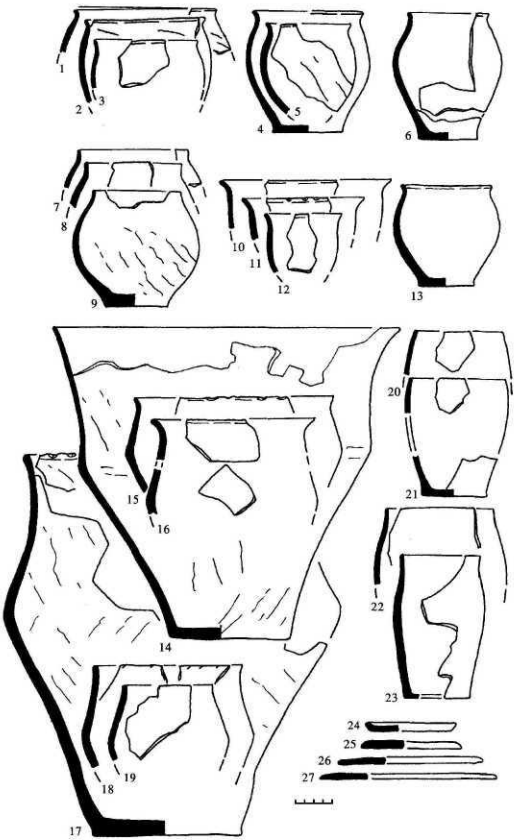

Рис. 16. Ранние памятники киевской культуры на территории Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья, исследованные раскопками

I – деснинский вариант (поселения); II – сеймино-донецкий вариант (поселения, могильники); III – среднеднепровский вариант (поселения, могильники)

1 – Гребля; 2 – Хотылево; 3 – Попово-Лежачи-4; 4 – Шишино-5; 5 – Шоссейное; 6 – Шмырево; 7 – Песчаное-Кулига; 8 – Приоскольское-2; 9 – Рябовка-1; 10 – Казаровичи; 11 – Хлепча; 12 – Новые Безрадичи; 13 – Обухов-1; 14 – Сушки-2; 15 – Веселое-2

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27

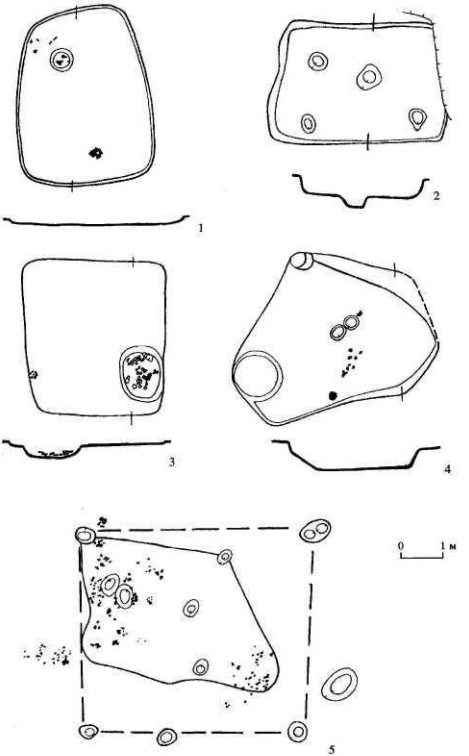

Рис. 17. Керамический комплекс ранних памятников сейминско-донецкого варианта киевской культуры (типа Шишино-5-Шмырево)
13 – Приосколькое-2; прочее – Шишино-5
Рисунки А.М. Обломского

Рис. 18. Попово-Лежачи-4. Постройки
1 – постройка 1 раскопа 2; 2 – постройка 1 раскопа 3; 3 – постройка 4 раскопа 2; 4 – постройка 2 раскопа 3; 5 – постройка 5 раскопа 2

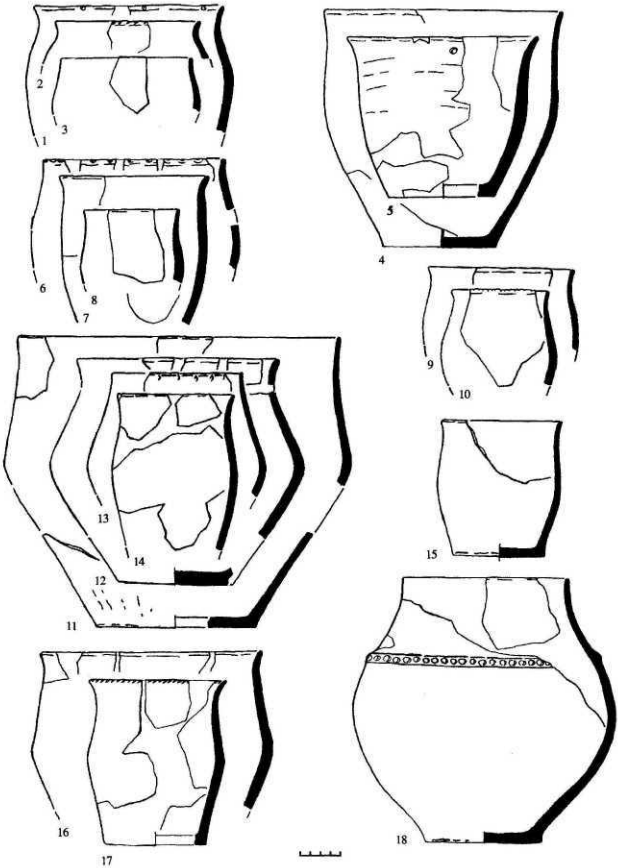

Рис. 19. Керамический комплекс поселения Попово-Лежачи-4. Груболепная керамика
Рисунки А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского

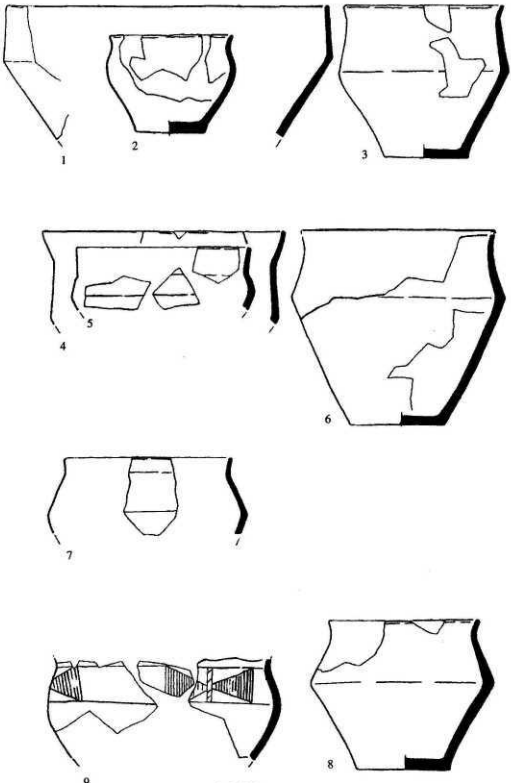

Рис. 20. Керамический комплекс поселения Попово-Лежачи-4. Лощеная лепная керамика
Рисунки А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского

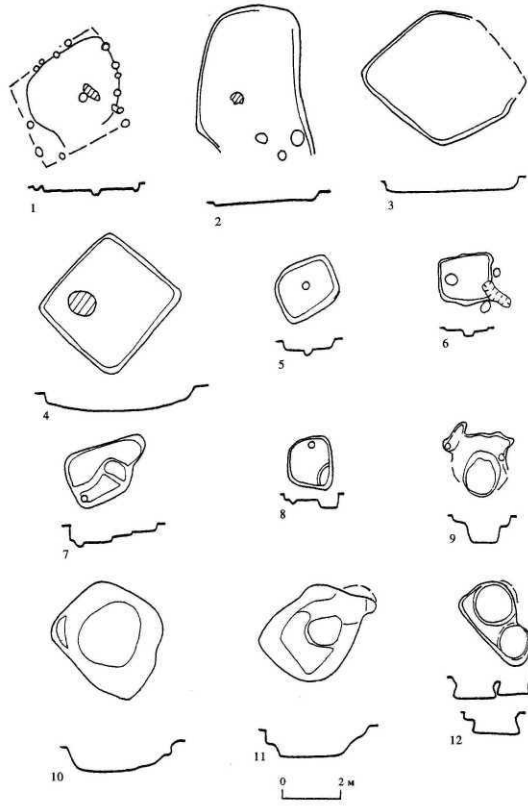

Рис. 21. Жилища и хозяйственные постройки ранних сейминско-донецких памятников киевской культуры

1–4 – жилища; 5–12 – хозяйственные сооружения; 4 – Шмырево; прочее – Шишино-5; 1 – постройка 5 раскопа 1; 2 – постройка 5 раскопа 2; 3 – постройка 7 раскопа 2; 4 – жилище 3; 5 – постройка 1 раскопа 1; 6 – постройка 10 раскопа 1; 7 – постройка 4 раскопа 1; 8 – "яма 14" раскопа 1; 9 – постройка 6 раскопа 1; 10 – "яма 43" раскопа 1; 11 – постройка 2 раскопа 1; 11 – постройка 3 раскопа 2

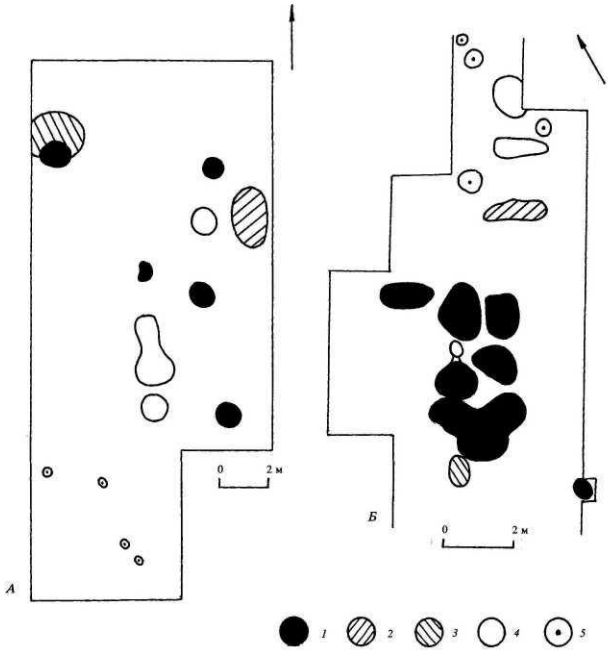

Рис. 22. Планировка могильников Шишино-5 (А) и Приоскольское-2 (Б)
1 – погребения с сожжениями; 2 – ингумация (Приоскольское-2), захоронение головы (Шишино-5); 3 – пятна прокала грунта; 4 – ямы без сожжений; 5 – ямы от столбов

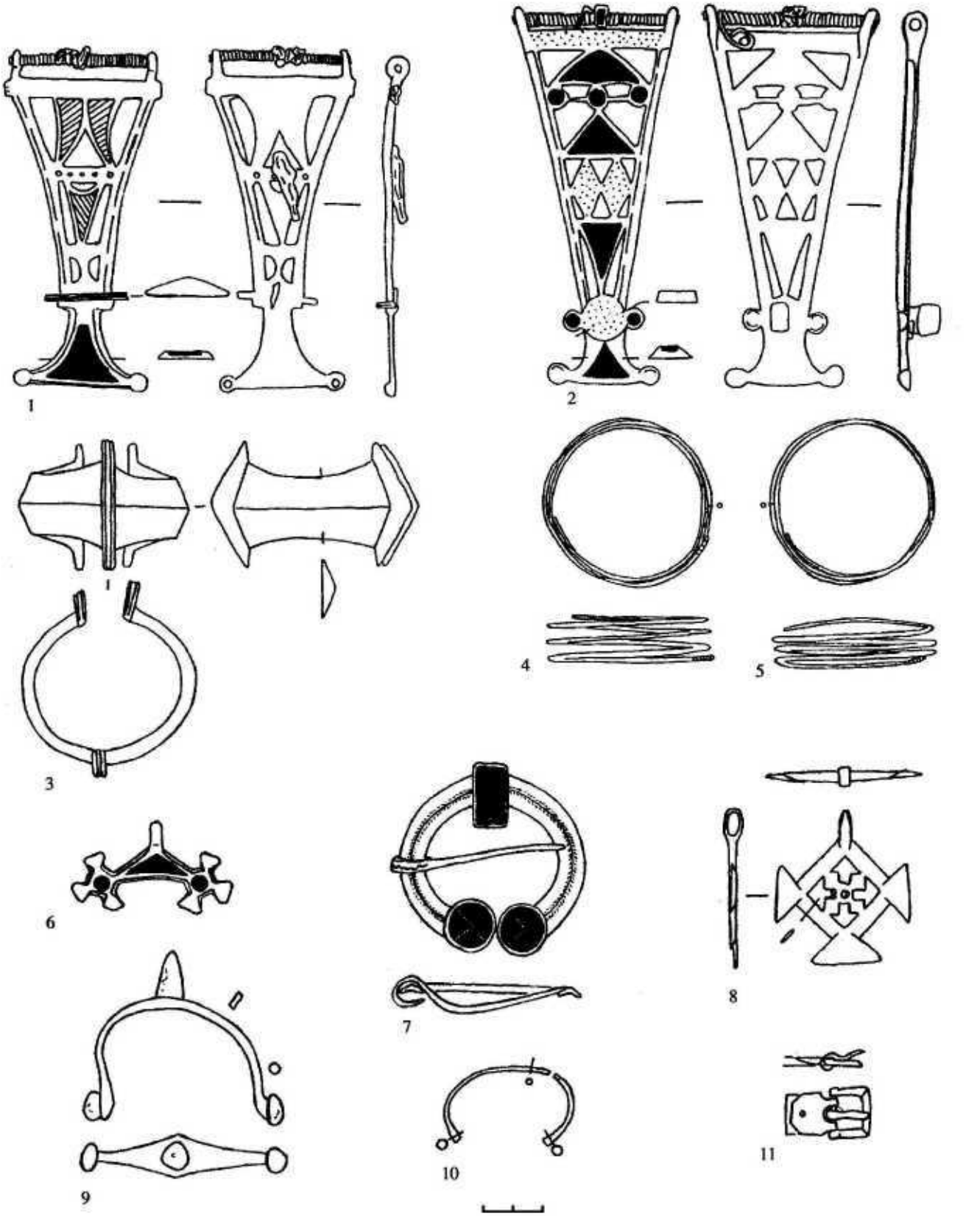

Рис. 23. Некоторые датирующие вещи на памятниках раннего этапа киевской культуры

1–5 – Шишино-5, поселение, клад; 6,7 – Рябовка-1; 8 – Приоскольское-2, могильник; 9 – Попово-Лежачи-4; 10 – Шишино-5, поселение; 11 – Шишино-5, район могильника, культурный слой. 1 – бронза, верхние 2 гнезда – оранжевая непрозрачная эмаль, среднее гнездо – голубоватая прозрачная эмаль, нижнее гнездо – красная непрозрачная эмаль; 2 – бронза со следами посеребрения (обозначены точками), все гнезда заполнены красной непрозрачной эмалью; 3–5, 8, 10, 11 – бронза; 6 – бронза, красная непрозрачная эмаль; 7 – бронза, красная непрозрачная эмаль со светло-зелеными полосами; 9 – железо

Рисунки А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского

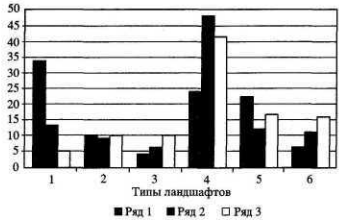

Рис. 24. Ландшафты черняховских и киевских поселений лесостепной зоны (график)

Ряды: 1 – поселения черняховской культуры; 2 – поселения киевской культуры Подесенья – Нижнего и Среднего Посеймья; 3 – поселения киевской культуры лесостепной зоны

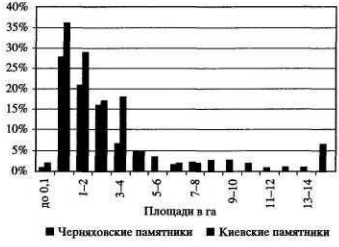

Рис. 25. Площади поселений черняховской и киевской культур лесостепной зоны (график)

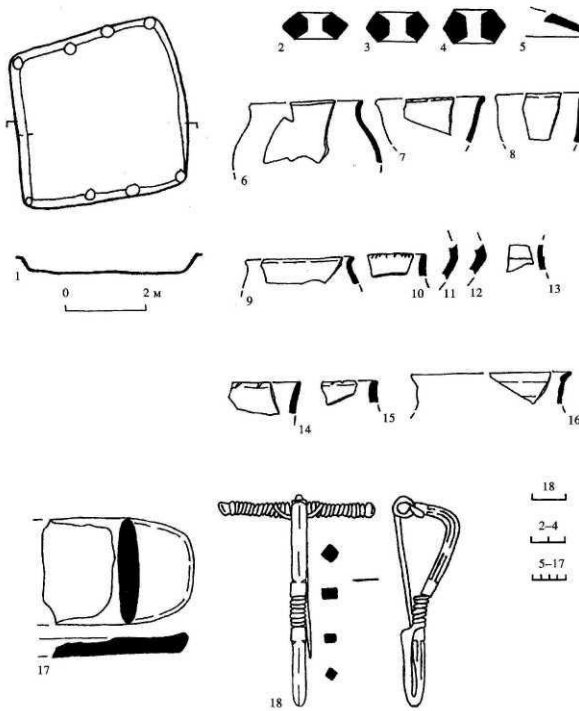

Рис. 26. Материалы позднего этапа сейминско-донецкого варианта киевской культуры с поселений Гочево-1

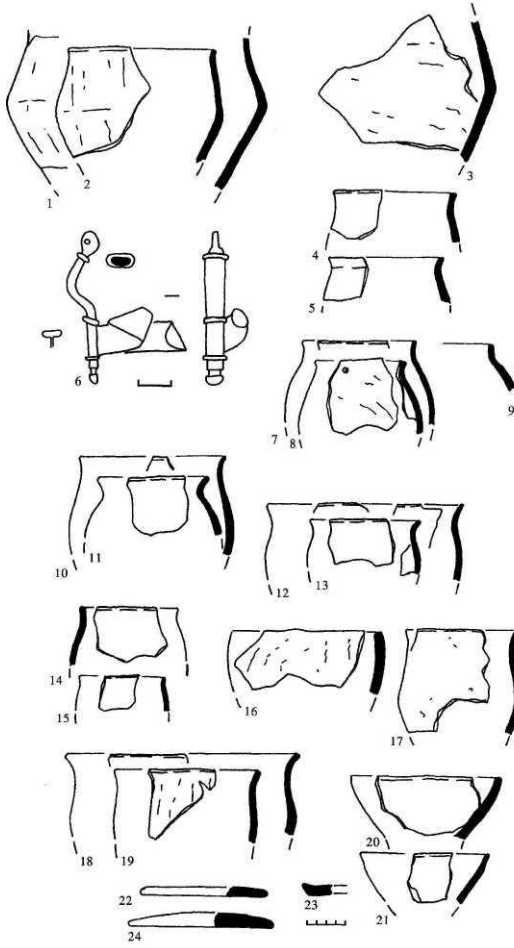
1 – жилище 1 (план и профиль); 2–17 – находки из заполнения жилища 1; 18 – из ямы с конским скелетом; 2–4 – глиняные пряслица; 5–12, 14–15 – груболепная керамика; 13, 16 – черняховская гончарная керамика с лощеной поверхностью; 17 – предмет из глины; 18 – бронзовая фибула

Рисунки А.М. Обломского

Рис. 27. Некоторые материалы киевской культуры с поселения Гочево-3

1–5, 7–24 – груболепная керамика; 6 – бронзовая фибула; 1–6 – постройка 1; 7–15, 17–19, 21–24 – культурный слой; 16 – постройка 7; 20 – яма 95; 22 – яма 70

Рисунки А.М. Обломского, Р.В. Терпиловского и О.А. Щегловой

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24

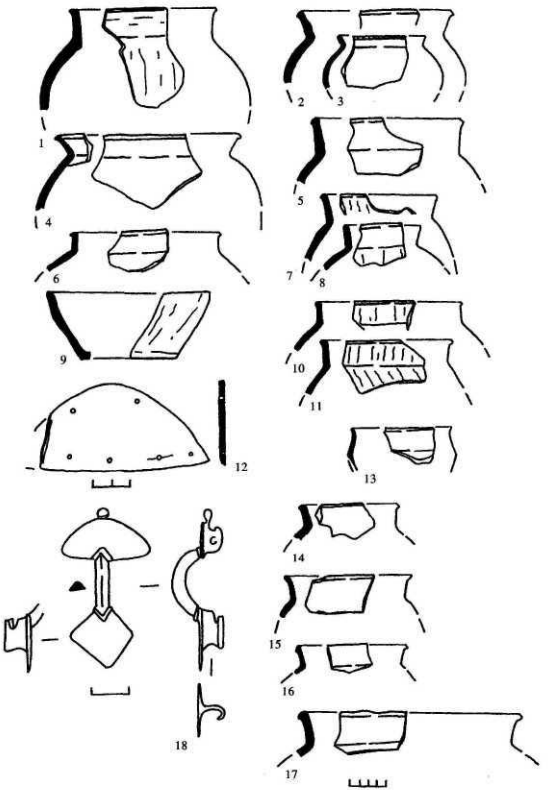

Рис. 28. Некоторые материалы черняховской культуры поселений Гочево-3 (1–12) и Гочево-4 (13–18)
1–11, 13–17 – груболепная керамика; 12 – обкладка гребня из рога; 18 – бронзовая фибула; 1, 2, 4, 5, 7–11, 13–17 – культурный слой; 3, 6 – постройка 7; 12 – постройка 8; 18 – наземная постройка 1а
Рисунки А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского

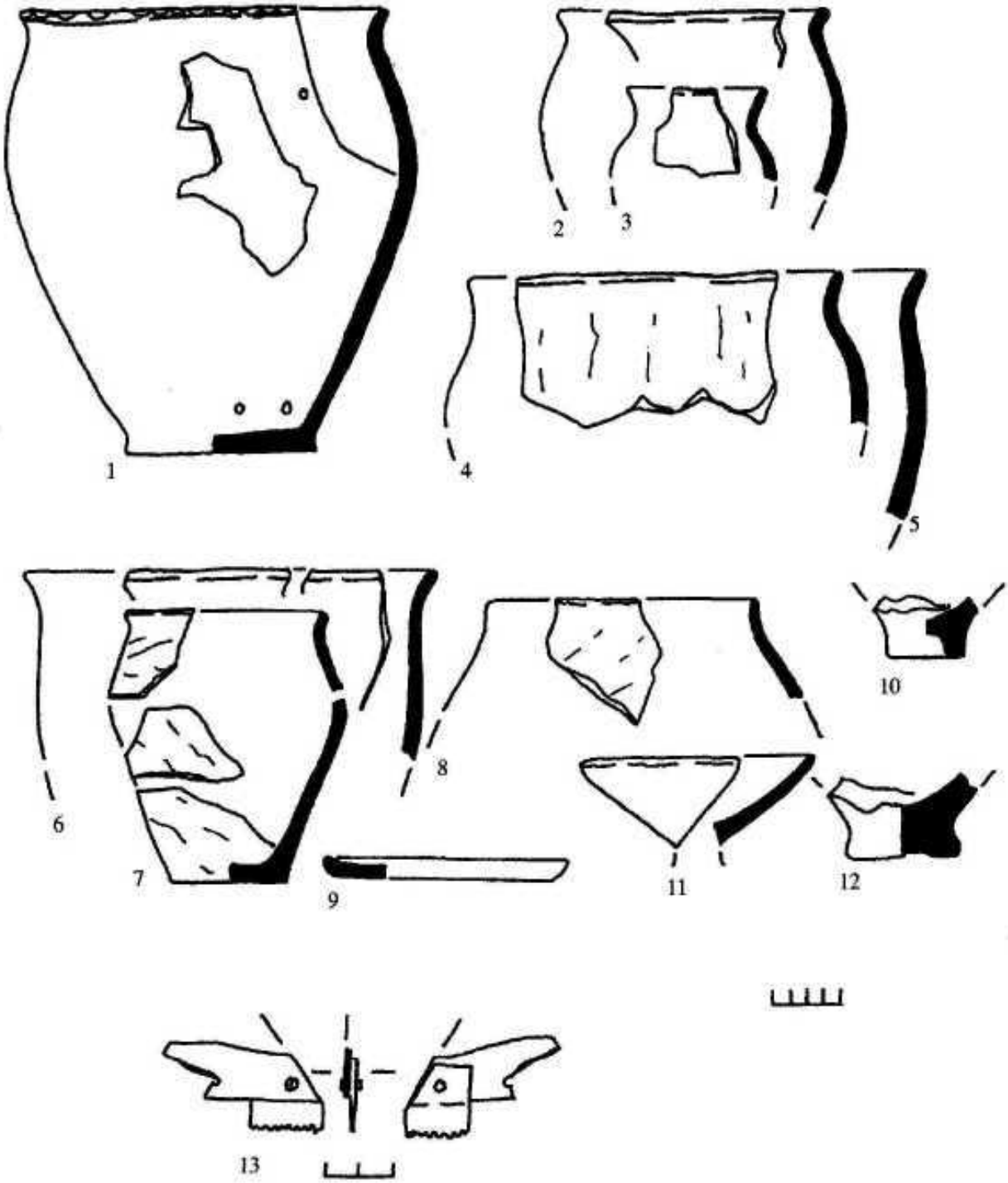
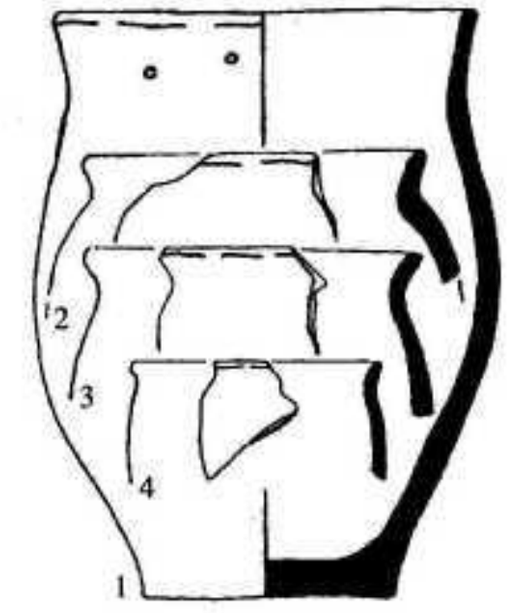
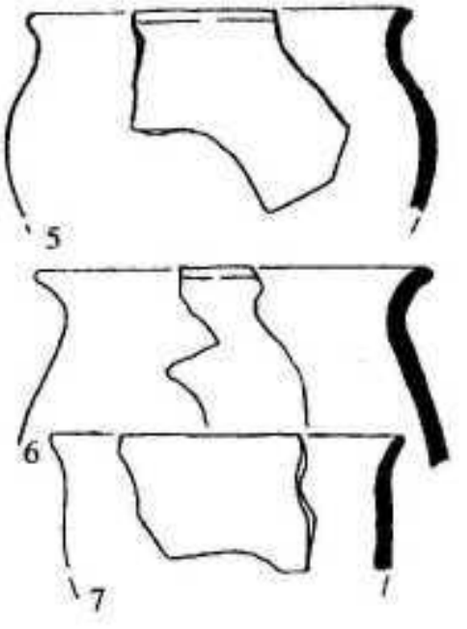

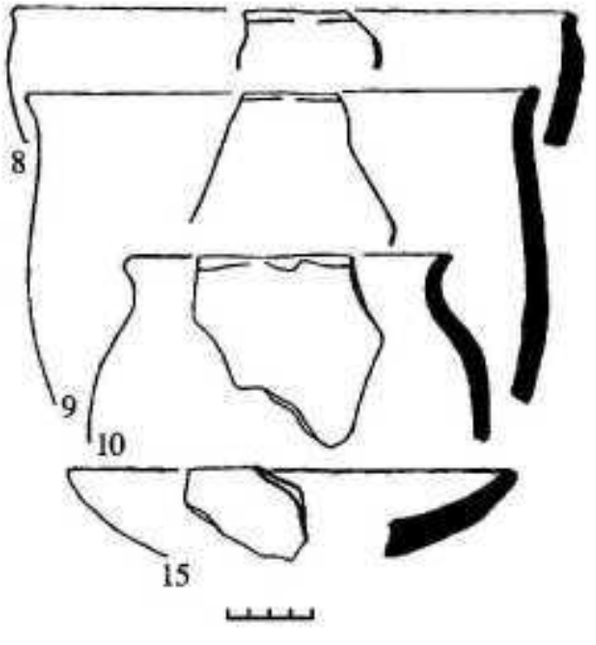

Рис. 29. Некоторые материалы киевской культуры поселения Гочево-4

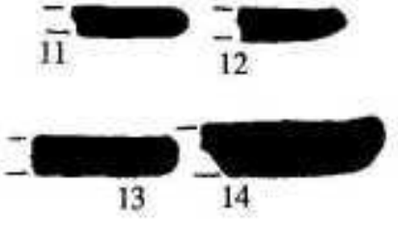
1, 3, 6, 8–12 – культурный слой; 2 – очаг 1; 4, 5 – очаг 2; 7 – полуземлянка 2; 13 – полуземлянка 3; 1–12 – лепная керамика; 13 – обломок гребня из рога

Рисунки А.М. Обломского и Р.В. Терпиловского

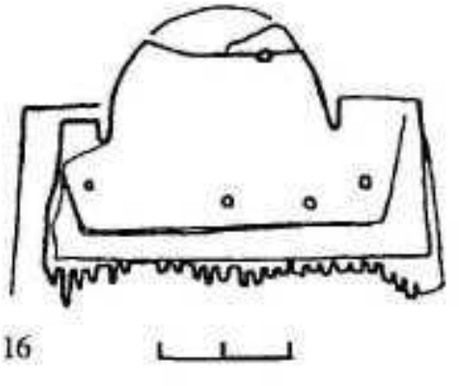

Рис. 30. Некоторые материалы киевской культуры поселения Тазово

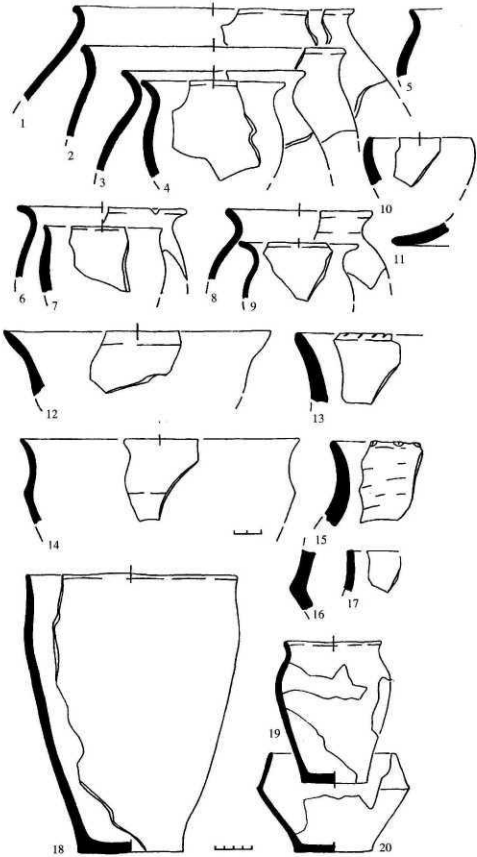
1–15 – груболепная керамика; 16 – костяной гребень; 1, 5–16 – слой; 2 – постройка 3; 3 – траншея 2, кв. 36/37, яма; 4 – подъемный материал

Рисунки Э.А. Сымоновича

Рис. 31. Материалы киевской культуры с поселения Авдеево

1–19 – груболепная керамика; 20 – лепная лощеная миска; 1–17 – условия находки не ясны; 18 – скопление обожженной глины на кв. 81/1; 19, 20 – яма в траншее Г, заполнение

Рисунки А.М. Обломского

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

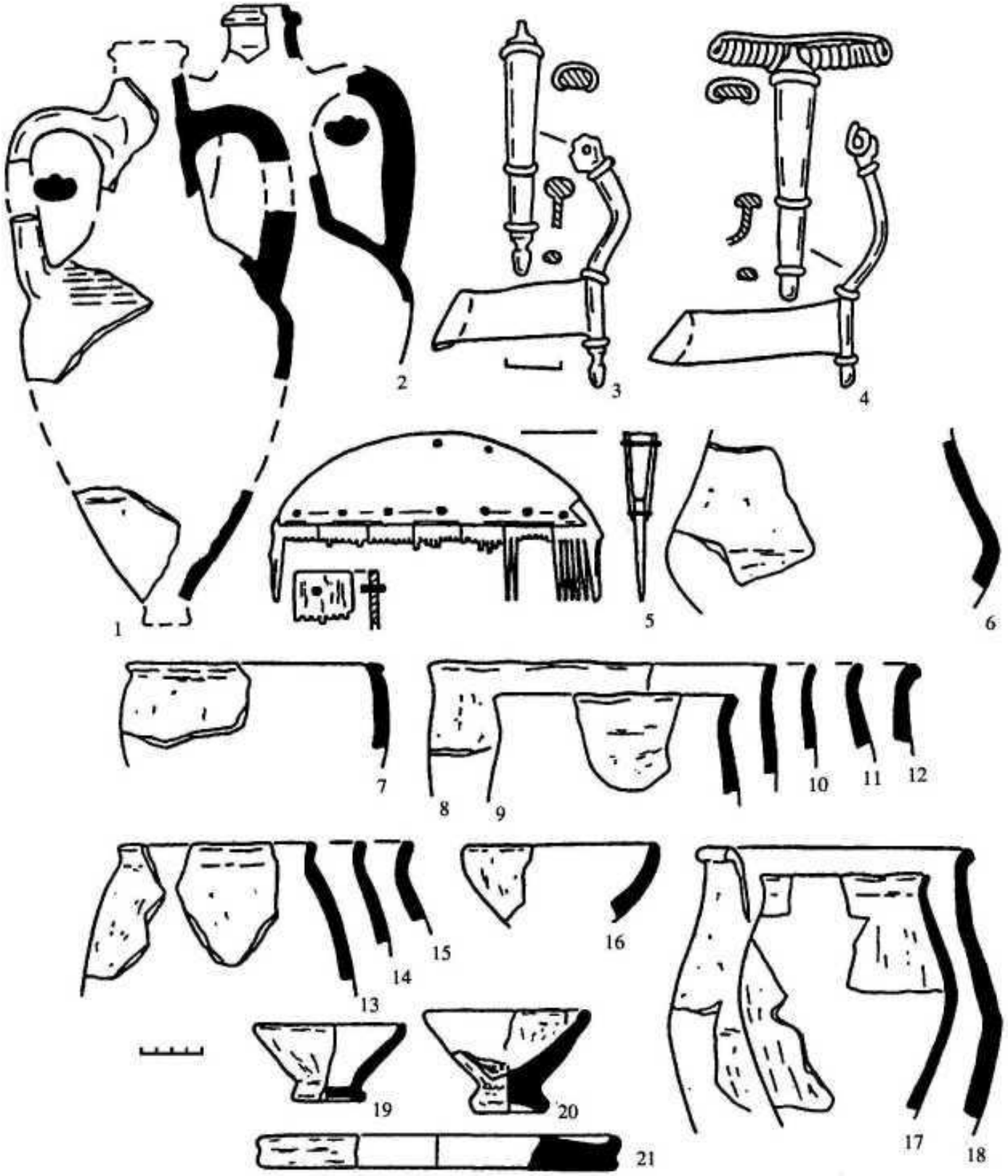

Рис. 32. Материалы из нижнего горизонта поселения Боромля-2. Постройка 1

1, 2 – обломки светлоглиняных амфор; 3–4 – бронзовые фибулы; 5 – костяной гребень; 6–21 – груболепная керамика

Рисунки А.Н. Некрасовой

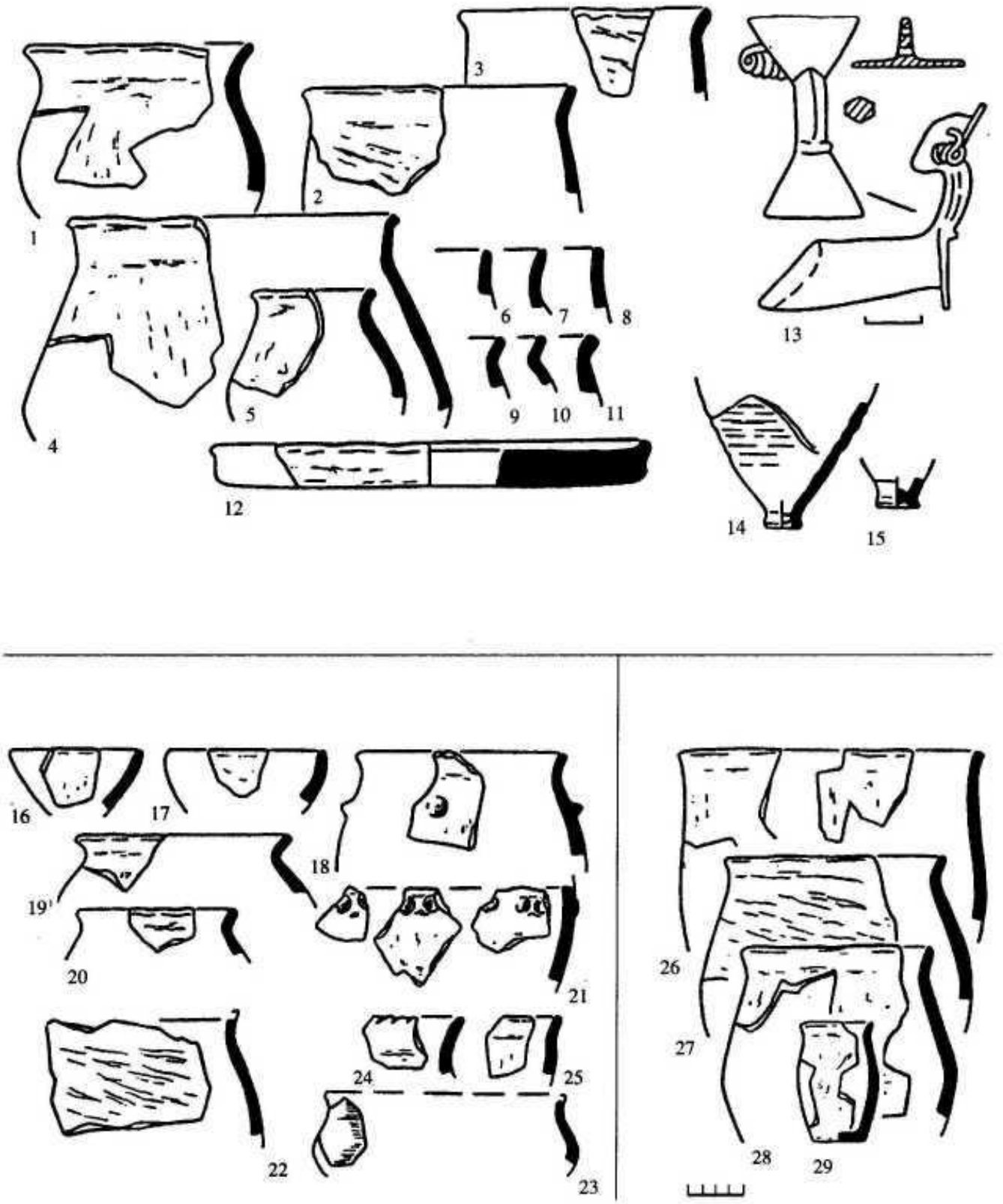

Рис. 33. Материалы из нижнего горизонта поселения Боромля-2

1–15 – постройка 3; 16–23 – постройка 8; 26–29 – постройка 6; 1–12, 16–29 – лепная керамика; 13 – бронзовая фибула; 14–15 – обломки светлоглиняных амфор

Рисунки А.Н. Некрасовой

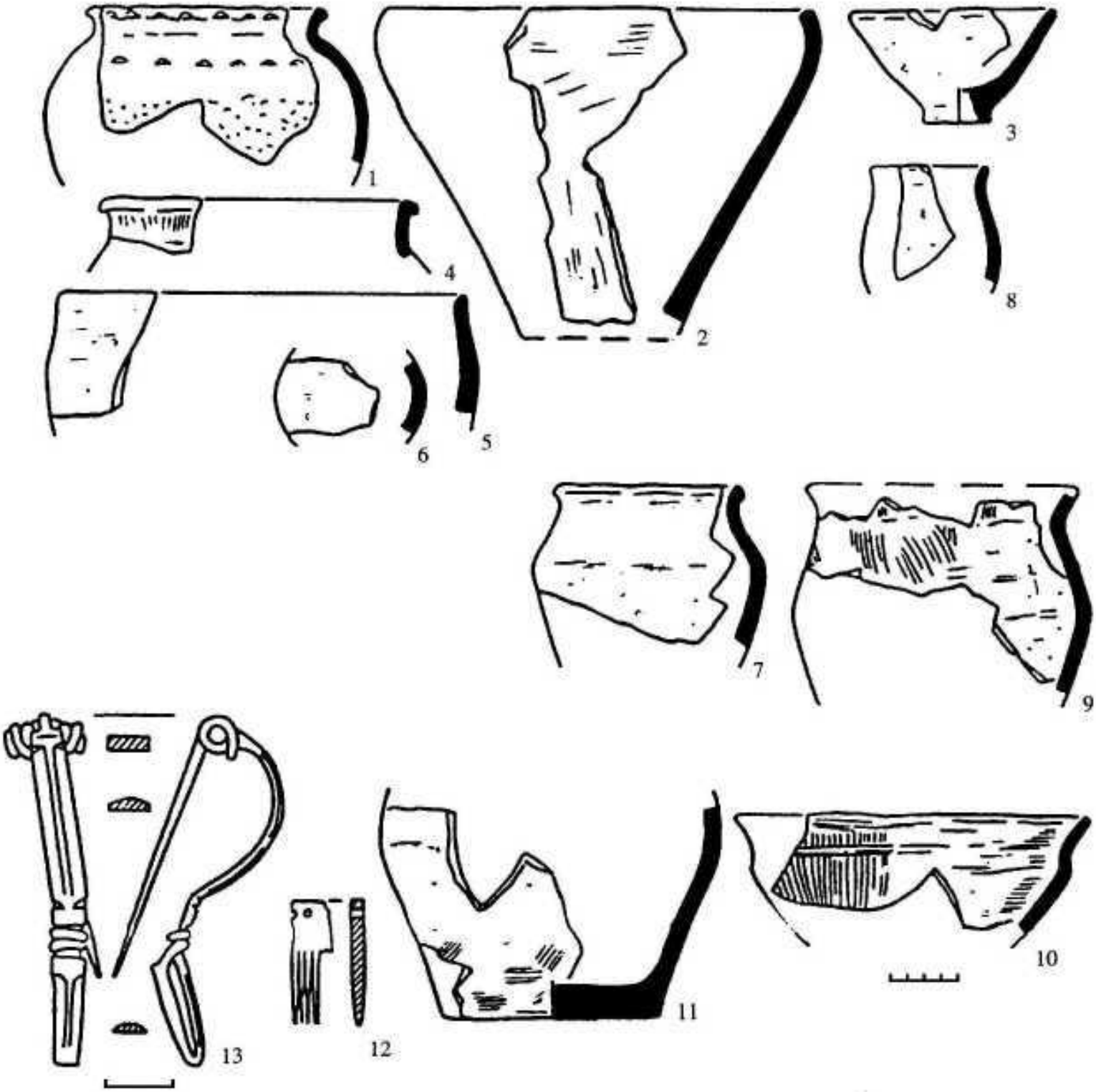
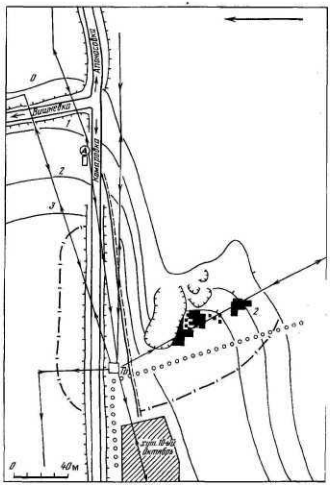

Рис. 34. Материалы среднего горизонта поселения Боромля-2

1–8 – постройка 7; 7 – очаг и "рабочая площадка" над постройками 5 и 6; 9–13 – постройка 5, "горелый слой"; 1–11 – лепная керамика; 12 – звено костяного гребня; 13 – бронзовая фибула

Рисунки А.Н. Некрасовой

Рис. 35. План поселения 10-й Октябрь с обозначением раскопов

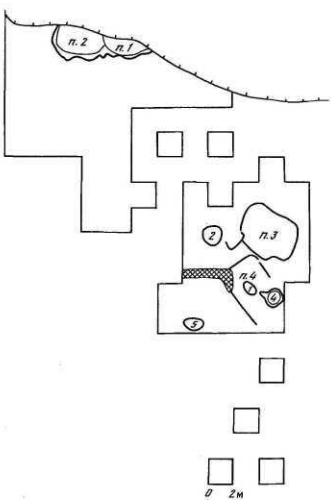

Рис. 36. Схематический план раскопа 1 на поселении 10-й Октябрь

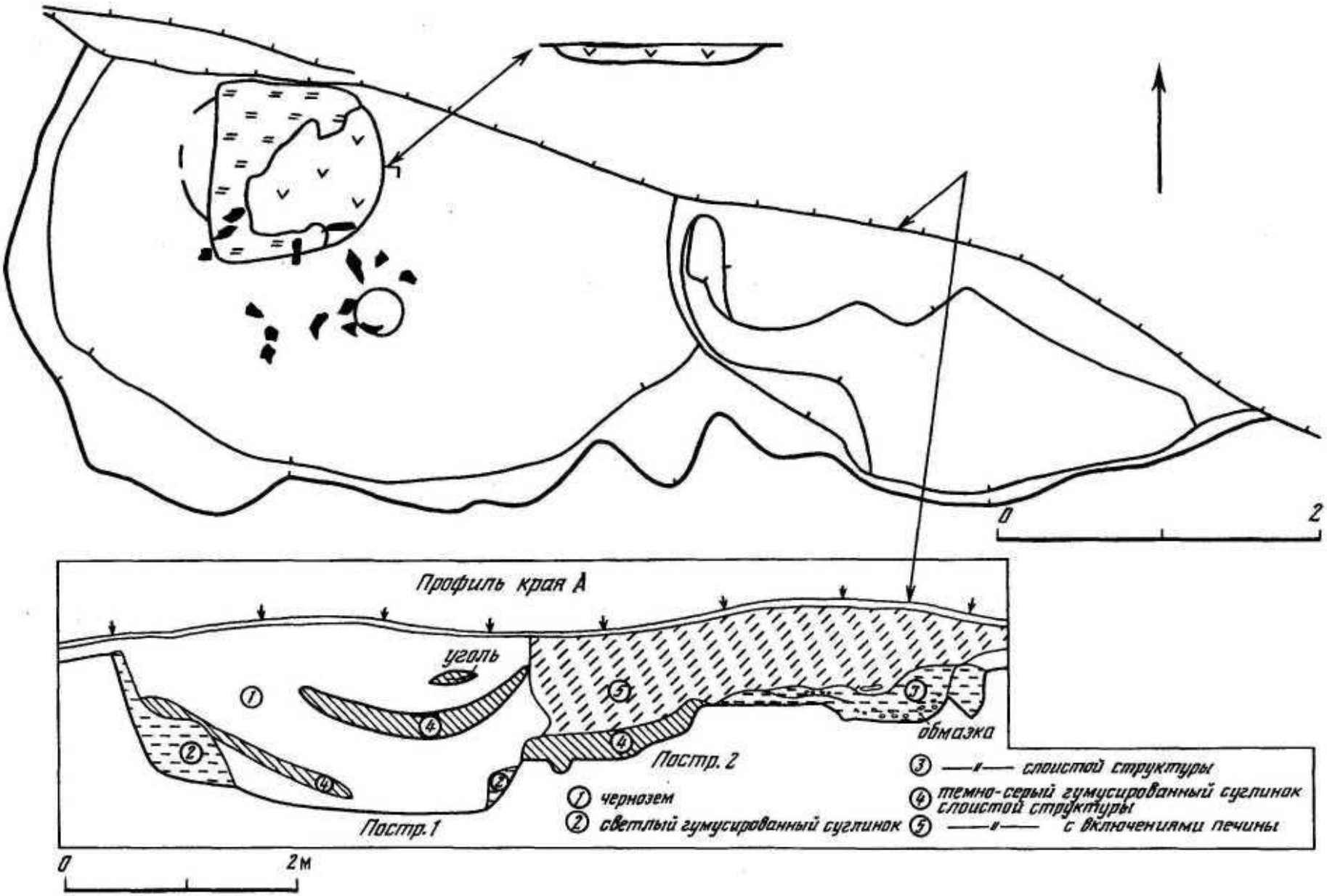

Рис. 37. 10-й Октябрь. Планы и профили построек 1 (восточной) и 2 (западной)

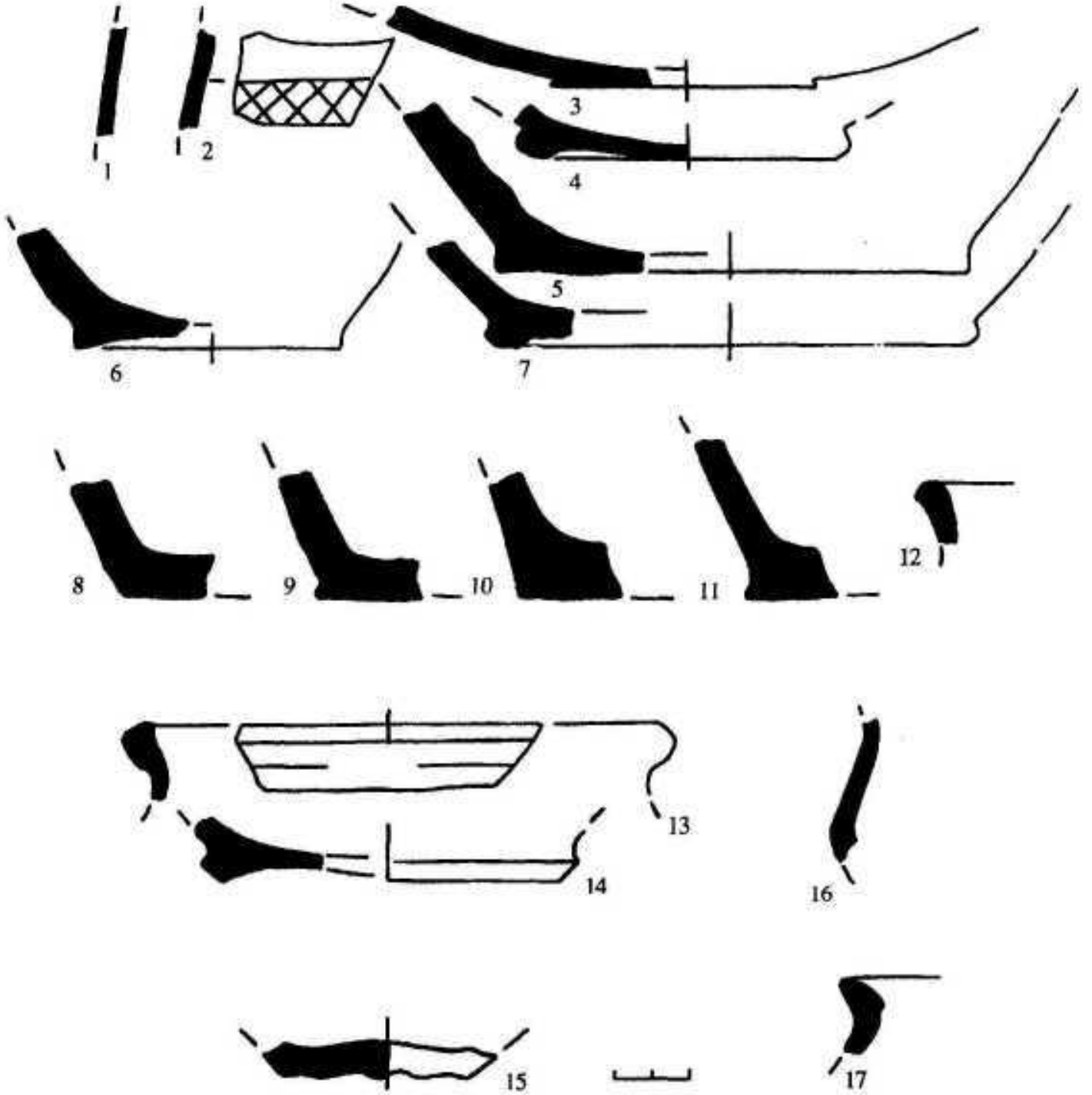

Рис. 38. Материалы черняховской культуры с поселения 10-й Октябрь

1–12 – постройка 1; 13–17 – постройки 1 и 2, верх заполнения; 1–3, 5, 7, 16 – гончарная лощеная керамика; 8–12 – лепная керамика

Рисунки А.М. Обломского

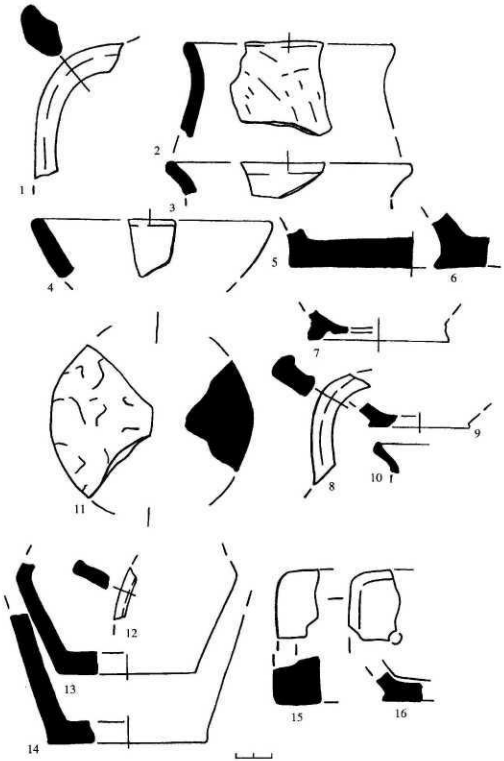

Рис. 39. Материалы киевской культуры с поселения 10-й Октябрь

1–10 – постройка 2, горизонт 1; 12–16 – постройка 2, горизонт 2; 1 – ручка светлоглиняной амфоры; 2–6, 13, 14, 16 – груболепная керамика; 7–10, 12 – гончарная лощеная керамика; 11 – фрагментированный шарообразный глиняный предмет; 15 – обломок глиняного грузила

Рисунки А.М. Обломского

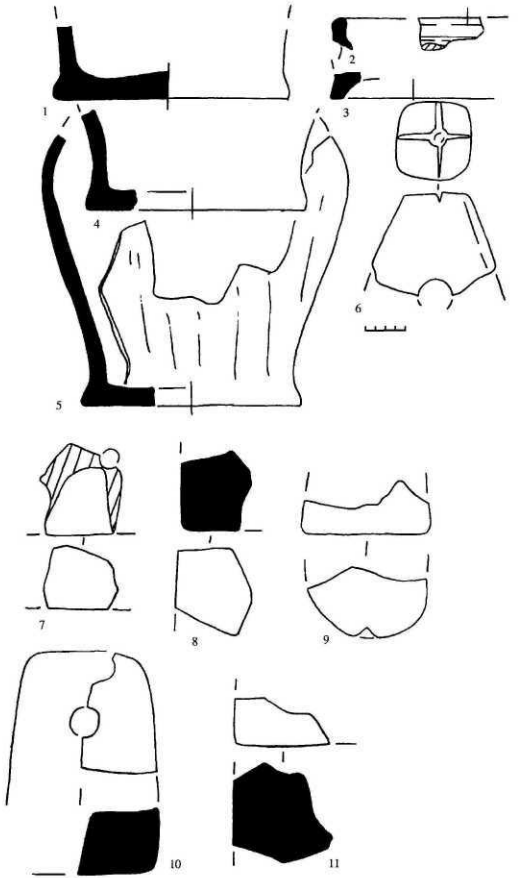

Рис. 40. Материалы киевской культуры с поселения 10-й Октябрь

1–3 – постройка 2, очаг; 4–6 – постройка 2, пол; 7–11 – постройка 2, очаг и пол;

1, 4, 5 – груболепная керамика; 2–3 – гончарная керамика с шероховатой поверхностью; 6–11 – обломки глиняных грузил

Рисунки А.М. Обломского

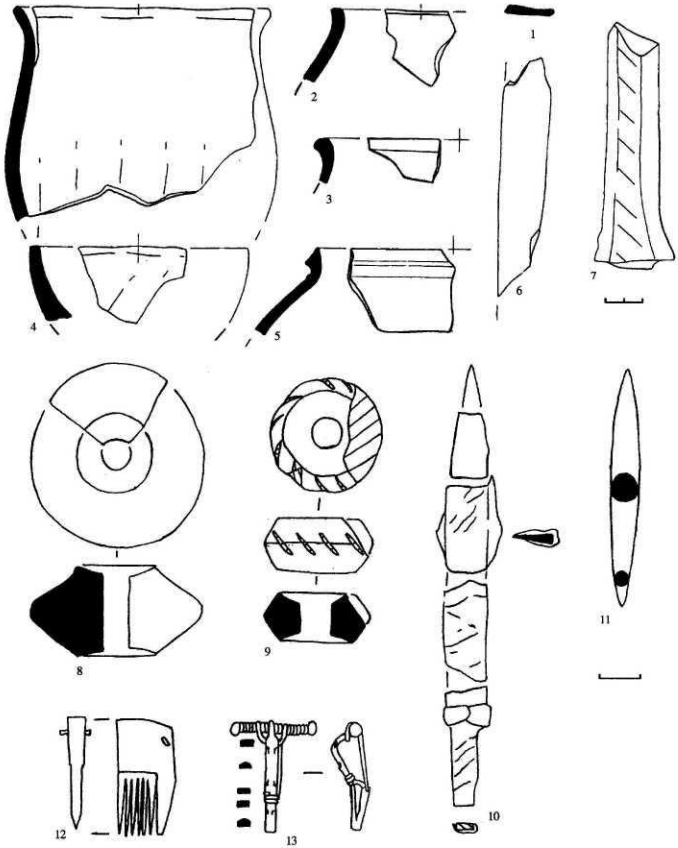

Рис. 41. Некоторые материалы поселения 10-й Октябрь

1–5 – постройка 2, заполнение (осыпь края обрыва); 6, 7, 9, 12, 13 – культурный слой; 8, 10, 11 – постройка 2, нижний горизонт

1, 2, 4 – груболепная керамика; 3, 5 – гончарная керамика; 6, 7, 11, 12 – изделия из кости; 8, 9 – глиняные пряслица; 10 – железный нож; 13 – бронзовая фибула

Рисунки А.М. Обломского

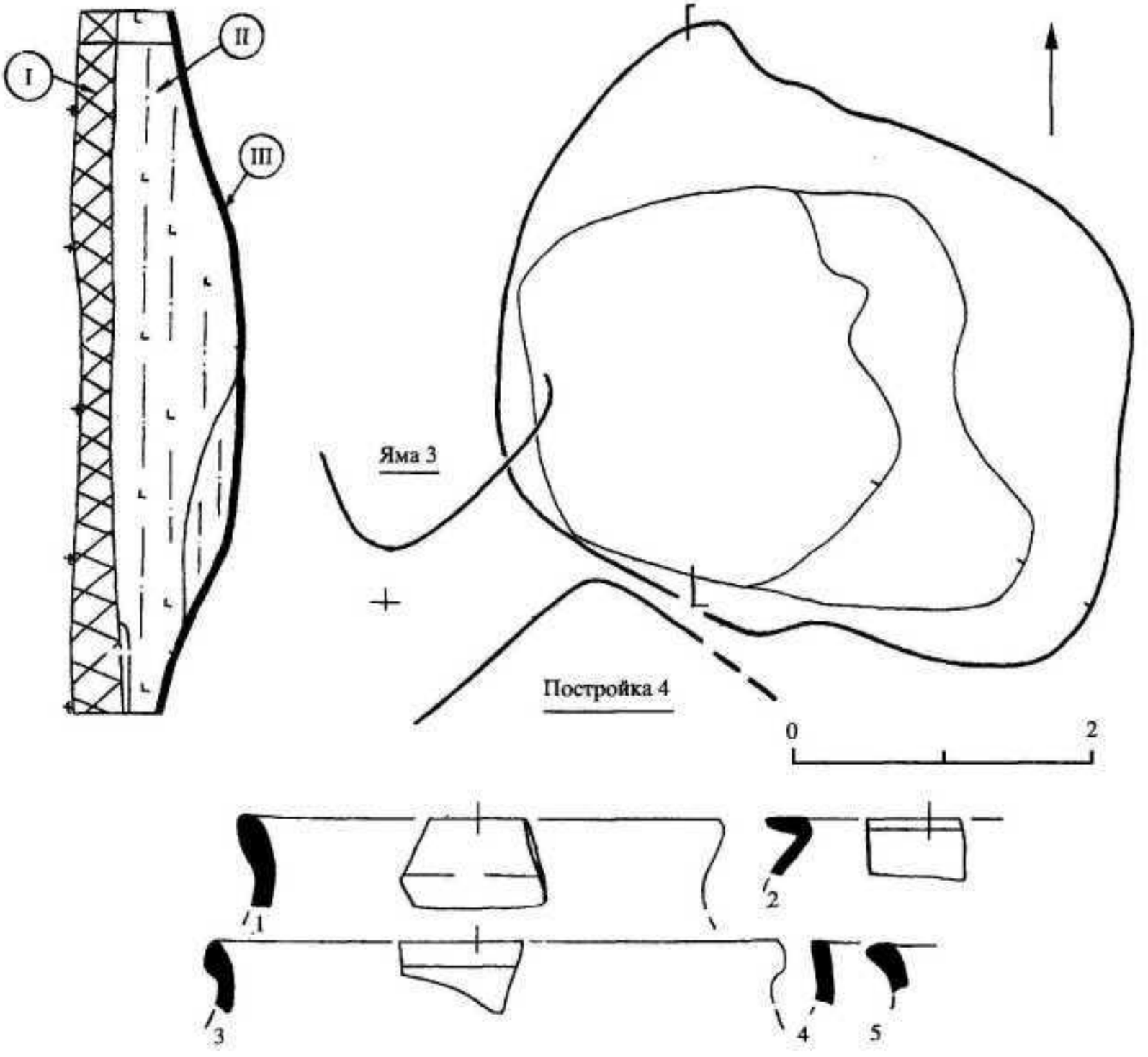

Рис. 42. Поселение 10-й Октябрь. Постройка 3

I – переотложенный культурный слой (чернозем); II – светлый гумусированный суглинок; III – материк;

1–5 – гончарная керамика с шероховатой поверхностью из заполнения постройки

Рисунки А.М. Обломского

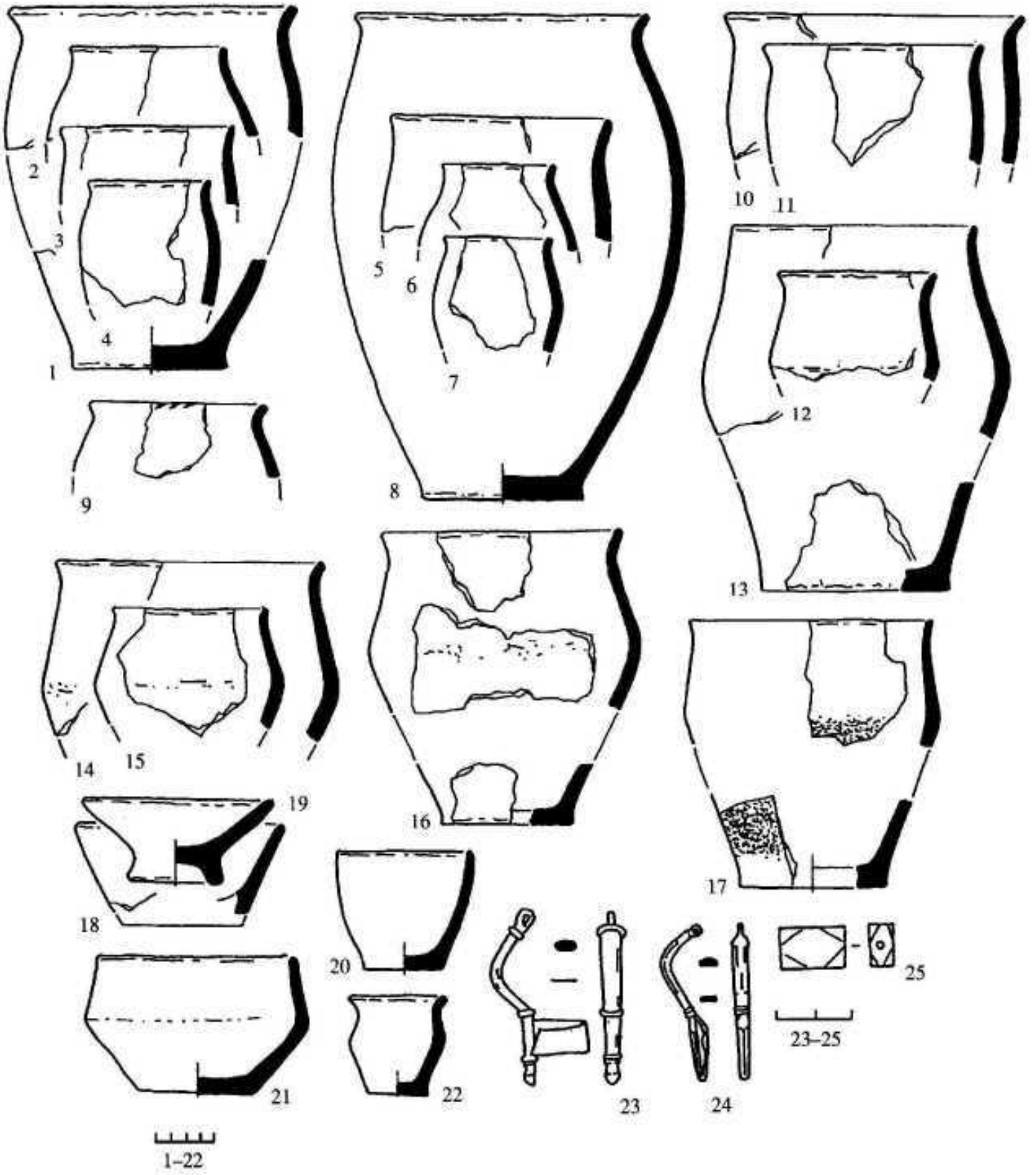

Рис. 43. Материалы поселения Букреевка-2

1, 2, 8, 14 – постройка 9; 3 – постройка 1; 4, 5, 7, 9, 18, 19, 21 – постройка 5; 6, 20 – постройка 2; 10, 16 – постройка 3; 11 – постройка 7; 12, 15, 23 – постройка 8; 13, 22 – постройка 4; 17, 24, 25 – культурный слой; 1–22 – лепная керамика; 23–24 – бронзовые фибулы; 25 – сердоликовая бусина

Рисунки Э.А. Сымоновича, Р.В. Терпиловского и А.М. Обломского

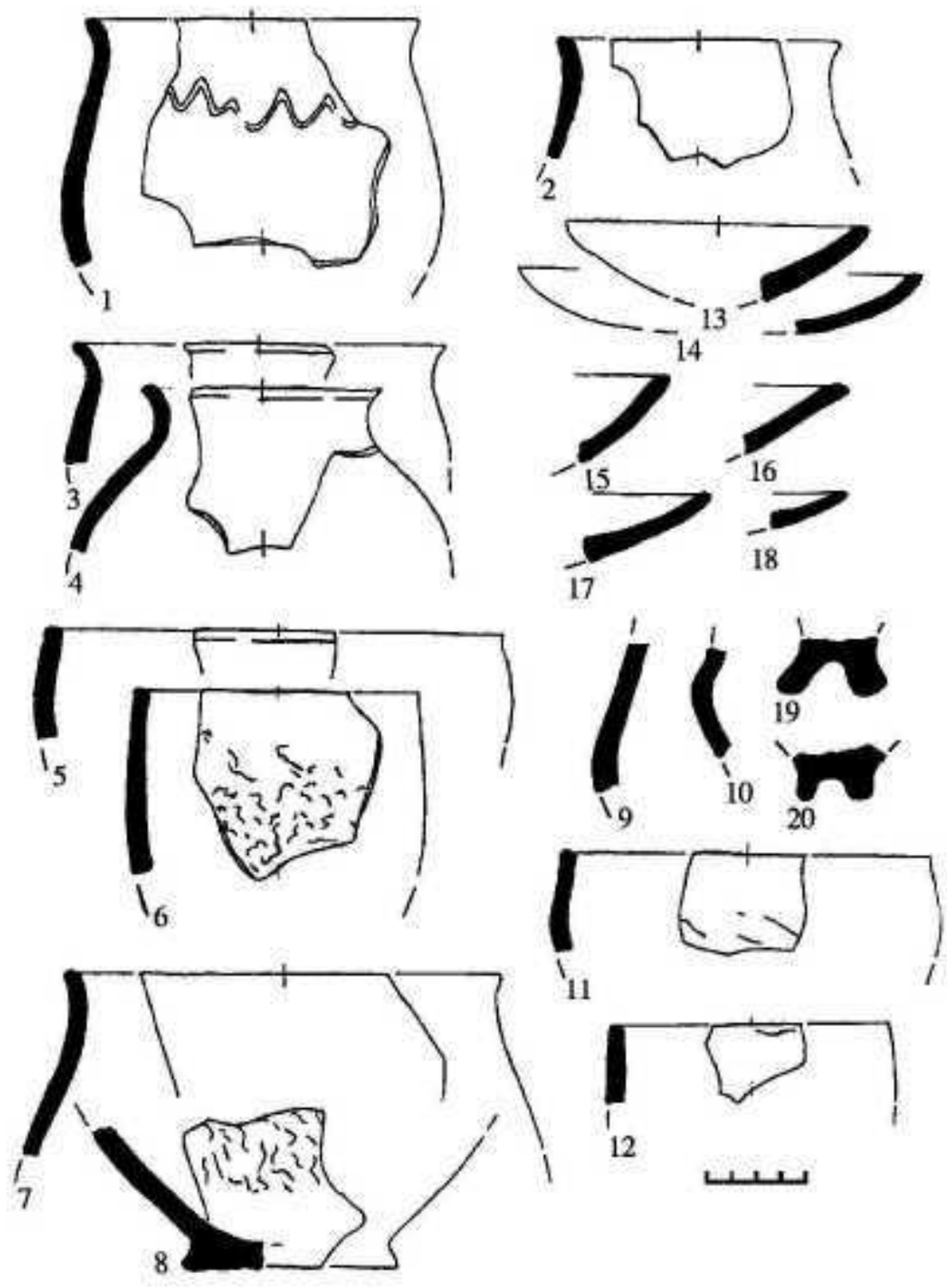

Рис. 44. Комплекс находок из постройки 1 Букреевки-2. Лепная керамика
Рисунки А.М. Обломского

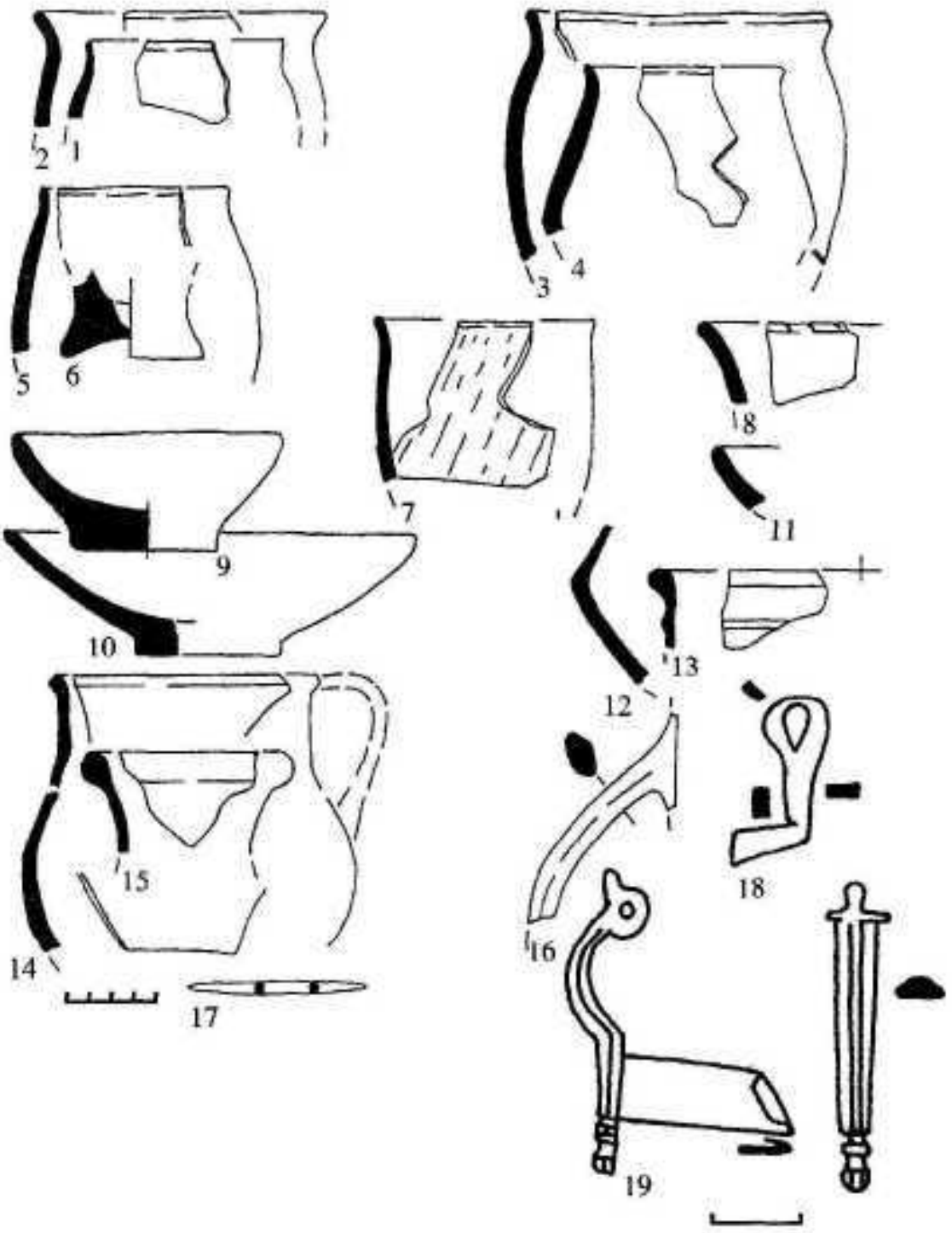

Рис. 45. Материалы поселения Родной Край-3 (жилище 1)

1–11 – груболепная керамика; 12–15 – гончарная лощеная керамика; 16 – ручка светлоглиняной амфоры; 17 – костяное полированное шило; 18 – железный ключ; 19 – бронзовая фибула

Рисунки А.М. Обломского

Рис. 46. Материалы поселения Родной Край-3 (жилище 2)

1, 3–10 – груболепная керамика; 2 – лепной лощеный миниатюрный сосуд; 11, 12 – ножки светлоглиняных амфор; 13–16 – лощеные глиняные пряслица; 17, 18 – гончарная керамика с шероховатой поверхностью; 19–24 – гончарная керамика с лощеной поверхностью; 25–26 – фрагменты глиняных грузил

Рисунки А.М. Обломского

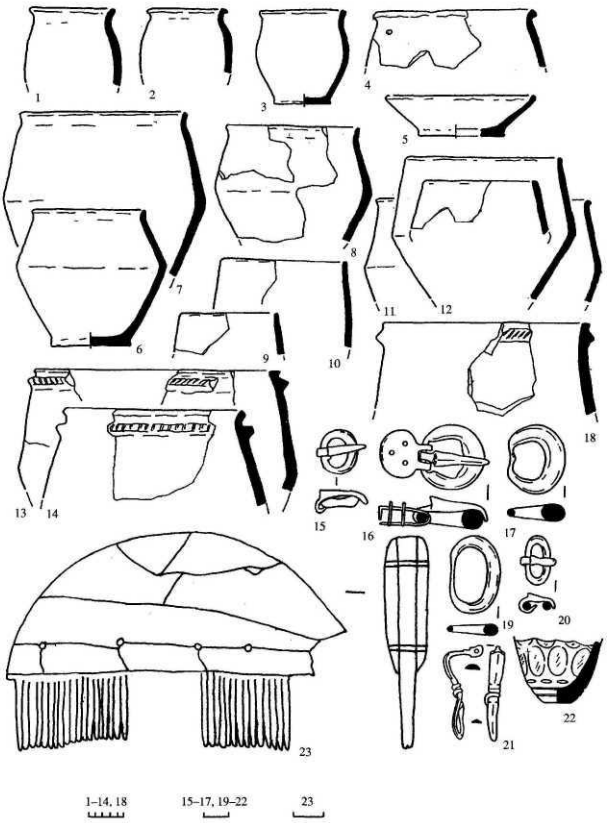

Рис. 47. Некоторые материалы поселения Хлопков-1

1, 2, 14–17, 20–23 – слой; 3, 7, 10, 12 – жилище 2; 4 – яма 13; 5 – жилище 3; 6 – яма 8; 8 – яма 33; 9 – жилище 4; 11, 13 – сооружение 5; 18 – жилище 1; 19 – сооружение 4; 1–14, 18 – лепная керамика; 15–17, 19–21 – изделия из бронзы; 22 – обломок стеклянного кубка; 23 – костяной гребень

Рисунки А.Н. Некрасовой

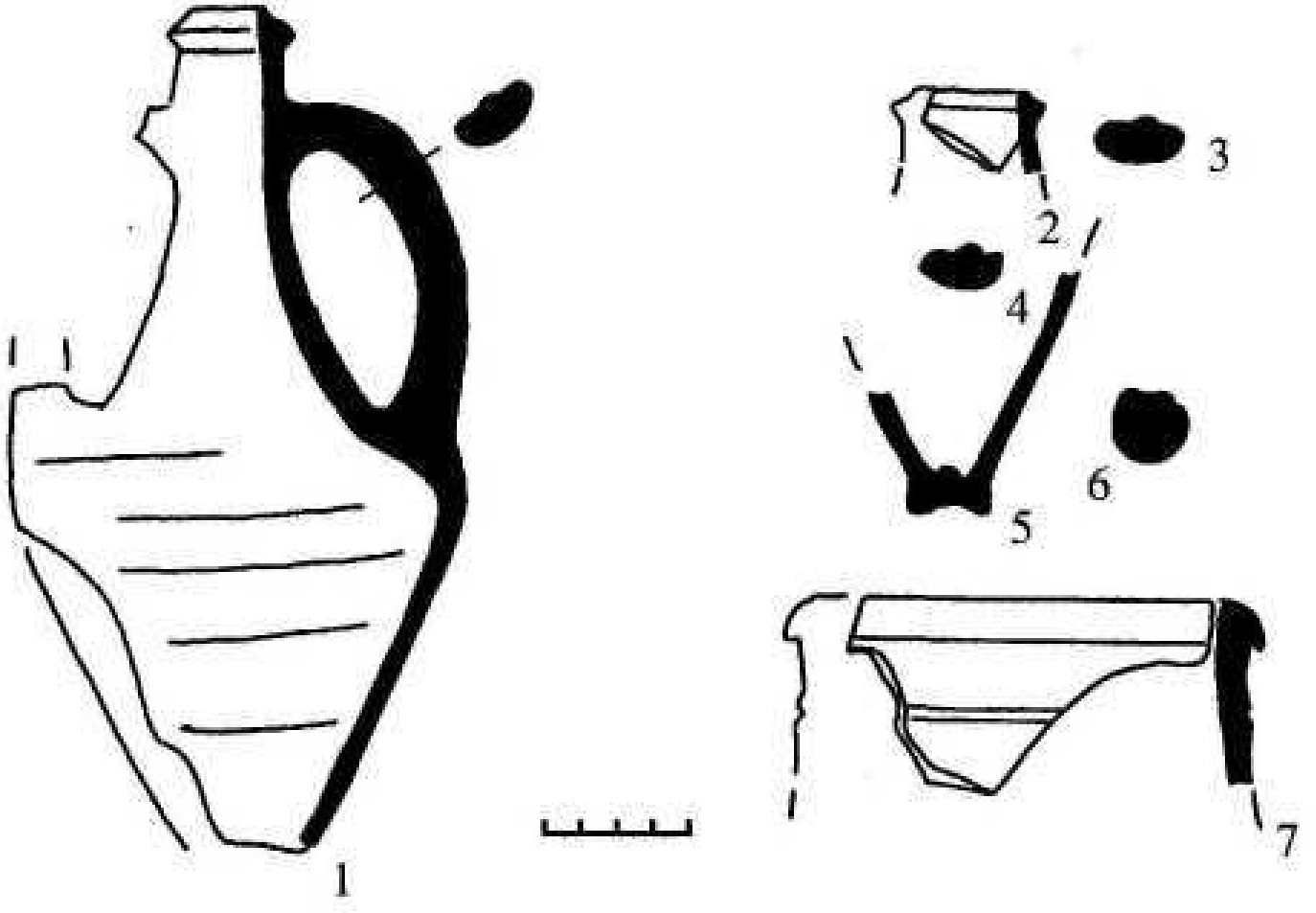

Рис. 48. Некоторые датирующие материалы черняховского поселения Песчаное (Сумской обл.) (по А.И. Журко)

1–6 – обломки светлоглиняных амфор; 7 – фрагмент красноглиняной амфоры; 1 – около очага жилища 1; 2–4, 6, 7 – культурный слой; 5 – жилище 5

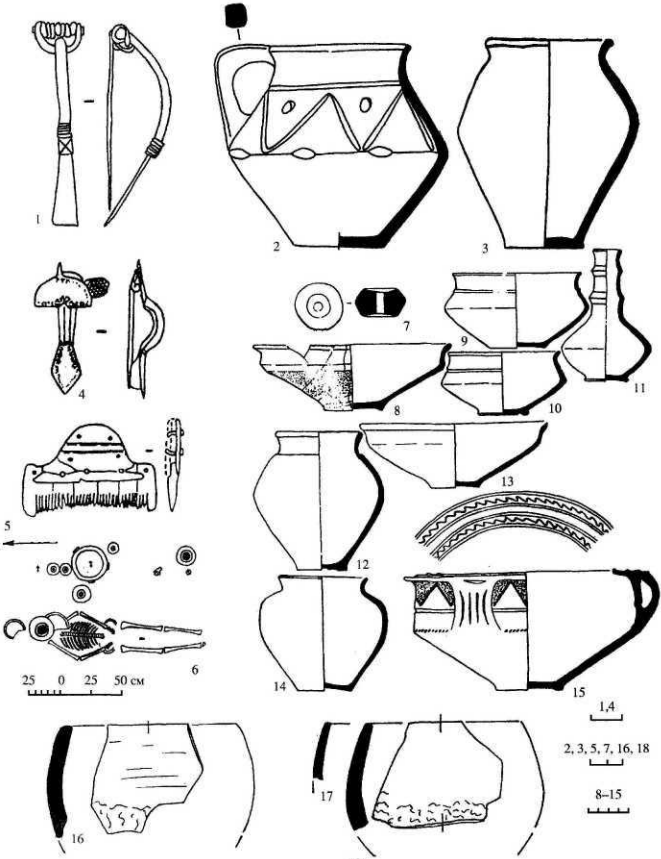

Рис. 49. Некоторые материалы памятников восточного пограничья черняховской культуры

1 – Родной Край-1, поселение, культурный слой; 2, 4–15 – Родной Край-1, погребение 3; 3 – Родной Край-1, погребение 1; 16 – Званное-1, подъемный материал; 17,18 – Дубовое-1, подъемный материал; 1, 4 – бронзовые фибулы; 2, 3, 16–18 – лепная керамика; 5 – гребень из рога; 6 – план погребения 3; 7 – глиняное пряслице; 8–15 – гончарная керамика

Рисунки Е.Н. Петренко и А.М. Обломского

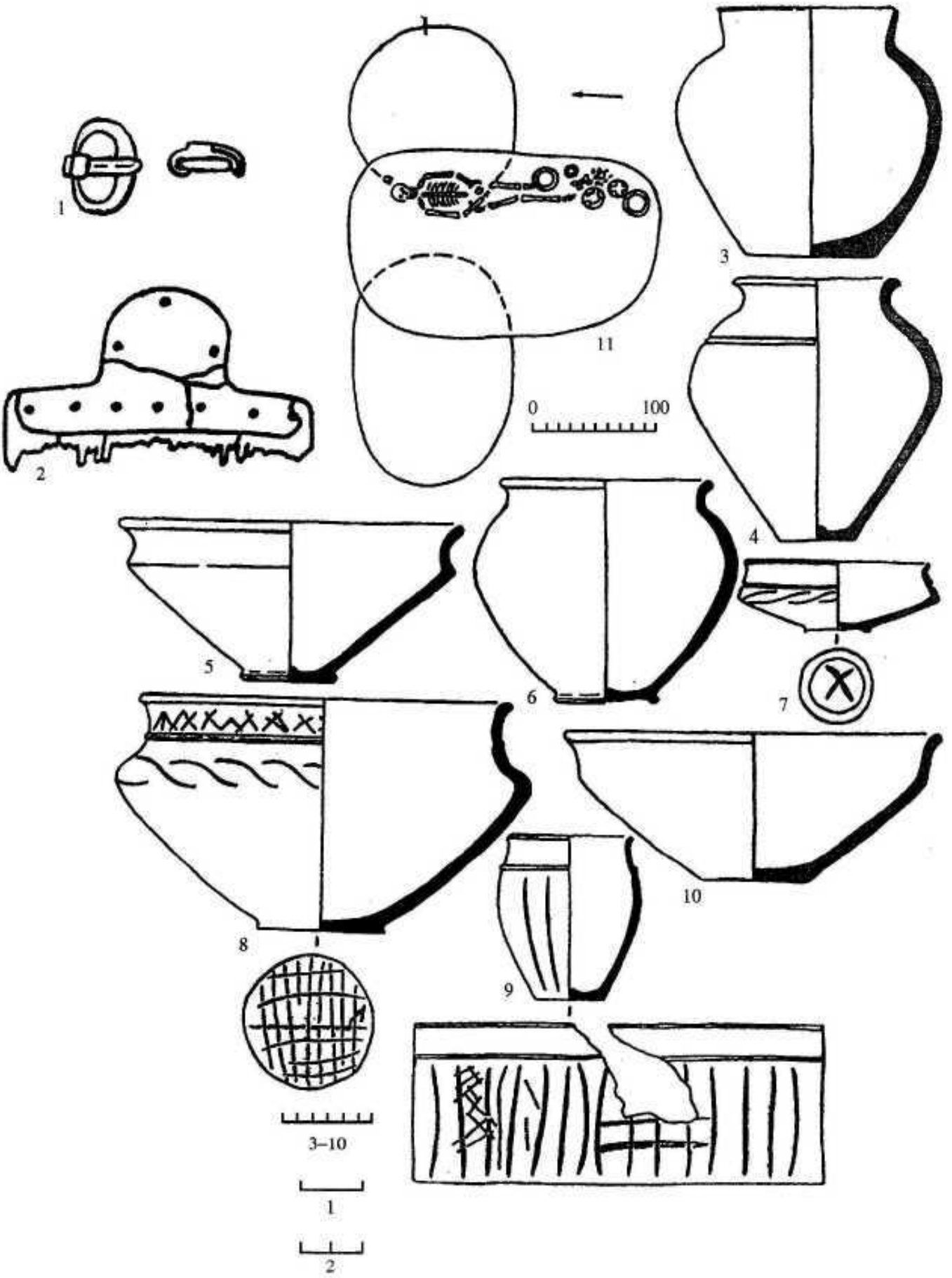
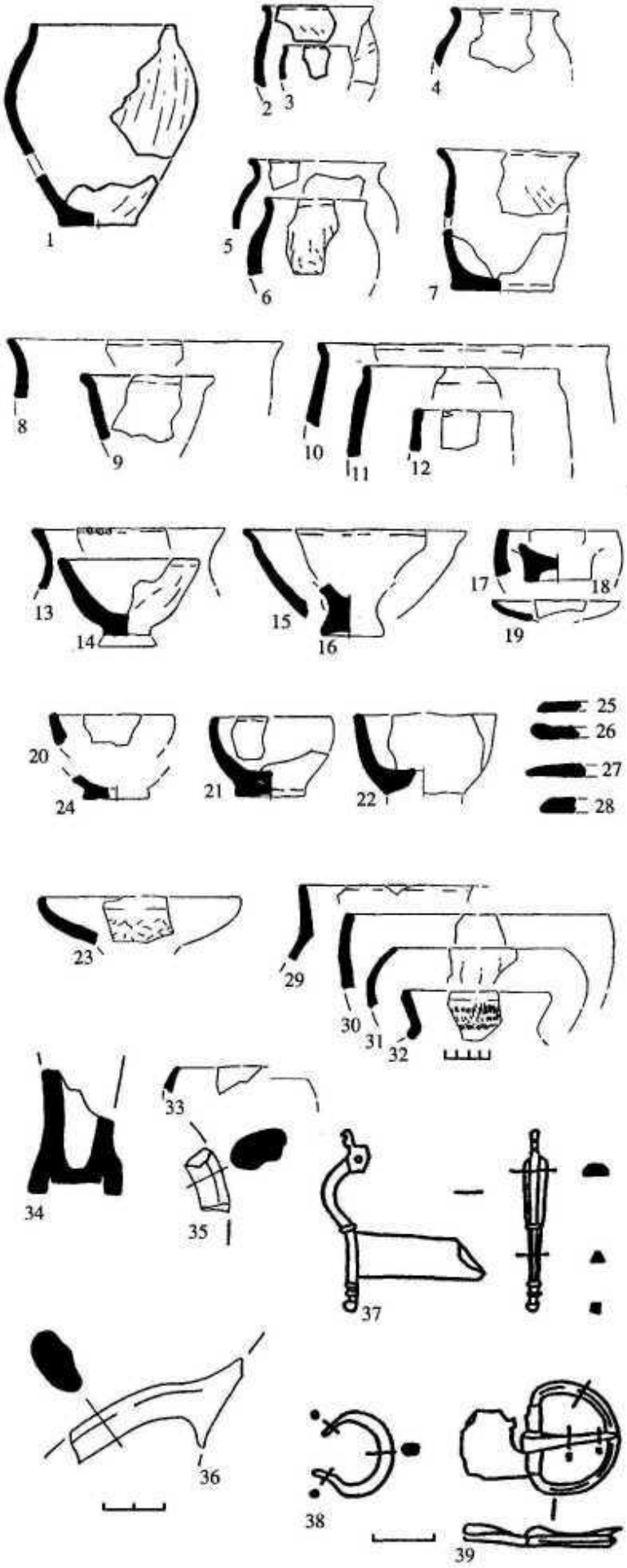

Рис. 50. Родной Край-1, погребение 14
1 – бронзовая пряжка; 2 – гребень из рога; 3 – лепной горшок; 4–10 – гончарная керамика; 11 – план погребения
Рисунки Е.Н. Петренко

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39

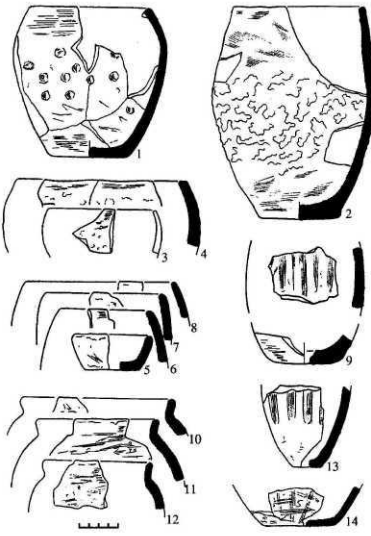

Рис. 51. Черняховские материалы поселения Головино-1

1–23, 25–28 – груболепная керамика с примесью шамота в тесте; 24 – днище лепного, подражающего гончарному, сосуда; 29–33 – лепная керамика с мелкими примесями и плотным тестом; 34–36 – обломки светлоглиняных амфор; 37–39 – изделия из бронзы; 1, 13 – постройка 5; 2, 3, 8, 14 – культурный слой над постройкой 4; 4, 7, 15, 21, 25, 26 – постройка 4; 5, 6, 11, 16–20, 23, 24, 29–34, 38, 39 – культурный слой; 9, 10, 12, 22, 27, 35 – яма 5 траншеи 8; 28 – яма 11 раскопа 1; 36 – яма 9 траншеи 8; 37 – культурный слой над постройкой 5

Рисунки А.М. Обломского

Рис. 52. Лепная керамика поселения Белополье

1, 3, 4, 9 – постройка 1; 2 – очаг 5; 5–8, 11, 13, 14 – постройка 2; 10, 12 – постройка 4

Рисунки А.Н. Некрасовой

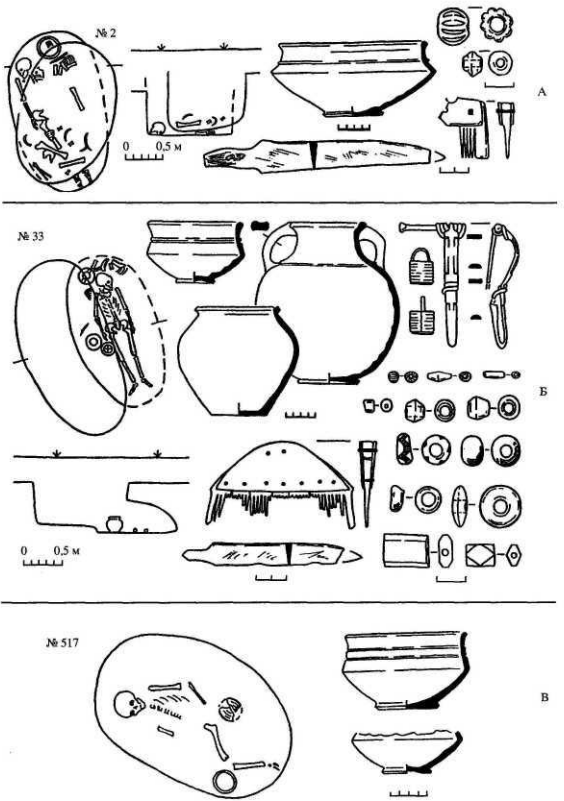

Рис. 53. Некоторые погребения скифо-сарматской традиции на черняховских могильниках
А – Боромля-1, погребение 2; Б – Боромля-1, погребение 33; В – Соснова, погребение 517
Рисунки А.Н. Некрасовой

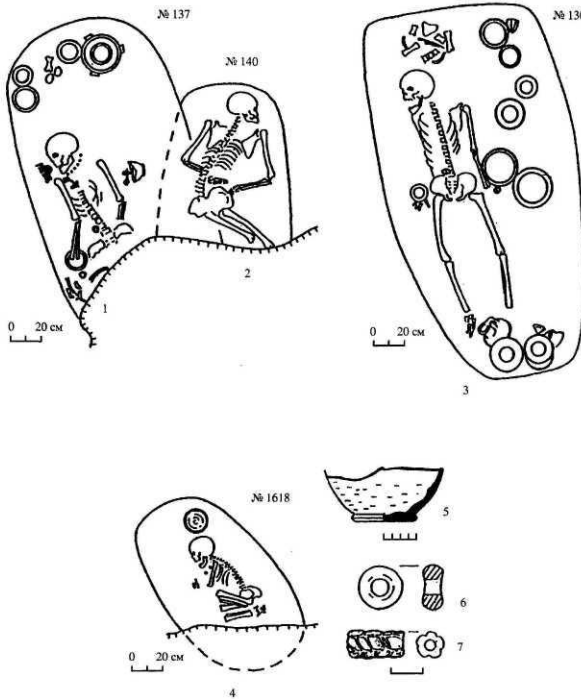

Рис. 54. Некоторые погребения скифо-сарматской традиции могильника Успенка
1 – погребение 137; 2 – погребение 140; 3 – погребение 1308; 4–7 – погребение 1618 и комплекс вещей из него
Рисунки А.Н. Некрасовой

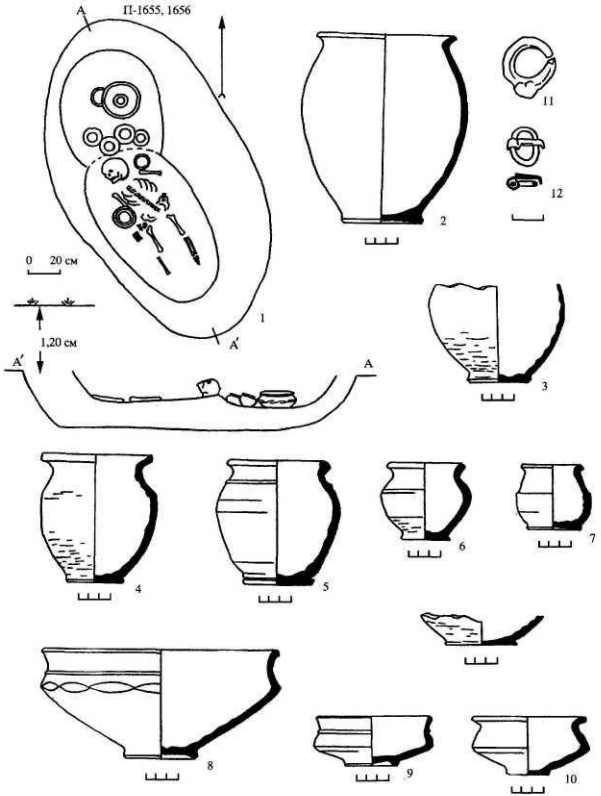

Рис. 55. Погребение 1655/1656 могильника Успенка
1 – план и профиль захоронения; 2–10 – гончарные сосуды;
11 – железное кольцо; 12 – бронзовая пряжка
Рисунки из архива Е.В. Махно

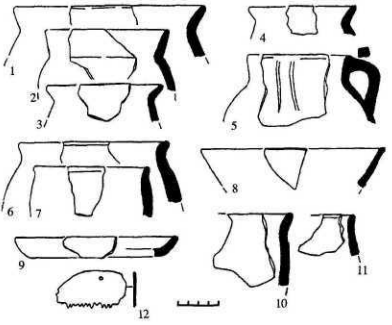

Рис. 56. Поселение Снагость-2, некоторые материалы

1–12 – культурный слой; 1–11 – груболепная керамика; 12 – железный гребень

Рисунки Э.А. Сымоновича

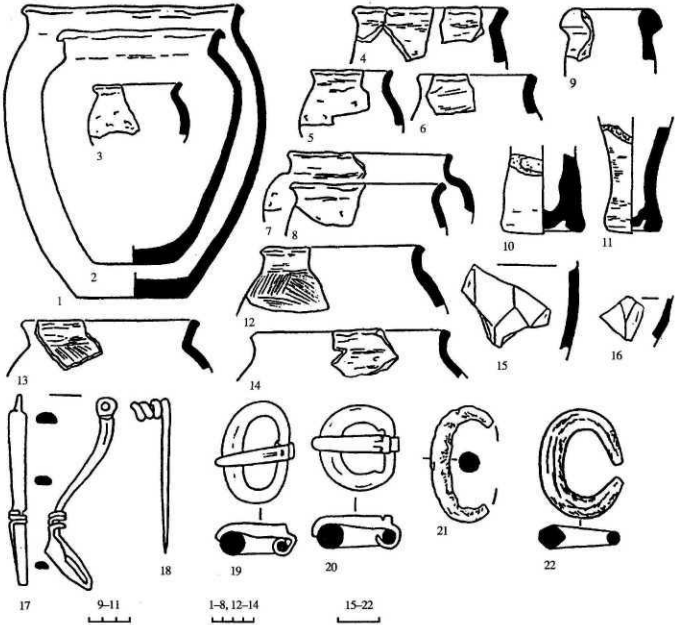

Рис. 57. Поселение Хохлово-2, некоторые материалы

1, 3, 12–14, 22 – культурный слой; 2 – очаг 1; 4–6 – очаг 2; 7, 11 – яма 1; 8, 9 – постройка 1; 10,15–21 – подъемный материал

1–9, 12–14 – лепная керамика; 10–11 – фрагменты светлоглиняных амфор; 15, 16 – обломки стеклянных кубков; 17–20 – бронзовая фибула и пряжки; 21, 22 – железные пряжки

Рисунки А.Н. Некрасовой

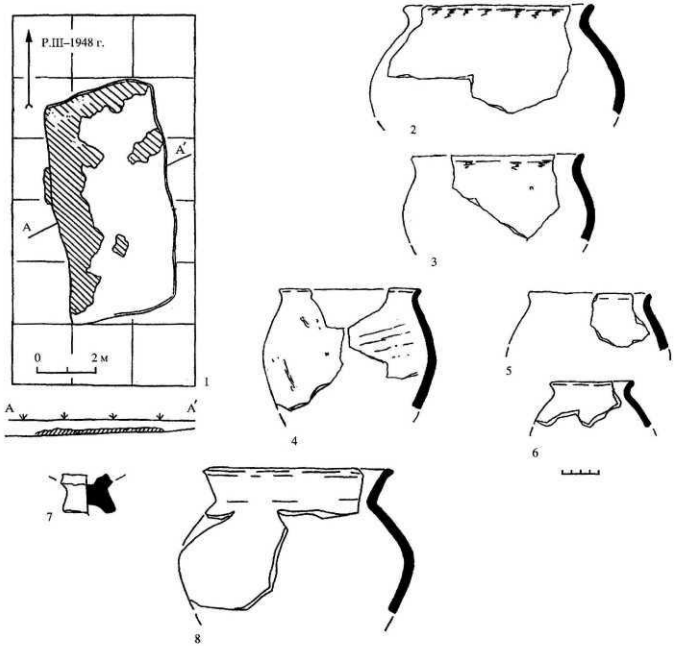

Рис. 58. Поселение Кантемировка, наземная постройка на раскопе III 1948 г. и комплекс лепной посуды, происходящий из нее

Рисунки А.Н. Некрасовой (план) и Р.В. Терпиловского (керамика)

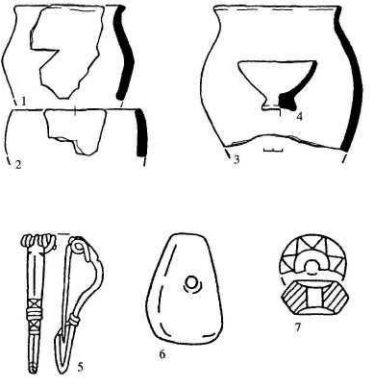

Рис. 59. Лепная керамика и некоторые индивидуальные находки черняховского поселения Мамрои

1–4 – лепная керамика; 5 – бронзовая фибула; 6 – глиняное грузило; 7 – глиняное пряслице

Рисунки из архива автора и А.Н. Некрасовой

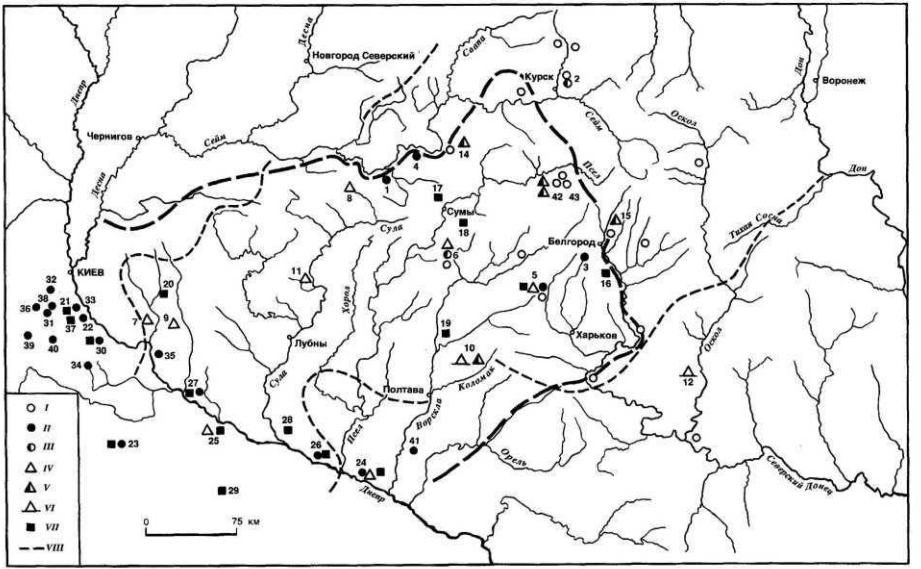

Рис. 60. Карта распространения памятников различных этнических традиций на территории черняховской культуры

I – памятники сейминско-донецкого варианта киевской культуры, исследованные раскопками, II – памятники вельбарской традиции в черняховской культуре, III – памятники со смешанными киевско-вельбарскими комплексами материала, IV – памятники скифо-сарматской традиции в черняховской культуре (явные); V – памятники, отнесенные к скифо-сарматской традиции в черняховской культуре предположительно; VI – курганы типа Кантемировки; VII – памятники киевской традиции в черняховской культуре; VIII – граница черняховской культуры

1 – Белополье; 2 – Букреевка-2; 3 – Дубовое-1; 4 – Званное-1; 5 – Родной Край-1; 6 – Боромля 1 и 2; 7 – Переяслав-Хмельницкий; 8 – Успенка; 9 – Соснова; 10 – Кантемировка; 11 – Лохвица; 12 – Воронцовка; 13 – Моспинская; 14 – Снагость-2; 15 – Хохлово-2; 16 – Головино-1; 17 – Песчаное; 18 – Великий Бобрик; 19 – Мамрои-2; 20 – Хлопков-1; 21 – Б. Бугаевка; 22 – Жуковцы; 23 – Журавка; 24 – Компанийцы; 25 – Ломоватое 1 и 2; 26 – Максимовка; 27 – Новолиповское; 28 – Радуцковка; 29 – Стецовка-2; 30 – Черняхов; 31 – В. Снитынка; 32 – Глеваха; 33 – Деревьяна; 34 – Ромашки; 35 – Цыбли; 36 – Дедовщина; 37 – Обухов-1; 38 – Великая Мотовиловка; 39 – Малополовецкое-2; 40 – Гребенки; 41 – Прогресс; 42 – Гочево-3; 43 – Гочево-4

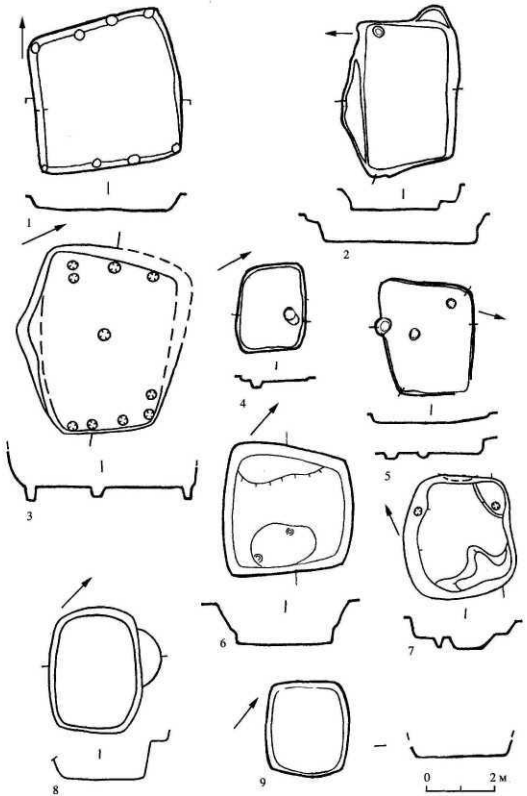

Рис. 61. Полуземлянки черняховской и поздней фазы сейминско-донецкого варианта киевской культуры

1, 3, 4, 8 – постройки киевской культуры; прочие – черняховские;

1 – Гочево-1, постройка 1; 2 – Головино-1, постройка 5; 3 – Боромля-2: постройка 3; 4 – Цепляево Второе, постройка 1; 5 – Головино-1, постройка 2; 6 – Соснова, постройка 5; 7 – Боромля-2, постройка 5; 8 – Боромля-2, постройка 1; 9 – Соснова, постройка 4

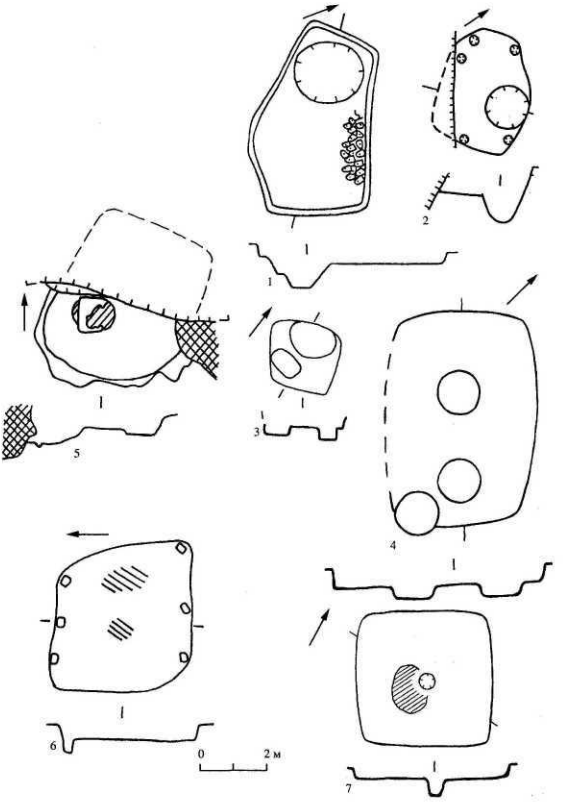

Рис. 62. Полуземлянки черняховской и поздней фазы сейминско-донецкого варианта киевской культур

5, 6 – сооружения киевской культуры; прочие – черняховские;

1 – Мамрои, постройка 1; 2 – Боромля, постройка 2; 3 – Соснова, постройка 7; 4 – Хлопков, жилище 2; 5 – 10-й Октябрь, постройка 2; 6 – Родной Край-3, постройка 2; 7 – Сосновa, жилище 6

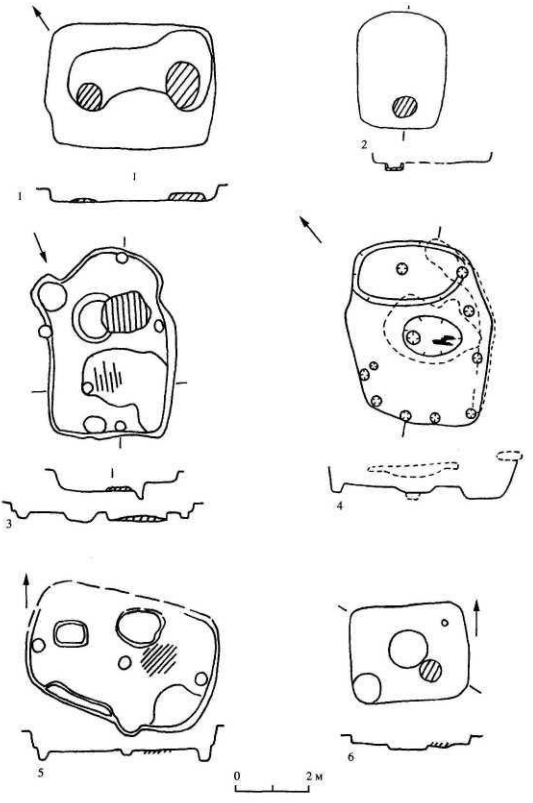

Рис. 63. Полуземлянки черняховской и поздней фазы сейминско-донецкого варианта киевской культур
1, 3, 5 – сооружения киевской культуры; прочие – черняховской; 1 – Родной Край-3, постройка 1; 2 – Сосновa, жилище 3; 3 – Тазово, постройка 4; 4 – Боромля-2, постройка 7; 5 – Букреевка-2, постройка 9; 6 – Хлопков-1, жилище 8

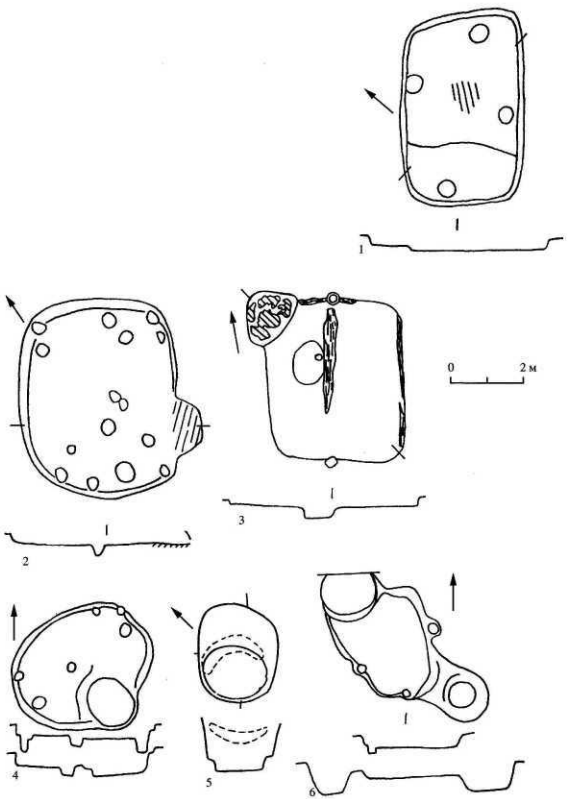

Рис. 64. Полуземлянки черняховской и поздней фазы сейминско-донецкого варианта киевской культур

2, 4 – сооружения киевской культуры; прочие – черняховской;

1 – Снагость-2, постройка 3; 2 – Букреевка-2, постройка 3; 3 – Богородичное, постройка 4; 4 – Букреевка-2, постройка 4; 5 – Боромля-2, постройка 6; 6 – Тазово, постройка 3

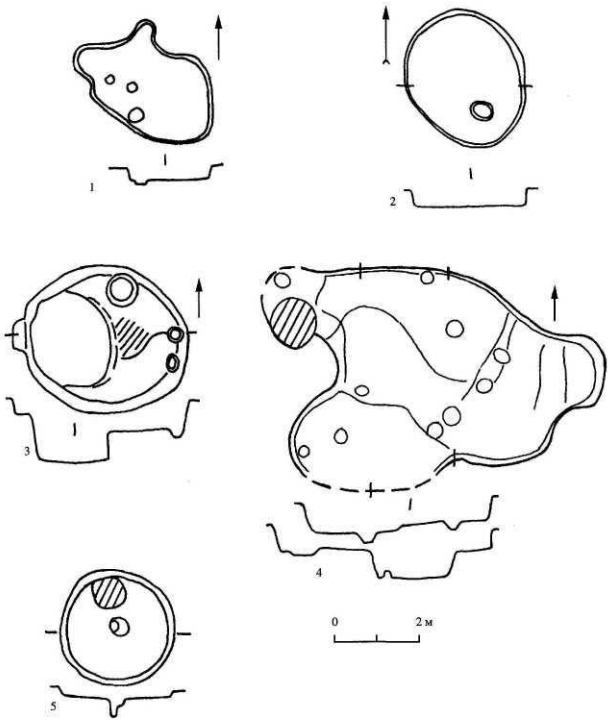

Рис. 65. Полуземлянки черняховской и поздней фазы сейминско-донецкого варианта киевской культур
1, 3–5 – сооружения киевской культуры; 2 – черняховской; 1 – Тазово, постройка 5; 2 – Снагость-2, постройка 2; 3 – Букреевка-2, постройка 7; 4 – Букреевка-2, постройка 5; 5 – Тазово, постройка 1

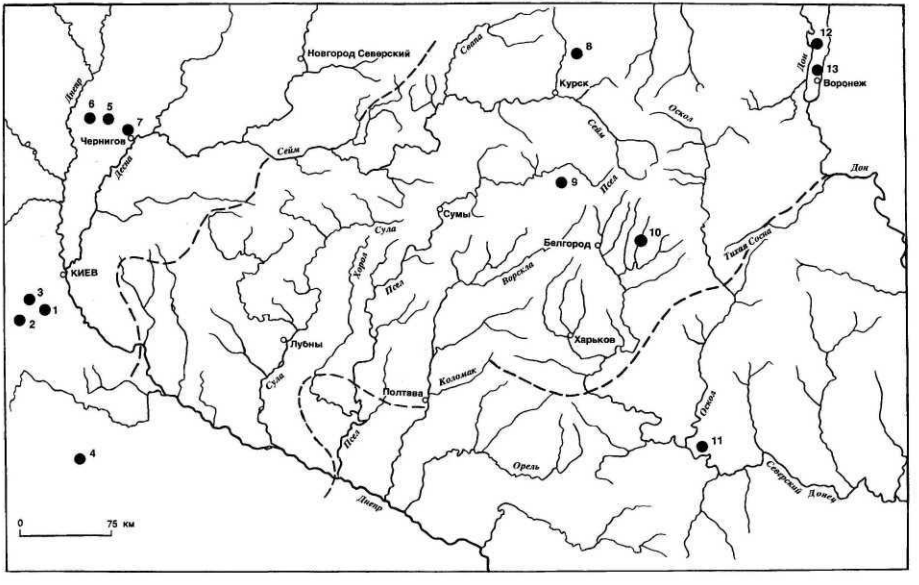
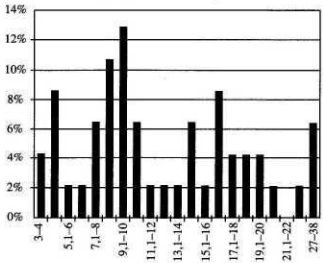

Рис. 66. Карта распространения построек с печами-каминами на территории Среднего Поднепровья, Днепровского Левобережья и Подонья

1 – Белгородка; 2 – Мотовиловская Слободка; 3 – Игнатовка; 4 – Журавка; 5 – Роище; 6 – Верхнестриженское-3; 7 – Александровка; 8 – Букреевка-2; 9 – Гочево-2; 10 – Цепляево Второе; 11 – Богородичное; 12 – Хлевное; 13 – Чертовицкое Третье

А

Полуземлянки черняховских памятников Днепровского Левобережья

Б

Постройки позднего этапа сейминско-донецкого варианта киевской культуры

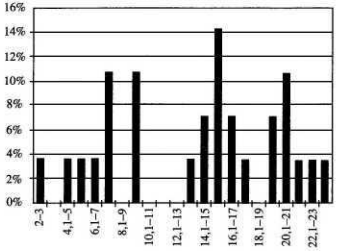

Рис. 67. Графики размеров углубленных в землю построек черняховских и киевских поселений

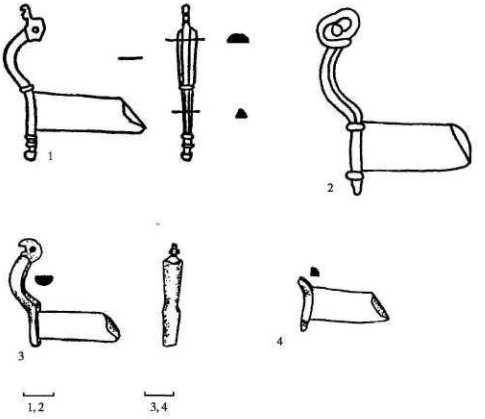

Рис. 68. Фибулы группы 7 на некоторых черняховских памятниках

1 – Головино-1; 2 – Новословка; 3,4 – Большая Даниловка; все фибулы изготовлены из бронзы. Рисунки: 1 – А.М. Обломского; 2 – по фотографии Ю.А. Липкинга; 3–4 – Б.П. Зайцева

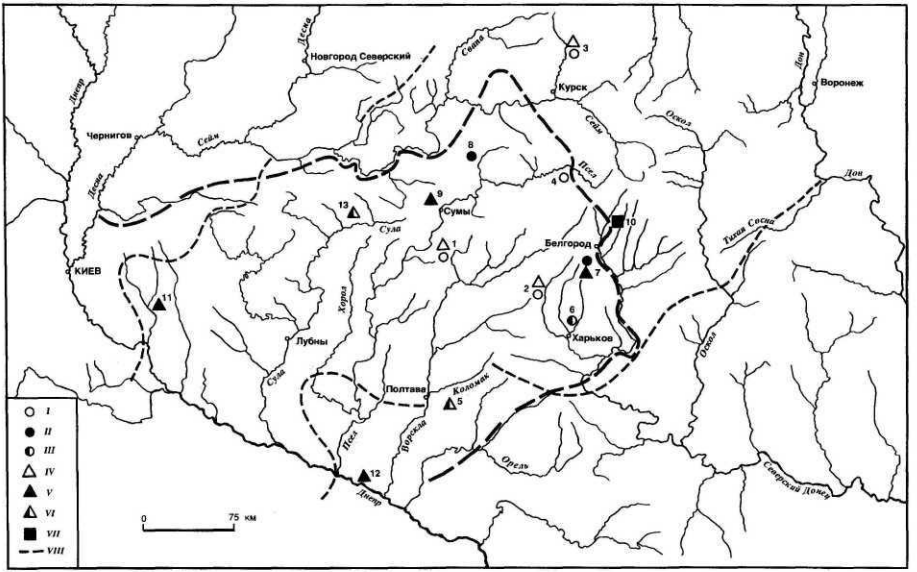

Рис. 69. Карта черняховских и киевских памятников лесостепного Левобережья периода начала взаимных контактов

I – фибулы группы VII на памятниках киевской культуры; II – фибулы группы VII на черняховских памятниках; III – фибулы группы VII на памятниках не ясной культурной атрибуции; IV – амфоры типа D на памятниках киевской культуры; V – амфоры типа D на памятниках черняховской культуры; VI – амфоры типа D на памятниках не ясной культурной атрибуции; VII – прогнутая подвязная фибула варианта А2 на черняховском поселении Хохлово-2; VIII – граница черняховской культуры

Памятники: 1 – Боромля-2; 2 – Родной Край-3; 3 – Букреевка-2; 4 – Гочево-3; 5 – Новоселовка Полтавской обл; 6 – Большая Даниловка; 7 – Головино-1; 8 – Новоселовка Курской обл.; 9 – Песчаное Сумской обл.; 10 – Хохлово-2; 11 – Хлопков-2; 12 – Радуцковка; 13 – Беседовка

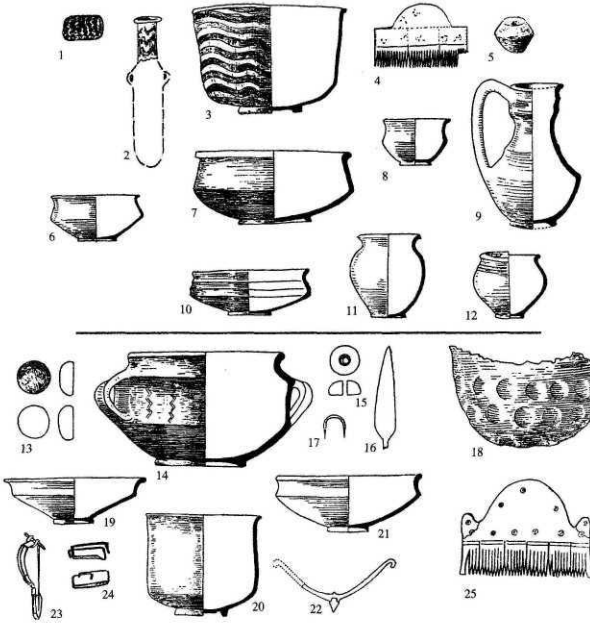

Рис. 70. Вещи из погр. 4 и 5 мог. Переяслав-Хмельницкий

1–12 – комплекс погребения 4; 13–25 – комплекс погребения 5

Рисунки из публикации В.К. Гончарова и Е.В. Махно

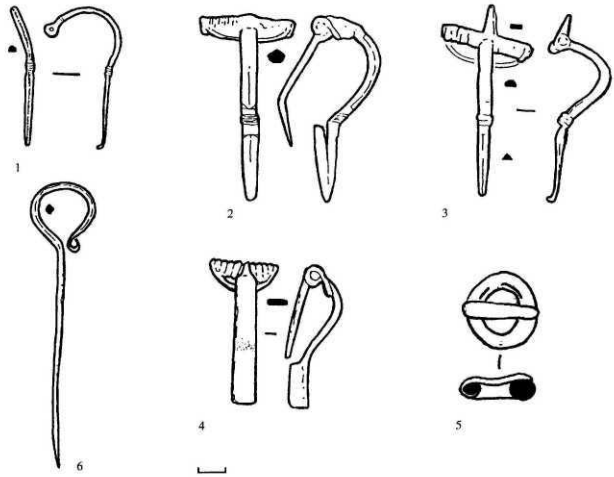

Рис. 71. Некоторые датирующие вещи памятников дочерняховского этапа деснинского варианта киевской культуры

1 – Куриловка; 2 – Деснянка; 3 – Лавриков Лес; 4, 5 – Киреевка-2; 6 – Киреевка-1;
1 – бронза; 2–6 – железо.
Рисунки *Р.В. Терпиловского*

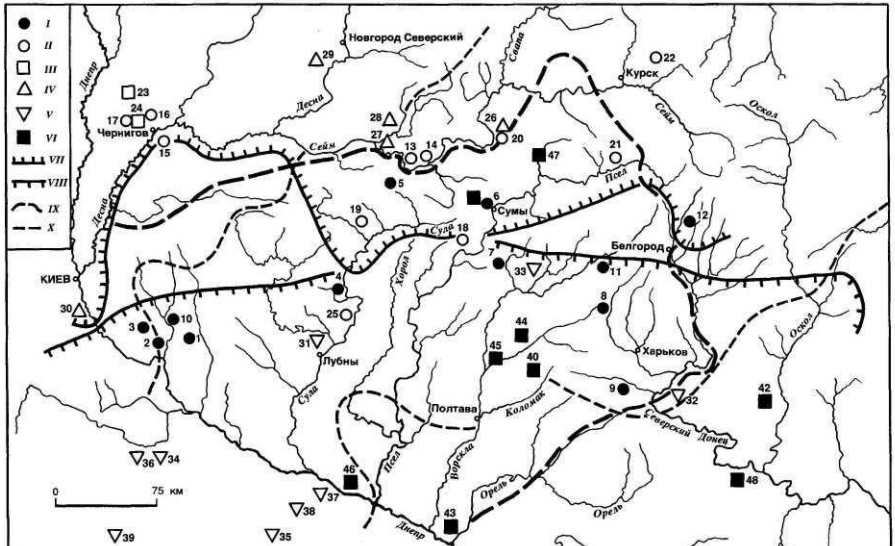

Рис. 72. Днепровское Левобережье в гуннское время (карта)

I – черняховские памятники гуннского времени; II – памятники типа Ульяновки (киевская культура); III – памятники типа Роища (киевская культура); IV – ранние памятники колочинской культуры; V – ранние памятники пеньковской культуры; VI – имитации конца IV–VI в.; VII – южная граница колочинской культуры; VIII – северная и восточная границы пеньковской культуры; IX – границы черняховской культуры на территории Днепровского Левобережья; X – границы лесостепи в середине XX в.

Памятники: 1 – Сосновa; 2 – Переяслав-Хмельницкий; 3 – Гречаники; 4 – Лохвица; 5 – Успенка; 6 – Сумы-Сад; 7 – Боромля; 8 – Родной Край-1; 9 – Соколово; 10 – Хлопков-1; 11 – Головчино; 12 – Хохлово-2; 13 – Пересыпки-1; 14 – Чаплищи-3; 15 – Выбли; 16 – Киселевка-2; 17 – Ульяновка; 18 – Курган-Азак; 19 – Беседовка; 20 – Комаровка-2; 21 – Песчаное; 22 – Каменево-2; 23 – Роище; 24 – Александровка; 25 – Сенча; 26 – Гапоново; 27 – Красное-4; 28 – Литвиновичи-3; 29 – Заярье; 30 – Ходосовка; 31 – Хитцы; 32 – Занки; 33 – Рябовка-3; 34 – Гута Михайловская; 35 – Беляевка; 36 – Завадовка; 37 – Пеньковка; 38 – Большая Андрусовка; 39 – Кочубеевка; 40 – Кантемировка; 41 – Моспинская; 42 – Воронцовка; 43 – Яременки (Орлик); 44 – Любовка; 45 – Лихачевка; 46 – Максимовка; 47 – Большой Каменец; 48 – Волобуевка

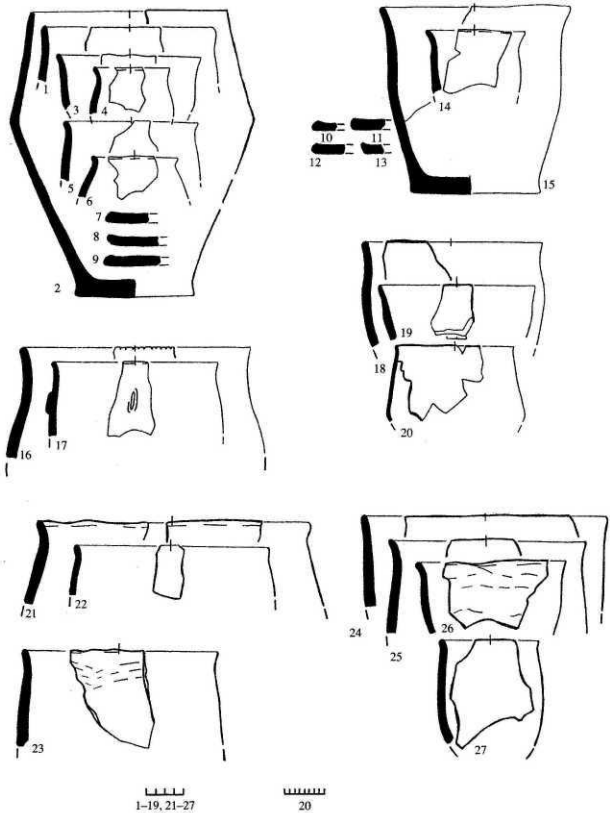

Рис. 73. Груболепная керамика поселения Чаплищи-3
Рисунки А.М. Обломского

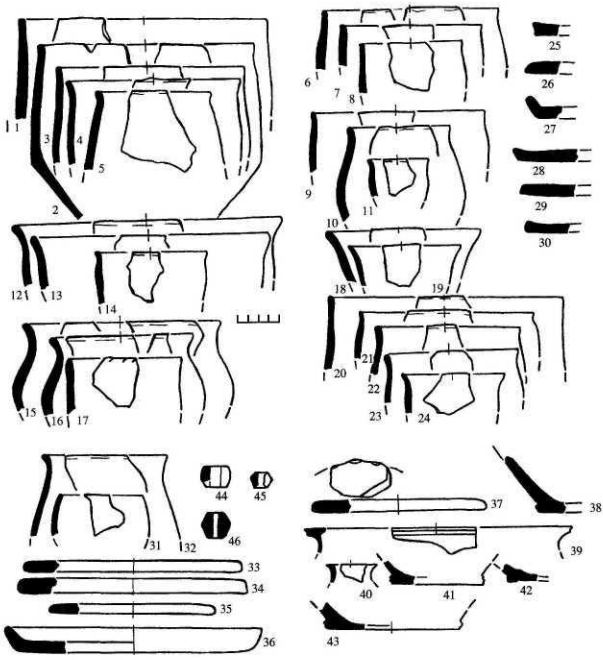

Рис. 74. Некоторые материалы поселения Пересыпки-1

1–37 – груболепная керамика; 38–43 – обломки черняховских гончарных сосудов; 44–46 – глиняные пряслица

Рисунки А.М. Обломского

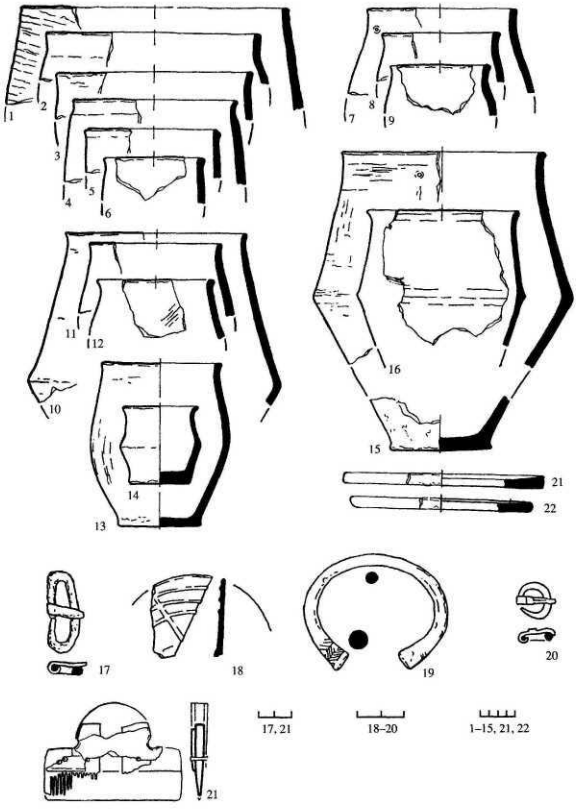

Рис. 75. Некоторые материалы поселения Ульяновка

1–22 – груболепная керамика; 17 – железная пряжка; 18 – обломок бронзового зеркала; 19 – бронзовый браслет; 20 – бронзовая пряжка; 21 – гребень из рога

Рисунки Р.В. Терпиловского

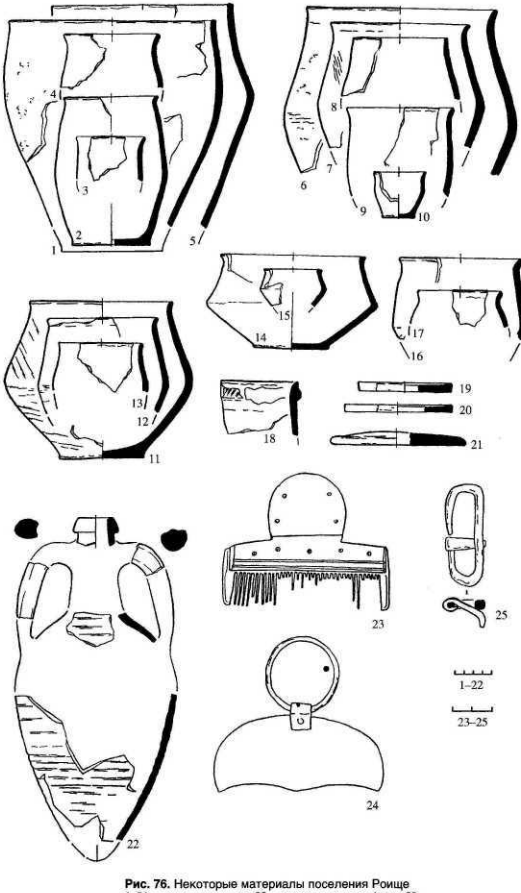

Рис. 76. Некоторые материалы поселения Роище
1–21 – лепная керамика; 22 – реконструкция амфоры; 23 – гребень из рога; 24 – серебряная подвеска; 25 – железная пряжка
Рисунки Р.В. Терпиловского

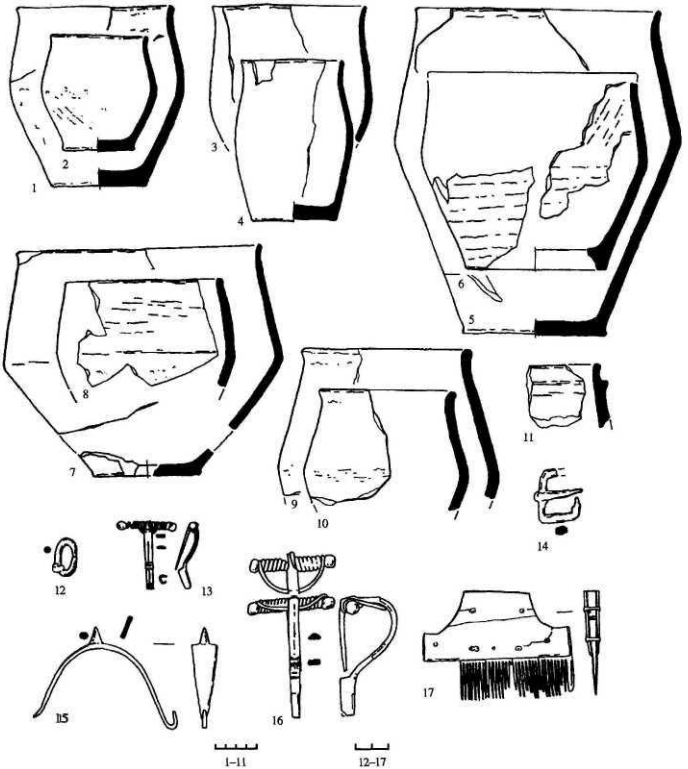

Рис. 77. Некоторые материалы поселения Александровка

1–11 – груболепная керамика; 12,14 – железные пряжки; 13 – бронзовая фибула; 15 – железная шпора; 16 – железная фибула; 17 – гребень из рога

Рисунки Р.В. Терпиловского

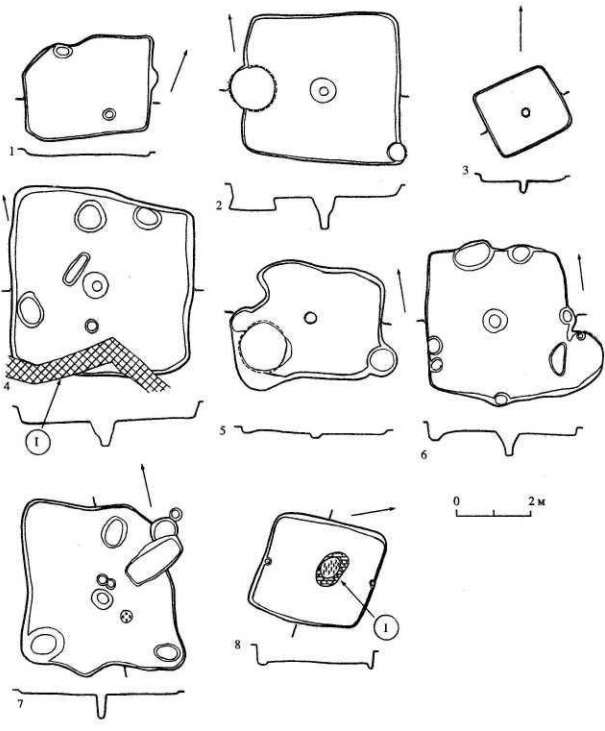

Рис. 78. Домостроительство поселения Александровка

1 – постройка 18; 2 – постройка 8; 3 – постройка 30; 4 – постройка 9; 5 – постройка 1; 6 – постройка 13; 7 – постройка 10; 8 – постройка 5; I – очаг

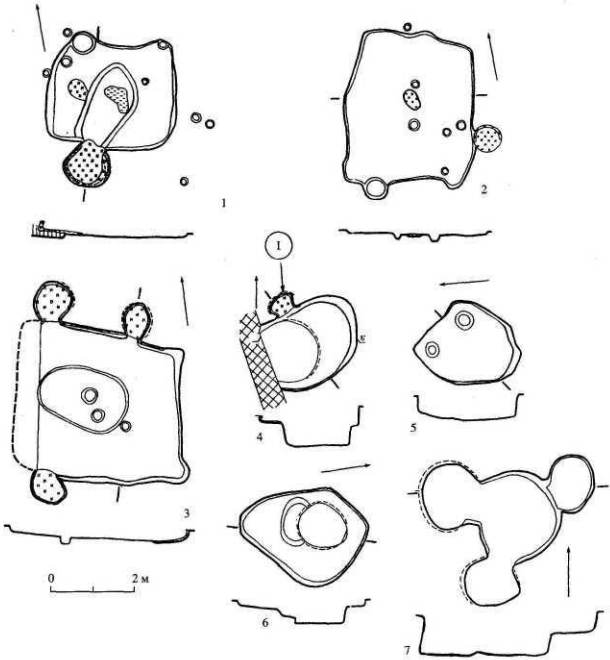

Рис. 79. Домостроительство поселения Александровка

1 – постройка 6; 2 – постройка 2; 3 – постройка 24; 4 – постройка 14; 5 – постройка 20; 6 – постройка 3; 7 – постройка 15; I – печь-камин

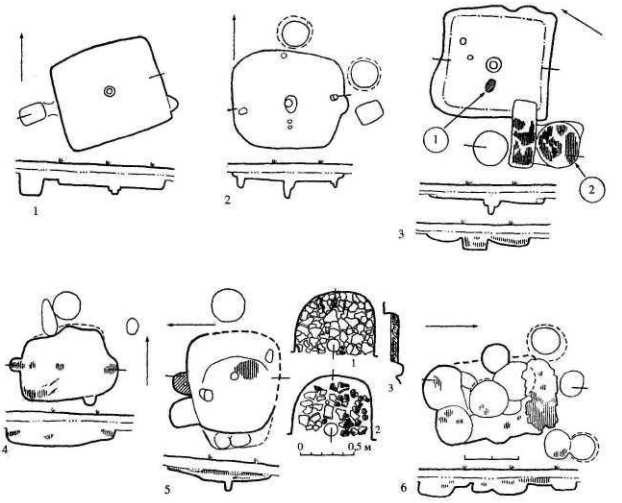

Рис. 80. Домостроительство поселения Роище
1 – жилище 4; 2 – жилище 12; 3 – жилище 3; 4 – жилище 2; 5 – жилище 14; 6 – постройка 1
Обозначения в кружках: 1 – место очага; 2 – глиняная обмазка

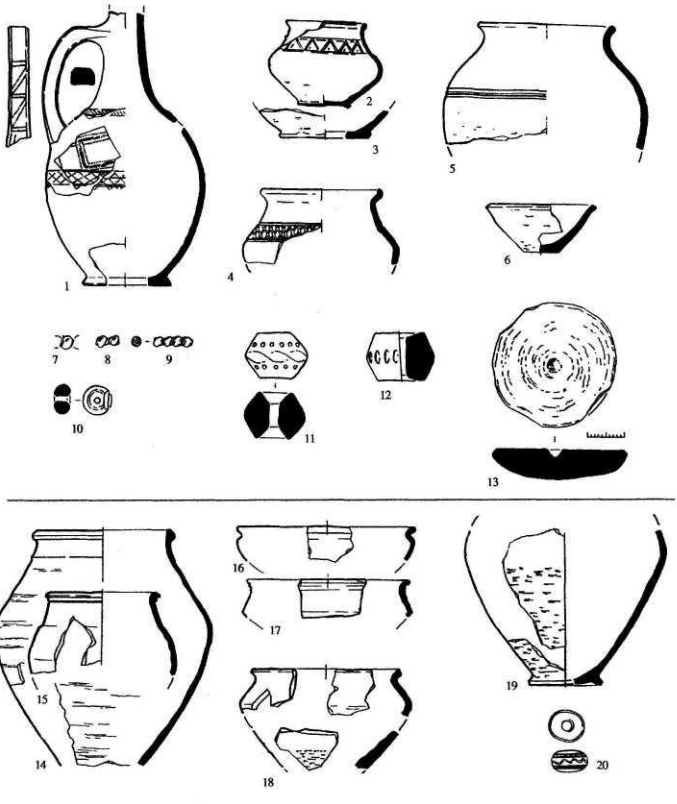

Рис. 81. Черняховский импорт в Александровке и Роище

1–13 – Александровка; 14–20 – Роище;

1–6, 14–19 – черняховская гончарная керамика; 7–10, 20 – стеклянные бусы; 11, 12 – глиняные пряслица; 13 – жернов из туфа

Рисунки Р.В. Терпиловского

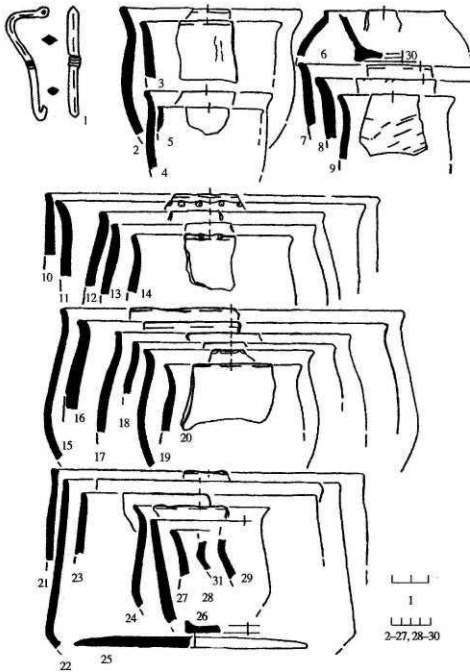

Рис. 82. Некоторые материалы поселения Курган-Азак

1 – железная фибула; 2–26 – груболепная керамика; 27–29 – лепная лощеная посуда; 30 – фрагмент днища гончарной сероглиняной миски

Рисунки: фибула – Р.В. Терпиловского; керамика – А.М. Обломского

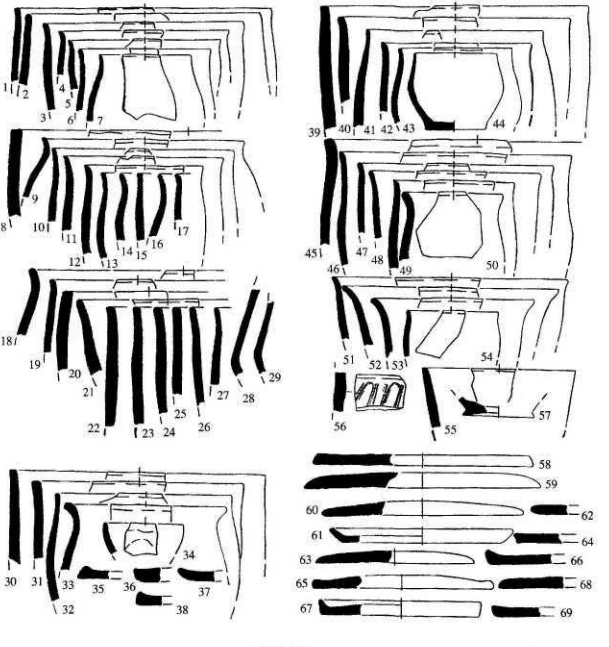

Рис. 83. Керамика поселения Беседовка
1–54, 58–69 – груболепная керамика; 55 – фрагмент лепной лощеной миски; 56, 57 – обломки черняховских гончарных сосудов
Рисунки А.М. Обломского

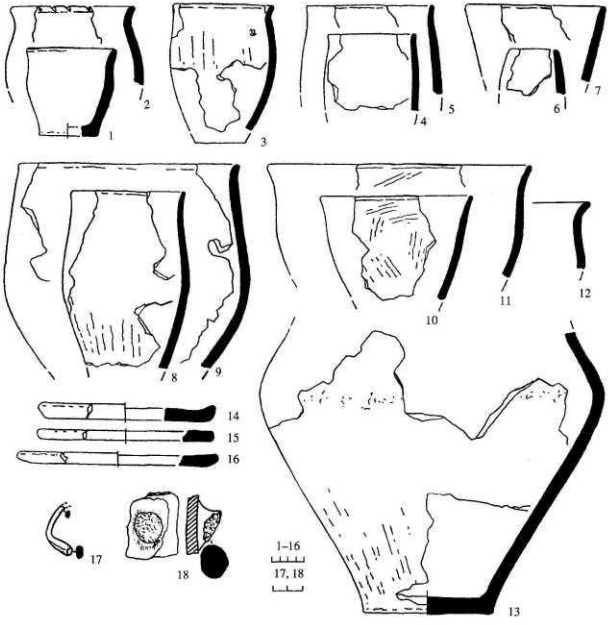

Рис. 84. Некоторые материалы поселения Комаровка-2

1–16 – груболепная керамика; 17 – обломок бронзового браслета; 18 – фрагмент светлоглиняной амфоры

Рисунки Э.А. Симоновича

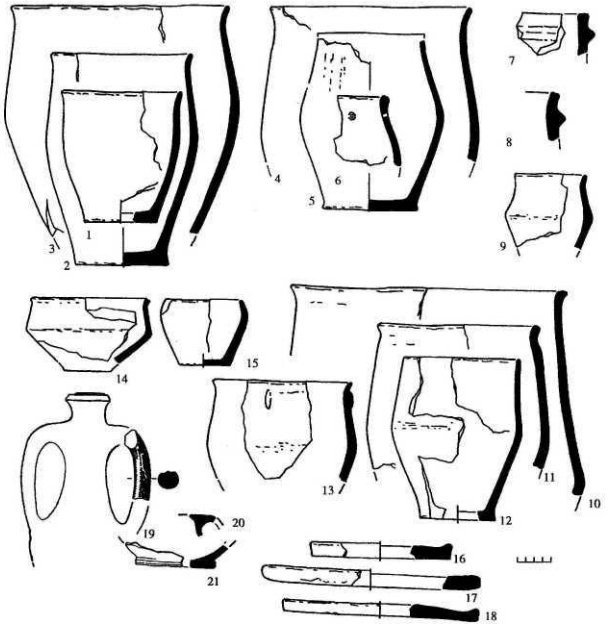

Рис. 85. Некоторые материалы поселения Сенча
1–18 – груболепная керамика; 19 – фрагмент ручки светлоглиняной амфоры; 20, 21 – гончарная черняховская керамика
Рисунки Р.В. Терпиловского и Е.А. Горюнова

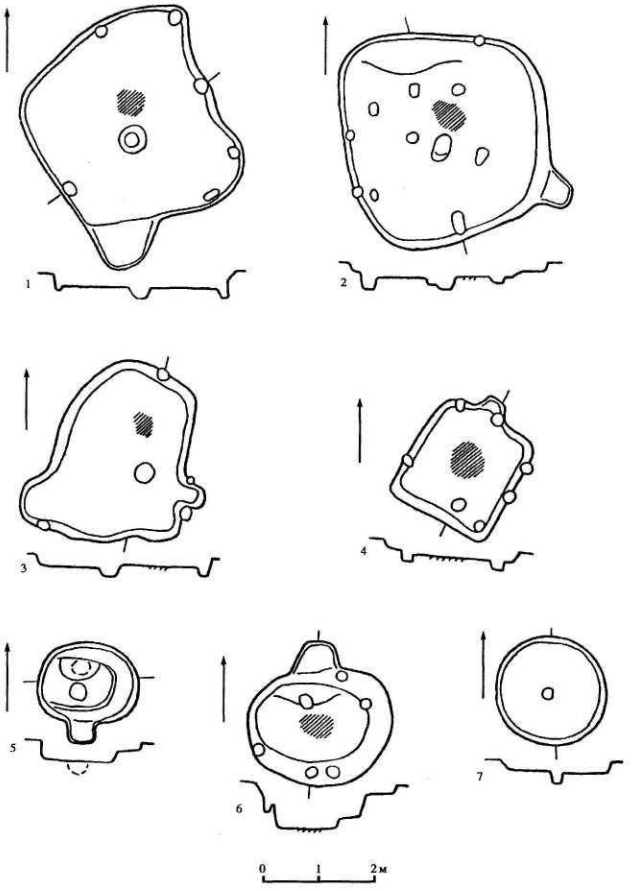

Рис. 86. Каменево-2, постройки
1 – постройка VII; 2 – постройка II; 3 – постройка I; 4 – постройка VI; 5 – постройка V; 6 – постройка III; 7 – постройка IV

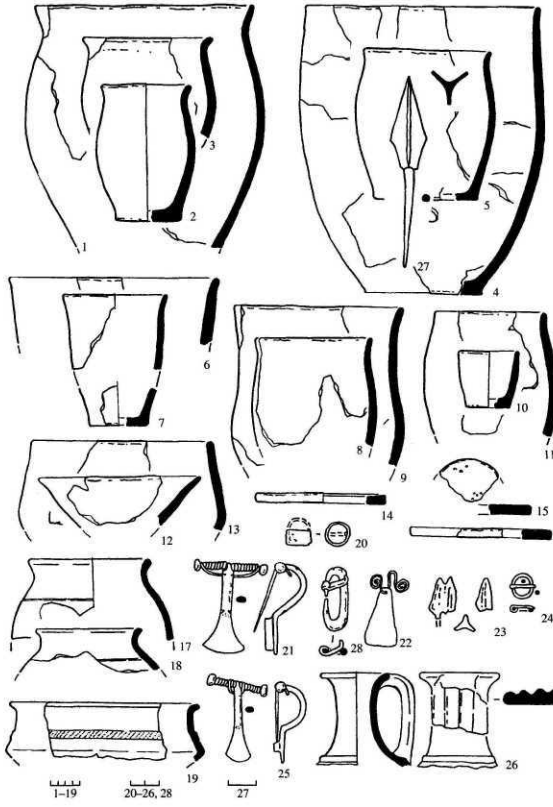

Рис. 87. Каменево-2 и Песчаное Белгородской обл. Некоторые материалы

1–26, 28 – Каменево-2; 27 – Песчанов;
1, 3, 4, 6, 8, 10–12, 15, 16, 21 – культурный слой; 2, 9 – яма 79; 5, 18 – постройка I; 7 – яма 52; 13, 19 – постройка IV; 14, 25 – постройка II; 17, 20 – яма 37; 21, 22, 28 – постройка VII; 23, 24 – постройка III; 26 – яма 65

Рисунки Э.А. Симоновича, Р.В. Терпиловского и А.М. Обломского

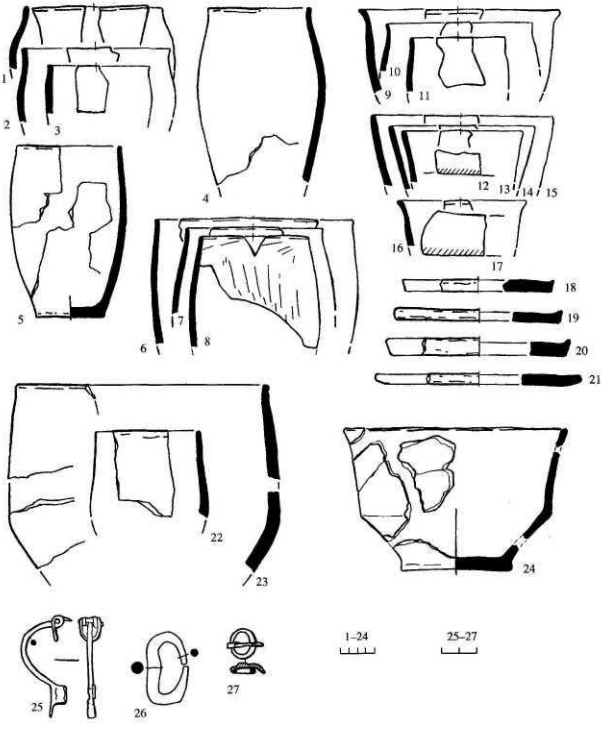

Рис. 88. Раннеколочинский керамический комплекс и некоторые датирующие вещи

1–3, 6–8, 26 – Красное-4; 4, 5, 18–23 – Заярье; 9–17 – Литвиновичи-3; 24 – Смольянь; 25 – Ходосовка; 27 – Смяч;

1–11, 13–16, 18–23 – груболепная керамика; 12, 17 – обломки туфовых жерновов; 24 – лощеная лепная миска; 25 – бронза; 26, 27 – железо

Рисунки А.М. Обломского, П.Н. Третьякова, Е.А. Горюнова и Н.С. Абашиной

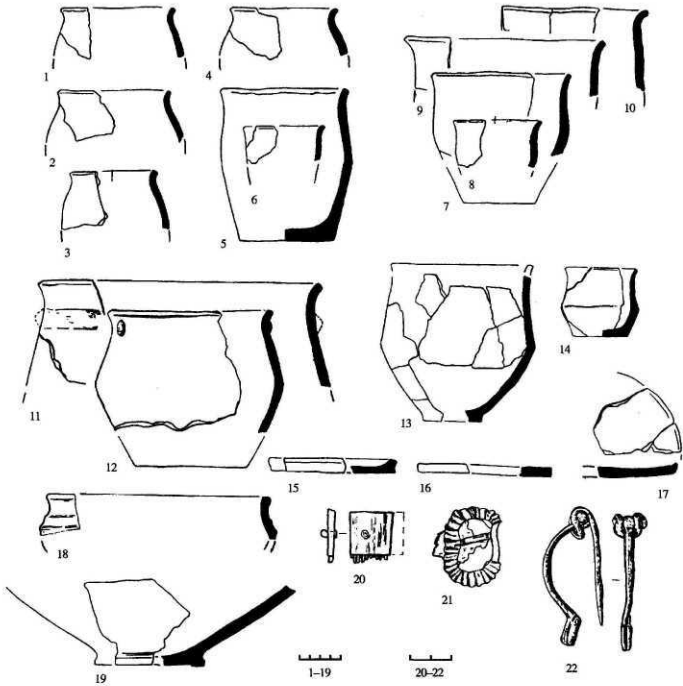

Рис. 89. Раннепеньковский керамический комплекс Днепровского Левобережья и некоторые датирующие вещи из комплексов пеньковской культуры

1–3, 6, 8–10, 13, 16, 17 – Хитцы, жилище 6; 4, 5, 7, 11, 12, 14, 15, 18–20 – Хитцы, жилище 9; 21 – Большая Андрусовка; 22 – Куня; 1–17 – груболепная керамика; 18,19 – черняховская гончарная керамика; 20 – звено костяного гребня; 21 – бронзовая пряжка; 22 – железная фибула

Рисунки Е.А. Горюнова, Д.Т. Березовца и П.И. Хавлюка

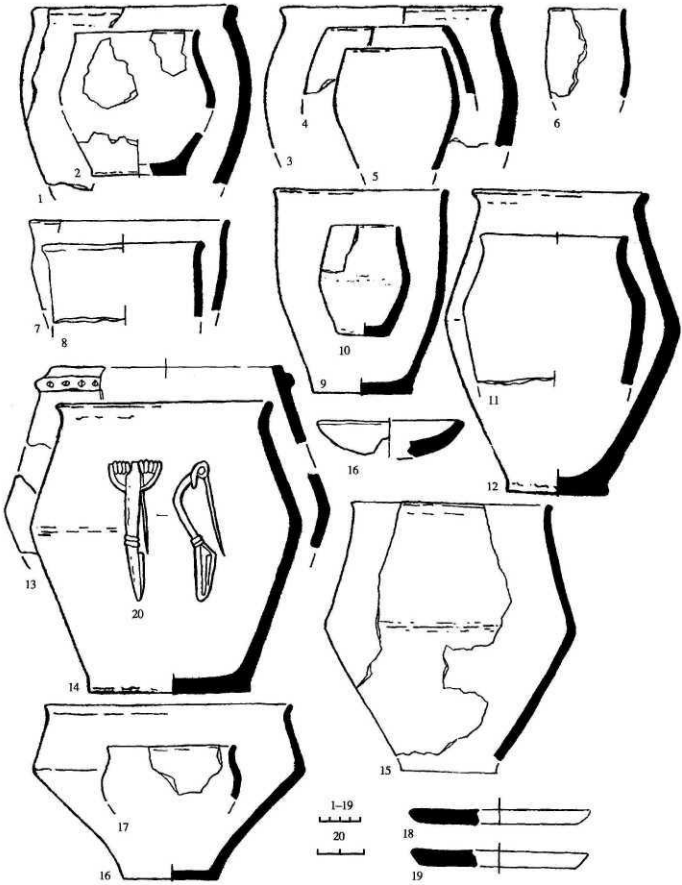

Рис. 90. Керамика памятников позднего этапа среднеднепровского варианта киевской культуры
1, 3–5, 7, 9, 10, 12, 14, 16 – Обухов-2; 2, 6, 15, 17 – Вишенки; 8, 11, 13, 18, 19 – Обухов-7; 20 – Ходосовка; 1–15, 17–19 – груболепная керамика; 16 – лепная лощеная миска; 20 – бронзовая фибула
Рисунки Р.В. Терпиловского и Н.С. Абашиной

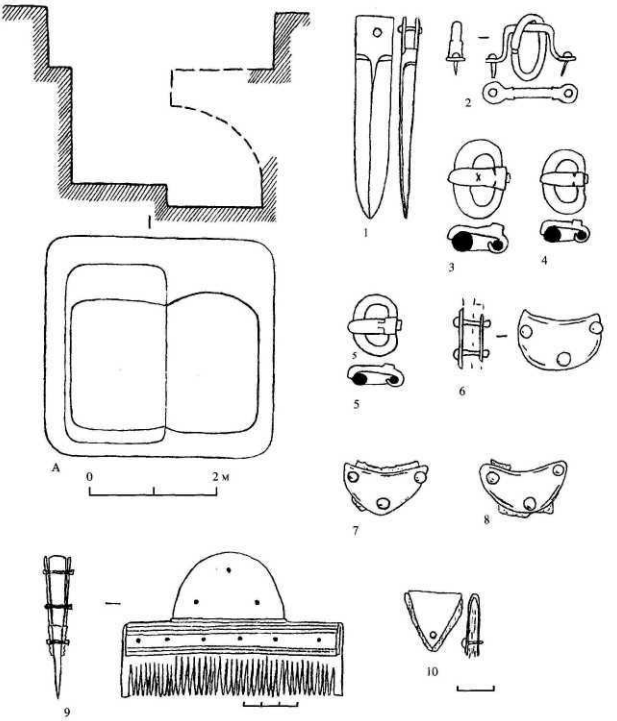

Рис. 91. Кантемировские курганы. Погребение 1

А – план погребального сооружения; 1 – бронзовый наконечник обувного ремня; 2 – серебряная деталь деревянной шкатулки; 3 – бронзовая поясная пряжка; 4, 5 – бронзовые обувные пряжки; 6–8 – металлические (из низкопробного серебра) накладки на ремни; 9 – гребень из рога; 10 – серебряная накладка

План М. Рудинского; рисунки вещей А.Н. Некрасовой

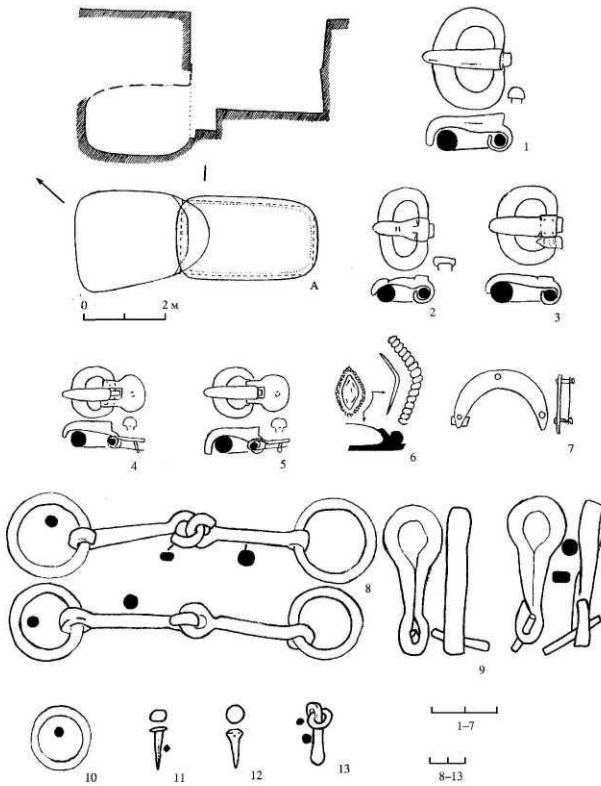

Рис. 92. Кантемировские курганы. Погребение 3

А – план погребального сооружения; 1 – пряжка из белого металла; 2–5 – бронзовые пряжки; 6 – золотая бляшка со вставкой из альмандина; 7 – бронзовая накладка на ремень; 8 – железные удила (2 экз.); 9 – железная петля; 10 – золотое кольцо; 11–12 – гвозди; 13 – петля с кольцом

План М. Рудинского; рисунки вещей А.Н. Некрасовой

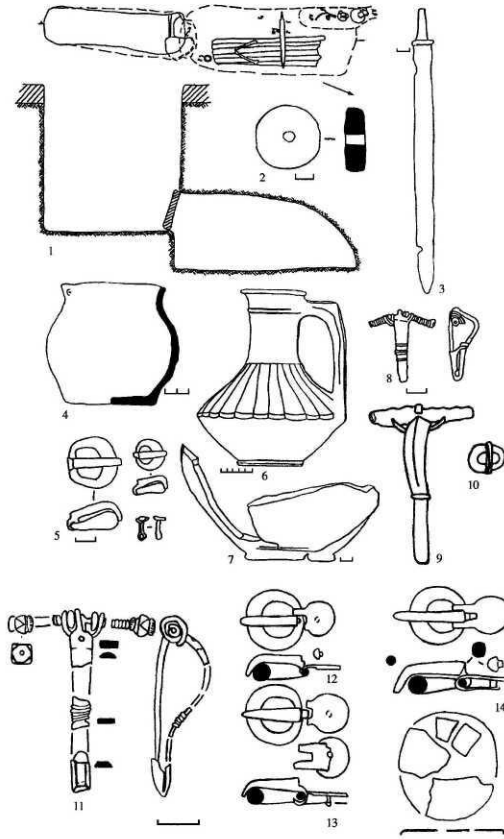

Рис. 93. Моспинская, вещи и погребальный обряд, фибула и пряжка из Воронцовки, вещи из Орлика

1–8 – погребение 1 кургана 1 из Моспинской; 9–10 – курган у с. Воронцовки; 11–15 – комплекс из Орлика (некоторые вещи); 1 – план погребального сооружения; 2 – навершие меча (?); 3 – железный меч с медным перекрестьем; 4 – лепной сосуд; 5, 10, 12–14 – бронзовые (?) пряжки; 6–7 – гончарная керамика; 8, 9 – бронзовые фибулы; 11 – серебряная фибула (по А.В. Симоненко, И. Н. Луцкевичу и А.Н. Некрасовой)

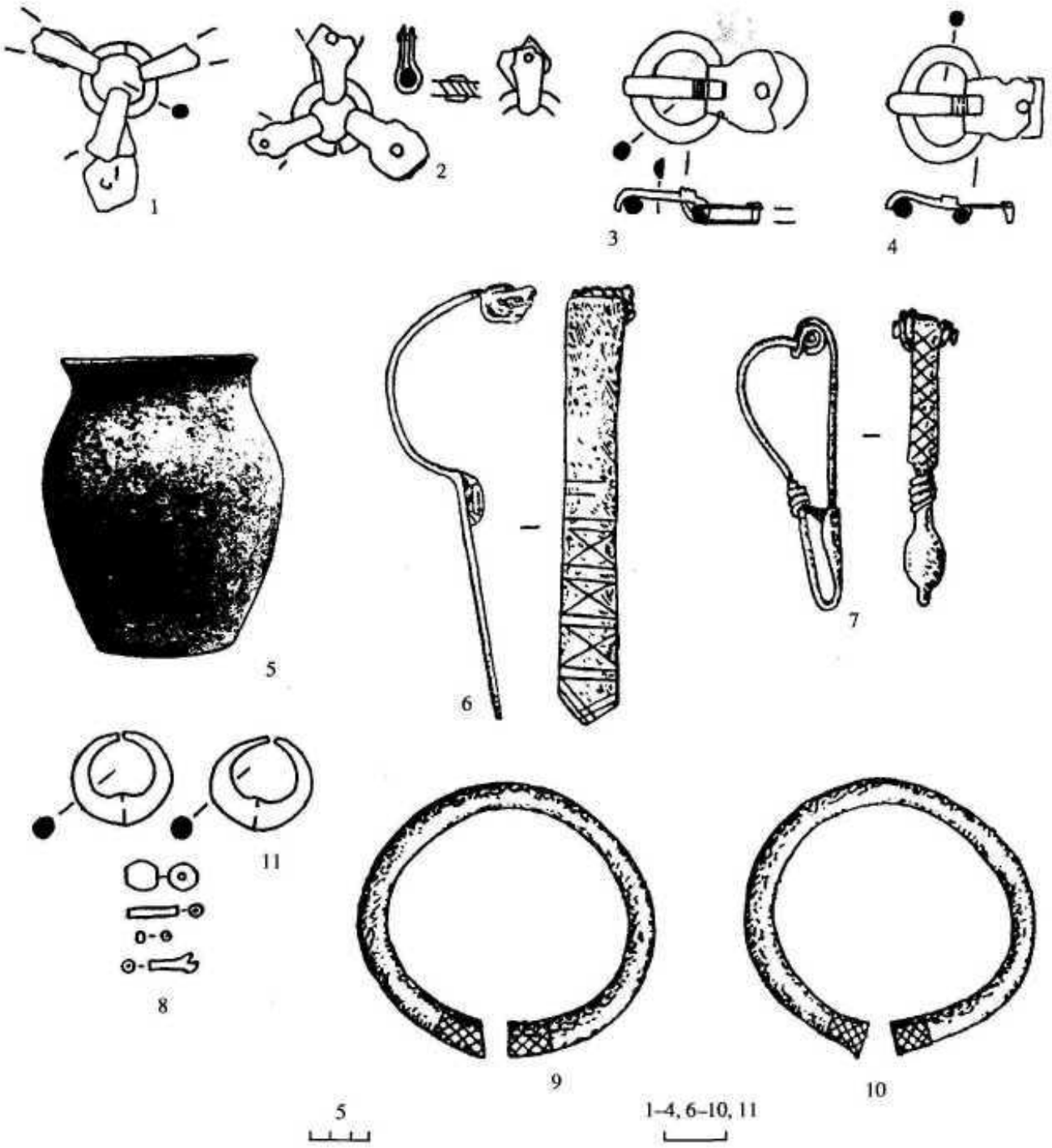
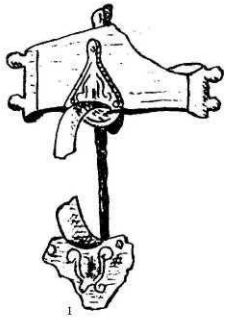
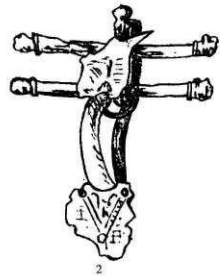

Рис. 94. Вещи погребений в Лихачевке и Любовке (по И.А. Зарецкому, В.Е. Радзиевской и Б.А. Шрамко)

1–5, 11 – Лихачевка, впускное погребение в курган 6; 6–10 – Любовка, погребение 2; 1–4, 6, 7, 9, 10 – бронза; 5 – лепной горшок; 11 – золото

1

2

3

4

5

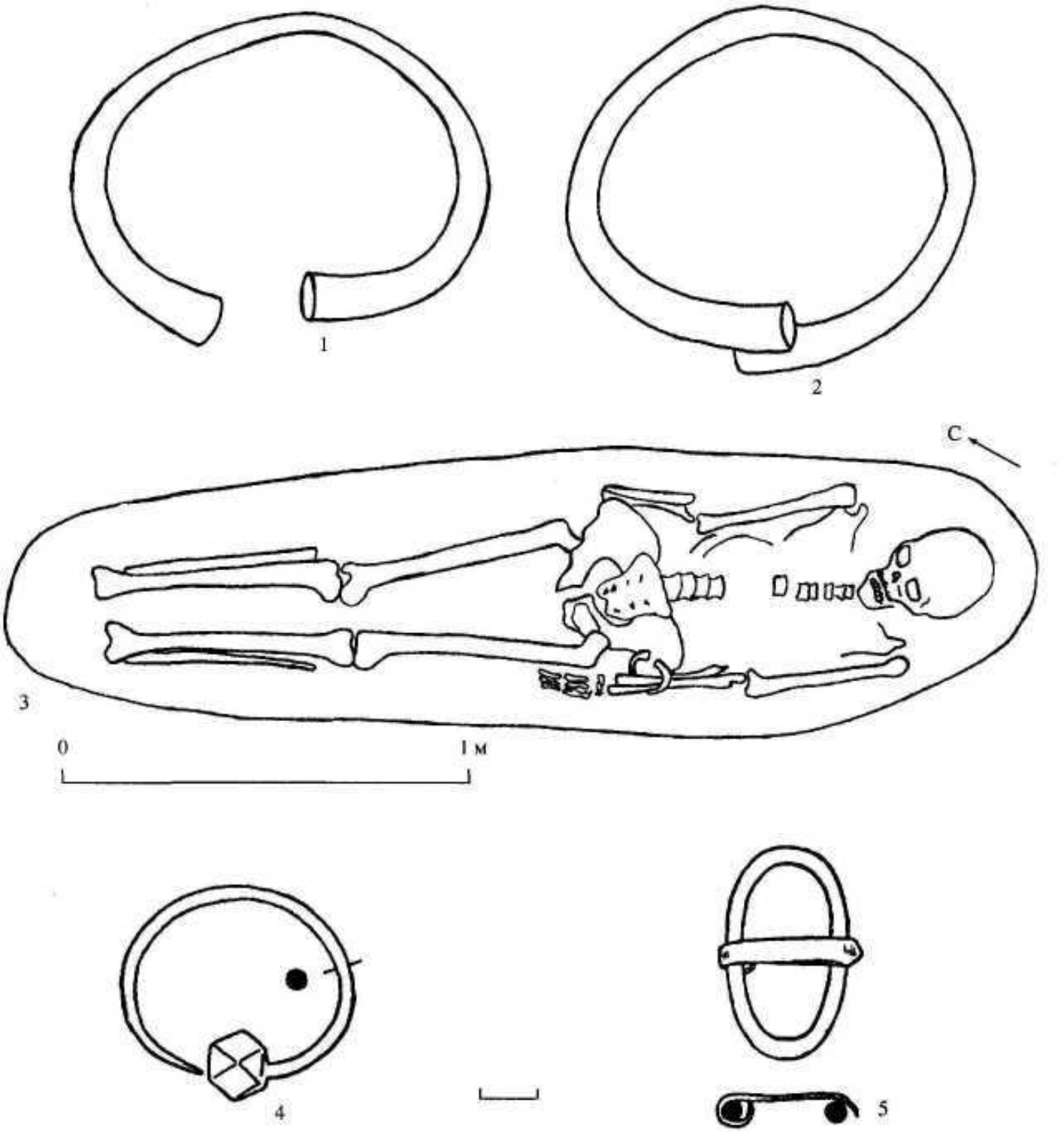

Рис. 95. Комплекс из Волобуевки (по Н.В. Сибилеву)
1, 2 – серебряные с золотыми накладками фибулы (фрагментированные); 3 – серебряный браслет; 4 – пронизи из двух трубочек (золотой и серебряной); 5 – стеклянные бусы

Рис. 96. Комплексы погребений в Максимовке и Сумах (Сад) (по И.П. Костюченко и А.Н. Некрасовой)
1 – Максимовка, погребение 2; 2 – Максимовка, погребение 1; 3 – Максимовка, план погребения 2; 4, 5 – Сумы (Сад), погребение 4;
1, 2, 4, 5 – бронза

SUMMARY

A.M. Oblomsky. The Left-Bank Forest-Steppe Area of the Dnieper River in the Late-Roman and Hun Periods

Introduction

In the middle of the 3rd to the first half of the 5th century, the boundaries of the forest-steppe region of the Dnieper Left-Bank area looked as shown in Fig. 1. That area not only comprises the forest-steppe itself of the Dnieper basin but also the basin of the Severskii-Donetz River (including the valley of the Oskol River) as well as the Poles'e[1] areas of the Desna and Seim rivers, in the North (Fig. 1).

For the history of the Dnieper Left-Bank area in the first half of the 1st century, the period of Goth Wars appears the most important chronological border. During that period, a Chernyakhov culture[2] occurred, which manifested a unique attempt of the barbarian civilization to make use of a late-antique experience and had a strong effect on the tribes of a Kiev culture. The Chernyakhov community formed to also cause the large-scale migration of populations. In the present monograph, we discuss the epoch that began with the occurrence of Chernyakhov-culture sites at the Dnieper-Left-Bank territory and ended when the populations of this archaeological community left for the Balkan, the Danube-River, or the Don-River areas. Topically, this time adjoins the time of *sharing the Chernyakhov' heritage*, i.e. of shearing this region of forest steppe by neighbor-to-Chernyakhov tribes.

Thus, the chronological limits of this book are generally the first half of the 3rd century and the first half of the 5th century.

The general purpose of this study is to reconstruct the ethnic processes typical of the Left-Bank area of the Dnieper River in the above-mentioned period.

This work stems from the study of archaeological collections, of archive documents (reports on the field investigations, museum descriptions), and of the published issues. Basically, the book operates with the data on 457 Chernyakhov-culture sites (of them, 54 were examined by excavation), on 167 Kiev-culture sites (51 were examined by excavations), and on 10 individual inhumations. The finds came from the Kiev, Chernigov, Sumy, Poltava, and Khar'kov regions of the Ukraine and the Belgorod and Kursk regions of Russia. As a ground dating scale, the periodic system of the Chernyakhov culture after E.L. Gorokhovskii was used.

Chapter 1
The forest-steppe region of the Dnieper Left-Bank area in the 1st–early 3rd century

In this section, the history of the forest steppe of the Dnieper Left-Bank area is sketched as regards a period before the Chernyakhov people entered the region.

Late-Zarubintsy[3] tribes appear in that Left-Bank area to result from the dramatic events of the middle–second half of the 1st century AD. Those events led to the extensive eastward and westward migrations of the populations of the Srednee Podneprov'e[4] and were defined as the *crisis* or *decay* of a Zarubintsy culture.

Late-Zarubintsy monuments mostly concentrate in three regions. In the Podesen'e[5], monuments of the Pochep type are widespread. The monuments of the Kartamyshevo-2 type are characteristic of the upper reaches of the Psel and Seim rivers, as well of the Vorskla and Orel' rivers. The monuments from the river basin of Severskii-Donetz demonstrate the Ternovka-2 type (Fig. 3).

The late-Zarubintsy materials were subdivided into culture-typological groups based first of all on the peculiarities of the ceramics set and of the house-building traditions (no burial grounds are known so far in the Dnieper Left-Bank area) (Figs. 4–10).

Judging from the dating items, the Pochep sites really existed in the 1st century AD, but their latest chrono-

logical limit is uncertain because the imported antique articles are dating too widely (Fig. 11).

The amphora material and the set of decoration items indicate that sites of the Kartamyshevo type approximately existed in the last half of the 1st to the end of the 2nd century. The sites of the Ternovka type are basically synchronous to those of the Kartamyshevo type.

Out of the Kartamyshevo- or Ternovka-type settlements, the earliest of the Dnieper-Left-bank-area decorations came; they involved engraved enamels of the East-Europe stile and attendant sheet-brass articles with chased ornaments (Fig. 12).

Plus to the late-Zarubintsy settlements, more sites are known in the Dnieper-Left-Bank area, such as late-Scythian town sites of Bititsa (by the Sumy) and Ratskoe (by the Kursk), the sites of the Yukhnov culture in the Podesen'e, and Sarmatian burial grounds. The latter eventually relate to the early-Roman period and are predominantly concentrated along the lower and middle waters of the Vorskla River.

Due to objective causes, the occurrence problem of the late-Zarubintsy sites remained developed insufficiently. In the 2nd century BC to early 1st century AD, that large area is known to involve three groups of sites belonging to the Zarubintsy type. In the Lower Podesen'e and Middle Podesen'e, the monuments of the Upper-Dnieper alternative of the Zarubintsy culture (defined as the Gorshkov-Chaplin type and named after the settlements of Desnyanka, Elovshchina, and Greblya) were examined. In the Middle Poseim'e[6], a unique group of settlements is localized, belonging to the Khar'evka type, whose material culture combines in itself the ancient signs peculiar to the Zarubintsy type of the Middle Podneprov'e[7] and to the Yastrof type of the Middle Europe. In the low waters of the Psel and Sula rivers, in the Middle Podneprov'e area, and by the Dnieper rapids, burial mounds are known (by the Verkhnyaya Manuilovka, D'yachenki, Lubny, Lozivok, and Kichkas), in which the burial places with a Zarubintsy-type inventory were discovered (Fig. 14).

With all obvious gaps in our knowledge, a feeling exists that, regarding its selection of plaster plates and dishes, none of the well-known groups of Zarubintsy sites from the Dnieper Left-Bank area can be immediately identified with the ancient staff of the early-Roman period. Those late-Zarubintsy items of the Dnieper Left-Bank area exhibit much greater similarity with the ancient things from the Middle Podneprov'e rather than with the native ones. A direct evidence also exists that the late-Zarubintsy populations propagated eastward from the Middle Podneprov'e (a settlement Beresovka-2 by the river of Vorsklitsa).

Besides the Middle-Dnieper populations, the tribes of other origin (of Yukhnov, in the Podesen'e, and of Pshevorsk, in the eastern part of the Dnieper Left-Bank area)[8] took parts in forming of the late-Zarubintsy ancient items.

In approximately the last half of the 2nd century, late-Zarubintsy sites of a new type emerged, so-called settlements of a Grini-Vovki[9] type (Fig. 15). As their prototypes, ancient places of a special Kisteni-Chechersk kind, typical of the eastern part of Belarus', appear between the late 3rd century – early 2nd century BC and the middle – third quarter of the 1st century AD.

A new stage in the history of Dnieper Left-Bank area began with the formation of the Kiev culture.

Two local variants of the Kiev-culture sites exist in the Dnieper Left-Bank area, viz., a Desna variant, its territory including the Lower and Middle Podesen'e as well as the Middle Poseim'e, and a Seim-Donetz variant. The latter involves the settlements and burial grounds located in the areas of the upper waters of the Seim, Psel, Vorskla, Severskii Donetz, and Oskol (Fig. 16). Special investigations showed the set of archaeological characteristics of the relatively early Kiev-type settlements to differ significantly from that of the Pochep-type settlements. The Kiev-culture sites of the Podesen'e are formed on the basis of the late-Zarubintsy traditions of the Kartamyshevo type, i.e., of the eastern part of the Dnieper Left-Bank area. Consider the set of vessels belonging to the inhabitance places and burial grounds of the Seim-Donetz variant of the Kiev-type culture dated to the early 3rd century or the first half of it. That set combines the elements of both the Kartamyshevo-type of the preceding epoch and the Ternovka type, localized in the basin of the Severskii-Donetz.

The ancient-village sites named Popovo-Lezhachi-4, Greblya, and Khotylevo-2 make the standard for the Desna variant and the sites of Shmyrevo, Shishino-5 and Prioskol'skoe-2, for the Seim-Donetz variant.

In the eastern part of the Dnieper Left-Bank area and in the basin of the Severskii-Donetz, four early Kiev-culture burial sites (named Kuliga, Prioskol'skoe-2, and Shmyrevo) were investigated, in which 24 graves, all cemetery type, were excavated. Two of them were the inhumation-type and the others, the cremation-type. All of the cremations were done away from the burial site (Figs. 17–22).

At the initial stage of existence of the Kiev culture, the population of the Dnieper Left-Bank area went on using articles of the engraved-enamels type.

The early monuments of the Kiev culture must be dated to between the end of the 2nd century and the middle – last half of the 3rd century. Such a view does not conflict with the dating items from the Shishino-5 and Popovo-Lezhachi-4 sites (Fig. 23).

Thus, until the Chernyakhov-culture carriers entered the Dnieper Left-Bank area, the Kiev tribes dominated at that area.

Chapter 2
The Dnieper Left-Bank forest-steppe region of the and the basin of the Severskii Donetz in the period of Chernyakhov culture

1. The late-Roman monuments in the Dnieper Left-Bank area (the basic problems of investigation; the historiography)

From the analysis of the historiography, one can see four tasks to matter at the current stage of the investigations into the Kiev culture.

Firstly, we have to verify the chronology of many monuments.

Secondly, it is urgent to outline not only the territorial but also the culture-typological groups of Kiev antiquities.

Thirdly, we still have to understand much relative to the origin and the future of the population that belonged to the Kiev culture of the Dnieper Left-Bank area. The future of people is unclear as regards the Seim-Donetz variant of the Kiev culture in the 5th century. General arguments were only advanced so far for a relationship between the people of the Kiev culture and those of the early-medieval Pen'kovka.

Fourthly, the question of relations between the people of Kiev and Chernyakhov cultures is to be specially investigated.

As for the problems of the Chernyakhov culture, it is most important to reveal its propagation northward, eastward, and southward, verify the chronological limits of the Chernyakhov antiquities of the Dnieper Left-Bank area and the basin of the Severskii-Donetz, and establish the ethnic structure of the Chernyakhov people.

2. The territories of archaeological cultures

The question about borders of the Chernyakhov culture in the Dnieper Left-Bank area is open for discussion.

In the above area, diritual burial grounds and ancient-village sites, in which a special kind of pottery things dominated, were investigated by excavation.

In the Dnieper Left-Bank area, the Chernyakhov monuments are typical of all the general river basins throughout the forest-steppe zone. The northern boundary of this territory outlines the southern edge of the river valleys of Desna and Seim by their lower and middle waters. Few ancient-village sites are known somewhat northward from Seim and eastward, by the river of Reut.

Further southward, the eastern boundary of the Chernyakhov region is passing by the valley of the river of Pena and then, approximately, by the river of Severskii Donetz.

The southern border of the Chernyakhov territory is rather diffuse. Arbitrarily, we can draw it as a line basically coinciding with the present boundary between the true-steppe and forest-steppe regions.

The already known ancient settlement sites of the Kiev culture of late-Roman period are concentrated in nine regions (from the Posul'ye to Oscol)[10]. Outside those regions, the Kiev sites are quite scarce.

The regions of Chernyakhov monuments and Kiev-culture settlements superimpose on one another. However, this superposition is not complete and only occurs in the region located westward from the Severskii Donetz, the upper waters of Psel, and the Middle Poseim'e (Fig. 1).

3. The landscapes and sizes of the settlements

The macroscopic analysis of the inhabitance sites showed the Kiev and Chernyakhov village sites of the Dnieper Left-Bank area to differ from one another in their basic characteristics.

1) The settlement sites of the two cultures differ in their landscape spectra.

2) To differ from the Kiev settlements, the Chernyakhov ones are firmly *fastened* to black-soil areas.

3) Though the sizes of a majority of settlements coincide, there may be small and very large Chernyakhov settlements. The Kiev settlements of the forest-steppe region are basically fairly small in their area.

4) The location regions of the sites of the two cultures only are partially coinciding.

5) In the forest steppe, the Kiev sites appear concentrated in several local regions. In the major part of the Chernyakhov territory, the sites do not make groups, divided by unoccupied land from one another.

The differences in landscapes, soils, and sizes of the settlement sites appear quite explicable as born by the differences in the ways of economy managing between the populations who left behind the sites of the Kiev and Chernyakhov cultures.

Nevertheless, as their territories only coincide partially, the local populations clearly preserved their special ethnographic features despite the eastward propagation of the Chernyakhov culture at least in the lands eastward from the Severskii-Donetz.

4. The plaster ceramics of the Seim-Donetz variant of the Kiev culture (Bukreevka-Tazovo type of sites)

At the beginning of this section, we study into and discuss the information sources relevant to the monuments debatably informed of. Consequently, we can pick out the standard materials that make it possible to reconstruct an archaeological complex.

The set of vessels peculiar to the late phase of the Seim-Donetz variant of the Kiev culture was reconstructed based on the closed associations composed as given in the Appendix. The general shapes of the vessels are shown in Figs. 26, 27, 29–33, 39–41, and 43–46. Typical of that set, deeply profiled round-side vessels are absolutely dominating; the presence of closed, jar-type and tulip-type vessels is essential, and the ribbed shapes are rare.

In the late settlement sites of the Seim-Donetz variant, the deeply profiled vessels are quite predominating (62 to 72%). The share of Chernyakhov-type pottery plates and dishes is relatively big in the areas of those sites (4 to 41%).

The sites of the Bukreevka-Tazovo type are formed based on the antiquities of the Seim-Donetz variant, a precursor of the Chernyakhov stage of the Kiev culture. Such a view appears true regarding that those sites have similar sets of vessels. Innovations were found in the complex of ceramics, whose occurrence is to be rationalized.

5. The plastic ceramics and the ethnic components of the Chernyakhov culture

As in the previous section, the materials of settlement sites and burial grounds are discussed first. Regarding the plaster ceramics and, partially, the burial rites, three ethnocultural components – German (Welbark-type), early Slav (Kiev-type), and Scythian-Sarmatian – are recognized in the complex of Chernyakhov antiquities. Belopol'e (Fig. 52), located in the Seim basin, makes a standard Chernyakhov-settlement site with the involved plaster ceramics of the Welbark type. A similar kind of plaster ceramics was found in a series of other sites and in grave 3 of the burial ground named Rodnoi Krai-1 near Kharkov (Fig. 49). Most obviously, the comb fragment with a runic inscription on it out of the Belgorodskaya region may be related to the same series of finds. The sets of plaster-ceramic plates and dishes out of the settlements of Bukreevka-2 and Boromlya-2 (a middle horizon) demonstrate the effect of the Welbark traditions on the ceramic complex of the Kiev culture (Figs. 34, 44, and 59).

Plastic ceramics with the shapes and proportions close to those of a ceramics discovered on the sites of the Kiev culture were found out in Chernyakhov settlement sites of Golovino-1, Peschanoe of the Sumy region, Velikii Bobrik, Myamron-2, and Khlopkov-1 (Figs. 47 and 51). In the burial grounds of the Dnieper Left-Bank area, the plaster ceramics of the Kiev tradition was only met in two places (grave 1 of the burial ground of Rodnoi Krai-1 and the so-called grave 5 of the burial ground of Uspenka).

A Scythian-Sarmatian tradition is primarily recognized through its burial rite. Inhumations to the pits with undercuts or with special ledge-shoulders to support ceilings appear the most typical elements of that *steppe-kind* rite in the Chernyakhov burial grounds of the Dnieper Left-Bank area. Special undercuts are known, aimed at placing the inventory in them. The *steppe* parallels follow the rite of deforming a scull, writhed positioning of a corpse (legs tucked under as an alternative), and giving remains of the parting meat food with a knife joined. In the Dnieper Left-Bank area, the burial ground of Boromlya-1 exhibits the *greatest concentration* of the things, involved in a burial rite, going back to the Scythian-Sarmatian traditions. Moreover, the burials, which involve the above-mentioned elements, are also known from the burial grounds of Pereyaslav-Khmel'nitskii, Sosnova, Lokhvitsa, Uspenka, and Kantemirovka (a soil necropolis) (Figs. 53–55).

The materials of Scythian-Sarmatian tradition may be related to as regards the plaster ceramics from the village sites of Snagost'-2, Khokhlovo-2, Gochevo-3 and 4, and Kantemirovka (Figs. 28 and 56–58).

Mapping of all these ethnocultural traditions indicates that neither the Dnieper Left-Bank area nor the Severskii-Donetz basin involves a territory where one of those kinds of antiquities would predominate. The sites are arranged in alternating bands (Fig. 60).

6. The dwellings and the household buildings

The constructions of the late-Roman period in the Dnieper Left-Bank area are sheared between two groups, viz., the surface and the deepened groups. The surface constructions with the terre-pise walls of the frame-wattle construction were only examined in Chernyakhov settlement sites.

In their layouts, the half-dugouts appear extremely diverse. In this section, their classification is given, which takes into account the plane projections of a building, the parts of wall and roof constructions (existence and location of the pillar pits), and the kind of floor (flat or uneven – with steps, *lie-on*-ledges, cool-cellar pits, *etc.*). In total, 88 deepened constructions of the Chernyakhov and Kiev cultures were analyzed.

In the settlement sites of both cultures rectangular half-dugouts predominate. The buildings with cool-cellars projecting outside the ground-pit edge and one side semicircular (*apsidal*), are known both in the Chernyakhov and Kiev sites. Long *lie-on* ledges dug out in the main ground are peculiar to the Chernyakhov constructions.

The constructions with the oval-shaped foundation pits are much less frequent than the rectangular ones are. The oval-shaped half-dugouts equipped with heating structures and a sole round dugout were only investigated in the Kiev village-sites so far (Figs. 61–65).

In the deepened constructions of both the Kiev and Chernyakhov cultures, they made open-type hearths. The fireplace-type oven appears a heating device specific for the Kiev culture (Fig. 66). The half-dugouts equipped with such heating devices would propagate later, at the stage of Chernyakhov influence on the Kiev

culture. Prikarpat'e[11] and Volyn' are the only territory known to have such half-dugouts in the times that antedated the Chernyakhov period.

Special plots helped to reveal that a strictly standard foundation-pit area is typical of the Kiev half-dugouts. Regarding that attribute, one can rather clearly divide those half-dugouts into four groups – of 4 to 8, 9 to 10, 13 to 18, and 19 to 23.2 square meters. Basically, the heating structures were found in the third and fourth groups of buildings to show that the latter mostly belonged to the dwelling type.

For the Chernyakhov culture, three types of the half-dugouts – 3 to 5, 7 to 11, 14 to 20, and over 22 square meters in the area – can be distinguished; these groups only partially coincide with those of the Kiev culture. Here, the hearth-equipped constructions appear quite diverse in size (4.3 to 37.5 square meters). Thus, no universal dimensional criterion exists to indicate whether a Chernyakhov half-dugout belongs to the dwelling category.

In general, the house-building activity in the later settlements of the Seim-Donetz variant of the Kiev culture continues the domestic traditions of the preceding epoch. As the new features, the fireplace-type ovens and frame structure of terre-pisé walls in some of the buildings become typical. In the village sites of the Kiev culture they begin using clay daubs to response the influence of the Chernyakhov ways of house building. The buildings equipped with the fireplace-type ovens are concentrated in the east Dnieper-Left-Bank area and in the Severskii-Donetz basin to indicate that some groups of people from the Karpathian regions took part in forming of the sites of the Bukreevka-Tazovo type.

The Kiev and Chernyakhov buildings are mostly similar to one another in their shapes and layouts, which confirms the view that Kiev people were involved in the formation of the Chernyakhov culture of the Dnieper Left-Bank area. Nevertheless, the house-building traditions of these cultures are somewhat different. They are different because the Chernyakhov society has a complicated ethnical structure; hence, it experiences integration of the ways of building brought in by the groups of people of different origin. Here, the Kiev component only was one of several.

Numerous buildings in the Dnieper Left-Bank area of forest steppe were ruined in fires. The fire-born layers of the late-Roman time are believed to occur with a Hun invasion. The archaeological complexes were overviewed to demonstrate that buildings of the Dnieper Left-Bank area burned all through the late-Roman time and not only at the final stage of the Chernyakhov culture.

7. The Chronology

The late stage of the Seim-Donetz variant of the Kiev culture was distinguished by the propagation of the Chernyakhov import to Kiev sites. This process begins with the period of using fibulas of Group-VII, according to O. Almgren, three-layer combs with the semicircular back, *Tanais*-type amphorae of the D type, and with the early stage of using *Inkerman*-type amphorae, according to the D.B. Shelov's classification. This staff comes from the sites of Boromlya-2 and Gochevo-3 (Kiev horizons), Bukreevka-2, and Rodnoi Krai-3. Quite frequently, these things come from the same well-documented complexes (Figs. 27, 32, 33, 43, and 45). So far, the earliest of the dating things relevant to the *Chernyakhov cultural context* from the Left-Bank area were only revealed in settlement sites. (Those things are the fragment of the type-D and F amphorae, a copper Tiara coin dated to 238–253, the Group-VII fibula from Golovino-1, and a similar fibula from Novoselovka of the Kurskaya region. Another items are the fragments of *Tanais*-type amphorae from Peschanoe and Radutskovka, a sagged tie-fibula of the A2 variant, after E.L. Gorokhovskii, from Khokhlovo-2, and a comb with the semicircular back from Khlopkov (Figs. 47, 48, 51, 57, and 68)). According to the time periods after E.L. Gorokhovskii, those things make the chronological indices of the first phase of the Chernyakhov culture (230–270), though some of them are older. Therefore, Chernyakhov people appeared in the territory of the Dnieper Left-Bank area quite early, already at the first phase of that culture. In the early complexes with the Chernyakhov items, the Inkerman-type amphorae, whose occurrence is traditionally dated to the end of the 3rd century, are indicative of rather the end than the beginning of the above phase. The sites with the early Chernyakhov items do not concentrate in the regions close to the Dnieper, but are disseminated all over the Left-Bank area. In so doing, the most distant eastern sites (Golovino-1 and Khokhlovo-2) belong to the Severskii-Donetz basin, i.e., near the eastern border of the Chernyakhov culture (Fig. 69).

Then, we discuss the chronological data on the reference complexes of every particular ethnocultural component of the Chernyakhov community.

The earliest signs of the Welbark influence may be identified with the contents of the village site Bukreevka-2 (second half of the 3rd to the early 4th century) and of the middle horizon of the Boromlya-2 site (beginning from the end of the 3rd century). The latest complex, with a plaster vessel (burnished biconical jar) of the Welbark origin, comes from burial place 3 of the burial ground of Rodnoi Krai-1 (second half of the 4th century).

The settlements of Golovino-1 and Peschanoe (occur at the early stage of the Chernyakhov culture) belong to the number of the earliest sites of the Kiev tradition. The settlements of Velikii Bobrik (the late 3rd–4th century) and Mamroi-2 (second third of the 4th to early 5th century) are dated to a later time. Some things from the village site of Khlopkov-1 are related the Hun time.

When dating the burial places with the Scythian-Sarmatian elements of the burial rite, following graves were selected as the reference ones:

• Gr. 33 (first half to the middle of the 4th cent.) and 2 (second half of the 4th cent.) from the burial ground of Boromlya-1;

• Gr. 5 (second half of the 4th cent.), 4 (second half of the 4th to early 5th cent.), and 30 (second third of the 4th to early 5th cent.), of Pereyaslav-Chmel'nitskii-1;

• Gr. 1308 and 1655–1656, of Uspenka (the last quarter of the 4th to the early 5th cent.); and

• Gr. 14, of Rodnoi Krai-1 (second half of the 4th to the early 5th cent.).

One cannot exclude that a population of the Scythian-Sarmatian origin even comes earlier to the Dnieper Left-Bank area, e.g., in the second half to the late 3rd century. Of this chance, the A2 fibula from the settlement of Khokhlovo-2 is indicative.

Having considered all the available data, one should admit that, basically, the three ethnocultural traditions existed synchronously.

The sites of the Seim-Donetz variant of the Kiev culture are dated the period of Chernyakhov influence, i.e., from the first half of the 3rd to the second half of the 4th cent. (Tazovo). Those sites existed in parallel with the Chernyakhov ones up to the Hun time.

Chapter 3
The Dnieper Left-Bank area in the Hun time

1. On the relations between the populations of the Podesen'e-Poseim'e and of the forest-steppe areas

The data directly informing on the formation time of the northern boundary of the Chernyakhov culture are scarce so far. Judging from the excavated sites of the Nizhnee and Srednee Poseim'e, the Chernyakhov population definitely inhabited those sites in the second half of the 4th century and in the Hun period.

In the territory of Nizhnee and Srednee Poseim'e and of the Nizhnee and Srednee Podesen'e the sites of the Desna variant of the Kiev culture are quite typical in the late-Roman time.

In the Podesen'e, the sites of the second stage of the Kiev culture (in the second half of the 3rd and the first half of the 4th cent.) are synchronous with the Chernyakov culture at its early and middle phases of existence. In that time, integration of the Kiev and Chernyakhov cultures develops at full speed in the forest steppe of the Middle Podneprov'e and of the Dnieper Left-Bank area. Against that background, the culture of the Podesen'e people and Srednee-Poseim'e people looks much more conservative. In the second stage of this culture, its sites are essentially free of the pottery ceramics and old tools persist here; judging from the decoration items, the people relations are oriented not towards the Chernyakhov South but towards the Pshevorsk-Welbark West, the North-West, and the Baltic area. Chernyakhov sites do not propagate northward from the Seim.

But what is the reason for the Desna people of the Kiev culture to keep isolated? To answer this question, we discuss the Desna sites of the third chronological stage, i.e. the stage of Chernyakhov influence (last half of the 4th and the first half of the 5th cent.).

Regarding the structure of their complexes of ceramics and the vessel proportions, those sites are divided into two groups. The first group comprises the sites of Peresypki-1, Chaplishchi-3, Vybli, Kiselevka-2, and Ul'yanovka, where the jar-like flasks prevail, the second place basically belongs to the tulip-like vessels, and the third, fourth, and fifth places, to the jar shapes and ribbed flasks (Figs. 73–75).

The second group comprises the settlement sites of Roishche and Aleksandrovka-1 (Figs. 76–81). In these monuments, the fraction of ribbed shapes is extremely big (43%, including the discs, in the site of Roishche and 33% of Aleksandrovka). The same pattern is likely regarding the vessel proportions.

These differences all indicate that the sites like Ul'yanovka and Roishche have different origins. The set of vessels from the Ul'yanovka type has prototypes in the sites belonging to the foregoing, second, stage of the Kiev culture in the Podesen'e. The complex of ceramics from the sites of Roishche and Aleksandrovka is close to the Kiev complex from the Middle Podneprov'e (Obukhov-2, 3, and 7 and Veshenki) and to the plaster ceramics from the Chernyakhov settlements with their Kiev tradition of the forest steppe (Khlopkov, etc.). Besides, some of the house-building traditions have southern analogs.

Thus, the communities that lived in the sites of Aleksandrovka and Roishche consisted, to some extent, of the comers from the southern area, i.e., from the regions, in which the population of the Kiev culture was significantly affected by the Chernyakhov culture. And it was those people who conducted the Chernyakhov influence on the Desna-Seim tribes.

The weak influence of Chernyakhov traditions on the material culture of the ancient sites like Ul'yanovka and the relatively "stiff" northern boundary of the propagation of Chernyakhov sites both indicate that the tribes of Desna variant of the Kiev culture were at enmity with the Chernyakhov-culture people. The same reasons seem to explain why the population of Desna-Middle-Seim region was isolated from the Chernyakhov people of forest steppe at least up to the middle 4th century.

2. Population of the Kiev-culture of the woods region penetrates to the forest steppe. Formation of the Kolochin culture

In the area of Chernyakhov settlements and burial grounds as well as of the sites of the Seim-Donetz variant of the Kiev culture, six village sites attract attention (Kamenevo-2, Peschanoe, Komarovka, Besedovka, Kurgan-Asak, and Sencha). Judging from the section of the shapes of plates and dishes and from the structure of the ceramic complex, those sites appear an outlandish phenomenon with respect to the Dnieper Left-Bank region of forest steppe (Figs. 82–87). Most of all, they are close to the ancient sites of Ul'yanovka type of the Podesen'e region. Those sites give evidence that the population of the Desna variant of the Kiev culture penetrate to the forest-steppe region (Fig. 72).

In all of the six settlement sites, imported Chernyakhov items were found out in, however, quite small amounts.

The set of chronological indicators (two fibulae with trowel-like knives and buckles of E.L. Gorokhovskii's series Д and З combined with a Chernyakhov pottery ceramics) is dating the settlement of Kamenevo-2 to between the last half or third quarter of the 4th and the first half of the 5th century.

In dwelling 1 of the village site of Peschanoe, an iron three-blade shaft-type arrowhead, belonging to the type 3 of the "v" variant after I.P. Zasetskaya, was found out. An arrowhead of the same kind was found out in the settlement of Sencha. An early Hun period is the most likely time for the penetration of the Desna people to the forest-steppe area.

The monuments of Kiev culture make prototypes for an early medieval archaeological culture of Kolochin. Hence, the southern boundary of their penetration in general coincides with the boundary of a region occupied by the Kolochin settlements and burial grounds of the forest-steppe zone. The territories of Dnieper Left-Bank and Srednee Podneprov'e have five trustworthy early village sites of the Kolochin culture (lower horizon of Gaponovo and later horizon of Khodosovka-Dibrova, Krasnoe-4, Litvinovichi-3, and Zayar'e). Like the late Kiev monuments, these monument sites involve imported articles of the Chernyakhov culture. Judging from the proportions between the chronological indicators of late Kiev and early Kolochin settlements (fibula from Khodosovka and buckle from Krasnoe-4), the latter appeared in the second quarter to the middle of the 5th cent.

3. On the formation time of the Pen'kovka culture

E.A. Goryunov, O.M. Prikhodnyuk, and P.V. Terpilovskii compared the general features of archaeological cultures and quite convincingly demonstrated that, of its foregoers, the Pen'kovka culture was most close to the Kiev culture and rather strongly different from the Chernyakhov culture. Nevertheless, the most sharp discussions begin when trying to reveal definite archaeological prototypes of the Pen'kovka culture among the antiquities of the Kiev type.

It is difficult to analyze early Pen'kovka sites because those reliably relevant to the end of the Roman time are quite scarce. In the Dnieper Left-Bank area the complexes of that period are only established certainly in two settlements, of Khintsy and Ryabovka-3.

Suppose that we arrange all the likely prototypes of the Pen'kovka culture, known from literature, according to the closeness degree of their ceramics to the *specific core* of the culture. Then we find that the village-site materials of the early Pen'kovka are most similar to the materials of the late settlement sites of Srednee Podneprov'e and of the Chernyakhov sites of the Kiev tradition. To a far less extent, the set of Pen'kovka vessels resembles the ceramics items from Roishche and Aleksandrovka and the materials from Seim-Donots settlements of the Kiev culture in the period of Chernyakhov influence.

All the cultural-typological groups typical of the late-Roman period, whose ceramics staff in a way resembled that of the early Pen'kovka, belonged to the populations very close in ethnical terms. They all represent a variety of traditions peculiar to the Kiev tribes of the forest-steppe zone, who experienced strong Chernyakhov influence.

Neglecting the involvement of the Kiev people of a forest zone (most likely, the Desna zone), one cannot explain how the Pen'kovka culture formed. Indeed, vessel shapes of a certain group here have the northern analogs.

All of the most early Pen'kovka settlements of the Srednee Podneprov'e and of the Dnieper Left-Bank area had a pottery ceramics together with the other typically Chernyakhov things. The early dating things from the Pen'kovka sites (fibula from Kun'a and buckle from Bol'shaya Andrusovka) were dated to the 5th century or to somewhat broader period (Fig. 89).

At any rate, in the last quarter of the 4th to the first third of the 5th century, all of the most likely prototypes of the Pen'kovka culture still existed. In the Pen'kovka area Chernyakhov people persisted in the D1 period.

Regarding all those data, one can relate the most likely time in that the Pen'kovka community formed to within the second quarter – the middle of the 5th century.

4. On the ethnic components and the formation time of the culture of early-medieval inhumations

For the 7th century, a series of graves is known in the southern part of the East-Europe forest steppe.

which conformed to the inhumation rite. Those burials typically exhibited a mixture of traditions peculiar to at least two ethnical components. The first component was a nomadic one and the second, presented by a set of decorations, primarily a women's-type, specific for the forest-steppe populations and foreign to the nomadic traditions.

Of the complexes belonging to the Hun time, the burial mounds in the site of Kantemirovka (last quarter of the 4th to the first third of the 5th centuries) follow the steppe traditions (Figs. 91 and 92). In the steppe portion of the Severskii-Donetz basin analogous burial places are known, a grave in mound 6 (by the Vorontsovka village of the Khar'kovskaya region) and grave 1 in the burial mound 1 by the Mospinskaya mine of the Donetskaya region (Fig. 93).

A set of things akin to the stock from the Mospinskaya set comes from the site of Yaremenki (Orlik), Poltava region (with a sword, a dagger, a fibula, three buckles, and a jar or amphora). E.L. Gorokhovskii dates this set to the D2 period. Most likely, all of the above-listed burial places belonged to the Alans.

Early medieval Turkic traditions are characteristic of a grave in mound 6 by the village of Likhachevka in the low waters of the Merla River (the second half of the 5th – early 6th century) (Fig. 94).

The other constituent of the *culture of forest-steppe inhumations* is represented by women graves, their stock involving two fibulas each. Paired buckles are placed at the shoulders, which is traditionally believed to be a typical accessory to a German dress. To this category, we can relate the burial places in the sites of Lyubovka and Volobuevka (the last half/end of the 5th to the early 5th cent.) (Figs. 94 and 95).

A set of splendid items is well known, which comprises articles made of gold, silver, and gilded bronze. Those articles came from the two *prince's* graves of the central-Europe type and were detected accidentally near the village of Bol'shoi Kamenets, by the town of Sudzha.

Thus, the *inhumation culture* of the 5th to 6th centuries is formed of at least two components that differ in their origins. The first is a nomadic component (late-Sarmatian), also belonging to the Turkic type. That woman's dress, belonging to the second tradition, primarily differs from the steppe alternative by a custom to wear two fibulas on the shoulders. Such a custom was extremely popular among the Chernyakhov tribes. Therefore, we cannot disregard the chance that some groups of the Chernyakhov populations, which did not move to the West, run in the *inhumation culture* and remained in the Podneprov'e. The occurrence of this component can also be interpreted in other way. Next to the rout of the Hun Power, a part of its subjects returned to their own preliminary places in the Podneprov'e and settled down amongst the Ants, who occupied the Chernyakhov territory.

Conclusion: The general pattern of the ethnic processes in the territory of Dnieper Left-Bank area in the late-Roman and Hun times

In the 3rd to 5th centuries, the historical process in the territory of the Dnieper Left-Bank area passed three stages. In the first stage (the middle of the 3rd to second half of the 4th cent.), the carriers of the Chernyakhov culture would come to the regions eastward from the Dnieper River. Here, they enter into contacts with the local tribes of the Kiev culture (the last half of the 3rd cent.). The latter, as special ethnohystorical total, is formed somewhat earlier, at the border between the 2nd and 3rd centuries or early in the 3rd century. At the first stage, the territory of the Dnieper-Left-Bank area was not inhabited entirely. The new-comers first developed supporting districts, which later became colonization bases. The propagation process of the Chernyakhov culture to the territory of the Dnieper Left-Bank area was not at all peaceful. Such views are confirmed by numerous burned-down buildings, investigated both in the Chernyakhov and Kiev settlements.

In the 4th century, the Dnieper Left-Bank area was divided into three ethnocultural zones. The central and the western forest-steppe parts of that area belong to the Chernyakhov sites. The Desninskoe Poles'e and Seiminskoe Poles'e show the Desna variant of the Kiev culture. And the forest-steppe regions of the eastern part of the Dnieper Left-Bank area as well as the watershed region between the Dnieper and Don Rivers involve the Kiev settlements of the Seim-Donetz type.

The second-stage period continued from the end of the 4th to the first decades of the 5th century. When this stage began, i.e., in the last quarter of the 4th century, Huns appear in the steppe area of Prichernomor'e and routed the Hermanarich's troops. Consequently the formed stability was violated. In the territory of the Seim-Donetz variant of the Kiev culture and in the region where Chernyakhov sites prevailed, Kiev settlements of the Desna type (monuments typical of the Ul'yanovka site) appear, which signifies the penetration of the northern people to the southern lands. In parallel, some groups of tribes move northward from the region of Chernyakhov contacts, i.e., of a southern origin. One can also see grouped steppe Alans to enter the southern part of the Chernyakhov area (site of Kantemirovka). In some early 5th century, maybe, in its first third, the major part of the Chernyakhov population leaves the Dnieper Left-Bank area.

At the next stage, which begins within the second quarter to the middle of the 5th century, a new ethnopolitical system was formed. The latter then existed during the entire early-medieval time and only ceased by the late 7th century. This stage comprises the existence periods of three new archaeological cultures, the Kolochin culture, the Pen'kovka culture, and the least investigated *early-medieval inhumation* culture.

We can connect the general flows of migrating populations to some events known from written sources. The propagation period of the Chernyakhov people eastward up to the Severskii-Donetz in the last half of the 3rd century coincides with the epoch of the so-called Goth or Scythe wars of 30–70th years of the 3rd century. The colonization events of the Dnieper Left-Bank area by the Chernyakhov people seem to be reproduced in the story by Iordan about the Hermanaricus eastern campaign to conquer the Venets. The general migrations in the late 4th till the first half of the 5th century were caused by the Hun invasion. Consequently, the Goths' political union decomposed and the land, which it occupied, became the subject of interest for the neighbors.

[1] The Russian name of the wooded territory (*Transl.*).
[2] Named after the town of Chernyakhov.
[3] Named after the living area of Zarubintsy.
[4] The name of the middle-waters area of the Dnieper (*Transl.*).
[5] Named after and adjoining the Desna river.
[6] The area named after and adjoining the Seim river.
[7] The same ([1]) regarding the Dnieper river.
[8] Yukhnov and Pshevorsk are both the names of towns.
[9] Grini and Vovki, the village names.
[10] The regions named as adjoining to the rivers of Sula and Oskol, respectively.
[11] The territory is adjoining the Karpathian Mountains. (*Transl.*).

Translated by Yuri Liberov

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 5

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ДНЕПРОВСКОЕ ЛЕСОСТЕПНОЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ В I – НАЧАЛЕ III ВЕКА 10

ГЛАВА ВТОРАЯ. ДНЕПРОВСКОЕ ЛЕСОСТЕПНОЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ И БАССЕЙН СЕВЕРСКОГО ДОНЦА В ЧЕРНЯХОВСКИЙ ПЕРИОД 21

1. Памятники позднеримского времени на Днепровском Левобережье (основные проблемы изучения, историография) 21

2. Территории археологических культур 28

3. Ландшафты и размеры поселений 30

4. Лепная керамика сейминско-донецкого варианта киевской культуры (памятников типа Букреевки-Тазово) 32

5. Лепная керамика и этнические компоненты черняховской культуры .. 40

6. Жилища и хозяйственные постройки 50

7. Хронология 56

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ДНЕПРОВСКОЕ ЛЕСОСТЕПНОЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ В ГУННСКОЕ ВРЕМЯ 61

1. О взаимоотношениях населения Подесенья–Посеймья и лесостепной зоны 61

2. Проникновение населения киевской культуры лесной зоны в лесостепь. Образование колочинской культуры 69

3. О времени формирования пеньковской культуры 75

4. Об этнических компонентах и времени сложения культуры ранне-средневековых ингумаций 80

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ОБЩАЯ КАРТИНА ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ТЕРРИТОРИИ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ В ПОЗДНЕРИМСКОЕ И ГУННСКОЕ ВРЕМЯ 87

1. Первая стадия (середина III – вторая половина IV в.) 87

2. Вторая стадия (гуннское время) 89

3. Третья стадия (начало средневековья) 91

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ 94

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 106

ПРИЛОЖЕНИЕ 107

ИЛЛЮСТРАЦИИ 151

SUMMARY 246

Научное издание

Обломский Андрей Михайлович

ДНЕПРОВСКОЕ ЛЕСОСТЕПНОЕ ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ В ПОЗДНЕРИМСКОЕ И ГУННСКОЕ ВРЕМЯ

(СЕРЕДИНА III – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА V в. н.э.)

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. ПЕТРОВА*
Редактор *Л.В. АБРАМОВА*
Художник *В.Ю. ЯКОВЛЕВ*
Художественный редактор *Т.В. БОЛОТИНА*
Технический редактор *О.В. АРЕДОВА*
Корректоры *З.Д. АЛЕКСЕЕВА, Г.В. ДУБОВИЦКАЯ*

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 01.07.2002
Формат 60 × 90 1/8. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 32,0. Усл.кр.-отт. 33,0. Уч.-изд.л. 32,4
Тираж 500 экз. Тип зак. 3634

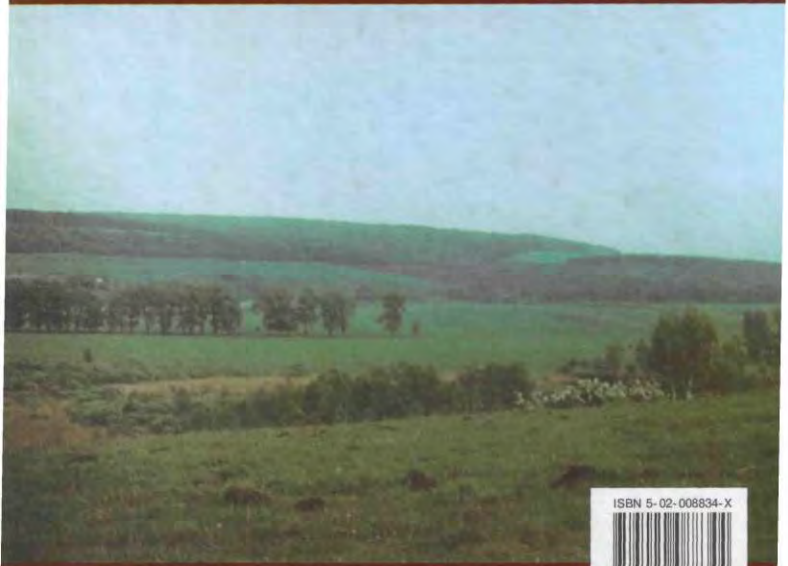
Издательство "Наука"
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

Андрей Михайлович ОБЛОМСКИЙ – старший научный сотрудник, доктор исторических наук. В 1979 г. закончил исторический факультет МГУ, в 1982 г. – аспирантуру Института археологии АН СССР. Работает в Институте археологии РАН с 1983 г. Основные научные интересы: славянский этногенез, реконструкция этнических процессов в конце I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. на территории Восточной Европы. Археологические экспедиции с 1975 г. по настоящее время – центральные и южные регионы России, Украина, Северное Причерноморье, Таджикистан, Польша; 1982–1983 гг. – начальник разведывательного отряда Новгород-Северской экспедиции Института археологии, с 1984 г. по настоящее время – начальник Раннеславянской экспедиции Института археологии.

Автор более 70 научных работ.

ISBN 5-02-008834-X

«НАУКА»